СТИВЕН БАКСТЕР

Кораблі времени

Корабли времени
Стивен Бакстер

Аннотация
Стивен Бакстер. Корабли времени
ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЯ
ПРОЛОГ
Книга первая. ТЕМНАЯ НОЧЬ
1. Путешествие во времени
2. Новый вид
3. Во мраке
4. Темная ночь
5. Колодец
6. Моя встреча с морлоками
7. Клетка света
8. Гость
9. Откровения и возражения
10. Разговор с морлоком
11. Из клетки
12. Морлоки сферы
13. Как жили морлоки
14. Построенное и разрушенное
15. Жизнь и смерть среди морлоков
16. Решение и отправление
17. Во внутреннем мире

18. Новые элои
19. Как я преодолевал межпланетное пространство
20. Рассказ о далеком будущем
21. Ричмонд-хилл
22. Повороты и обманы
Книга вторая. ПАРАДОКС
1. Аргонавты времени
2. Дома
3. Моисей
4. Эксперимент
5. Искренность и сомнение
6. Вера и скепсис
7. Джаггернаут лорда Рэглана
8. Возобновление старого знакомства
9. В глубь времен
Книга третья. ВОЙНА С ГЕРМАНЦАМИ
1. Новый вид Ричмонда
2. Путешествие на поезде
3. Лондон в военное время
4. Дом на террасе ворот королевы
5. Множественные мировые интерпретации
6. Гайд-парк
7. «Бормоталка»
8. Верховья будущего
9. Имперский колледж

10. Профессор Гедель
11. Новый мировой порядок
12. Германцы штурмуют Лондон
13. Артобстрел
14. Ротационная мина
15. Времямобиль
16. Падение во время
17. Наблюдатель
Книга четвертая. МОРЕ ПАЛЕОЦЕНА
1. Диатрима гигантика
2. Море палеоцена
3. Как мы жили
4. Болезнь и выздоровление
5. Шторм
6. Сердце и тело
7. Пристикампус
8. Лагерь
9. Экспедиционные силы времени
10. Видение
11. Бомба
12. Мир после бомбы
13. Что рассказала Бонд
14. Выжившие
15. Новая колония
16. Основание первого Лондона
17. Дети и потомки

18. Праздник и после него
19. Огни небесные
20. Город на орбите
21. Состояния нестабильности колебания
22. Убытие и прибытие
Книга пятая. БЕЛАЯ ЗЕМЛЯ
1. Заключение
2. Эксперименты и отражения
3. Универсальный конструктор
4. Бильярдная
5. Белая земля
6. Генератор множественности
7. Механические наследники человека
8. Предложение
9. Размышления перед выбором
10. Сборы в дорогу
11. Время, вперед!
12. Корабль
Книга шестая. КОРАБЛИ ВРЕМЕНИ
1. Отплытие
2. Разгадка Земли
3. Границы пространства и времени
4. Нелинеарные двигатели
5. Последнее видение
6. Торжество разума
7. Выход

8. Круг замкнулся
Книга седьмая. ДЕНЬ 292495940-Й
1. Долина Темзы
2. Прогулка
3. Во тьме
ЭПИЛОГ

Аннотация

«Машина времени» Герберта Уэллса. Ее продолжение пытались написать не однажды — серьезно, иронично, поэтично — и знаменитые, и начинающие фантасты.

Однако «Корабли времени» Стивена Бакстера, сочетающие в себе удивительно бережное отношение к оригиналу Уэллса и напряженный, мощный, совершенно оригинальный сюжет, резко выделяются на общем фоне — и поистине потрясают своей масштабностью.

Путешествие от начала времен к концу Вселенной и обратно начинается!

Стивен Бакстер
Корабли времени

Моей жене Сандре
и памяти Г.Д.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Нижеследующий материал был передан мне в Лондоне, владельцем небольшой букинистической лавки, расположенной на Черинг-Кросс. Он сказал, что нашел эту рукопись в коробке без надписи, среди коллекции книг, завещанной ему другом. Книжный жучок посчитал рукопись презанятной («Может, у вас что-нибудь из нее получится») — зная о моем увлечении научной беллетристикой эпохи девятнадцатого века.

Это была машинопись, отпечатанная на самой обыкновенной бумаге, но пометки карандашом свидетельствовали, что предо мной перепечатка уже давно разложившегося от времени рукописного текста. Оригинал, если он вообще существовал, был навсегда утрачен. Автор манускрипта, а также источник его происхождения терялись в безвестности.

Я лишь слегка отредактировал текст, ограничившись самой поверхностной «полировкой», выразившейся в устранении случайных описок и повторов (видимо, все писалось в спешке).

Как к этому отнестись? Как к мистификации,

пророчеству или просто беллетристике, созданной на утеху воображению? Говоря словами Путешественника во Времени, мы должны «принять это либо как обман — или как пророчество… Принимая во внимание, что и меня не оставляли постоянные размышления над судьбами нашей расы…» Итак, давайте отнесемся к этому как к красочной фантазии — или же талантливой мистификации. Пусть даже хоть крупица истины содержится на этих страницах. В любом случае, любопытно было бы прочитать продолжение одного из самых знаменитых фантастических романов. Если это вообще можно назвать фантастикой, или романом — пророчеством, антиутопией или псевдонаучным эссе… и прочая, и прочая!) проливающего свет на природу нашей вселенной и нашего места в ней.

Без дальнейших комментариев представляю на ваш суд результат этой работы.

Стивен Бакстер

ПРОЛОГ

Утром в пятницу после моего возвращения из будущего я проснулся после глубокого, лишенного сновидений сна. Рассвет уже давно наступил — я никогда не вставал так поздно.

Я выбрался из постели и раздвинул занавески. Солнце, как обычно, вяло продвигалось по небосклону, и тут мне вспомнилось, как оно скакало, когда я сидел в кресле машины времени, оттянув рычаг ускорителя! Но теперь я, похоже, завяз во времени, как мушка в янтаре.

За окном привычно шумел утренний Ричмонд: стучали лошадиные копыта, громыхали колеса по булыжной мостовой, хлопали двери. Паровой вагон, изрыгая дым и искры, неуклюже двигался по Питершам-Роуд, и голоса разносчиков, похожие на крики чаек, разносились в воздухе. Понемногу я почувствовал, как мои мысли сползают в сторону от затейливых приключений во времени, обратно к мирским делам. Я уже привычно размышлял над тем, что пописывают в свежей «Пэл-мэл газэтт». А тут, кроме событий на бирже, пришло в голову, что утренняя почта

может доставить последний выпуск «Эмерикэн Джоурнел оф Сайенс». Там должны были появиться мои эссе по поводу изысканий А. Мичелсона и Е. Морли, по вопросам, касающимся некоторых особенностей природы света, статей, появившихся в этом журнале четырьмя годами раньше, в 1887-м…

И так далее! Детали повседневного толпились в моей голове, и оттого все воспоминания о приключениях в будущем казались фантастикой — и даже абсурдом. Словно галлюцинация, нечто близкое к сновидению после порции опиума в китайском притоне. Все это сопровождалось чувством бесконечного падения в пропасть и туман, после которого я «приземлился» в мир кошмаров 802701-го. Теперь же я испытал совершенно небывалое чувство — на меня обрушивалось настоящее. Обыденный мир, привычный, каким он и был всегда — для меня и людей моего века. Стоя в халате перед окном я уже было, стал сомневаться в том, что случилось. Даже сама машина времени теперь представлялась мне вдруг нереальной. Это мое творение, на которое я потратил не один год, чтобы довести ее до совершенства.

Я вспомнил ужин накануне и беседу с друзьями. Похоже, они отнеслись к моему рассказу также

скептически. Лишь один из них, мой добрый друг, которого буду называть Писателем, прислушался с некоторой степенью симпатии и доверия.

Встав у окна, я потянулся — и тут меня словно озарило! Тело вспомнило все то, что с ним произошло! И ломота в спине, и боль в мышцах.

— Что ж, — пробормотал я, — значит, всего лишь фантазия? Сон? И та холодная мрачная ночь в лесу, и битва с морлоками? Может, всего лишь припадок сомнамбулизма, а мышцы болят оттого, что я всю ночь бегал в беспамятстве по саду?

И тут в углу я наткнулся на груду тряпья: это были остатки моей одежды, годившейся теперь разве что на растопку. Измазанной соком травы, обугленной лесным пожаром. В эти рваные карманы Уина вложила на память, как в вазы, мальвы — бледные цветы будущего. Ботинки потерялись: странно, я пожалел о них, об этих удобных, растоптанных башмаках, сгоревших во враждебном будущем — и здесь на ковре валялись только жалкие окровавленные останки носков.

Да, это были они — старые рваные носки! — их грубо прозаичное существование лучше всего убедило меня, что я не сошел с ума — и полет в будущее был не сном. Я вновь поверил, что буду-

щее так же реально, как Ричмонд в 1891 году, и должен был успеть слетать туда еще раз, чтобы по возвращении убедить друзей и развеять последние сомнения.

Приняв такое решение, я вдруг увидел улицу, опустевшее лицо Уины: живое, словно и сейчас стоявшее предо мной. Необыкновенная печаль, и волна жалости захлестнули мое сердце. Уина. Девочка-подросток расы элоев, провожавшая меня во Зеленый Фарфоровый Дворец, сквозь дебри леса, выросшего там, где сейчас была голая равнина Темзы. Девушка, исчезнувшая в вихре огня, в окружении стаи морлоков. Я всегда был человеком действия, и сначала действовал, а потом уже обдумывал свои поступки! В моей холостяцкой жизни такая привычка еще ни разу не подводила меня и не подвергала опасности никого из посторонних. Но теперь получалось, что я бросил бедную доверчивую Уину в жутких тенях Вечной Ночи морлоков.

Ничего! Еще не поздно исправить положение. Пока у меня есть машина времени…

Я был полон решимости. Мои приключения, во сне или наяву — еще не окончились!

Я забрался в ванну, которую мисс Уотчет приготовила по моей просьбе. Решимость заставляла

торопиться, но я не мог не привести себя в порядок. К тому же по утрам так хочется побаловать себя, понежиться в горячей ванне. Заодно я смог рассмотреть ссадины и царапины.

Оделся я быстро. Благодаря расторопности мисс Уотчет, меня уже поджидал завтрак. Я с воодушевлением набросился на яичницу с грибами и помидорами. И все же бекон и сосиски дались с трудом: мясо отчего-то вызывало устойчивое чувство отвращения. Понятное дело!

Перед глазами по-прежнему стояли морлоки и их ужасная каннибальская трапеза! Конечно, эта картина не отпугнула меня от баранины накануне за ужином в дружеской компании, но тогда зверский голод заставил бы проглотить что угодно. Но ничего не поделаешь — плотный завтрак вошел у меня в привычку, поскольку, по моему глубокому убеждению, хорошая доза пептонов [1] в крови просто необходима для успешной работы энергетической машины человека. Сегодняшний день мог стать для меня решающим в жизни. Поэтому я отставил малодушие в сторону и молча сосредоточенно стал пережевывать бекон.

После завтрака я надел легкий, но прочный

---

[1] Примечания: 1

Пептоны — смесь продуктов неполного гидролиза белков.

летний сюртук. Кажется, я уже рассказывал за вчерашним ужином, что в будущем наступило потепление — вследствие природной эволюции, глобального изменения климата, изменения оси земли или трансформации самого солнца, трудно сказать. Но в чем я был уверен — в Будущем не понадобятся ни шарф, ни пальто. Я сдвинул шляпу на брови, чтобы прикрыть свой бледный английский лоб и зашнуровал на ногах самую крепкую пару прогулочных ботинок.

Прихватив небольшой рюкзак, я прошелся по дому, скидывая в него все, что могло пригодиться в дороге, со шкафов и буфетов. Мое поведение вызвало еще большую тревогу у бедной мисс Уотчет. Впрочем, она все равно никогда бы не возразила мне. Видимо, старушка давно отказала мне в здравом уме, я был для нее лишь чудаковатый гений, скитающийся в мифологических туманах! Я торопился, и все же на этот раз не так лихорадочно и безоглядно. Ведь я еще не знал, куда попаду — в прошлое или будущее — как в прошлый раз, миновав восемь тысячелетий в одних туфлях с единственным коробком спичек.

Я впихнул в рюкзак все спички, которые можно было отыскать в доме. Затем запасся камфорой, которая так выручила меня, а также свечами,

и словно по наитию прихватил моток бечевки, которая могла сгодиться на фитили — чтобы, в случае чего, можно было изготовить другие свечи из огарков.

Я взял уайт-спирит, мази, несколько таблеток хинина и медицинский бинт. Ружья у меня не было — да и толку от него. К тому же излишний вес амуниции отнимает силы. Зато я не забыл вложить в задний карман складной нож с выбрасывающимся лезвием. Ну и, естественно, целый пакет инструментов: отвертка, несколько гаечных ключей разного калибра, небольшая ножовка с запасными полотнами — а также набор винтов и гаек, обрезков из никеля, медных и кварцевых стержней. Ничто не должно было задержать меня в Будущем по какой-либо нелепой случайности — отсутствие одной гайки могло стать роковым. В верхнем мире не найдешь ни металл ни напильника, чтобы выточить пустяковую деталь. Морлоки, безусловно, понимали в технике лучше элоев: в этом я убедился, обнаружив машину времени в гараже Белого Сфинкса, добросовестно смазанную — и видимо, разобранную и собранную по частям — вряд ли только они догадывались о ее предназначении. Но если что, вступать в переговоры с этими слепыми червями

ради того, чтобы разжиться деталями, у меня охоты не было.

Я отыскал свой фотоаппарат, Кодак, и осмотрел его. Камера была новой, заряженной сотней негативов в рамках на бумажной полоске, упакованная в сверток. Чертовски дорогая штука — она мне обошлась в двадцать пять долларов во время поездки в Нью-Йорк. Но если удастся отснять эти кадры, каждая картинка из будущего по цене не уступит шедевру мировой живописи.

Ну, что ж, похоже, все готово. Отданы последние распоряжения покорной мисс Уотчет: ни в коем случае не переставлять мебель в мастерской — чтобы по возвращении мне не пришлось бы столкнуться с каким-нибудь шкафом. Она участливо кивала, слушая, хотя бедная мисс Уотчет наверняка не имела понятия, куда я собрался. Эта добрая и покладистая женщина, доверчивая и невозмутимая, только бросила взгляд на мой рюкзак и подняла бровь. Затем она удалилась в мою комнату и вернулась с запасными носками и нижним бельем и… — тут я был готов расцеловать ее! — с моей трубкой, набором для ее чистки и табаком в коробке. Все это было взято с каминной полки.

Итак, полностью экипированный, я отправился

в будущее.

С рюкзаком на плече и Кодаком под мышкой я прошел в лабораторию, которую поначалу опрометчиво назвал мастерской (обычно так я называл ее во время изготовления машины времени). Там она меня и ждала. У курительной комнаты я остановился: оказывается, у меня был гость. Это был один из нашей компании — Писатель, о котором я уже упоминал. Он стоял в центре комнаты в новом, с иголочки, костюме, с образцово завязанным галстуком и ждал с явным нетерпением — об этом говорила его нервная жестикуляция. Я снова вспомнил, с каким трогательным вниманием он прислушивался к моему рассказу. Вероятно, не ошибусь, если скажу, что в глазах его сиял восторг, а не плохо скрываемая ирония — как у остальных собеседников.

Я был рад видеть его, и признателен за этот визит. Он явно не считал меня чудаком и фантазером, как, возможно, некоторые, когда я рассказывал о своих приключениях в будущем. Невольно рассмеявшись, я дружески протянул ему локоть, так как руки были заняты.

— У меня срочное минутное дело, — сказал я. — Через полчаса все обсудим.

Он странно посмотрел на меня: в голубых гла-

зах светилось почти отчаяние.

— Так это все правда, и не мистификация — насчет вашего путешествия?

— Совершенная правда. Никаких розыгрышей, — ответил я, выдержав его пристальный взгляд.

Это был невысокий коренастый молодой человек. С несколько выпяченной нижней губой, широким и высоким лбом, пышными бакенбардами и чуть оттопыренными ушами. Ему было лет двадцать пять — возраст, в котором все подвергают сомнению, но в котором, знаю по собственному опыту, период ученичества еще не окончен и пытливый ум ищет все новых авторитетов и подтверждений собственным сомнениям в жизни. Я был старше двумя десятками лет — и что я мог сказать ему? Разве что волосы его тоже стали заметно редеть. В движениях были энергия и порывистость — чем-то он напоминал снегиря — такой же нахохлившийся и розовощекий. Однако это был не румянец здоровья — я знал, что он страдает чахоткой, после удара футбольным мячом, полученного на игре: тогда он учительствовал в Уэльсе, в какой-то Богом забытой школе. А сегодня эти голубые глаза, несмотря на усталость, были полны понимания и сочувствия.

Мой друг служил учителем, давал частные уроки. К тому же он относился к той же породе людей, что и я — то есть, был неисправимым мечтателем. Во время обеденных четвергов в Ричмонде он принимал участие в наших совместных дискуссиях с Психологом, Ученым и прочими, в том числе с Очень Молодым Человеком, о будущем и прошлом, делился свежими впечатлениями о теории Дарвина и прочем. Он грезил о совершенстве человеческой расы — и думаю, сердцем верил в истинность моей теории времени. А, значит, признавал за путешествиями во времени право на реальность.

Я называл его Писателем не без иронии, ведь пока ему удалось опубликовать лишь несколько довольно нескладных эссе в журналах, выпускавшихся при колледжах. Но я не сомневался, что у этого молодого человека большое будущее — и возможно, живой ум выведет его из тупика изящной словесности — и он еще найдет себе нишу в мировой литературе — научной или беллетристике, как угодно.

И, хотя я очень спешил, на некоторое время я был вынужден задержаться, чтобы поговорить со своим гостем. Возможно, Писатель станет последним и единственным свидетелем этого нового

путешествия — и кто его знает, не собирался ли он уже черкануть рассказец о моих прошлых приключениях, рассказанных в этой курительной комнате накануне вечером.

Что ж, я был не против, ветер ему в спину и перо — в руку!

— Мне нужно всего полчаса, — сказал я после некоторого размышления. Я был уверен, что сумею подогнать машину с такой точностью — при этом совсем не важно, сколько времени я проведу в будущем. — Я знаю, зачем вы пришли, мой юный друг, и это весьма любезно с вашей стороны. Здесь вы найдете журналы — развлекайтесь до моего возвращения. Если вы дождетесь ленча, то получите новые подтверждения тому, в чем сейчас, может быть, сомневаетесь. Простите, что покидаю вас.

Он кивнул. После ответного кивка я без дальнейших промедлений и отсрочек направился по коридору в лабораторию.

Так началось мое путешествие из Ричмонда 1891 года. Никогда в жизни я не был ни к чему особо привязан, и не являюсь любителем пышных проводов и цветастых прощальных речей. Но если бы я только знал, что случится потом — и что я больше никогда не увижу писателя

— на этом свете — то, наверное, устроил бы более достойные проводы!

Я вошел в лабораторию. Здесь было устроено нечто вроде мини-фабрики. Паровой станок, прикрепленный к потолку, приводил в действие всевозможные машины для обработки металла, приводимые в действие кожаными ремнями. На полу, закрепленные на скамьях, стояли станки размером поменьше, прессы, ацетиленовая горелка и тому подобное. Детали и чертежи, и прочие плоды моих работ, были разложены на столах и на пыльном полу. Аккуратистом меня не назовешь. Например, я чуть было не споткнулся о никелевый стержень, который задержал мой первый визит в будущее — он оказался ровно на один дюйм короче, и потребовалась переделка рычага.

А ведь я более двух десятков лет своей жизни провел в этом помещении, вдруг пришло мне на ум. Здесь по идее должна была располагаться оранжерея, выходившая в сад. Но я устроил из нее настоящий чулан, максимально укрыв от посторонних глаз. Так что теперь инструменты и аппараты загадочно поблескивали из темноты, напоминая фабрики в подземных пещерах морлоков! Слава Богу еще, что я сам не стал таким же

морлоком! Сразу по возвращении, решил я, все изменится — хотелось, чтобы комната напоминала светлый Верхний Мир элоев, а не страшный Подземный Мир изобретателей и механиков будущего.

Дав себе это обещание, я направился к Машине Времени.

Эта громоздкий аппарат скособочился в северо-западном углу мастерской — как раз там, куда восемь миллионов лет спустя отволокли его морлоки, в попытке заманить меня в ловушку внутри пьедестала Белого Сфинкса. Я передвинул машину в юго-западный угол лаборатории, где она и была сконструирована. После чего склонился над четырьмя циферблатами, отсчитывающими историческое время: минуты, дни, тысячи и миллионы дней. Сейчас все стрелки, естественно, были на нуле: поскольку машина вернулась в свое время, откуда начала отправной путь. Помимо циферблатов, здесь были еще два рычага: пусковой и тормоз.

Я протянул руку наугад и, словно по наитию, коснулся рычага. Громоздкая масса металла и слоновой кости вздрогнула, словно живое существо. Я невольно улыбнулся. Машина напоминала мне, что не принадлежит этой земле, Пространству и

Времени! Единственный из всех материальных объектов Вселенной, включая те, что я прихватил с собой, эта машина была *на восемь дней старше здешнего мира* : поскольку я провел больше недели в эре морлоков и вернулся в отправную точку: день своего отбытия.

Я бросил пожитки и камеру на пол и повесил шляпу на рукоять двери. Помня о проделках морлоков, я должен был проверить все еще раз — ведь они ковырялись в механизме. Счистить мох, траву и пятна не составило особого труда. Но один из поручней оказался погнутым, и мне пришлось выпрямлять его и ставить на место. Затем я проверил все крепления, болты, и еще раз смазал кварцевые оси.

В процессе этого я вспоминал о постыдной панике, охватившей меня, когда я обнаружил пропажу машины. Однако морлоки, надо отдать им должное, проявили себя умелыми мастерами. Эти каннибалы бережно относились к механизмам, что вызывало уважение. Машина была устроена просто, как церковные часы: открытый корпус из никеля, меди и прозрачного блестящего кварца, черного дерева и слоновой кости. Над всем этим возвышалось сиденье от велосипеда. Кварцевые оси были покрыты платтнеритом.

Путешествие во времени оказалось бы невозможным, если бы не специфические особенности загадочного вещества, названного мною «платтнеритом». Помню, как впервые случайно получил его. Это случилось ночью, двадцать лет тому назад. Однажды загадочный незнакомец постучал в мою дверь.

«Платтнер» — представился он. С выдающейся вперед челюстью, на несколько лет старше меня, с громадной седой головой, спутанными волосами, в странной пятнистой одежде. Он сказал, что мне необходимо заняться изучением этого вещества и его свойств. Больше года пробирка простояла на полке в лаборатории, пока я занимался более неотложными делами. Но вот, наконец, в одно хмурое воскресное утро — точнее, дело происходило ближе к полудню, я наткнулся на нее.

Это было началом открытия. Именно платтнерит в кварцевых осях обеспечивал энергию, необходимую для путешествий. Именно платтнерит сделал возможным преодоление барьера времени. Но я тут же приписал заслугу открытия себе, решив, что появление загадочного гостя — не более чем случайность. Возможно, как говорят велеречиво настроенные умы, «его послали Небеса» — я не придавал этому значения. В каждом

совпадении можно прочесть перст Судьбы. Или Рока. Смотря от того, чем все, в конце концов, обернется.

Мне не хотелось прежде времени опубликовывать результаты моего открытия, без предварительной экспериментальной проверки. В ученых кругах меня могли также счесть чудаком — как это произошло в тесном кругу друзей вчера в курительной — или даже шарлатаном. Очень часто многие великие открытия губило именно их преждевременное обнародование. Их затоптала критика или разнесла в клочья толпа. Однако я твердо решил опубликовать статью сразу по возвращении — непременно, и, можно сказать, дал себе зарок. В «Трудах философского общества». Это будет прекрасное дополнение к семнадцати статьям по оптике. Забавно было бы все это назвать в духе сухого научного педантизма, вроде: "Некоторые замечания по поводу пространственно-временных аномалий минерала «платтнерит». Представляю, какой шум поднимет эта статья!

Наконец, все было готово. Надвинув шляпу плотнее, я захватил рюкзак и камеру и закрепил их на велосипедном сидении. Затем, словно по наитию, подошел к лабораторному камину и за-

хватил кочергу. Взвесив ее в руке, я подумал, что и она может оказаться полезной — за неимением ружья — и закрепил ее между рычагов. Такая штука может ввести в заблуждение при разборке машины.

Затем я влез на сиденье и положил руки на рычаги. Все в порядке, сиденье отрегулировано как следует. Машина задрожала, приходя в движение, словно одушевленное существо, живущее только мчась сквозь время — чем она, собственно, и была.

Я напоследок обвел взглядом лабораторию, любуясь ее земной (и приземленной) реальностью, потрясенный мыслью о том, насколько мы теперь разные — несмотря на то, что являемся существами одного материального мира. Какими мы были неземными теперь — вместе с моим механическим Пегасом, готовым лететь сквозь бесконечность. Мы, дети Земли, по сути, уже не принадлежали ей. Теперь я чувствовал, что стал настоящим Путешественником во Времени — ибо уже не мог жить без этого. Без моей машины я оказался бы навсегда замурован в линейном однообразии Ричмонда, и медленно менялся бы, костенея и кристаллизуясь во времени. Конечно, никто меня не гнал: можно было сначала подле-

чить раны, привести себя в порядок, набраться сил — но я не мог более медлить. Как опиоман, ждущий своего вожделенного сна, я рвался во Время. Я жаждал им управлять. Я хотел увидеть все, что было, есть и будет в мире!

И тут я услышал шаги по коридору, Затем дверная рукоятка дрогнула, поворачиваясь. Должно быть, это Писатель.

Не желая, чтобы меня застали в дурацком положении — на седле велосипеда, в машине странной конструкции, в существование которой никто еще толком не верил, и к тому же зная, что любое промедление, любая задержка — вредны для большого дела, я выжал рычаг.

Конечно, было весьма неучтиво так исчезать из жизни. Но какую бы весть о моем веке не принес бы сейчас этот молодой человек — в данный момент мне было все равно.

Прощай, закоснелый девятнадцатый век. Здравствуйте, новые столетия, тысячелетия, эры, эоны!

В момент выжимания рычага я испытал то же странное чувство *вращения и головокружения* , которое приходит в первый момент путешествия во времени — а затем беспомощное ощущение падения. Придется доработать машину, мелькну-

ло в голове, когда…

Это «когда» могло стать «если только». Собственно, так оно и произошло. И об этом мой следующий рассказ.

Раздался звон стекла — видимо, вышибло окно или форточку из-за вибрации воздуха. И, на какую-тот несчастную долю секунды я увидел на пороге Писателя — призрачную, почти неразличимую фигуру Настоящего, с поднятой и устремленной ко мне рукой — в надежде остановить.

Остановить? — меня, пленника времени!

Затем и он исчез — отдалившись на расстояние полета. Стены лаборатории потеряли ясные очертания, и снова крылья дня и ночи заплескали над моей головой. Осеняя то одним, то другим, попеременно.

Книга первая. ТЕМНАЯ НОЧЬ

1. Путешествие во времени

Есть три Измерения Пространства, в которых человек может свободно перемещаться. Время является просто Четвертым Измерением: по всем важным характеристикам совершенно идентичное остальным Измерениям, за исключением того, что наше сознание вынужденно движется в нем с заданной скоростью, словно кончик пера, которым я пишу эти строки. Представьте себе, как он уходит слева направо, строка за строкой, затем вниз — и так далее, страница за страницей — и вы получите представление о том, чем является время для человеческого сознания. И пока вы не прочтете эти буквы, вам не станет ясен смысл того, что я хочу вам сообщить — так и вселенная лишь постепенно открывается нам во времени.

Размышляя над проблемами, намеченными в статьях о специфических характеристиках света, я наткнулся на мысль, которая показалась мне вполне здравой. Что, если бы кому-нибудь удалось манипулировать измерениями? Тогда бы он мог путешествовать по лабиринтам Истории с такой же легкостью, как взять кеб в Уэст-энд!

Платтнерит, внедренный в субстанцию Ма-

шины Времени, оказался тем самым ключом, который открыл дверь в эти лабиринты. Платтнерит приводит машину в действие совершенно особым образом, заставляя ее перемещаться в новой конфигурации Пространства и Времени. Те, кто видит удаление Машины Времени — как это случилось с моим другом Писателем, — говорят о головокружительной вибрации перед тем как она исчезает в Истории. И водитель — в данном случае я сам, — неизбежно и, безусловно, страдает от тошноты, вызванной центробежной силой и силой Кориолиса, отчего рождается чувство, будто вылетаешь из седла.

Но все эти побочные эффекты, вращение, вызванное платтнеритом, — совершенно иной природы, непохожее на вращение механизма или медленного колыхания Земли. У водителя рождается иллюзия, что он спокойно сидит на месте, а время пролетает мимо машины — а между тем это и есть вращение Времени и Пространства. Точнее, того, что мы так называем, не подобрав этим феноменам иных характеристик.

Итак, ночь летела за днем, туманные очертания лаборатории постепенно пали и растаяли, и я очутился в открытом пространстве. Я снова миновал период в будущем, когда лаборатория

была стерта с лица земли. Солнце вылетало из-за горизонта со скоростью мяча, дни спрессовались в минуту: вокруг меня то и дело воздвигались строительные леса, которые тоже скоро опали, оставив меня в одиночестве на склоне пустого холма.

Скорость продвижения во времени возрастала. Смена ночи и дня сливалась в глубокие синие сумерки — и Луна вращалась, сменяя фазы, точно детский волчок. Когда я нажал на рычаг еще сильнее, мелькающее над небом Солнце превратилось в световую дугу, которая на миг исчезала из виду, сменяясь темным пятном ночи. Таким же пестрым калейдоскопом мельтешила погода: снег и зеленая трава возникали попеременно, извещая о смене времени года. Наконец, ускорение дошло до такой точки, что я погрузился в совершенное спокойствие и безмятежность, в котором были заметны только годичные ритмы Земли — перемещение солнца по экстремам — оно совпадало с частотой моего пульса над переливающимся ландшафтом: он стал сплошным мутным зеленоватым пятном.

Не помню, сообщал ли я в своем первом рассказе о тишине, в которую погружается путешествующий во времени. Песни птиц, отдаленный

грохот колес по булыжнику, тиканье часов, и даже слабое поскрипывание дома — возможно, из-за колебаний почвы и подвижек в фундаменте, — все это составляет непременный фон нашей жизни, в котором мы часто не даем себе отчета. Но теперь, вырванный из времени будней, я слышал лишь собственное дыхание и мягкое поскрипывание механизма, похожее на звук, который производит велосипед по сельской дороге под весом седока. У меня появилось, как и в прошлый раз, странное чувство отрешенности от окружающего мира — как будто я очутился в иной вселенной, из которой за нашим миром наблюдаешь, точно сквозь прочные звуконепроницаемые стекла — но в этой новой вселенной я был единственным жителем обитателем. Постепенно меня охватывало давящее чувство, к которому присоединялась тошнота бесконечного падения, вызванного «ротацией» времени.

Но вот тишина была нарушена: невнятное глубокое бормотание, доносившееся невесть откуда, как будто бы заполняло мой слух. Это походило на рев грандиозной реки. Я заметил это явление во время первого «полета» — не уверен, правда, в источнике его происхождения, но видимо, на моем пути встретился какой-то артефакт, в кото-

рый я бесцеремонно ворвался. Хотя, правильнее сказать — это он пытался сменить меня — я-то здесь стоял до него.

В любом случае, останавливаться в таком положении нельзя — теоретически это могло кончиться моим исчезновением за барьером Вечности, практически же… я этого проверять не собирался. Есть пределы и для самых смелых экспериментов.

Как же я ошибался — что часто случалось со мной в моем торопливом создании гипотез!

Я осмотрел поочередно все четыре счетчика, постучав пальцем по циферблату, убеждаясь, что стрелки не «залипают».

Эти безмолвные слуги-циферблаты были переделаны из манометров для паровых котлов. Их показания зависели от трения кварцевой оси с платтнеритом, — трения, производимого в результате скручивающего эффекта: между Временем и Пространством. Счетчики отмечали дни — не годы или месяцы. Таков был конструкторский замысел.

Как только я приступил к разработке деталей путешествия во времени, появилась потребность в счетчике. Как иначе попасть обратно в свое время, если не знаешь, куда и в какую сторону

заехал? Довольно долго я пытался разработать традиционный счетчик-календарь на годы, месяцы и дни. В скором времени я понял, что этот займет времени больше, чем построение самой Машины!

Традиционный календарь, построенный на постоянных подгонках и чистейших нелепицах, выводил меня из себя: требовалось нечто более точное и простое. Требовался основополагающий принцип, а не отсчет минут, объединение их в часы и сутки, а потом подгонка по равнозначным месяцам и годам, из которых выпадают високосные… и так далее — короче, вы меня понимаете. Наш календарь представляет собой веками сложившийся исторический абсурд, подогнанный ко времени посева и самых больших заморозков. Мне нужен был иной, космогонический хронометраж.

Начал я с того, что написал гневное письмо в «Таймс», предложив реформу календаря. Давайте, предложил я, отбросим всю эту свистопляску с високосными годами. Год ограничится числом триста. К ним добавятся еще шестьдесят пять с четвертью дней, дабы компенсировать эти вынужденные астрономические прыжки в календаре.

«Триста шестьдесят пять с четвертью дней?» — удивленно спросите вы. — Это как?".

Очень просто. Я предложил две альтернативных схемы — и обе они гарантировали ликвидацию этой календарной нелепости. День принимаем за единицу — (не час, не минуту, заметьте — а именно день!) Дальнейшее летоисчисление базируется на днях. Предположим, трехсотдневный год состоит из десяти месяцев, и каждый из них ровно из тридцати дней. Замечаете, как легко стало — куда только подевалась неуверенность перед календарем, известная каждому с детства? Естественно, сезоны, времена года и прочее вскоре выплывет из этой синхронизации — но их же можно подгонять, объявляя в каждом году о наступлении сезонов, равняясь при этом на метеорологические сводки. В такой развитой цивилизации, как наша, это не вызовет особых проблем. Королевская Обсерватория Гринвича, например, может публиковать помимо ученых записок, специальные вестники или бюллетени, в которых будет отмечено передвижение Солнца по небу, и все его состояния равноденствия и тому подобное. Точно так же в покинутом мной 1891-м году все подобные народные издания извещали о переносах церковных праздников.

С другой стороны, если сезонный цикл должен быть оставлен превыше всего — как нечто непреложное и даже святое (я бы сказал — дань вековой традиции), следовало бы изобрести Новый День как некую принципиально отличную единицу отсчета времени, — скажем, как одна сотая часть года. Естественно, это значит что смена дня и ночи, сна и бодрствования распадется. Но что с того? Многие современные города работают по круглосуточному графику. С помощью такого графика каждый сможет сам планировать часы сна и бодрствования наперед.

Наконец, я предлагал заглянуть дальше, в день, когда человеческое сознание перешагнет барьер условностей девятнадцатого века, и когда мы начнем, наконец, мыслить тысячелетиями. Я предлагал новый Космологический календарь, основанный на равноденствиях. Медленное отклонение оси нашей планеты под влиянием гравитации Солнца и Луны будет составлять собой цикл, который завершится через двадцать тысячелетий. Имея в запасе столь пространный Великий Год, год подобной протяженности, будет проще разработать один календарь — раз и навсегда, с учетом всех праздников и потребностей.

Издание такого календаря, подчеркнул я, ста-

нет новым словом, предвестником зари нового века, — и послужит человечеству извещением о наступлении Эпохи Научного Мышления.

Нет нужды говорить, что мой проект «зарубили», не говоря уже о довольно-таки грубом отзыве в желтой прессе, который я проигнорировал.

Зато мое открытие дало первотолчок изобретению хронометров для Машины Времени. Отныне я отбросил всякие мысли о традиционном календаре и основанных на нем счетных устройствах и обратился к простому подсчету количества числа дней. Эти цифры всегда было нетрудно перевести в традиционное летоисчисление. В первом своем путешествии остановился в дне за номером 292495934 — что в точности соответствовало году 802701-му. Теперь мне предстояло добраться до дня 292495940 — тот самый день, когда я потерял Уину в пылающем лесу!

Мой дом находился среди террас на Питершам Роуд — растянувшихся под склоном неподалеку от реки. Теперь, после его исчезновения, я оказался на голом склоне холма. Вершина Ричмонд Хилл вставала как раз за мной, это был массив, сложившийся в геологическое время. Деревья цвели и высыхали прямо на глазах, их вековые жизни успевали промелькнуть передо мной за

несколько ударов пульса. Темза изгибалась передо мной светлой серебряной полосой — и время от времени у нее вырастал новый рукав: словно живая струйка ртути выстреливала из русла. Новые здания поднимались со скоростью дыма от костра: некоторые рядом с местом моего старого дома, стертого с лица земли Историей. Эти здания потрясали своей легкостью, изяществом и гармоничностью пропорций. Мост Ричмонд-бридж давно исчез, на его месте появился новый пролет, примерно с милю длиной, который свободно выгибался в воздухе над Темзой на изящных и прочных опорах. Я вспомнил, что захватил с собой Кодак, и сделал попытку сфотографировать эти фантазмы, понимая, впрочем, что света для такой съемки вряд ли хватит, и, к тому же, изображение получится нерезким. Архитектура впечатляла — технологии далеко ушли вперед за возможности девятнадцатого века, как великие готические соборы от греческих и римских храмов. Наверное, в будущей эре человек получил свободу от неумолимых сил гравитации — иначе откуда бы еще могли появиться такие дома, упирающиеся в небо?

Но еще задолго до того, как светлый клинок Темзы тронули коричневые и зеленые пятна

разложения, говорившие о том, что река иссякает и зарастает илом и водорослями — клинок сломался посередине, прямо у меня на глазах. И, как все творения рук человека, все эти гигантские конструкции оказались призрачными, несравнимыми с хтоническими силами, дремлющими в земле.

Я находился в странном состоянии отрешенности от мира, сидя в кресле Машины Времени. Помню возбуждение, охватившее меня при первом путешествии, когда я впервые пролетал мимо этих архитектурных чудес. Какую гордость я испытал тогда за человечество! И теперь я понял, как незначительны эти достижения и успехи человеческой расы, как беззащитны они перед лицом природы. Человечество каждый раз неизбежно отбрасывается назад, под безжалостным и неумолимым давлением эволюции, в упадок и разложение элои и морлоков.

Я был потрясен невежественностью человеческой расы. Что творим мы из себя в процессе времени? Как короток наш век! — и сколь бессмысленны события на фоне выразительных взмахов рукава Истории, которая стирает всякий раз с земли наши самые великие творения, как помарки небрежного школяра. Мы даже не

мотыльки, беспечно порхающие свой короткий век — беспомощные перед лицом несгибаемых сил геологии и эволюции — сил, неумолимых в движении, и все же настолько медленных, что в повседневной жизни мы не беспокоимся об их существовании!

2. Новый вид

Вскоре, миновав Век Грандиозных Строений, я углубился в Будущее. Новые дома и дворцы, менее амбициозные, но все еще громадные, то и дело вырастали из земли, как грибы в осенний день. Отсюда, из сиденья Машины Времени их очертания были зыбкими, ненадежными, что было вызвано разными причинами: отклонение под напором ветров, силы Кориолиса, температурного сжатия и расширения, усадки фундамента и прочих факторов, влияющих на здание — особенно, на высотное, на протяжении все его жизни. Это были изменения, невидимые — я бы сказал — невооруженным глазом, но отсюда, с моей позиции, где находился я, все этот было отчетливым и несомненным. Зыбкий призрачный мир вставал передо мной со всей своей уязвимостью и недолговечностью. Солнце, нырявшее по небу глубокого синего цвета морской волны, с перепадами солнцестояний, казалось, стало светить еще ярче, зеленый поток, расстилавшийся по Ричмонд Хилл, становился все шире, понемногу скрадывая коричневые прогалины и белые пятна зимы. И вот снова я вступил в эру, когда земной

климат Земли благосклонно расположился к человечеству.

Я взирал на ландшафт, вынужденный из-за скорости перемещения во времени довольствоваться ролью наблюдателя: при этом замечая лишь самые долгоживущие статичные феномены. Я успевал заметить лишь то, что надолго «застревало» на Земле. Здесь не было людей: они стали призрачнее сказочных существ. Благодаря своей способности передвигаться они были некими невидимыми мотыльками, о существовании которых можно было догадаться разве по производимым ими предметам. Ни людей, ни животных — ни даже облака на небе. Я завис в сверхъестественной тишине. Если бы не яркая дуга солнца и не этот глубокий синий бархат неба (цвета между ночью и днем, какой бывает в летние сумерки), могло бы показаться, что я сижу на скамейке в парке накануне осени, когда кругом так пусто и безлюдно.

По счетчикам времени выходило, что я прошел треть пути — миновала четверть миллиона лет отделявшая меня от моего века. И все же век, в котором человечество строило что-то на земле, уже миновал. Планета превратилась в сад, в котором народ, именующий себя элои, жил своим бес-

полезным игрушечным существованием, и уже предшественники морлоков понемногу собирались в подземельях, заключенные там, и, должно быть, рыли тоннели между своими подземными склепами-фабриками. За полмиллиона лет пути произошли только самые незначительные изменения, Не считая дальнейшей деградации расы «гомо сапиенс», миллионов одинаковых трагедий, которые теперь представляло собой человеческое существование….

Но я пришел к выводу, отрываясь от этих убийственных размышлений, что одно изменение все же отчетливо присутствовало, медленно, но верно проявляясь в картине окружающей действительности. Что-то необратимо изменилось — и это было Солнце. Планета стала освещаться по-другому.

Вглядываясь в призрачные поляны у Питершама, в русло бездвижной Темзы, я перевел взор к небесам, расплывшимся между тьмою и светом. И тут я понял, что солнечная дуга больше не мелькает по небу — она повисла там незыблемо и грозно. Земля еще вращалась на своей оси достаточно быстро, чтобы движение солнца по небосклону расплывалось полосой, делая невидимым движение звезд по небосклону, но полоска

солнца больше не вздрагивала между солнцестояниями: она была незыблема и спокойна, словно раскаленный прут железа, повисший в небе.

И снова на меня нахлынули тошнота и головокружение. Мне пришлось покрепче ухватиться за поручни машины, чтобы не свалиться с нее.

Трудно передать, что я испытал — какое впечатление произвело на меня столь простое и предсказуемое, в общем-то, событие! Во-первых, меня шокировала смелость инженерной мысли в смене сезонных циклов времен года. Теперь колебания земной оси стали незначительны в сравнении с движением Земли по орбите вокруг Солнца. Отныне времена года были упразднены на Земле. И все это означало лишь одно — я мгновенно понял это — наклон земной оси выпрямился!

Я попытался представить, как такое могло произойти. Какие-то грандиозные машины, установленные на полюсах планеты? Или это спровоцированные геологические изменения? — землетрясение такой силы представлялось невозможным. А если магнитное поле невиданной силы, с помощью которого управляли расплавленным магнитным сердечником планеты? Скорее всего, последнее.

Но потряс меня не просто размах подобного изобретения — механизма, который мог поворачивать планету: меня смутило, как же я мог пропустить это грандиозное явление во время первого своего путешествия. Как я мог упустить такое грандиозное открытие?

Я растер лицо ладонями и снова уставился на солнечную дугу, неподвижно повисшую в небе. Это было невероятное зрелище. Сначала мне почудилась в этом какая-то галлюцинация — быть может, наваждение, вызванное усталостью.

Восседая на велосипедном сидении перед этой картиной размаха свершений человека будущего, я чувствовал себя варваром с раскрашенным голым телом, с костями, заплетенными в прическе, который робеет и благоговейно преклоняется перед небожителями. Это было нечто сродни безумию, подступившему ко мне — и все же я с последней надеждой ухватился за мысль, что просто проморгал такой астрономический феномен. Оставалась единственная альтернативная гипотеза: я не ошибся во время первого своего визита в будущее, эта регулировка земной оси тогда просто не имела места.

А такое могло значить только одно.

Ход Истории изменился.

Утопающий в вечности склон холма — вот и все, что не изменилось в окружающем мире, сопровождавшее меня в моем долгом пути протяженностью в миллионы лет. На морфологию структуру земной коры эти небесные перемены не произвели никакого впечатления — но было заметно, что зеленый прилив, покрывавший землю, то и дело отступая в южном направлении, отступил окончательно, под натиском палящего солнца.

Мое внимание привлекло какое-то сверкание над головой, и я посмотрел вверх, заслонив глаза ладонью. Это явление исходило от солнечного обруча, остановившегося в небе, точнее, того, что им было, поскольку теперь можно было различить смутную пульсацию. Солнце все более ощутимо перебегало по небу, и это было вызвано уже не падением скорости, а замедлением самого светила. Солнце стало тормозить! Именно эти короткие вспышки и знаменовали собой смену дня и ночи.

Сначала я подумал, что упала скорость. Но, снова бросив взгляд на циферблаты, я заметил, что стрелки вращаются с точно такой же скоростью, ведя отсчет дням.

Однообразный жемчужно-серый свет посте-

пенно растворился, и смена дня и ночи стала отчетливой. Солнце скользило по небу все медленней, оно было как желток утренней яичницы с беконом, приготовленной мисс Уотчет. Вскоре я понял, что пылающей звезде осталось лишь несколько веков до завершения своего пути по небу земли.

Наконец, Солнце остановилось — оно замерло на Западе, над горизонтом: жаркое и беспощадное, словно глаз кровожадного Циклопа. Итак, Земля перестала вращаться, повернувшись к светилу одной своей стороной!

Ученые девятнадцатого столетия предсказали, что Землю ждет судьба Луны — она тоже когда-нибудь остановит вращение. И вот предсказание сбылось.

Передо мной было творение рук человеческих — этих развившихся обезьяньих пальцев, которые, простершись сквозь века, стали руками богов.

Я осмотрел новую пустыню Англии, распахнутую предо мной. Земля была очищена, безводна и пуста — трава сошла с нее, обнажив корку высохшей глины. Кое-где торчал остистый кустарник, немного напоминавший по форме оливы, — боровшийся за существование под беспощадными

лучами солнца. Могучую Темзу, разлившуюся на милю по долине, окончательно сдавили берега, и вскоре даже не искорки воды не проблескивало из русла. Едва ли последнее украсило пейзаж: в мире морлоков и элоев сохранились хоть какие-то намеки на типичный английский ландшафт, с его обилием зелени и воды. В результате получились Британские колониальные острова где-нибудь в тропиках.

Я сфотографировал бедную планету, одним ликом повернувшуюся к солнцу, а другим отвернувшуюся от него навсегда. На экваторе освещенной стороны, должно быть, от жары мясо отлипало от костей. Перегревавшийся воздух вызывал вихри, которые боролись с ледяными циклонами другого полушария, вымораживая снег из кислорода и азота над скованными льдом океанами. Если бы я остановил машину теперь, меня тут же сдуло бы с места как пылинку вместе с аппаратом — одним выдохом из легких умирающей планеты! Этот процесс мог остановиться только когда дневная сторона окончательно пересохнет, а другая окажется навечно похоронена подо льдом.

Ничего не напоминает? Мир морлоков и элоев, только среди полушарий. Все на земле приходило

к распаду на полярности.

Ужас охватил меня, когда я стал понимать, что не смогу вернуться домой! — ведь для возвращения надо остановить машину. Но как только я это сделаю, неотвратимо буду выброшен в разреженный воздух: ведь кислород с азотом вымерзли из атмосферы и опускались белыми снежинками на замерзшие океаны во льдах. Я окажусь одновременно в вакууме и непереносимой жаре — в безжизненной среде, как на поверхности Луны. Но если я последую дальше в неизведанное будущее, тот, кто знает, что ждет меня там? Есть ли надежда отыскать в глубинах будущего обитаемый мир?

Теперь я был совершенно уверен, что заблудился в Будущем. Как я мог упустить из виду исчезновение времен года — и тем более замедление оборотов планеты?

Несомненно одно: я совершал путешествие в совершенно ином историческом времени. Будущее, в котором я гостил в первый раз, необратимо изменилось — причем глобально.

Вообще я по природе человек рассудительный, и никогда ограничиваюсь одной-двумя гипотезами, но в этот момент потрясения я не мог соображать, рассчитывать и вычислять. Я на-

чисто был лишен способностей к калькуляции: расчету событий, анализу, что случилось и вследствие чего, и какие из этого могут быть выводы. Словно мое туловище летело сквозь время, а мозг оставался позади, где-то приклеившись к прошлому. Если противостоять опасности, надо знать хотя бы, в чем она состоит. Я же и понятия не имел, что может ждать меня в этих коридорах времени!

И пока я был занят этими убийственными размышлениями, меня начали тревожить продолжающиеся изменения в небесах. Словно был нарушен раз и навсегда первоначальный и непреложный порядок вещей. Солнце сияло все жарче, все нестерпимее. Интенсивность излучения была столь велика, что мне стало казаться — форма звезды меняется. Она расплывалась в небе, становясь овальным эллиптическим пятном света. Возможно, подумал я, оно стало быстрее вращаться, и это внешние изменения — иллюзия, вызванная эффектом ротации…

И тут — совершенно внезапно — Солнце взорвалось.

3. Во мраке

Огненные струи вырвались из звездных полюсов точно фонтаны. Через несколько ударов пульса — теперь это был мой хронометр, так как не в силах оторваться от зрелища, я не смотрел на циферблаты — итак, через несколько ударов пульса Солнце окуталось сияющим ослепительным огнем. Нестерпимый жар и еще более яркий свет хлынули на выжженную землю.

С криком я закрыл лицо ладонями, но даже сквозь них я видел этот нестерпимый свет, проникавший сквозь мои закрытые веки. Свет этот попал на никелевые и медные части машины Времени, отчего они засияли так, как никогда не светятся эти металлы в природе.

И как только это началось, световой шторм пошел на убыль — словно Солнце тут же закрыли крышкой, показав, как спрятанную в горшке кобру показывает факир изумленной публике. Словно бы гигантский рот закрылся, поглотив звезду — и все погрузилось во мрак!

Я отнял ладони от лица, еще не в силах поверить в происходящее. Я был в полной непроницаемой темноте, не различая ни зги вокруг, хотя искры

ослепительные по-прежнему плясали в глазах и мерещились в сумерках. Я чувствовал под собой сиденье Машины Времени и, протянув руки вперед, нащупал маленькие циферблаты счетчиков. Машина по-прежнему содрогалась, продолжая идти сквозь время. Я стал думать, к вящему своему ужасу, что излучение солнца ослепило меня.

Отчаяние нахлынуло на меня страшнее вечной тьмы. Неужели мое второе путешествие так скоро подошло к концу? Я стал хвататься за рычаги, и мозг в панической лихорадке стал придумывать возможные выходы из положения. Выбить стекла на циферблатах и на ощупь попытаться вычислить путь домой?

…И тут, наконец, понял, что я не ослеп:

Это явление удивило настолько, что я даже забыл о страхе.

Вначале был свет. Точнее, мерцание во мраке. Смутное, приглушенное, расплывчатое. Напоминавшее восход светила из-за горизонта, когда небо только наливается светом — смутным, ненадежным, будто конферансье, выходящий на сцену упредить появление эстрадной звезды. Именно эта неотчетливость вначале ввела меня в заблуждение — казалось, что зрение играют шутку со мной. Может быть, подумал я, это звез-

ды, но видны словно сквозь мутное стекло.

И тут я стал понимать, в этом туманном сиянии, что я здесь не одинок.

Это существо стояло в нескольких ярдах перед Машиной Времени — точнее, плавало в воздухе, без всякой поддержки. Этот был шар плоти — нечто вроде вертящейся головы, четыре фута в поперечнике, с двумя пучками щупалец, словно пальцы, топорщившиеся по сторонам и устремленные к земле. Рот этого существа походил на открытый мясистый клюв, и, насколько я мог заметить, ноздрей у него никаких не было. Зато от моего внимания не укрылось, что глаза его, большие и темные, были вполне человеческими. Казалось, оно производит какое-то низкое бормотание, похожее на шум отдаленной реки, и тут я понял, испытав укол страха, что это был за звук. Я слышал его раньше во время экспедиции, еще во время первого путешествия в бесконечность. И во время второго тоже.

Неужели, осенила меня страшная догадка, это существо — я назвал его Наблюдатель — невидимо сопровождало меня и в первой экспедиции?

Внезапно оно устремилось ко мне — и проплыло не более чем в ярде от моего лица.

Этого страха не описать. Я заорал как резаный,

если допустимо такое выражение в приличном обществе, настолько велико было мое потрясение. И не думая о последствиях, рванул рычаг.

Машина Времени дернулась — и Наблюдатель пропал — а я летел в воздухе!

Сколько времени, не могу сказать, я оставался бесчувственным. Я медленно приходил в себя, обнаружив, что лежу лицом на твердой песчаной поверхности. Я ощутил чье-то жаркое дыхание на своей шее — какой-то шепот, прядь волос — или может быть, меха, коснулась моей щеки. Но как только я застонал и попытался встать, эти странные ощущения немедленно исчезли.

Я погрузился в глубокий мрак — чернильно-непроницаемую темноту. Не чувствуя при этом ни тепла ни холода. Я сидел на какой-то твердой, на ощупь песчаной поверхности. В спокойном воздухе царил запах застоя. Голова разламывалась после падения, и в довершение всего я потерял свою шляпу.

Я ощупал руками по сторонам. К моему великому облегчению руки тут же натолкнулись на соединения из меди и слоновой кости — Машина Времени стояла рядом. Я слетел с седла от резкого торможения в этой сумеречной пустыне. Я нащупал поручни и убедился, что с рычагами тоже

все в порядке.

Мне нужен был хоть какой-то свет. Я полез в карман, но не обнаружил там ни одного коробка спичек — как последний дурак, я запихнул их все в ранец! На миг меня охватила паника — но я подавил ее усилием воли и, встав на трясущихся неверных ногах, полез на Машину Времени. На ощупь между скобами обнаружил приторочен-ный там рюкзак. В нетерпении развязав тесемки, я стал рыться в нем. Мне удалось найти пару коробков спичек, которые я тут же сунул в карман сюртука. Затем вытащил спичку и чиркнул ею о коробку.

…Это было лицо, немедленно вынырнувшее передо мной из темноты, на расстоянии менее двух футов, освещенное одной спичкой: я разглядел белую дряблую кожу, льняные волосы, прилипшие к черепу и свисавшие с него — и большие серые с красным глаза.

Существо издало гортанный булькающий вопль, и тут же исчезло во тьме, прежде чем успела догореть спичка.

Это был морлок! Спичка обожгла пальцы и упала; я стал искать новую, в панике чуть было не уронив драгоценный коробок.

4. Темная ночь

Едкий серный запах заполнил ноздри, и я попятился по твердой песчаной поверхности, пока не уперся спиной в медные прутья Машины Времени. Спустя несколько минут оцепенения, я догадался, наконец, выудить из рюкзака свечу. Я поднес ее к лицу и вглядывался в желтое пламя, не обращая внимания на растекающийся по пальцам воск. Постепенно я стал различать некий порядок устройство мира вокруг меня. Блеснули хрустально и медно части перевернутой машины. Надо мной грозно высилась какая-то монументальная статуя. Присмотревшись, я понял, что темнота не кромешная — в ней присутствовали источники света. Солнце безвозвратно исчезло, однако звезды оставались — правда, уже в иных созвездиях, а не тех, что были знакомы мне с детства. И никакого признака нашей старой знакомой Луны.

В одной части неба не светило вообще ни единой звезды: на западе, выступая из черного горизонта, расплющился эллипс, занимавший четверть неба. Это было Солнце, спрятанное в оболочку потрясающих размеров — точно ги-

гантский колпак на лампе.

Когда я, наконец, вышел из ступора, то почел за благо сначала устроить путь для отступления — срочного возвращения домой. Еще никогда мне не приходилось работать с этим механизмом в темноте. Присев на корточки, я почувствовал под ладонями плотный, утрамбованный песок. Продавив в нем ямку не без труда, впрочем, я вставил туда свечу, уверенный, что текучий воск прилепит ее к месту. Теперь у меня был источник света для дальнейших действий, и свободные руки.

Набрав воздуха и стиснув зубы, я попытался перевернуть машину. Просунув под нее запястья и протолкнув подальше колени, я навалился изо всех сил. Никелевый стержень больно впился в плечо, однако постепенно груз поддался.

Ощупав седло, я ощутил, что кожаная поверхность стала шероховатой от песка будущего. Сам себе заслоняя свет, я нащупал циферблаты хронометров — одно стекло разбилось вдребезги, но стрелка была цела, и, по-видимому, прибор повреждений не получил, как и два белых рычага, без которых никогда бы не смог вернуться назад, в свое время. Стоило мне дотронуться до них, как машина задрожала, словно призрак, напомнив

мне, что мы с ней — лишь призраки в этом времени. Но теперь я мог вернуться в любой момент, в безопасный 1891-й год, ничем не рискуя, кроме слегка ущемленного самолюбия.

Выдернув свечу из песка, я поднес ее к циферблатам. Оказалось, я попал в день 239, 354, 634-й и, значит, в 657208-й год. Мое дикое предположение об изменчивости прошлого и будущего получило страшное подтверждение — ибо эти потемневшие холмы склон холма отделяло полтораста тысячелетий от рождения Уины. Каким же образом этот мрачный и пустой мир мог стать зеленым раем, в котором она жила!

Помню, как в далеком детстве отец показал мне примитивную игрушку под названием «Призраки». Несколько разноцветных картинок вставлялась в экран, окруженный двумя линзами. Картинка сперва проецировалась правой линзой, затем свет менялся в левой так, что картинка справа тускнела, а левая становилась, напротив, ярче. Тогда меня потрясло, с какой легкостью предмет может превращаться в призрак, а призрак, чья форма вначале видима лишь как очертание, обретает плоть. Это был забавный момент, когда два изображения балансировались, и трудно было определить, какая из картинок

окажется более реальной.

, я стоял в этом темном ландшафте и чувствовал как реальный мир становится туманным и ненадежным, чтобы замениться иным, невозможным миром!

Расхождение двух Историй, которому я оказался свидетелем — в первом садово-огородный мир элои, во втором погасшее солнце и пустыня, раскинувшаяся на всю планету. Мне это как-то не умещалось в голове происходящее. Как могло одновременно «быть» и «не быть»?

Задаваясь этим поистине гамлетовским вопросом, я вспомнил Фому Аквинского, его слова: «Бог не может ничего изменить в прошлом. Это невозможнее, чем поднять мертвеца…» И тогда мне показалось совершенно справедливым такое суждение! Не предаваясь философским размышлениям, я всегда думал, что будущее является продолжением считал, прошлого: зафиксированное, закрепленное, незыблемое даже для Бога — и уж наверняка для человеческой руки. И в том числе — для машины времени.

Оказалось, однако, что будущее может и не быть «зафиксированным», а изменчивой «вещью в себе»! Если так, размышлял я, то какое же значение может в нем иметь жизнь человека? Неужели

все наши достижения могут обратиться в ничто под разлагающим воздействием Времени? Что же тогда — Человек, и что — дела его, если все, что он любил и все, чему посвятил жизнь, может оказаться навсегда стертым с карты Истории. Подобная участь могла постичь любого человека и любое человеческое деяние.

Я смотрел на тающее пламя свечи и начинал сомневаться в самом мире — что же он такое? Что в нем есть устойчивого и надежного? Все зыбко, как воск, сгорающий в пламени, не оставляя после себя ничего.

Однако, совладав с собой, я решил осмотреться в этом загадочном мире, и запечатлеть его на Кодак, после чего вернуться в 1891 год. Потом пусть этим займутся философы, пусть они ломают головы над тем, как могут существовать два будущих, взаимоисключающих друг друга, мира.

Я свинтил оба рычага Машины Времени, без которых машину нельзя было привести в действие, и засунул их подальше в карман — что я делал и прежде — и, как выяснилось, недаром. Затем отыскал кочергу, засунутую между валов и осей двигателя, Машины Времени. Ухватив тонкую рукоятку, я взвесил ее в руке. И тут же почувствовал себя намного уверенней, пред-

ставив, как такой штукой можно сокрушить черепа нескольким морлокам. Их бледные лица до сих пор вставали перед моими глазами. Такого примитивного инструмента для встречи вполне хватит. С такими мыслями я засунул кочергу за пояс. Она висела там как кобура полицейского, увесистая и обнадеживающая, одновременно являясь напоминанием о доме и очаге.

Я поднял свечу перед собой. Из темноты смутно вырисовывалась статуя — громадное изваяние из белого камня, насколько можно было различить в пляшущем свете свечи.

Я направился к монументу уверенной походкой, которую диктовала мне кочерга. Всюду мне мерещились серовато-красные глаза, которые вот-вот вынырнут из темноты. По песку в стороне пронеслось шуршание, которое вполне могло быть шагами босых ног. Я сразу схватился за медную рукоятку и, не замедляя шага, направился дальше.

Статуя была расположена на бронзовом пьедестале. Львиное тело распростерло над собой широкие крылья так, что казалось (от пляски пламени) будто бы они развеваются надо мной. Лик мраморного зверя был человеческим. Казалось, эти пустые каменные глаза наблюдают за мной:

улыбка, насмешливая и жестокая, светилась на его обветренных губах.

И тут я узнал его: и, если бы не страх перед морлоками, то обрадовался бы так, словно вернулся домой! Этот были все те же декорации знакомого мира элоев, только превращенного в ад: пустынный и песчаный. Это был тот самый Белый Сфинкс, и отстоял он на том же самом месте, словно привет от старого друга!

Я обошел песчаный холм, на котором не росло ни травинки, стараясь не удаляться от машины, вспоминая, как это было.

Здесь когда-то находилась та самая лужайка с мальвами и пурпурными рододендронами — они сбрасывали на меня свои цветы во время бури с градом. И столь же неразличимая сначала среди вертевшихся градин, теперь выступала фигура Сфинкса.

Ну что ж, я снова оказался здесь, — но за сто пятьдесят тысяч лет до происходивших тогда событий. Кусты и лужайка исчезли — и, по-видимому, навсегда. Райский сад заменила вечная пустыня — и теперь он существовал лишь в моих воспоминаниях. Однако Сфинкс был здесь — реален и осязаем, и к тому же почти не подверженный разрушающим силам времени.

Я похлопал по бронзовым панелям пьедестала почти с нежностью. Неким образом само существование Сфинкса, оставшегося на прежнем месте со времени моего первого посещения, уверило, что все это не было игрой воображения и безумным бредом, из которого я в беспамятстве вернулся в 1891-й год! Все это было объективной реальностью, и — вне сомнения, подобно остальному Творению вполне укладывалось в привычные логические рамки. Белый Сфинкс тоже стал частью этого логического уравнения, и лишь мое невежество не давало увидеть остальное. Я воспрянул духом и почувствовал новый прилив сил, а также решимость продолжать исследование неизвестного альтернативного будущего.

Словно по наитию, я направился к той стороне пьедестала, что располагалась ближе к Машине Времени, где при свете свечи исследовал вблизи бронзовую панель с декором. Именно здесь, вспомнил я, морлоки другой Истории устроили гараж для Машины Времени и ловушку — для меня. Постучав камешком по бронзовой панели, я обнаружил там пустоту. К панели крепились кольца, которые я пытался дергать, правда, без успеха. Хвататься за них было удобно — прочные

и на вид как новые.

Я продолжил исследования местности. Присутствие Сфинкса напомнило мне ужас, который я испытал после внезапного исчезновения, попавшей в руки морлокам. Похлопав по карманам, я убедился, что рычаги на месте — а без них никто бы не смог угнать машину. Но и это не исключало возможности, что какие-нибудь другие негодники утащили ее, стоило мне удалиться на порядочное расстояние, и возможно, разобрали по частям или как в прошлый раз, затащили бы невесть куда.

Кроме того, в этом сумеречном ландшафте можно было запросто заблудиться. Как в таком случае найти место моей высадки? Стоило мне отойти на несколько ярдов в сторону — и я бы потерял все ориентиры. Свечи не хватило бы, чтобы осветить местность и определиться, в какую сторону двигаться. Это было как находиться в океане мрака.

Некоторое время, ломая над этим голову, мое желание осмотреть местность, боролось с такими доводами. И тогда меня осенило. Открыв рюкзак, я вытащил весь свой запас свечей и камфоры. Я торопливо воткнул свечи между деталями механизма. Затем обошел машину, зажигая спички,

пока не загорелись все.

Я отошел в сторону, не без гордости любуясь эффектным зрелищем. Сейчас Машина Времени, мерцая никелем и медью, напоминала Рождественскую елку. Во тьме на голом склоне холма она сейчас была точно маяк, видимый издалека. Возможно, этот свет отпугнул бы и морлоков, вздумай они приблизиться — и в любом случае, я бы заметил их приближение и мог бы вовремя вернуться, чтобы отбить у них машину.

Я нащупал рукоять кочерги. Пальцы невольно задрожали, когда я вспомнил наш первый поединок.

Теперь я был готов к вылазке. Захватив Кодак, я зажег небольшую керосиновую лампу и отправился в путь по холму, останавливаясь, каждые несколько шагов, чтобы убедиться, что Машина времени стоит на месте в неприкосновенности.

5. Колодец

Я поднял лампу, но света хватало, чтобы вычислить пространство лишь на несколько шагов вперед. Кругом царила тишина — ни дыхания ветерка, ни журчания воды.

Еще не имея отчетливой цели, я решил направиться в сторону громадного обеденного зала, в котором меня потчевали элои. Он должен был находиться неподалеку, в северо-западном направлении, чуть дальше по склону холма за Белым Сфинксом. Эта дорога была мне хорошо знакома — моя первая прогулка по миру Уины, так похожему на рай.

Но теперь не было ни травинки под ногами — только сухой песок поскрипывал под ногами.

Постепенно глаза освоились в темноте, и, хотя вдали смутно высились очертания зданий на горизонте, зала нигде не было. Я совершенно отчетливо помнил, где должен был стоять серый монолит, полуразрушенное строение из камня, стертого временем, с древней резной аркой. Когда я проходил под ней, маленькие хрупкие элои касались меня своими детскими пальчиками и мягкими одеждами.

Трудно сказать, сколько я прошел в темноте, но, по моим расчетам, уже должен был войти в зал. Получалось, зал просто не сохранился в этой, другой Истории — или даже никогда не был построен, с трепетом подумал я. Сейчас то прошлое путешествие стало казаться сном. Я будто обедал с призраками в никогда не существовавшей столовой.

Вскоре я выбрел к колодцу. Правильно, именно здесь он и находился, по моим расчетам — отсюда я посещал подземные фабрики морлоков. Именно таким он и был в первый раз: обрамленным бронзой и защищенный от непогоды небольшим хрупким куполом. Мне попались первые представители флоры на этой планете будущего — они росли на этом самом куполе, Это был мох — черный и блестящий как антрацит в смутном свете звезд. Место было зловещее — ведь именно отсюда морлоки совершали свои кровавые вылазки из адских подземелий, нападая на солнечный мир элоев.

Я заглянул в колодец. Жерло было пустым, оттуда тянуло едва слышным ветром. Никаких звуков оттуда не доносилось, что сразу насторожило меня. Ведь в прошлый раз я слышал отчетливый стук работы механизмов, скрытых под землей.

Я присел на край колодца, готовый забросить туда ноги, но что-то останавливало меня. Лишайник. Очень странный мох: мягкий и сухой на ощупь. Возможно, этот лишайник рос на стенах колодца и на поверхность земли выполз именно оттуда. Я перенес лампу за край колодца и заглянул вглубь: если бы на дне была вода, я бы поймал ее отражение. Однако сквозняк подземелья сразу атаковал огонек, и я вытащил лампу, не желая остаться без источника света.

Просунув голову под купол, я принюхался. Теплый сырой воздух подвала дохнул мне в лицо. Глубина была колоссальная — но где-то, наверное, на самом дне я уловил робкий источник красного цвета. Это было совсем непохоже на колодцы первых морлоков. Причем ни следа металлических скоб в стенках — так что и лестницы, по которой я спускался в прошлый раз, можно сказать, не было. Отсутствовала эта лестница как данность, и это возбуждало новые подозрения. Итак: ни лестницы, ни шума механизмов, и к тому же колодец уводил намного глубже, чем ожидалось.

Тут меня осенило. Я вооружился Кодаком и, засыпав порошок в лоток вспышки, осветил внутренности колодца ослепительно ярким све-

том подожженного магния. Сияние было таким ярким и нестерпимым для глаз, что я вспомнил про ушедшее Солнце, которое уже никогда не будет светить над этой Землей. Вот уже сотню тысяч лет планета не видела такого света. Моя выходка должна была отпугнуть морлоков, на дух не переносивших никакого света: ведь даже вылазки свои они совершали только в темноте. Вот бы установить такую световую сигнализацию на машину времени, чтобы магний вспыхивал всякий раз, когда к ней прикоснутся морлоки.

Я прошелся вокруг колодца, распугивая ночную тьму вспышками фотографического магния. Вскоре воздух вокруг меня стал удушливым, как серный дым преисподней. И кто знает, скольких морлоков я обратил в бегство. Может быть, сейчас, на этом месте творилась победа светлых сил человечества над темными.

…И тут, во время этих забав, донесся шорох. Кто-то скребся по камню, тихо, настойчиво, уже подползая, должно быть, к самому краю колодца — оттуда, снизу!

До меня ему оставалось не более трех футов. Испуганно вскрикнув, я стал лихорадочно выдергивать кочергу из-за пояса.

С кочергой наготове, я сделал решительный,

но осторожный шаг вперед. И тут же стал догадываться, что звуки доносятся из того самого черного мха или же лишайника. «Это не морлоки» — подумал я. Присев на колено, я согнулся над кочкой мха. И тут же увидел крошечное создание, похоже на краба, шириной не больше ладони. Это оно скребло клешнями по жесткому лишайнику. Вот откуда был этот странный звук!

Панцирь его был таким же черным, как и мох. К тому же существо было совсем безглазым, точно слепые монстры океанских глубин, куда, как известно, свет с поверхности никогда не доходит. Он им там просто не нужен.

Итак, даже в этой кромешной тьме происходила борьба за выживание — бесконечная драма жизни. Это было потрясающее открытие. Мне казалось, что эти колодцы необитаемы — не считая призрачных теней морлоков. Я не биолог, но совершенно очевидно, что теплота и сырость привлекают не только растительную жизнь. Ничего удивительного, что кроме лишайника здесь оказались и представитель фауны. Возможно, он питается этим лишайником, тут же выдергивает из него каких-нибудь блох либо инфузорий. Откуда берется теплый воздух? Скорее всего, тому причиной вулканические испарения остываю-

щей Земли — то, что раньше вырывалось наружу с шипением, в виде гейзеров и струй, теперь обогревает подземные кладовые морлоков. За шестьсот тысяч лет планета должна была порядочно охладиться. А возможно сырость исходит от водоносных пластов, все еще залегающих в глубине.

Возможно, вся планета пробурена такими вот шахтами и колодцами с куполами. И цель этих строений — совсем не в том, что они служат дверями в мир морлоков. Они заменяют планете отсутствие солнца и влаги.

Я начинал укрепляться в мысли, что именно так и произошло — и уверенно сел на край колодца, свесив ноги вниз. Инцидент с крабом успокоил меня — я почти беззаботно достал трубку и пачку табака из кармана и закурил. С трубкой в зубах я стал размышлять, как это История могла дать такой крен в сторону. Очевидны некоторые параллели и совпадения — следы присутствия морлоков (колодец) и элоев (Белый Сфинкс). То есть наземные артефакты и подземные сооружения. Но конфронтация этих существ разрешилась, очевидно, несколько веков назад. Причем не в пользу элои. Одна из рас победила, и, к сожалению, как не больно было признаться

— совсем не та, за которую я «болел». Морлоки были зависимы от элои, так же как и последние от первых, и это вносило некую стабильность в их сосуществование.

Но что могло случиться потом? Я стал прокручивать возможные сценарии событий. Возможные пути развития взаимоотношений таких разных существ, даже не рас — они были далеки друг от друга, как инопланетяне с разных созвездий. Логика заложена в сердце человека, если он в чем-то сомневается, все надо разложить по полкам и представить себе ясное развитие событий. Морлок знает, что элои полезен ему, это его отдаленный собрат — и все же низвел его в положение скота. Элои, мирные как барашки и такие же безобидные, были стадом морлоков — их кормовым скотом. Они паслись себе вверху на траве, пользуясь благами цивилизации не без помощи со стороны морлоков, и находили себе конец у них на обеденном столе.

И все же…

И все же в одно прекрасное утро жизнь элоев, и без того короткая, окончательно оборвалась. Эти крошечные люди наслаждались существованием в своем Эдеме, в то время как морлоки вкалывали как проклятые в подземельях. Морлок трудился,

чтобы обеспечить безбедное существование брата своего Авеля… тот есть — Элоя. Вне сомнения, Каин — то есть морлок — был приспособлен как раз именно к такой жизни — и мир элоев претил морлоку. Возможно, как в случае с первыми людьми — причиной всему была зависть. Элои были оскоминой для морлоков.

И вот я представил, как однажды морлоки поднялись из своих тоннелей и напали на элоев. В этот раз они пришли не взимать оброк — они просто перебили все стадо, безжалостно, и, как всегда, кровожадно. Может быть, даже с большим удовольствием, чем раньше. Это было совершенно бесцельное нападение — волки никогда не пойдут на такое, разве только чтобы досадить хозяину овец. И это был закат эры элоев.

Поляны и залы где обедали элои, были залиты кровью этих жертвенных агнцев, и древние камни вторили их последним крикам!

, оставался один победитель. Хрупкие люди будущего с их чахоточной красотой и недолгим веком окончательно уступили место племени морлоков.

Теперь морлоки восторжествовали. Сады им больше были ни к чему, и они запустили их, и дома превратились в руины и стерлись с лица

земли. А потом они вырвались наверх и принесли сюда свой стигийский мрак — закрыв солнце, которое им было ни к чему! «Темные ночи» — вот что принесли они с собой, приспособив землю для своего проживания. Они убили не только последних жителей земли, но и саму планету.

Такой была моя предварительная гипотеза — совершенно дикая и по счастью, ошибочная.

...И тут меня посетила нехорошая мысль. Во время своих размышлений о судьбах земли, которые завели меня так далеко, я совсем забыл поглядывать в сторону Машины Времени, оставленной мной на пригорке.

Я тут же вскочил и с высоты колодца, выпрямившись во весь рост, устремил взгляд вдаль. Вскоре я вычислил слабый свет в отдалении, ореолом окружавший машину — но уже отсюда мне чудились передвигающиеся тени.

Кто это мог быть?

Только морлоки!

6. Моя встреча с морлоками

Кровь ударила в голову, заставив забыть о страхе — и я помчался, размахивая кочергой, к машине. За моей спиной рухнул Кодак, звякнув разбитым стеклом.

У машины, уже на подходе, я разглядел их зловещие силуэты. Это были морлоки! Свет притягивал их, как ночных мотыльков, и отпугивал одновременно. Существа, подобные обезьянам — все те же, разве что ростом чуть пониже, с взлохмаченными спутанными гривами, растущими. Казалось и на спине, с белой, как тесто, кожей, длинными руками гиббонов и волчьими красными глазами. Они что-то бубнили и горланили на своем странном языке. Машину Времени они еще не тронули, с облегчением заметил я, но я знал, что это дело времени: их ловкие обезьяньи пальцы рано или поздно дотянутся до блестящих частей машины, в которой им не терпелось, наверное, разобраться. Элои же, напротив, были совершенно равнодушны и к машине, и ко мне, путешественнику во времени, проявив только первоначальное любопытство.

Однако морлоки не успели открутить вожде-

ленных деталей, потому что в этот момент на них обрушился я с кочергой, словно Ангел Мщения.

Я разил направо и налево, попеременно, то кочергой, тот кулаком. Морлоки с неистовым визгом лопотали, хрипели, разбегаясь по сторонам. Я схватил одну из пробегавших мимо тварей и почувствовал могильный холод его тела — белого и на ощупь напоминавшего сокращавшегося червя. Волосы, словно спутанная паутина скользнули по моему запястью, и я невольно содрогнулся, как от прикосновения насекомого. Это животное выкрутилось и попыталось прокусить мне руку, однако я опередил его желание кочергой.

Красные глаза удивленно вспыхнули на мгновение — и тут же закрылись.

Все это не касалось меня — я словно бы видел это лишь далекой частью рассудка. Я совсем потерял голову, забыв о цели моего путешествия, о Уине. Как сильно глубоко заложены в нас, оказывается, основные инстинкты. Мне уже казалось, что именно за этим я и вернулся в будущее — чтобы поквитаться с морлокам и, отомстить за Уину и за поруганный мир, а также за свой прошлый позор. Я отбросил в сторону тело морлока — бездыханного или только потерявшего сознание — теперь это был лишь мешок с костями,

поросший шерстью — и сразу сцапал второго, занося кочергу.

И тут я услышал голос — определенно морлока — однако совершенно иной, не похожий на остальные морлочьи голоса. В нем четко слышались командные интонации. Я повернулся на этот голос, — руки мои были по локоть в крови, — приняв это за вызов.

Передо мной стоял необычный морлок. Несмотря на то, что он был гол, как и остальные, его волосы были ровно зачесаны назад и словно прилизаны, так что сам он походил на ухоженного пса из благородного дома. Вместе с тем он больше, чем остальные имел право называться человекоподобным существом. Я прыгнул ему навстречу, совершил скачок, размахнувшись кочергой, зажатой в обеих руках, точно клюшка для гольфа.

И тут «благовоспитанный» морлок, не спеша, поднял правую руку — в ней что-то блеснуло. Зеленая вспышка — и я почувствовал, как мир будущего уходит из-под ног. Утыканная горящими свечами земля опрокинулась и перевернулась у меня перед глазами — я рухнул наземь и больше ничего не помнил!

7. Клетка света

Я медленно приходил в чувство, словно пробуждаясь от долгого и безмятежного сна. Я лежал на спине, с закрытыми глазами, упираясь рогами в стенку. На миг мне представилось, что я лежу в своей кровати, в ричмондском доме, и этот розовый свет, проникавший сквозь веки — предзнаменование утренних лучей, пробивающихся сквозь занавески…

Но тут я обратил внимание, что подо мной нечто мягкое и теплое. Но это был вовсе не привычный матрац.

Затем в голове моей вспыхнули разом предшествующие события: — все, что случилось со мной с того самого времени, как я стартовал на Машине Времени из Ричмонда. Солнечное затмение, нападение морлоков.

Страх заполнил меня, пронзил ледяными иголками с головы до ног, впиваясь в живот. Я очутился в клетке у морлоков! Я в плену!

После такой догадки уже совсем не хотелось открывать глаза и глядеть на окружающий мир. Кто я теперь — кусок мяса, припасенный в подземном холодильнике?

И тут я все же открыл глаза и был застигнут врасплох — в лицо мне ударил Необыкновенный, ослепительный свет. Он исходил от диска ярко-белого цвета, расположенного как раз напротив. Я вскрикнул, пытаясь прикрыть ослепшие в этот миг глаза. Я перекатился на живот, прижимаясь лицом к полу.

Потом стал подниматься на четвереньки. Пол был теплым и податливым, упругим, как резина или кожа. Сначала у меня перед глазами еще крутились вспышки диска — но вскоре я смог кое-что различить под собой — мою тень. И затем, все еще на четвереньках, я постиг удивительную вещь — поверхность подо мной, оказывается, была совершенно прозрачной, как будто сделанная из гибкого стекла — и там, где падала моя тень, заслоняя свет — я увидел…

Звезды!

Они совершенно отчетливо светили под прозрачным полом. Прямо у меня под ногами. Оказывается, меня бросили на какую-то платформу со звездной панорамой под ней. Словно бы я находился в каком-то странно перевернутом планетарии.

Желудок подкатил к горлу. Несмотря на спазмы в животе, мне удалось встать. Прикрыв глаза

ладонью, я заслонился от упорного света, чуть не прожигавшего насквозь. Эх, если бы я не потерял шляпу, которую прихватил из 1891! На мне был все тот же легкий сюртук, правда, основательно вывалянный в песке, с пятнами затвердевшей крови, особенно густо изукрасивших его в области рукавов — как я уже говорил, мои руки были буквально по локоть" в крови. Хотя, что интересно — ладони оказались совершенно чистыми. На них не было не только крови, но даже и не пахло мускусным запахом морлоков. Кочерга моя исчезла, словно провалилась в прошлое, рюкзак тоже как ветром сдуло. Часы, свисавшие на цепочке из жилетного кармана, бесследно отсутствовали. А остальные карманы и вовсе оказались вывернуты, так что в них не осталось ни свечей, ни даже спички. Исчезли даже трубка и табак — последнее утешение!

И тут меня посетила догадка, — я засунул пальцы в жилетный карман, и с облегчением обнаружил, что рычаги от Машины Времени на месте. Я вздохнул.

И огляделся. Подо мной был пол из прозрачной и податливой субстанции, описанной выше. Я был почти в центре светящегося круга — звезды расходились под ногами на тридцать ярдов

по сторонам, образуя довольно большое и просторное помещение. В воздухе пахло пылью, плясавшей в лучах света. Представьте мое состояние: стоять на дне какой-то пыльной шахты, щурясь на полуденное солнце, жарко светившее над головой. В самом ли деле это было Солнце, или только напоминавший его прожектор? Но солнечные лучи ни с чем не перепутаешь — так мне показалось в первый момент. Видимо, я находился в другой точке экватора, где открывался доступ к солнечным лучам.

Борясь с нарастающей паникой, я прошелся по кругу света, оставленному мне в качестве свободы. Я был здесь в полном уединении, и пол под ногами был совершенно голым. Никакой мебели, вообще ничего, кроме пары подносов с контейнерами и картонными коробками, в каких приносят пищу из китайского ресторана. Они были оставлены на полу в десяти футах от места моего «приземления». Я хлопнул в ладоши, и пылинки закружились передо мной, словно в танце, вспыхивая в воздухе. Звук получился глухой, никакого эха в ответ. Значит, помещение узкое, и видимо, небольшое. Ни потолка высокого надо мной, ни далеких стен. Или же стены «клетки» были бесконечно далеки, либо они были

сделаны из какого-нибудь звукопоглощающего материала. Так или иначе, я не знал, какова эта дистанция.

И никаких следов Машины Времени. Где она, что с ней?

Я ощутил глубокий животный страх, стоя в этой клетке из мягко прогибающегося под ногами стекла. Я почувствовал себя голым и беззащитным, — мне было некуда даже забиться в угол, уязвимому со всех сторон.

Медленно и неохотно я подошел к подносам. Придирчиво рассмотрев картонки, я поднял крышки, чтобы ознакомиться с содержимым. Там был один большой пустой бак и сосуд с чем-то, цветом и запахом напоминающим обыкновенную чистую воду. В последнем блюде находились брикеты величиной с кулак — видимо, пища. В виде чего-то отдаленно напоминающего сыр — слоистый и разноцветный — желтое, зеленое и красное были сложены ломтями, что это, понять было невозможно. Мне еще не приходилось видеть столь странной пищи, хотя и вид ее и запах, говорили, что это можно есть. Я поковырялся пальцем, пытаясь отделить один слой от другого и посмотреть, что же там, между ними — и как они крепятся друг к другу. Пища на ощупь оказа-

лась холодной и мягкой, в самом деле, напоминая сыр. Я не ел со времени завтрака — плотного английского завтрака, приготовленного мисс Уотчет, это случилось в моей запутанной жизни уже множество часов назад. К тому же я чувствовал нараставшее напряжение в мочевом пузыре — видимо, для него и было предусмотрена пустая бадья. Я не видел повода, для чего морлокам, не убившим меня сразу, травить меня чем-нибудь в одиночном заточении, но тем не менее неохотно пользовался плодами их гостеприимства — а еще меньше мне хотелось ронять достоинство, пользуясь их горшком!

Я переминался возле подносов, не зная с чего начать, меряя камеру шагами и принюхиваясь к еде издалека, точно дикое животное. Я проверил на всякий случай сами подносы — не смогут ли они сгодиться в качестве оружия, ведь острым заточенным краем подноса заключенные иногда пользуются как ножом или мечом. Однако эти изделия были выполнены из серебристого металла, напоминавшего алюминий, к тому же столь тонкие и мягкие, что можно было согнуть рукой. С таким же успехом я мог бы резать морлоков листом бумаги.

Меня озадачило, с чего это они так вежливо

учтиво обращаются со мной. Для них было делом минуты покончить со мной, пока я был без сознания, однако они не только сохранили мне жизнь, но и похоже, попытались очистить мои руки, обагренные их зловонной кровью.

Естественно, у меня тут же возникли неопределенные подозрения. Для чего им надо было сохранять мне жизнь? Может, они хотели выпытать у меня секрет машины Времени?

Я с трудом оторвался от пищи, заставив себе не смотреть в ту сторону, и вышел за круг света — светоносный круг, в лежавшую за ними тьму. Сердце мое тревожно стучало: я обнаружил, что только страх перед тьмой удерживал меня здесь, как собаку на привязи.

Наконец, я двинулся во тьму наугад, выставив перед собой кулаки по всем правилам английского бокса. Я считал шаги: «восемь, девять, десять…» Под ногами все более отчетливо прорезалась тьма — видно было, что я покинул освещенный участок. Сначала различались звезды в перевернутой чаше неба, и мне казалось, что я чудесным образом стою вверх ногами на куполе планетария. Обернувшись, я бросил взгляд назад: столб света с мерцающими в нем пылинками, простирался вверх в бесконечность. Там же остался мой

брошенный ужин.

К черту! Я вернулся в свою клетку света, где из-под ног светили звезды, а сверху — Солнце; вернулся туда, где не слышал ни единого звука, кроме шума собственного дыхания, и поскрипывания ботинок о стеклянную поверхность.

Ярдов через сто я повернул за угол, ориентируясь на световой шпиль. И все равно не находил ничего, кроме тьмы кромешной и звезд под ногами. Мне уже стало чудиться, что в этой тьме я могу второй раз наткнуться на странных плавучих Наблюдателей, которые следили за мной.

Отчаяние глубоко проникло в мою душу. Как мне хотелось перенестись из этого сумрака в теплый солнечный мир Уины, в сад, залитый светом, где разгуливают и резвятся элои, похожие на детей и барашков одновременно. Пусть даже не туда — а всего лишь на свободу — на дикий темный ландшафт, где напали на меня морлоки — среди камней, растений, и животных, под знакомым небом. Что это за место? Куда я попал? Определенно, я был в какой-то клетке, наверное, глубоко под поверхностью земли, расположенной в глубоком подземелье — судя по тому, как высоко летала и клубилась пыль.

Какие жуткие муки готовили мне морлоки? Или мне просто предстоит провести в этой пустоте остаток жизни?

Чувства мои пришли в смятение, как у потерпевшего кораблекрушение, оказавшегося на необитаемом острове. Не зная, ни где я, ни где Машина Времени, я уже не чаял вернуться домой. Я был зверем, пойманным в клетку в ином, незнакомом мире. Судьба моя была страшной и непроглядной, как эта темень по сторонам. Я взывал к тьме, выкрикивая то угрозы, тот просьбы о пощаде и свободе. Я бил кулаками в звездное небо под ногами, словно пытаясь достучаться до звезд. Но все безрезультатно.

В конце концов, я взвыл как ребенок, запертый по ошибке в подвале, и упал в темноту, совершенно лишившийся сил.

Похоже, на некоторое время мной овладела дремота. Когда я пришел в себя, ничего в моем состоянии не изменилось. Злоба и ярость продолжали бушевать внутри, раздирая меня на части. Но голод и жажда взяли свое — и эмоции отступили. Я снова вернулся в клетку света — место моего временного, а, может быть, и вечного заточения.

Сначала я отошел с пустым ведром в темноту

— подальше от глаз морлоков, которые могли наблюдать за мной. Когда я вернулся, пароксизмы голода налетели на меня с новой силой, точно разгневанные фурии. Я взял канистру с водой и поднес к губам. Теплая и безвкусная, словно дистиллированная, лишенная солей и минералов вода, тем не менее, оказалась чистой и слегка освежала. Несколько секунд я попробовал ее на языке, а затем, наконец, сглотнул. Вынужденно — сработала физиология.

Выждав несколько минут, я убедился, что вода не отравлена — никаких нежелательных последствий не наступило. Тогда, убежденный в безопасности, я отхлебнул еще немного воды. Смочив угол носового платка, я отер лоб и руки.

Затем переключился на еду. Какой-то липковатый пласт зеленоватого цвета. Внутри он оказался таким же зеленым, и слегка крошился, как рокфор. Мои зубы плотно завязли в нем. Если вы ели разваренные зелень, скажем, брокколи или шпинат, тогда вы получите представление, какой вкус был у этого зеленого ломтя. Высший свет лондонских клубов поймет меня, надеюсь… Вскоре от зеленого сырка не осталось ничего — он буквально растаял во рту и я подцепил второй пласт и третий — несмотря на цвет, оба они оказа-

лись «с одной начинкой» не различаясь по вкусу даже на йоту. Очевидно, синтетическая пища.

Однако, несмотря на однообразие вкуса, со всеми этими цветными сырками было скоро покончено. Они исчезли из моей жизни окончательно и бесповоротно. Стряхнув крошки на поднос, я опустился на пол, вглядываясь во тьму. Сейчас вместе с сытостью ко мне возвращалась даже некоторая приязнь к морлокам. Так бывает всегда — симпатия к накормившему тебя настигает бесповоротно, как стрела Амура. Спасибо, хоть свет оставили. Если бы не эти звезды под ногами, я бы совсем спятил — в этой непроглядной тьме, где теряешь чувство пространства и времени.

Да, и времени. Простого, линейного существования. Недаром многие узники подземелий либо сходили с ума, либо выходили из темницы, убежденные, что просидели там десятки и сотни лет, в тот время как не находились и года. И все же я понимал, что морлоки предусмотрели этот свет для каких-то других своих целей, — как средство приковать меня к этому месту. Я был узником светового луча!

Постепенно на плечи мне опускалась усталость. Не хотелось терять бдительности — но сон неотвратимо одолевал — и все равно я не видел

перспективы, как смогу сопротивляться ему дальше. Итак, я вышел за кольцо света и забрел в темноту. Здесь я ощутил некоторую безопасность. Сняв сюртук, я сложил его под голову, устроив подушку. Здесь было тепло, пол с подогревом, так что замерзнуть я не боялся и больше ничего подкладывать под себя не стал. Итак, растянувшись во весь рост на звездах, я заснул.

8. Гость

Не знаю, сколько прошло времени, когда я, наконец, проснулся. Подняв голову, я огляделся по сторонам. Тьма была все той же, и казалось, я был по-прежнему в ней одинок. Похлопав по карману жилета, я убедился, что рычаги Машины Времени в целости и сохранности.

Но только я попытался пошевелиться, как боль пронзила ноги и позвоночник, я с трудом сел, чувствуя весь вес своего возраста. Расправил и отряхнул сложенный под головой сюртук и надел его.

Затем я ступил в световой столб.

Подносы с едой и пустая бадья уже ждали меня там. Оказывается, они присматривали за мной. Надо же, какая трогательная забота — не забыли покормить зверя в клетке! Что ж, этого следовало ожидать. В картонках был все тот же полосатый не то сыр, не то водоросли. Комбикорм, короче говоря, неведомого содержания. Размочив этот харч в воде, я позавтракал. Страх миновал, его сменило острое ощущение скуки, знакомое каждому заключенному. Как быстро человек привыкает к новым условиям, которые начина-

ют казаться ему непереносимыми! Что ждало меня? — унылая жизнь под стражей, жесткое ложе, не ахти какая вода, затхлая от дистилляций, и диета из прессованного жмыха ничем не лучше капустной баланды. Это все равно что начать жизнь заново и вернуться в школу — где все уже заранее известно. Предаваясь таким мрачным размышлениям, я услышал:

— Пау.

Этот звук был для меня как ружейный выстрел, прозвучав в полной тишине камеры.

Я вскрикнул, вскакивая на ноги и выставляя перед собой кулаки, готовый встретить врага по всем правилам английского бокса — поскольку на кочергу рассчитывать уже не приходилось. Однако вскоре я понял, что источник звука находится у меня за спиной, и я туту же развернулся в боксерской стойке — подошвы скрипнули по стеклянной поверхности клетки.

Там стоял морлок, как раз у самого края светового круга, как привидение, не решающееся переступить заговоренной черты. Свет едва падал на его лицо, но и этого оказалось достаточно. Он стоял прямо — это было совсем не то сутулое обезьяноподобное существо, с которыми мне случалось встречаться доселе. На нем были

защитные очки из темно-синего стекла, под которыми различались черные выпуклые глаза.

— Тик. Пау. — произнесло привидение, странным хрипло булькающим голосом.

Я тут же попятился, с грохотом оступившись на подносе и взмахнув кулаками.

— Попробуй только подойди! — воскликнул я.

Морлок тем не менее сделал шаг вперед, вступая в широкий луч света: несмотря на защитные очки, он заметно сощурился при этом. Это был один из нового племени морлоков: ухоженных, вроде того, что сразил меня лучом наповал. Он тоже ходил голышом, как остальные, но грива его, растущая от затылка вдоль хребта, была аккуратно причесана и уложена, как и вся остальная растительность, так что это даже напоминало униформу. Маленькое личико со скошенным подбородком, напоминавшее неандертальца или ребенка-урода было как раз передо мной.

И тут же я вспомнил, как один из таких неандертальских черепов треснул под моей кочергой. Сейчас бы мою дубину! Но что толку? Там их без счета, наверное, притаились и ждут в темноте. Тем более, я могу сойтись с ним только в рукопашную, а у него этот пистолет, стреляющий загадочными лучами.

Поэтому я решил выждать своего часа.

Кроме того, что было странно для меня — моя злоба постепенно расточалась. Этот морлок, несмотря на свою наружность, присущую существам его расы, смотрелся довольно комично, особенно в очках, которые только сначала производили зловещее впечатление, вообще же выглядели на нем преуморительно, — обезьяна в солнечных очках!

— Тик. Пау. — повторила обезьяна.

Я сделал шаг навстречу.

— Что ты хочешь сказать мне, скотина?

Он заметно вздрогнул — скорее реагируя на тон, чем на произнесенные слова. — и затем показал на остатки завтрака.

— Тик, — сказал он. — Пау.

Я понял.

— Благие Небеса, — вздохнул я. — Да ты, никак, пытаешься заговорить со мной. Поболтать о насущном? Ну, давай! — И я протянул ему остатки трапезы: — «Тик. Пау». Один. Два. «Ду ю спик инглиш?» Раз. Два…

Морлок кивнул как ученый пони и отчетливо произнес, почти не уступая мне в дикции:

— Один. Два.

— Здорово! А дальше — один, два, три, четы-

ре…

Морлок уже залез в мой круг света, служивший мне клеткой, хотя, как я заметил, старался держаться подальше — чтобы я не мог достать его руками. Он указал на мой сосуд с водой:

— Агва.

— Агва? Похоже на латынь — но я в классических языках никогда не был особо силен. Вода, — перевел я.

И снова морлок замер, прислушиваясь, кивая заученно головой.

В таком духе мы продолжили. Морлок указывал на предметы, самые обычные заурядные вещи — части гардероба, бывшего на мне, части тела, такие как голова и конечность, а я называл соответствующее слово. Некоторые из слов, произносимых при этом морлоком казались совсем незнакомыми, а другие походили на немецкий или староанглийский. Раз или два я даже пытался завязать беседу, пользуясь их скудным запасом — поскольку от простого называния слов для общения толку мало, — но он лишь выслушивал и дожидавшись когда я замолкну, продолжал свою странную игру в слова. Он показывал, я называл, а он переводил. Я пытался пообщаться с ним на языке элои — тот, что помнил из общения

с Уиной, — этими простыми певучими и мелодичными двусложными фразами — но морлок оставался бесстрастен к моим попыткам.

Так продолжалось несколько часов. Наконец, без всяких церемоний, морлок просто прервал наши занятия — он просто отступил во тьму. Я не последовал за ним (еще не время! — напомнил я себе). Затем я поел и поспал, и, по пробуждении, все повторилось — мы продолжили свои уроки.

Пока он расхаживал по моей клетке света, указывая на вещи и называя их, движения морлока и жесты становились более плавными и грациозными. Изменилась походка, осанка, появилась жестикуляция. Вскоре я понял, что он подражает мне.

В конце второго цикла уроков морлок отошел от меня и заговорил:

— Вполне достаточно. Вы понимаете меня?

Я уставился на него. С какой легкостью он общался на английском 1891 года! Слегка размытое произношение, вызванное, видимо, особенностями речевого аппарата морлоков, — но вполне различимая и удобопонятная речь!

Не дождавшись ответа, он повторил:

— Так вы понимаете меня?

— Я… да. То есть, я хочу сказать — прекрасно

понимаю! Но как это у вас получилось — как вы могли изучить мой язык? Мы обменялись пятью сотнями слов, этого крайне мало, чтобы понять язык — одни существительные и простейшие глаголы.

— У меня есть доступ к древним языкам Человечества. Нескольких ключевых слов достаточно для выбора нужного варианта общения. Сейчас мы общаемся на языке эпохи… Если встретите незнакомое слово или фразу, спросите — может быть, этого предмета еще не появилось в вашем времени.

Я сделал осторожный шажок вперед:

— Древние? Вы говорите — древние? И откуда вы узнали?

— О чем?

— О том — что я — древний.

Громадные веки опустились под выпуклыми очками.

— Ваше телосложение. Оно архаично. Выдает раннюю ступень развития. Вы для нас неандерталец нашей эпохи. К тому же содержимое вашего желудка, — он брезгливо передернул плечами.

Я тут же вспомнил о завтраке мисс Уотчет — плотном английском завтраке, которым я подкрепился, отправляясь в путешествие во

Времени — и мне стало неудобно. Однако какая мерзость! Они залезли даже в выгребное ведро, чтобы исследовать меня! Впрочем, хладнокровно обдумав это, я пришел к выводу, что точно так же поступили бы ученые моей эпохи, окажись у них в гостях неандерталец, прилетевший в будущее на Машине Времени.

Тем временем морлок продолжал:

— Вы не из этого времени. Это совершенно очевидно. Мы не понимаем, откуда вы взялись, но, думаю, скоро выясним.

— Вот как, — с нажимом сказал я. — Значит, теперь вы понимаете, кто я такой. И все же держите меня здесь — показал я на пол. В клетке! Словно бы перед вами животное, а не разумный человек. Бросили меня на пол, рядом с выгребным ведром.

Морлок ничего не ответил: он просто изучал меня бесстрастным взглядом.

Наконец, беспокойство и досада отступили сами собой. Теперь я мог общаться и, похоже, эти существа, были настроены достаточно мирно: от них не исходило той угрозы, что от морлоков, похитивших у меня Уину.

— Теперь, когда мы можем общаться, не скажете ли вы мне, куда я попал? И еще — куда вы на

этот раз спрятали мою машину? Ты понял меня, парень, или мне нужно перевести? — с этими словами я потянулся к нему, хватая за волосы, росшие на груди.

Но стоило мне сделать пару шагов в его направлении, как он поднял руку. И все. Помню только странную зеленую вспышку — но совершенно не помню конструкции пистолета — ничего похожего мне просто не встречалось, хотя у меня в свое время была коллекция огнестрельного оружия, которую я продал, в процессе создания Машины Времени, чтобы покрыть грандиозные расходы. В общем, получается, во время наших уроков и разговоров он все время держал это устройство наготове в ладони и применил его в надлежащий момент.

И я рухнул лицом к звездам на пол, совершенно без чувств.

9. Откровения и возражения

Придя в себя, я обнаружил, что снова лежу, распростершись на полу, щурясь от нестерпимо яркого света.

Приподнявшись на локтях, я растер воспаленные веки. «Мой друг морлок» стоял все там же, чуть выступив за круг света. Я со скрипом встал на ноги, как боксер, только что получивший технический нокаут. От новых морлоков, как я понял, придется ждать новых сюрпризов.

Морлок вступил в круг света, посверкивая синими очками, похожими на глаза мухи. Словно бы продолжая прерванный диалог, он как ничем не бывало продолжил прерванную беседу:

— Меня зовут… — и произнес косноязычным языком морлоков, — Нево.

— Нево. Очень хорошо. — И я представился в ответ. Мое имя он повторил несколько раз, пока не добился точного произношения.

Это был первый знакомый из морлоков — раньше для меня они были безликим стадом.

— Итак, Нево, — заявил я, оправившись от шока. Я присел перед подносами, потирая ушибленные локти. Похоже, я здорово отбил плечо во

время последнего падения. — Значит, ты, Нево, назначен вроде как смотрителем в зоопарке.

— В зоопарке, — механически повторил он и задумался. — Нет. Я не назначен. Я работаю с вами добровольно.

— Работаешь? Со мной?

— Да. Я — то есть мы — хотим понять, как вы сюда попали.

— В самом деле — а я-то думал!

Вскочив на ноги, я принялся расхаживать по клетке.

— И что, если я сообщу вам, что прибыл сюда на машине, которая может переносить перенести человека сквозь время? — Я протянул ему руки. — Вот этими руками я построил ее. Вам этого достаточно? Что вы на такое скажете?

Похоже, он прокручивал в голове сказанное.

— Ваша эра, как можно судить по речи и вашему физическому сложению, весьма далека от нашего времени. Ваша эпоха — эпоха освоения новых технологий — о чем свидетельствует ваша машина, может ли она переносить сквозь время, как вы утверждаете, или же нет. А также то, что вы носите в качестве одежды, развитые пальцы и отпечатки зубов, снятые нами в месте надкуса брикетов, говорят о том, что вы продвинутая раса

и цивилизация.

— Весьма польщен, — отвечал я с некоторым жаром, — но, раз я такой продвинутый, считаюсь разумным существом и ближе к человеку, чем к обезьяне, почему я до сих пор в клетке?

— Потому что вы, — сказал он ровным тоном, — уже пытались напасть на меня. С намерением причинить физический ущерб. К тому же судя по тому, что вы делали на Земле…

Тут ярость вспыхнула во мне с новой силой. И я стал подступать к нему.

— Вы, гориллы, лапали мою машину, — воскликнул я. — Чего же вы ждали? Я только защищался. Я…

Но он перебил:

— Это были дети.

Его слова застали меня врасплох. Они буквально пронзили меня. Я еще пытался зацепиться за остатки гнева, но все уже расточилось.

— Что вы сказали?

— Дети. Это были всего лишь дети, на которых вы набросились с вашим оружием — крючком — или как это называется в вашем веке? Со времени появления Сферы Земля стала детским садом, местом, где подрастающее поколение проводит время до вступления во взрослый возраст. К ва-

шей машине их привлекло простое любопытство. Наивная детская непосредственность. Вот и все. Они не собирались сделать ничего плохого ни вам, ни вашему аппарату. А вы напали на них, причем как настоящий дикарь.

Я невольно попятился. Скакавшие вокруг машины морлоки в самом деле показались мне какими-то уж совсем низкорослыми. И действительно, никто из них даже не пытался защищаться. Только тот, которого я поймал, укусил меня — а я его кочергой!

— Слушайте… тот, которого я ударил. Он — живой?

— Живой. Что касается телесных повреждений, это поправимо. А вот…

— Да?

— Душевные раны могут остаться надолго — такое не лечится.

Я понурил голову. Неужели это правда? Неужели ослепленный ненавистью к морлокам, я не смог отличить тех существ около рядом с машиной от сутулых серых обезьян кровожадных крыс, из мира Уины, которые тащили добычу в свои норы? — а всего лишь безобидные дети?

— Пожалуй, вы не понимаете, о чем я говорю — но я чувствую себя так, будто попался в одну из

тех ловушек, что называют Уподоблением.

— Похоже, вам стыдно, — заметил Нево.

Стыд… Вот уж не думал услышать подобное слово от морлока! Я в замешательстве посмотрел на него.

— Да. Пожалуй, так. И что? Это чувство ставит меня ближе к животным — или наоборот?

Он ничего не ответил.

И даже в то время как меня терзали угрызения совести, одна мысль упрямо не оставляла меня: слова Нево, которые по-прежнему вертелись в голове: "С тех пор как завершено объединение Сферы, Земля стала детским садом….

— А что это за Сфера, про которую вы тут говорили?

— Вам еще предстоит многое узнать о нашем обществе.

— Расскажите мне для начала о Сфере! — воскликнул я с нарастающей паникой.

— Сфера — это то, что вокруг Солнца.

— Так, значит, я не на Земле? Нево, у меня под ногами — что это? Что там просвечивает?

— Звезды.

Я кивнул:

— И этот свет с высоты…

— Это солнечный свет.

Теперь все становилось окончательно ясным. Я стоял в солнечном луче, самого настоящего солнца, которое светило теперь двадцать четыре часа в сутки: я стоял на неком куполе, под которым просвечивали звезды…

Я почувствовал себя так, будто мир перевернулся у меня под ногами. Голова закружилась, в ушах зазвенело. Мои приключения уже провели меня сквозь пустыню времени, но теперь, после того как я попал в плен к морлокам — я совершил путешествие не только сквозь время, но и через пространство. Я больше не стоял на Земле — я был перенесен морлоками через Солнечную систему!

10. Разговор с морлоком

— Вы говорили, будто приехали сюда на Машине Времени.

Я стал расхаживать по освещенному диску, представлявшему собой пол Сферы.

— Совершенно верно. Именно на Машине Времени. Такое осуществимо, и сейчас я докажу вам теоретически. Эта машина может двигаться по времени в любом направлении.

— Вы утверждаете, что приехали сюда из отдаленного прошлого, на этой машине — и при этом отправной точкой была Земля.

— Совершенно верно.

Морлок замер как неподвижная статуя, что обычно бывало с ним во время наших продолжительных бесед. Однако меня такой способ общения не устраивал.

— Послушай, парень, — сказал я, — ведь вы же сами пришли к выводу, обследовав меня, что я архаично устроен. Откуда же еще я мог появиться, как еще можно объяснить мое появление здесь, в 657208-м году?

Глаза под очками вяло блеснули.

— Тому может быть множество объяснений, и

более правдоподобных, чем машина времени.

— Например?

— Генетическая регенерация.

— Генетика?

Нево вкратце растолковал мне суть.

Я почувствовал себя оскорбленным. Как будто меня назвали каким-нибудь вымершим диплодоком.

— Значит, по-вашему, меня клонировали из мертвой материи. — Я снова стал взволнованно расхаживать по клетке. — Так-то вы объясняете мое появление в будущем?

Я взволнованно мерял клетку шагами. Больше всего меня раздражало отсутствие стен: невозможно было избавиться от неприятного чувства, что кто-то подходит к тебе со спины. Мне приходилось бывать в тюрьмах моей эры — грязных и довольно примитивно устроенных, но зато там были стены. Которых так не хватало здесь. Стены — это защита от внешнего мира. А в моей камере не было даже этого.

— Не думайте, что я клюну на такую приманку. Это вздор, и вы сами прекрасно понимаете. Я сконструировал и собрал Машину Времени собственными руками, и она принесла меня сюда, так что давайте с этим покончим!

— Мы примем ваши объяснения как в качестве рабочей гипотезы, — сказал Нево. — А теперь, опишите мне пожалуйста принцип действия машины. Я не прекращал свою прогулку по «камере», размышляя. Как только стало ясно, что передо мной разумный морлок, с которым можно общаться, я понял, что рано или поздно такого вопроса не избежать. Да и потом, если бы Путешественник во Времени приехал из Древнего Египта в Лондон девятнадцатого столетия, целая ученая комиссия пытала бы его своими расспросами. Но выдать ему секрет машины — значило раскрыть последний козырь. Я ведь еще ничего не знал об этих новых морлоках.

Так, после некоторых колебаний, я понял, что выбирать мне, собственно, не из чего. Рано или поздно информацию из меня все равно вытянут. Стоит морлокам этого только пожелать. И потом устройство машины намного проще чем, например, часовой механизм. Открыть особенности платтнерита им тоже не составит особого труда. Цивилизация, которая оказалась способна закрыть Солнце крышкой, точно закипающий чайник, легко воспроизведет плод моих инженерных потуг. К тому же в лице Нево я смогу обрести сторонника и защитника, если

буду с ним искренен до конца — это была хотя бы надежда. Я понятия не имел о том, куда они запрятали машину, и что сейчас с ней. И только Нево может сейчас помочь добраться до нее.

Но, если уж говорить начистоту, — главное, что не давало мне покоя, — это побоище, которое устроил я — настоящее избиение младенцев! Оно тяжким бременем легло на мое сознание, рождая комплекс вины. Я не хотел Я был единственным представителем человечества в этом отдаленном будущем, и по моим поступкам судили обо всем Человечестве. Поэтому у меня появилось прямо-таки ребяческое желание показать морлоку, какой я умный и сообразительный, а вовсе не дикарь, который бросается на детишек с кочергой — и продемонстрировать, насколько далеко мы ускакали от обезьян на своих кривых ногах.

Но лучше случая поторговаться у меня не будет. Раз уж выпал такой случай надо поторговаться. Тайны не раскрываются задаром. Поэтому я решил воспользоваться моментом.

— В таком случае, парень, — сказал я, — тебе и самому понятно, кто я таков. Как еще ты можешь объяснить мое появление в 675208-м году?

Мне показалось, что под очками блеснули глаза.

— Есть множество объяснимых гипотез. И многие более правдоподобны. Чем та, которую вы только что высказали.

— Ну и — например?

— Клонирование.

— Вот как?

— Да. Из тканей давно умершего человека.

Нево стал объяснять мне, что это такое, и вскоре я понял, о чем идет речь.

— Вы имеете в виду механизм наследственности? То есть, мои хромосомы могли сохраниться — и вы меня воссоздали заново?

— Но это невозможно — кивнул Нево, — сохранение наследственной памяти при этом исключается. Тем более — мутации.

Яне совсем понимал, о чем идет речь, но, тем не менее, чувствовал, что это какие-то новые технологии.

После достаточно продолжительных изъяснений я, наконец, не стерпел:

— Так вы думаете, что я продукт ваших технологий — не более чем «симулакрум»? И меня реконструировали будто какой-нибудь музейный скелет мегатерия? Так, что ли?

— Такие случаи уже были — хотя не с человеческими формами вашей расы. Да — это вполне

возможно.

Я почувствовал себя глубоко оскорбленным.

— И с какой же целью меня, по-вашему, создали? — Я продолжал взволнованно расхаживать по своей клетке. Хуже всего, что здесь не было даже стен, отчего появлялось чувство незащищенной спины. Лучше сидеть в тесной лондонской одиночке, грязной и вонючей — но знать, что ты в безопасности — и никто не подойдет к тебе сзади. — Не думайте, что я клюну на это. Чистой воды абсурд. Я изобрел и построил Машину Времени, а потом приехал на ней сюда — так что давайте покончим с этим!

— Мы рассмотрим ваше объяснение в качестве рабочей гипотезы, сказал Нево. — А теперь опишите мне, пожалуйста, как работает ваша машина.

Я продолжал расхаживать, размышляя. Как только я понял, что Нево разумное существо и способное к общению, в отличие от морлоков первого путешествия, я был готов к подобным вопросам. В конце концов, то же самое ждало бы и фараона, ожившего вдруг в девятнадцатом столетии — а я был для Нево примерно тем же. Но следовало ли делиться секретом Машины Времени — моим единственным козырем в этом

новом мире?

После некоторых колебаний я понял, что выбора у меня все равно нет. Они смогут получить от меня эти сведения силой, если только захотят. К тому же машина устроена просто, намного проще чем, скажем, часовой механизм. Цивилизация, которая оказалась способна заключить Солнце под колпак, без труда воспроизведет то других, что я с такими усилиями создавал два десятка лет. К тому же, если я буду откровенен с этим морлоком, возможно, мне удастся обрести в нем если не друга, то хотя бы союзника. Я по-прежнему не представлял даже, где они содержат машину, так что перспектива возвращения была смутной и далекой. В любом случае.

Но также — и это чистая правда — хуже всего на меня давило мое бесчинство с детьми морлоков! Меньше всего мне хотелось выглядеть в глазах Нево жестоким кровожадным дикарем. Поэтому с детской непосредственностью, мне захотелось продемонстрировать существу из будущего свои способности, показать, какой я умный и образованный. И как далеко мы ушли от обезьян и пещерных людей.

Тем более, впервые мне предоставлялась возможность выставить встречные требования.

— Хорошо, — сказал я Нево. — Но сперва…

— Да-да?

— Послушайте, — доверительно сказал я. — Условия, в которых вы меня содержите — несколько напоминают звериную клетку, вам не кажется? Я уже человек не молодой и не могу весь день стоять, понимаете? Что скажете насчет кресла? Или я прошу о чем-то невозможном? Ну, может быть, привинченное к полу, как в камере, но все же стул табурет — смею ли я рассчитывать на что-либо в этом роде? И потом — одеяла — это чем мы привыкли укрываться во время сна — такое возможно?

— Кресло, — повторил он незнакомое слово.

Видя, что прямых возражений нет, я перешел к следующим требованиям.

— Мне понадобится больше свежей воды — и какое-то мыло или то, что его здесь заменяет. Наконец, ожидая отрицательного ответа, я замахнулся на бритву, выразительно проводя рукой по щетине.

На некоторое время он удалился и вернулся со стулом и одеялами. Отоспавшись под ними, я обнаружил, что мой провиант пополнился третьим подносом: на нем находилась дополнительная канистра с водой.

Одеяла были мягкими и не тканными. Кресло, судя по весу, было изготовленное из какой-то чрезвычайно легкой древесины, но при этом ни следа от гвоздей или мест склейки. На его красной поверхности — словно бы покрытой странной краской, нельзя было даже оставить царапины… Оно было монолитом, изготовленным неизвестным мне способом. Мои требования насчет мыла оказались неудовлетворенными — ничего похожего на даже обмылок я не обнаружил, однако вода в канистре на третьем подносе обладала дивными качествами: она идеально очищала руки и лицо, и все время оставалась теплой.

Бритвы не было, что ничуть не удивило меня.

После очередного свидания с Нево я разделся и смыл с себя пот и треволнения последних дней: липкие следы крови морлоков, а заодно прополоскал рубашку и нижнее белье.

, моя жизнь обрела некоторые черты упорядоченности и цивилизованности. Это был дешевый номер в отеле, расположенный посреди бесконечной бальной залы. Собрав воедино подносы, стул и одеяла, я соорудил уютное гнездышко и теперь не чувствовал себя как манекен в витрине. Из сюртука я скатал подушку, пристроил ее под стулом, так что спал, уверенный, что уже ничто

не свалится мне на голову. По-прежнему выводил из себя пол, в котором светились звезды. Казалось, будто падаешь в бездонную пропасть — но я огородился от нее одеялом, постеленным на пол. Так понемногу я создавал вокруг привычный мир, от которого не кружилась голова. Ничего не поделаешь, таков человек, он во всем ищет привычное и старательно уходит от всего нового и смущающего разум — в быту, естественно.

Нево осмотрел мою берлогу. Не знаю, что он при этом испытал: смущение или же напротив, веселье. Трудно было сказать, что он обо все м этом думал. Наверное, испытывал те же чувства, что и древние, наблюдавшие за тем, как птица строит гнездо.

Так прошли еще несколько дней, пока я осваивал новое жилище — четыре-пять — когда я начал описывать Нево принцип работы Машины Времени, заодно потихоньку узнавая от него, что произошло с Землей.

Я описывал парадоксы оптики, которые привели меня к идее путешествия во времени.

— Широко известны — в мое время, — аномалии распространения света в среде, — продолжал рассказывать я. — Выше всего скорость света в вакууме — она составляет сотни тысяч миль в

секунду — но при этом она остается ограниченной, конечной. И, что еще более важно, и было продемонстрировано Мичелсоном и Морли за несколько лет до моего путешествия во времени, скорость эта изотропична…

Тут мне понадобились некоторые объяснения. Природу субстанции, именуемой «свет», так же, как и ее скорость распространения в пространстве, нельзя описать как материальный объект, такой, как движущийся поезд.

Представим движение луча света с какой-нибудь далекой звезды, достигающее нашей планеты скажем, в январе месяце, в то время как она, планета, проходит по орбите вокруг солнца. Скорость Земли по орбите составляет примерно 70 000 миль в час.

В июле Земля уже находится на противоположной стороне орбиты — направляясь как раз навстречу свету звезды, можно предположить, что скорость, с которой звездный свет достигает земли, возрастет.

Так бы оно и случилось, если бы со звезды к нам двигался паровой локомотив. Но Мичелсон и Морли доказали, что в случае со звездным светом дело обстоит совсем по-другому. Скорость распространения света остается одинаковой

— независимо от того, движемся ли мы к звезде, или, напротив, удаляемся от нее.

Эти исследования имели непосредственное отношение к природе платтнерита, которым я как раз тогда занимался несколько лет перед этим — и, хотя я не опубликовал результатов экспериментов, но я сформулировал гипотезу.

— Необходимо сбросить оковы воображения — особенно когда дело касается Измерений — чтобы увидеть, отчего это так происходит. Ведь как мы измеряем скорость? Только с помощью устройств, которые записывают интервалы в различных Измерениях: дистанция и интервалы в времени, отмечаемые стрелками часов.

— Учитывая результаты исследований Мичелсона и Морли, мы приходим к выводу, что скорость света не только конечна, но и незыблема — изменяется не материя, а сами Измерения. Вселенная изменяется, превращая скорость света в постоянную величину — константу.

Я заметил, что это можно выразить геометрически, как искажение(скручивание (выжимание Измерений.

Я вытянул перед собой руку, сложив три пальца щепотью. — Если мы находимся в структуре Четырех измерений — представьте, что эта

штука еще и вращается, — и я сделал движение запястьем, — тогда длина оказывается там, где обычно была Ширина, а Ширина там, где Высота. Продолжительность и Протяженность Пространства меняются местами. Понимаете? Само собой, речь идет не о полной транспозиции или смешении, а лишь о взаимной подмене двух измерений, что и объясняет установку Мичелсона-Морли.

— Я принял эти рассуждения к сведению, — продолжал я, — но не стал их опубликовывать — я не силен в теории. Я, в конце концов, практик. Тем более, мне хотелось получить экспериментальное подтверждение этим доводам. Но и многие другие натолкнулись на те же идеи и представления — Фицджеральд в Дублине, Лоренц в Лейдене и Анри Пуанкаре во Франции — вполне возможно, зреет новая теория о природе света и времени, об относительности этих понятий.

В этом и состоит суть работы моей Машины Времени, — сказал я в заключение. — Машина искажает Пространство и Время вокруг себя, обращая Время в Пространственную Протяженность — в будущее или прошлое можно путешествовать так же легко, как кататься на велосипеде!

Я удовлетворенно откинулся в кресле: несмотря на не самые лучшие условия, в которых протека-

ла лекция, похоже, я справился с ней успешно.

Однако морлок особого восхищения не выражал. Он просто стоял, по-прежнему разглядывая меня в синие очки. Наконец он произнес:

— Да, это все понятно. Но каким образом это осуществимо на практике?

11. Из клетки

Такая реакция вывела меня из себя!

Я выскочил из кресла и вновь принялся расхаживать по клетке. Я с трудом сдержался, чтобы не схватить его за грудки и втолковать ему как следует. Но я не стал делать этих обезьяньих жестов. Я просто наотрез отказался отвечать на дальнейшие вопросы, пока он не покажет мне хоть какую-то часть мира так называемой «Сферы».

— Слушайте, — сказал я, — вам не кажется, что это не совсем честно? После того как я преодолел шестьсот тысяч лет для того, чтобы увидеть ваш мир. И все, что мне открылось пока — темный склон Ричмонда и — тут я обвел рукой темноту, — ваши бесконечные вопросы!

Рассудите сами, Нево. Я понимаю, что вам не терпится узнать все о том, как я прошел сквозь время, и что я видел в Истории вплоть до вашего появления в ней. Но как я смогу рассказывать об этом, даже толком не зная, что с вами происходит, и в каких условиях вы обитаете в настоящее время. — Не говоря уже о той, другой Истории, свидетелем которой я был.

Тут я намеренно оборвал речь — как это де-

лает опытный оратор, полагая, что достаточно убедил его.

Он поднес руку к лицу; тонкие бледные пальцы поправили очки на переносице — жест, каким джентльмен поправляет пенсне.

— Мне надо посоветоваться, — сказал он наконец. — Мы еще поговорим.

И с этими словами удалился в темноту. Глядя ему вслед, я слышал шлепанье босых ступней по мягкому полу, сквозь который просвечивали звезды.

После очередного промежутка сна Нево вернулся. Он помахал мне рукой с порога моей «клетки». Что-то было неестественное в этом жесте — будто бы он освоил его совсем недавно.

— Пошли, — позвал он меня за собой.

Возбужденный предстоящими открытиями — и не сказать, чтобы совсем без страха, я подхватил с пола сюртук и направился за ним.

Я двигался за Нево в темноте, которая уже столько дней окружала меня со всех сторон. Пятно света, служившее мне домом, уже осталось далеко позади. Я оглянулся на него, на разбросанные подносы, груду одеял и кресло посередине — может быть, единственное в этом мире! Я не испытывал особой ностальгии, но все же должен

был себе признаться, что не знаю, вернусь ли я сюда когда-нибудь.

У нас под ногами светились вечные звезды, словно мириады китайских светильников фонарей в рукаве невидимой реки.

На ходу Нево протянул мне очки синего цвета, такие же, как у него.

— А без этого никак нельзя? — запротестовал я. — У меня вообще все в порядке со зрением.

— Это для другого. Очки не от света, а для темноты. Наденьте.

Я последовал его совету. Очки были из мягкого податливого материала и плотно сели, не давя, но и не спадая с лица.

Ничего не изменилось. Я повел головой по сторонам. Синий цвет в очках совсем не чувствовался.

— Похоже, они не действуют, — сказал я Нево.

Вместо ответа мой провожатый кивнул вниз.

Посмотрев на пол, я чуть было не упал. Там сквозь пол просвечивали звезды. Больше не защищенные никаким экраном. Подобную картину я видел только в Уэльсе, в Шотландии! Громадные мохнатые звезды, как шапки волынщиков, светили по сторонам — звезды, каких никогда не увидишь на земле — но можно наблюдать только

в высокогорье. Хотя бы и в Шотландии.

Тут я заметил нетерпение Нево, и оторвался от этой величественной картины. В полном молчании мы проследовали дальше.

Через несколько Не успели мы пройти и несколько шагов, как он стал притормаживать, и я заметил, благодаря очкам, что перед нами стена. Тронув ее рукой, я обнаружил, что стена из того же материала, что и пол. Странно, что мы достигли ее так быстро — видимо, мы шли по движущейся в этом направлении дорожке — стена словно бы вынырнула ниоткуда.

— Может, вы хоть скажете, что это за место?

— Что это за место? — переспросил он.

— Да. Просто — что это такое?

— Просто, — повторил он, словно бы усваивая слово, — пустая комната.

— Большая?

— Примерно две тысячи миль.

Я с трудом сдержался, чтобы скрыть эмоции по этому поводу. Ничего себе! Меня содержали в клетке размером с океан.

— Вижу, у вас нет проблем с площадью, заметил я.

— Сфера достаточно велика, — отвечал он. — Жителю планеты трудно оценить ее масштабы.

Сфера охватывает орбиту планеты известной под названием Венера. Так вы называли ее в прошлом. Это площадь Земли помноженная на почти триста миллионов.

— От таких цифр у меня глаза на лоб полезли.

— Триста миллионов?

Мое искреннее удивление оставило морлока безучастным — он ответил мне совершенно пустым взглядом — думаю, таким он был и под очками. Для него я был наверное, небритым конголезским дикарем, которого силой обстоятельств", как говорят в газетах, вышвырнуло в Лондон, и которому неведомо предназначение таких простых вещей как вилка или брюки!

Для меня же Сфера была словно пирамида Хеопса для неандертальца. Хотя для этого самоуверенного надменного морлока она представляла собой нечто само собой разумеющееся, как предмет меблировки.

Прямо перед нами распахнулась дверь — точнее, две части стены разъехались по сторонам — думаю, вы получите более точное представление, если я скажу, что стена раскрылась перед нами, как диафрагма в фотокамере — и мы ступили вовнутрь. Прошли дальше.

И тут, ахнув, я чуть было не потерял равновесие

и не упал назад. Нево следил за мной с привычным хладнокровием.

В помещении размером с целый мир, завешанном звездным пологом, миллионы морлочьих лиц вращались вокруг меня.

12. Морлоки сферы

Представьте себе такое место: гигантских размеров пространство с завесой звезд и сложно устроенный потолок со всякими приспособлениями. Все это простирается в бесконечность — потому что никаких стен в перспективе не видно, даже в отдалении. Два цвета владычествовали здесь — чернь и серебро, и больше никаких других. Пол размечен перегородками, доходившими до уровня груди, но никаких разделяющих стен: здесь не было ни одного замкнутого, изолированного помещения, ничего, даже отдаленно похожего на дома или конторы, нигде.

И там были морлоки — везде, по всем сторонам, разбросанные по этому прозрачному полу — покрытию, на котором играли звезды. Лица их были точно серые хлопья снежинок, усыпавших звездный полог. Воздух был полон шумом их голосов: настойчивое непрерывное бормотание нахлынуло на меня, точно океанская волна что-то в ней было неукротимое, будто в рокоте океанического прибоя. Их речь звучала совершенно иначе, нежели человеческие голоса — ни в одном из языков мира я не слыхал таких звуков. Да их и не

могли бы воспроизвести человеческие органы речи. И даже сухой голос Нево, которым он общался со мной, ничуть не был похож на эту речь.

Прямой линией, геометрически выверенной уходя в бесконечность, . слегка размытой от пыли и тумана, — там, в невидимой дали, крыша сходилась с полом. Причем никакой заметной глазу кривизны не просматривалось — эффекта, известного всем океанографам. Трудно описать — кажется, такие вещи за пределами интуиции — пока с ними не встретишься наяву. Но в этот момент, стоя там, я знал, что нахожусь не на поверхности планеты. Планеты подобных размеров просто не могло быть. Там, за бесконечными рядами муравейника морлоков, попросту не было никакого горизонта. Такое чувств испытывает моряк, видя перед собой бесконечный простор океана, удалившись от берега на приличное расстояние. Сердце мое ушло в пятки, я был просто обескуражен открывшейся картиной.

Нево подошел ко мне. Он снял очки, как мне показалось, с облегчением.

— Пойдем, — мягко сказал он. — Страшно? Это и есть то, что вам так не терпелось увидеть. А теперь пойдем. Поговорим по дороге.

С трудом оторвавшись от стены, я сделал шаг

в эту пропасть, распахнутую предо мной — и направился за ним.

Еще два муравья влились в этот грандиозный муравейник — как две капли воды упавшие в океан — появление их было незаметным. Всюду нас окружали лица с большими глазами и скошенными подбородками, сливающимися с шеей. Я сторонился их, избегая прикоснуться к этой холодной дряблой плоти. Иногда ко мне тянулись их длинные, покрытые шерстью конечности — словно бы насекомые ощупывали усиками новоприбывшего, безошибочно опознавая в нем чужака. Знакомый мускусный запах, схожий с пересохшим хитином. Большинство из морлоков перемещались на ногах, но некоторые предпочитали делать прыжки на манер орангутанга, отталкиваясь костяшками пальцев от пола. Они были лохматы и волосаты — впрочем, у многих шерсть была уложена в затейливые прически, как у Нево, у других же напротив они были завитыми и развевались свободно — скорее всего, это были самки. Встретилась мне парочка и таких, у кого космы были первозданными — как у первых встреченных мною морлоков в мире Уины. Сперва я заподозрил, что и среди них есть дикари, в этом городе размером превышающем, наверное,

планету. Но и эти индивидуалы ничем другим не выделялись из толпы. Они занимались тем же, что и остальные: так что я пришел к выводу, что это должно быть таков их стиль — возможно, нарочито подчеркнутая неформальность поведения и нонконформизм. Нечто вроде отпущенной пышной бороды.

Я заметил, что пролетаю в толпе морлоков на немыслимой скорости — гораздо быстрее, чем мог продвигаться. Сколько я ни смотрел, под ногами не было никакого движущегося тротуара — но то, что я его не видел, вовсе не значило, что его нет.

Бесцветные физиономии морлоков, плоская линия горизонта и эта сверхъестественная скорость передвижения — а более всего иллюзия, что я плыву в бездонном колодце, полном звезд — все это навевало мысль о том, что происходящее — только сон. Но стоило какому-нибудь морлоку приблизиться ко мне, как меня с ног до головы обдавало запахом, возвращавшим к реальности.

Нет, это был не сон: я плыл в этом море бледных пугающих лиц, с трудом сдерживаясь, чтобы не разбить кому-нибудь физиономию, когда они с отрешенным любопытством, словно зомби, приближались ко мне.

Понемногу я вникал в их жизнь. В их поведении была своя логика. Они куда-то спешили, общались друг с другом, пожирали нечто несъедобное на вид, вроде той баланды, которой потчевал меня Нево в клетке, набрасываясь на нее с животным вожделением. Судя по всему, проживание в таком огромном коллективе не доставляло им неудобств — им не требовалось уединения, столь необходимого в человеческом обществе. Этот гигантский муравейник жил по своим законам. И, наверное, стремления у существ этой расы были иные, чем у людей.

Большинство, как мне показалось, были заняты работой, хотя в суть ее я не смог вникнуть. Перегородки были перекрыты прозрачными стеклами, отсвечивающими синим, и морлоки лапали эти стекла своими паучьими пальцами или с серьезным видом расхаживали в них и даже что-то говорили как будто выступали. Там были разложены чертежи, графики, картинки. Временами я замечал невиданные механизмы, аппараты непонятного назначения, возникавшие прямо из воздуха. По команде морлоков они вращались, раскрывались, обнажая внутренности — или же улетали прочь, кувыркаясь в воздухе переливающимися кубиками, наполненными светом.

И весь этот хаос был заполнен гулом голосов, напоминавших шум льющейся воды утробным водяным журчанием морлочьих голосов.

Мы достигли места с какими-то иными, непохожими перегородками, выраставшими из пола. Перегородки высотой в четыре фута отсвечивали живым серебряным блеском, словно вылитые из ртути. Они плавно переходили в прозрачные голубые экраны, которые отсвечивали странным блеском повсюду. Как я ни пытался заглянуть увидеть, что находится дальше, за поверхностью прозрачного пола, я тщетно: никакой коробки или поднимающей вверх машинерии. Словно бы перегородки выросли из ничего.

— Откуда это взялось? — спросил я Нево.

Он ответил, после некоторого размышления — очевидно, подбирая слова.

— У Сферы есть Память. И эти машины служат для сохранения памяти. И форма блоков данных — очевидно, имелись в виду перегородки — содержится в самой памяти Сферы. Память создает эти формы и сохраняется в них, в нужной для памяти форме.

В этот момент, видимо, он произвел непонятные мне манипуляции, чтобы продемонстрировать как работает эта пресловутая память:

на одной из колонн-подставок появился поднос с едой" и в пустую канистру полилась вода — прямо из пола, словно бы направляемая рукой невидимого официанта.

Это произвело на меня впечатление. Вездесущий пол был еще и синтезатором и постоянным источником пищи, питья и, очевидно, многого другого. Это напомнило мне платоновскую теорию мышления, в объяснении некоторых философов. Каждый предмет существует в некоей реальности в своей идеальной форме: суть Кресла, например, или сущность Стола и так далее — и когда объект производится в нашем мире, то он обязательно сверяется с шаблонами, существующими как данность в идеальном мире Платона.

Итак, я можно сказать, находился в платоническом универсуме: эта грандиозная Сфера, окружающая Солнце, была залита искусственным богоподобным интеллектом — Памятью — по лабиринтам которой мы как раз и двигались. И внутри этой Памяти хранился Идеал каждого необходимого объекта — в первую очередь, нужного морлокам.

Итак, здесь все можно было изготовить буквально из воздуха, благодаря Памяти, заполнявшей

эти ячейки. Любое оборудование, любой механизм! Воистину край для изобретателя, которому все приходится изготавливать собственными руками. Мой дом в Ричмонде, осевший на склоне холма могла заменить одна комната — одна из таких ячеек. По утрам мебель убиралась бы по приказу в стену, взамен нее выдвигался бы умывальник, а затем кухонный стол. Словно по мановению волшебной палочки, любые приборы, устройства и механизмы выныривали бы из стен и потолка по мере надобности. Никуда не надо выходить за покупками — поистине идеальные условия для работы! Наконец, вечером, стены могли покрываться обоями и камином, а в центре стоял бы ужин, возникший как на скатерти-самобранке! О таком можно только мечтать!

Мгновенно исчезли бы за полной ненадобностью профессии строителя, каменщика, обойщика. Владельцу подобного жилища оставалось бы только заботиться о его чистоте — то есть, задумываться о том, чтобы лишние вещи исчезали. Впрочем, умное жилище, вероятно, могло бы и самостоятельно избавляться от мусора.

Мое воображение разыгралось при мысли о перспективах, какие могло предоставить подобное жилище.

Вскоре я почувствовал усталость. Нево вывел меня на открытую местность — в отдалении были видны толпы морлоков, оставшиеся в стороне. Он постучал ногой по полу. Моментально вокруг нас возникли стены, высотой около четырех футов, И следом выросли четыре столба, и покрылись прозрачным материалом — я сообразил, что это стол, тот самый, из платоновской вселенной. Затем стопка одеял и буфет. Это было мое первое прибежище, отдаленно напоминавшее дом, со времени прибытия в Сферу — и я по достоинству оценил старания Нево. Отведав зеленоватого сыра и запив его водой, я снял очки — и тут же погрузился во тьму мира морлоков. Уронив голову на одеяла, я задремал.

На несколько дней это место стало моим домом, пока я продолжал знакомиться с миром морлоков, сопутствуемый моим провожатым, морлоком в синих очках, со странным именем Нево. Всякий раз после завтрака стены моего жилища исчезали и вновь возникали в любом месте, где мы останавливались — так что не было никакой необходимости в переноске вещей! Попутно замечу — из наблюдений за Нево выяснилось, что морлоки не спят. Да и вообще по пути мне так и не встретилось ни одного спящего или

отдыхающего морлока. Еще я думаю, обстановка моей переносной хижины была чем-то вроде музея для остальных морлоков — музея в сочетании со зверинцем, где роль наблюдаемого животного играл ваш покорный слуга. Они всякий раз окружали прозрачные стены жилища, наблюдая мой отход ко сну, любовались тем, как я ужинаю и завтракаю. Засыпая, я видел их сплющенные лица на стенах, так что сон оказался делом почти невозможным, если бы не Нево, отгонявший любопытных от клетки.

13. Как жили морлоки

За время нашего перемещения по миру морлоков мы ни разу не встретили ни стены ни двери — само собой, непрозрачной стены или двери. Как будто мы шли по одному и тому же помещению невероятных размеров. Везде, казалось было одно и то же. Мир морлоков потрясал однообразием. Те же самые морлоки-муравьи, которых я смог бы отличить друг от друга разве что по прическе, занимались одинаковыми делами.

Вскоре я понял, что территория, по которой мы движемся, вовсе не город и городом не является ни в какой мере. Городом в современном понимании слова. Сфера обеспечивала им все, и в том числе избавляла от необходимости передвигаться. Дом у морлока превращался в место работы — при первой необходимости, просто одни стены уходили в пол, а из него вырастали другие, Сфера была словно бы ковром живого материала, обеспечивая каждого всем необходимым. Поэтому здесь не имелось скопления населения, такого, например, как в Сити. Здесь не было очередей, пешеходных потоков.

Однажды, проснувшись, я сидел, скрестив ноги

на полу, неспешно потягивая воду. Нево навис надо мной с неотступностью естествоиспытателя, наблюдающего за изучаемым феноменом. Вид его был совершенно бесстрастен, и на его лице нельзя было даже прочитать интереса. Вдруг я заметил компанию морлоков, приближавшихся к нам. При виде их я поперхнулся и залил водой сюртук и брюки.

Похоже, эта парочка была морлоками — но столь необычного вида, что я поначалу даже не понял кто передо мной. Нево достигал роста чуть менее пяти футов, а эти жирафы вымахали под все двенадцать! Один из них сразу обратил на меня внимание и направился в мою сторону, звякая металлическими шпорами. Он переступал через перегородки, словно двигаясь на ходулях, он переступал через перегородки на его пути с грациозностью скачущей газели.

Склонившись надо мной с высоты своего недюжинного роста, он внимательно изучил меня. С таким интересом Паганель осматривал неведомую африканскую вошь. Его серые глаза с красными зрачками размером с чайные блюдца не на шутку испугали меня — я инстинктивно сдвинулся в сторону. От него исходил острый аромат жареного миндаля. Конечности у него были

длинные и хрупкие с виду, словно у насекомого, кожа как будто натянута на костяк. Под кожей перекатывались шарниры суставов: четырехфутовая берцовая кость просвечивала под кожей так, что по ней можно было сдавать анатомию. Шпоры которыми он звенел или ходули как мне показалось, служили для укрепления этого ненадежного костяка — видимо, предохраняя это хрупкое существо от падений и переломов. Волос. Или шерсти на нем было совсем немного, даже на прическу не хватало. Видимо, на столь тощем теле могла завестись лишь самая скудная растительность. Поэтому вид у него был самый дикарский, как у Робинзона после года жизни на острове.

Он побулькал что-то, обращаясь к Нево, и получил такой же водянистый ответ. После того как они перебулькались — очевидно, на мой счет, длинноногий присоединился к своему компаньону — или компаньонке, и, то и дело озираясь на меня, продолжил свой путь, то есть отправился восвояси.

Я вопросительно повернулся к Нево, все еще не оправившись от потрясения. После этого поистине босховского зрелища даже Нево казался писаным красавцем. То есть, на него еще можно

было смотреть.

— Это, — сказал Нево — и затем последовало очередное жидко-булькающее слово, воспроизвести которого я просто не в силах.

— Что — «это»? — переспросил я.

— Обитатель верхних уровней… — Он посмотрел им вслед. Этим уходящим жирафам. — Сами видите, они не приспособлены для проживания в экваториальной зоне.

— И эти причиндалы помогают им ходить, преодолевая силу тяжести? — догадался я.

— Гравитацию, — уточнил он.

Тут до меня начало доходить происходящее. Устройство сферы.

Как я уже упоминал, Сфера морлоков представляла собой титановую конструкцию, заключавшую в себе пространство за орбитой Венеры. И — как поведал Нево — вся эта конструкция вращалась по оси. Когда-то год вращения Венеры по орбите составлял 225 дней. А теперь эта сфера совершала полный оборот вокруг своей оси всего за семь дней и 13 часов!

— И, обращение по орбите… — начал Нево.

— Производит центробежный эффект, воспроизводящий земную гравитацию. Да, — сказал я. — Теперь я понял.

Именно вращение Сферы приковывало нас к полу. Но там, за экватором — в стороне от экватора, гравитация, естественно была ниже, в точках, более удаленных от оси вращения, на полюсах Сферы приближаясь к нулевой отметке. То есть, там была невесомость. Именно там и могли проживать длинноногие морлоки.

Я потер лоб.

— Иногда я думаю, что глупее меня еще не было существа на свете! — воскликнул я, обращаясь к смущенному Нево. Еще ни разу мне не приходило в голову задать ему вопрос насчет своего так называемого «веса» здесь, на Сфере.

В самом деле, как, в отсутствие планеты, я мог ходить по «полу»? Любой ученый давно бы задался этим вопросом, чтобы уяснить для себя происходящее. И ему сразу же стало бы понятно устройство такой сложной конструкции.

Сколько же прочих чудес я упустил на своем пути? Только потому, что мне не приходило в голову спросить о них. Для Нево это были привычные составляющие мира, в котором он проживал, и поэтому он просто не обращал на них внимания. Для него они были не больше чем рассвет или закат или крыло бабочки.

Я намеренно выпускаю детали обстоятельно-

го рассказа Нево о том. Как жили морлоки. Это нелегко, поскольку я даже не знал, как сформулировать вопросы. Какие задать вопросы. Странно, конечно — но как спросить, например, о механизме, который управляет работой пола? Разве в языке неандертальца найдутся слова, чтобы поинтересоваться, как работают часы? Я уже молчу о вопросах, касающихся социального устройства и правил, по которым живут миллионы и миллионы морлоков — обитателей этого грандиозного воистину помещения. Как мог бы житель одного из племен Центральной Африки по прибытии в Лондон — какими словами мог бы он разузнать о том, как работает проволочный телефон и телеграф — или же Компания о доставке бандеролей? — и тому подобные вещи? Даже устройство местной канализации оставалось для меня загадкой.

Поэтому я спросил Нево, как управляют его сородичи своим обществом.

И он объяснил мне — на мой взгляд, несколько покровительственным тоном, что Сфера является вместилищем сразу нескольких рас морлоков. Эти «нации» или расы Нации эти различались главным образом способом управления, выбранным избранным ими образом управления. Повсе-

местная демократия, в основном. В иных местах Всеобщее избирательное право, напоминающее работу нашего Вестминстерского Парламента. Элитные общественные классы осуществляли контроль, специально подкованные, обученные и воспитанные. Думаю, ранние модели в нашей философии являются классической республикой, или возможно идеальной формой Республиканского строя, какой ее мыслил еще Платон; должен сказать, именно она мне подсознательно представляется наиболее привлекательной.

Но в большинстве районов механизм Сферы обеспечил Всеобщее избирательное право, учитывалось коллективное мнение.

Подобное правление вызывало недоверие, если не сказать большего. А как же дебилы и прочие слабоумные — неужели избирательное право доверено всем — и главное, наравне с остальными? Иными словами, голос идиота на весах законности весит ровно столько же, сколько и голос трезво и здравомыслящего человека. Нонсенс?

При этих словах Нево уперся в меня взглядом.

— У нас таких нет, — твердо заявил он.

Ни дать, ни взять Утопия — настолько утопичны мысли коренных жителей этой страны.

— Но почему вы так в этом уверены?

Он ответил не сразу, продолжая свою мысль:

Каждый взрослый член общества является рационально мыслящим существом, способным принимать решения, и при этом учитывать всеобщие интересы — это непреложно. При подобных условиях чистейшая форма демократии не только возможна, но и обязательна. Происходит учет общих интересов.

Я хмыкнул.

— А что же насчет прочих Парламентов и Сенатов, работу которых вы мне так красочно описали?

— Никто не утверждает, что порядок в этой части Сферы идеален, — сказал он. — Но разве не в этом суть свободы? Не все из нас заинтересованы, как полагается, в механизме правления, чтобы желать принять в нем участие, поэтому для большинства такая форма предпочтительнее.

— Возлагать, иными словами, свои гражданские обязанности на других?

— Это здравый выбор.

— Прекрасно. Но что, если этот выбор не оправдает себя?

— У нас есть место, — веско произнес он. — Не забывайте — мы живем не на планете, поэтому никто ничем не связан — и для каждого недоволь-

ного остается место и неограниченная свобода.

— Иными словами…

— Совершенно верно — любой недовольный системой может жить вне ее и создавать собственные правила проживания и законы управления.

, пресловутые «нации» морлоков оказались текучими непостоянными переменчивыми сообществами индивидуалов, каждому из которых было предоставлено самое широкое прав на самоопределение. Здесь не было государственных границ, итак называемые «нации» были не более чем социальными группами, «кучковавшимися» по своему усмотрению, как им заблагорассудится.

Поэтому войн среди морлоков не было.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы постичь и уяснить это. Дело в том, что не было причин для войны. Благодаря универсальному полу, поставлявшему провиант и всевозможные прочие блага, не было голода, и, стало быть, экономических споров между нациями. Сфера была настолько велика, что не было и территориальных споров, пограничных конфликтов и прочего, что так легко вызывает межгосударственные конфликты. Они были попросту бессмысленны. И, пожалуй, самое главное — не было религиоз-

ных распрей, векового источника ссор.

— Так значит, у вас нет Бога, — сказал я Нево. Это еще что — представляю, если бы на моем месте оказался бы кто-нибудь из служителей церкви моего времени!

— У нас нет необходимости в Боге, — ответствовал Нево.

Оказывается/, морлоки рассматривали религиозное состояние ума как противоположность рациональному мышлению — как некую наследственную традицию, не более чем цвет глаз или волос, которые передаются по наследству.

И чем дальше объяснял Нево, тем яснее становилось мне.

Всемогущий Господь вынужден был заниматься мелкими и суетными проблемами людей, постоянно принимать в них участие — так, во всяком случае, в это верили сами люди. Да и кто станет служить Богу, пусть даже Всемогущему, который не станет защищать чьи-либо интересы в мышиной возне человечества за свои маленькие выгоды и права?

В конфликте человека рационального и религиозного сила на стороне рационалиста. В конце концов, именно рационалисты изобрели порох.! И все же — до конца 19-го столетия религиоз-

ная тенденция постоянно одерживала победу над рационалистической и срабатывал закон естественного отбора, оставляя и приумножая популяции «овец стада Господня»

Этот парадокс объяснялся, потому что тем что религия ставила перед людьми ясную цель, за которую надо было сражаться. Оросив священную землю своей кровью, религиозно настроенный индивид жертвовал большим, чем простой вклад в экономику родной страны.

— Но постепенно мы двигались к парадоксу. Обойти который нельзя было никак, — продолжал Нево. — Мы приходили к выводу, что сами управляем нашим наследием, и при этом нет необходимости в каком-то особом религиозном умонастроении.

Пропустив эту реплику мимо ушей. Я спросил:

— Но в отсутствие Бога, какой же смысл может иметь ваше существование?

Попутно я вспомнил о Дарвине и его воинствующей теории.

И лишь позже уяснил смысл существования морлоков.

Я до сих пор находился под впечатлением увиденного и услышанного в искусственном мире морлоков — хотя не уверен, что это как-то мог-

ло повлиять на мою судьбу. Морлоки избавили завещанную им политическую систему от жестокости, и тем добились стабильности и прогресса, практически немыслимых для человека 1891 года. Человека вроде меня, выросшего в раздираемом войнами мире.

И это еще на несколько громадных шагов отдалило их в моих глазах от морлоков Уины, которые, несмотря на свою тягу к знаниям и технике, оставались кровожадными дикарями.

14. Построенное и разрушенное

Я обсуждал с Нево устройство Сферы.

— Должно быть, это были невообразимо глобальные инженерные проекты — которые убрали с орбит такие планеты, как Юпитер, Сатурн и…

— Нет, — перебил Нево. — Такой схемы не было. Эти планеты до сих пор на своих орбитах. Но на всех планетах нельзя было отыскать достаточно материала для строительства Сферы.

— И как же вы тогда вышли из положения?

Нево стал рассказывать, как Солнце окружил гигантский флот космических кораблей, несущих на себе мощные электромагниты из сверхпроводникового материала — то есть такого, в котором сопротивление тока было сведено к нулю. Этот флот стал облетать Солнце на все возрастающей скорости, тем самым опутывая Солнце электромагнитным полем диаметром в миллион миль. После чего с помощью этого сверхмощного поля стал сдавливать вещество солнца, буквально выжимая его — словно фрукт в соковыжималке. Как лимон в кулаке, Кипящее вещество солнца наэлектризовалось, то есть магнетизировалось — изливая его от экватора к полюсам звезды.

Еще больший флот кораблей управлял этим облаком поднятого со звезды вещества, с помощью все тех же магнитов ваяя жесткую оболочку вокруг Солнца. Так постепенно, охлаждаясь, они и образовывали то, что я видел вокруг.

Закупоренное Солнце между тем продолжало светить — поскольку для его массы и энергии отнятое кораблями ничего не значило. Устройство Сферы было таково, что солнечные лучи высвечивали гигантские континенты, способные уместить в себе миллионы развернутых карт земли.

— Такая планета как Земля, — продолжал Нево, — способна перехватывать и поглощать лишь ничтожную долю солнечной энергии, которую светило выплескивает в космос. Теперь же вся эта энергия собирается внутри Сферы. Мы «запрягли» Солнце и теперь оно работает только на нас.

За миллион лет, рассказывал Нево, Сфера собрала достаточно солнечного материала, чтобы нарастить конструкцию на 1/25-ю дюйма — почти невидимая невооруженным взглядом величина — но при этом надо иметь в виду размеры Сферы! В то же время Солнце обеспечивало морлоков энергией не только для жизни, но и для разработки самых немыслимых проектов.

Тут не выдержал и я — азартно поделившись своими впечатлениями во время путешествия. О том, чему я был свидетелем — как менялись полюса на Солнце, что происходило со светилом и то, как, наконец, оно исчезло под колпаком — то есть как я увидел "околпаченное "Солнце. Нево посмотрел на меня, похоже, с некоторой завистью.

— Значит, — выдавил он. — Вы видели, как строилась Сфера. Это заняло десять тысяч лет…

— Но для меня все это прошло как один миг.

— Вы говорили, что это ваше второе путешествие в будущее. А во время первого вы видели совсем другие вещи.

— Да. — Теперь загадка времени начинала постепенно раскрываться передо мной. — В истории произошли необратимые изменения. Она стала, если можно так выразиться, альтернативной. Дело в том, Нево, что когда я впервые путешествовал в будущее, Сферы не существовало.

— Как?

— Ни в этом, ни в последующем временах. Ее там просто некому было строить.

И я поведал Нево, как преодолел 657 208 год. В первом путешествии передо мной была одичавшая земля, покоренная флорой. Всюду бушевала

зелень, растения, леса, кустарники и трава. Я рассказал ему, как зима исчезла с лица земли, и как Солнце стало светить еще ярче. Но никто не сдвигал земную ось, придавая ей нужное направление, и никто не замедлял вращения планеты. И, несмотря на то, что никто не замыкал Солнце под колпак в своих целях, Земля оставалась прекрасной, не заключенная в стигийскую тьму морлоков.

— Так, — рассказывал я Нево, — я прибыл в 802701 год — сто пятьдесят тысяч лет вашего будущего — и все же не могу поверить, что, зайдя так далеко, так и не встретил знакомого мира!

Вкратце я рассказал ему о мире Уины, об элоях и выродившихся морлоках.

Нево задумался. Он как будто переваривал информацию. — Не было такого состояния дел в эволюции человечества, письменная история, летописи этого не содержат, — заявил он, наконец. И со времени построения Сферы представляется невозможным, чтобы жизнь докатилась до столь варварского состояния. Даже в самом далеком будущем.

Я согласился с ним. Видимо, я путешествовал в двух версиях истории. Получается, история — как необожженная глина, и из нее можно вылепить

что угодно?

— Вполне возможно, — пробормотал в ответ Нево. — А когда вы возвратились в свою эру — в 1891-й год, вы принесли с собой какие-нибудь свидетельства о своих приключениях?

— Да ничего такого особенного, — отвечал я. Всего лишь несколько цветков, белых таких, похожих на мальвы, которые Уина, — тут я споткнулся, не желая говорить с морлоком о личном, — которые один из элоев положил мне в карман на память. Мои друзья осмотрели эти цветы. Они признали, что такой вид неизвестен в современной природе, и я помню, как они обратили внимание на гинецей [2] цветка…

— Друзья? — оборвал меня Нево. — Так вы им рассказывали о первом путешествии, прежде чем отправиться во второе?

— Рассказывал, — улыбнулся я. — Конечно, рассказывал. Но так, пустая болтовня, — тут же поправился я, заметив его остановившийся взгляд. — Никаких письменных свидетельств, просто дружеская застольная беседа. Продолжение последовало в курительной комнате.

— Вы не написали. Но за вас мог сделать это

---

[2] Примечания: 2
Женские органы растения.

кто-нибудь другой.

— Другой? — поразился я.

— Кто-то из ваших друзей.

— Но они мне даже не поверили. Сочли все это мистификацией, розыгрышем. Только один писатель…

— Кто? — перебил Нево.

— Писатель… Ах, да, я совсем забыл… Но этот молодой человек только подавал виды…

— Вот вам и объяснение, — веско подытожил Нево. — откуда появились Расхождения в истории, альтернативные витки.

— Подождите, — я смотрел на него, осененный этим страшным предположением, — вы хотите сказать, что это я изменил историю?

— Да. Вняв вашему предупреждению, человечество избежало деградации и конфликта, который стал результатом возникновения жестокого примитивного мира элоев и морлоков. Вместо этого мы продолжали расти. И вместо этого, запрягли Солнце, заставив его работать на себя.

Я все еще был не в силах принять эту гипотезу — мне казалось, что на мои плечи наваливается ответственность за все будущее человечества.

— Но как же, — воскликнул я, — Ведь все осталось тем же — ведь вы же — МОРЛОКИ ВО ТЬМЕ!

— Мы не морлоки, — спокойно отвечал Нево. — Не те, какими вы запомнили нас в первом будущем. А что касается темноты — то мы ее выбрали сами. Темнота лучше сохраняет органы чувств. Темнота дает более тонкое чувство окружающего мира. И, наконец, темнота бесконечна — как и Космос.

— Но в Космосе хотя бы есть звезды.

— У нас они тоже есть, — парировал он, указывая вокруг. Трудно было спорить. Звезды просвечивали всюду. Казалось, все это время мы шли, отдыхали, сидели, разговаривали — в открытом космосе.

Крыть было нечем, и что ни говори, я вынужден был признать правоту Нево.

Я посмотрел на свои руки. Двадцать лет они занимались постройкой машины времени. Я хотел оседлать время, как морлоки — Солнце. И я добился своего. Но кто знал, к каким это приведет результатам?

Мое изобретение стало не просто машиной для путешествий во времени, но исторической машиной, разрушителем миров!

Я был убийцей будущего. Взяв в свои руки власть, большую, чем у Господа (если верить Аквинату), одним движением рычага я стер

биллионы не родившихся жизней — жизней, которым уже никогда не суждено появиться на свет.

Как я смогу жить дальше, зная, что на моей совести лежит такое преступление. За которое даже наказания придумать невозможно.

И тут я дал себе зарок, что если когда-нибудь еще сяду на Машину Времени, то лишь для того, чтобы вернуться в свое время и там навсегда уничтожить машину и чертежи.

…И только теперь я понял, что уже никогда, никогда не увижу Уины. Потому что был не просто виновником ее гибели — я отменил, неизвестно с какого колена, историю ее рода, и вообще, сделал ее ничтожней ничтожества! Я обнулил само ее существование!

Несмотря на бурю эмоций, боль о потере, несравнимой с космическим масштабом моих разрушений, зазвучала светлой нотой гобоя в шуме оркестра.

15. Жизнь и смерть среди морлоков

Однажды Нево привел меня к тому, что я могу считать самым отвратительным зрелищем в этом городе под колпаком.

Мы подошли к району, около полу мили площадью, где перегородки выглядели ниже, чем обычно. Первое что я почувствовал — необыкновенно возросший уровень шума, — все тех же жидких булькающих голосов — а также в ноздри еще сильнее ударил запах морлоков, характерный приторно-мускусный аромат, от которого начинало мутить. Нево сделал знак остановиться на краю этого сектора.

Сквозь очки я видел копошение — как будто весь участок был покрыт орущими, шевелящимися опарышами, похожими на недоразвитых морлоков. Тысячи и тысячи личинок шевелили ручонками и ножонками, дергая друг друга за клочки шерсти, растущие из тела. Они копошились, толкались, хватали еду. Повсюду расхаживали взрослые особи, помогая встать упавшим, разнимая дерущихся и успокаивая плачущих.

Я не мог отвести глаз от этого зрелища. Будь это

обычные земные дети, зрелище, возможно, не было бы лишено привлекательности — но это были дети морлоков… Не людей. Бледная холодная плоть морлоков, поросшая шерстью, длинные паучьи пальцы — все это вызывает омерзение даже в столь раннем возрасте. Представьте себе опарышей, шевелящихся в мясе — и вы получите должное впечатление от картины, которая предстала передо мной.

Я повернулся к Нево:

— А где же их родители?

Он ответил не сразу, видимо, подбирая слова, которыми можно было бы это объяснить.

— У них нет родителей. Это детская ферма, комбинат молодежи. Когда они вырастают и набирают рост и вес, их переводят в воспитательную коммуну, учреждение, либо на Сфере, либо…

Но я уже не слушал. Я смерил взором Нево — однако волосы, которыми он был покрыт с головы до пят, маскировали формы его тела.

И тут мне внезапно пришло в голову удивительная мысль, которая невесть каким чудом не бросилась в глаза сразу по прибытии сюда, с первых дней моей жизни в Сфере: у морлоков не было половых различий. Я не мог с уверенностью определить, какого пола Нево, ни любой другой

из встречных. Взрослый морлок телосложением напоминал ребенка. Грудь у них была плоская: ни выпуклых бедер, ни подчеркнутой талии. Я потрясенно стал понимать, что ничего не знаю об их спаривании и о том, как они вообще заводят детей.

Нево просветил меня в этом направлении, рассказав о том, как взращивается и воспитывается молодая поросль.

Морлок начинает жизнь на детской ферме и в воспитательных учреждениях, Здесь он получает начатки цивилизованности: главное, чем он овладевает здесь — это способность к обучению. Все равно как если бы школьник 19-го века вместо вдалбливания в голову всякой греческой и латинской чепухи, а также невнятных геометрических теорем учился концентрироваться, пользоваться библиотеками, осваивал механизмы использования знаний, и попросту говоря учился думать. Остальное зависело от умения пользоваться знаниями, то есть знать, где что найти — а также от собственных его природных склонностей к какой-либо из его областей.

Когда Нево изложил все это, убийственная логика сразила меня наповал. Ну, естественно — зачем эти школы. Сколько дней было потрачено

впустую на получение того, что считается у нас уровнем образованности"!

Тут я воспользовался моментом, чтобы спросить у Нево — а чем, собственно занимается он сам, и какие у него профессиональные обязанности?

Он рассказал, что, как только выяснилось, что я гость из прошлого, его закрепили за мной, сделав чем-то вроде эксперта.

— Наши занятия не имеют значение «профессиональное», — сказал он. — У меня например, две сферы деятельности: два призвания. — Глаза его были скрыты очками, но говорил он это с явным пылом. — Это физика и воспитание молодежи.

Воспитание красной нитью проходило сквозь жизнь морлока: оно, можно сказать, не прекращалось никогда. Не было ничего необычного в том, что кто-то овладевал тремя или четырьмя профессиями и делал несколько «карьер», как мы это называем в нашем обществе. Он мог осваивать их одну за другой или же параллельно. Оттого образовательный уровень у них был несравненно выше, по моему впечатлению.

И все же выбор двойного жизненного поприща, какой совершил Нево, наводил меня на размышления. Вначале мне показалось, что передо мной,

в самом деле физик, желающий овладеть теорией перемещения во времени, интересующийся эволюцией истории.

— Так вас ко мне приставили как физика — или же как педагога?

Мне показалось, что губы его при этом вопросе скривились в усмешке.

Ответ его раздавил меня окончательно — я, считавший себя светочем научной мысли своего времени, представлял в первую очередь педагогический интерес!

И тем не менее, приходилось признать, что я, сын своего века, прибыв в 657 208 год, вел себя как буйное дитя, устроив драку среди подростков.

Нево отвел меня в самый угол этой фермы. Здесь находился пузырь из такого же прозрачного материала, каким был покрыт пол Сферы — надо сказать, подобные пузыри, размером с концертный зал, а то и больше, уже встречались мне по дороге, правда, я не догадывался об их предназначении. Нево ввел меня внутрь этого странного здания. Оно было заполнено аппаратурой и двумя огромными сияющими экранами, на которые я также обращал снимание по дороге. В центре находилось нечто, напоминающее стеклянный колпак — видимо, прикрывавший

то, что было под ним.

Здесь работали морлоки с хмурым и сосредоточенным видом. На них были комбинезоны с множеством карманов, набитых всевозможными инструментами, большинству которых я затруднялся подобрать предназначение. Некоторые из них светились даже изнутри. Видимо, это была особая каста — инженеры или конструкторы. Странно, что они делали в этих яслях? Морлоки возились рядом с колпаком, то и дело передавая друг другу инструмента.

Любопытство росло, и меня само собой подмывало подойти поближе. Эта штука была всего нескольких дюймов длиной, напоминая вырезанную из камня скульптуру. На самом деле это была вовсе не статуя: из нее торчали отростки рук и уже имелись признаки лица — нечто плоское и покрытое шерстью. Прорезалась щель рта.

И тут — этого момента не забуду, наверное, до конца жизни — рот раскрылся. Оттуда послышалось знакомое лопотание морлоков, миниатюрное личико сморщилось, и послышался крик — похожий на плач котенка.

Я шарахнулся в сторону.

От глаз Нево не укрылась моя реакция. Нево заметил это.

— Не забывайте, — произнес он, — что вы переместились во времени на целых полмиллиона лет — а это в десять раз больше, чем история вашего вида.

— Нево — неужели это правда? Неужели вы и детей выращиваете из вашего Пола — получаете просто как стакан воды?

— Ну, не так уж и просто, — заметил он.

Однако в целом мои слова получили страшное подтверждение. В этом обществе не было семьи — в привычном понимании слова, так же как и любви, и отношений между разнополыми особями, которые в разные времена называли по-разному: сексом, любовью, Эросом — здесь ничего этого не было — повторяю, в привычном для нас понимании этих слов. Надо было наверное родиться морлоком, чтобы почувствовать, что значат эти слова для них, и значат ли вообще.

— Нево, — только и вымолвил я. — Но это же… бесчеловечно.

Он склонил голову недоуменно, как мне показалось — очевидно, смысл последнего слова был ему неясен.

— Мы понимаем, что такое «человечность», — наконец сказал он. — Но не забывайте, что и мы ведем свое происхождение от людей. Только мы

— более развитый продукт расовых технологий. Мы — следующая ступень человечества, — Он говорил это с видом уверенным и серьезным. — Эта форма — морлок — была заложена в человеческих генах. Форма, продиктованная последовательностью миллионов генов, и таким же числом возможных в природе человеческих индивидуалов — попросту, людей. И все эти индивиды могут быть, — тут он замялся, — появиться из разума Сферы.

Погребение, по его словам, тоже было частью епархии Сферы: тела мертвецов просто проваливались сквозь тот же Пол без всякой церемонии или хотя бы даже оказания дани уважения. Там они растворялись на исходные материалы, которые годились на дальнейшее производство чего угодно.

— Сфера собирает материал, необходимый для создания избранной индивидуальной жизни. После чего…

— Избранной? — на этот раз я перебил его, не в силах сдержать закипающий гнев, уже давно и с трудом сдерживаемый на задворках души. — Потрясающий рационализм. Вы, морлоки, уже все рационализировали на этом свете? Нежность? Привязанность? Любовь?

16. Решение и отправление

Я выбрался из этого ужаса — лаборатории, в которой «рожали» детей, и огляделся. Передо мной сновали все те же морлоки, со всей серьезностью исполняющие свое непостижимое дело. Мне хотелось закричать — но никто бы не услышал моего крика в этом чудовищных размеров городе. А если бы даже услышал, то не прислушался — кто я такой для их «цивилизации»?

Я не мог видеть их, даже Нево. Несмотря на то, что он проявил ко мне участие большее, быть может, чем я заслуживал. И все же мое поведение в «родильном доме» произвело на него впечатление. Возможно, Нево намеренно привел меня туда, чтобы увидеть мою реакцию. В таком случае он получил желаемое. Но теперь вся их цивилизация стала мне отвратительна. Причесанные морлоки недалеко ушли от своих диких сородичей из параллельной Истории.

И все же я понимал, что Нево был моим единственным проводником в этом странном мире будущего, единственным морлоком, которого я знал по имени, а также — насколько я понимал в их политике — моим единственным защит-

ником.

Возможно, Нево понял меня, хотя бы частично. Во всяком случае, он не навязывал свое общество: просто создав привычный ночлег из пола, отвернулся, предоставив мне заниматься своими делами. Я забился под одеяло в углу, чувствуя себя словно сбежавшее из зверинца животное посреди огромного Нью-Йорка.

Через несколько часов мне удалось заснуть. Проснувшись, я обнаружил, что еще не потерял окончательно аппетит и привел себя в порядок.

Я всегда был рационалистом, и поэтому внешне разумное и удобное устройство мира морлоков поначалу даже вызывало у меня чувство, близкое к восхищению. Их методы государственного правления тоже казались мне вполне разумными и более того — справедливыми в сравнении с миром прошлого, где я жил до сих пор. Но гомункулус, вылезающий из пола, словно растение, до сих пор стоял у меня перед глазами.

Теперь я решил во что бы то ни стало избежать компании морлоков. Здесь не было для меня места, и я стал вырабатывать план.

Когда я вышел из "хижины, Нево был тут как тут. По всей видимости, он не отходил ни на шаг. Он махнул рукой — и мой кров провалился

в пол.

— Нево, так дальше продолжаться не может. Я тут точно животное из зоосада, которое водят напоказ по городу.

Он не ответил: лицо его оставалось совершенно бесстрастным.

— Если вы не собираетесь содержать меня здесь под охраной, как узника или подопытного зверька, то я требую — настоятельно требую, чтобы вы предоставили мне доступ к Машине Времени.

— Зачем?

Этот вопрос застал меня врасплох. Точнее, тон, которым было произнесено это слово: «Зачем?»

— Как — зачем? Естественно, чтобы вернуться в мое время.

— Вы не узник, — сказал он. — В нашем языке вообще нет такого слова. Вы разумное существо, и обладаете всеми правами разумного существа. Единственно, почему за вами надо следить — чтобы вы не причинили вреда другим разумным существам.

— Я не буду, — твердо пообещал я.

— И второе, — добавил он. — Чтобы вы не умчались на вашей машине и не натворили еще что-нибудь.

— Какие же это права! — взорвался я. — Если

меня лишают свободы. В таком случае я все равно узник — узник времени!

— Несмотря на то, что теория путешествий в принципе ясна, и устройство вашей машины достаточно просто, мы все же не поняли пока, как она работает, — сказал морлок.

Видимо, они еще не разгадали тайну платтнерита.

— Но, — продолжал Нево, — мы считаем, что данная технология могла бы оказаться чрезвычайно полезной для нашего общества.

— Еще бы! — Тут я представил, как морлоки со своими диковинными аппаратами и современным оружием пролезут в Лондон 1891 года — и от одной этой картины мне стало дурно.

Конечно, они накормят человечество и даже не причинят ему вреда. Возможно, предотвратят войны. Но это достанется слишком высокой ценой. Современный человек в компании с морлоками едва ли сможет просуществовать несколько поколений. Потом он просто вымрет.

От осознания такой перспективы кровь ударила мне в голову, и даже в этот момент, рациональной частью сознания я понимал, что не все так просто.

Итак, современный человек обречен на выми-

рание. Но ведь современный человек — это всего лишь предок морлока…

Я замотал головой:

— Ни-ког-да! — раздельно, по слогам произнес я. — Вы не дождетесь моей помощи в этом деле.

Нево странно посмотрел на меня.

— В соответствии с данными мне полномочиями — вы свободны.

— Свободен? — у меня захватило дух от столь внезапного решения проблемы.

— Да. Свободны перемещаться и путешествовать по нашим мирам.

— В таком случае, отведите — или переместите меня туда, где живут мне подобные. Если они еще существуют.

Я скорее бросал вызов, ничуть не надеясь на положительный ответ. Люди в этом обществе, вне сомнения, вымерли. Однако Нево к моему удивлению несказанному, согласно кивнул, подступая ко мне на шаг.

— Хорошо. Не совсем вам подобные, — сказал он. — Но все же… пойдемте.

И мы снова двинулись по бесконечно огромному городу морлоков. В его последних словах мне послышалась угроза, но я еще не знал, что он имеет в виду — и в любом случае, у меня не оста-

валось иного выбора, как последовать за ним.

Мы достигли зоны четверть мили в поперечнике — просторного чистого участка, лишенного вездесущих перегородок. Я уже давно заблудился в этом бесконечном городе и утратил чувство направления. Оба мы были в очках.

Вдруг — без всякого предупреждения — сверху с крыши ударил луч света, пронзив нас. В ослепительно желтом я увидел витающие пылинки, и на миг мне показалось, будто бы я вернулся в свою клетку света.

Мы выждали несколько секунд — я не сразу заметил, что Нево дал команду невидимым механизмам, охранявшим это место, и пришел в себя лишь тогда, когда у меня дернулся пол под ногами. Как будто небольшое землетрясение, от которого я чуть было не упал, но вскоре вновь обрел равновесие.

— Что это было?

Нево стоял с невозмутимым видом.

— Я должен был предупредить. Мы поднимаемся.

— Поднимаемся? Куда?

Стеклянный диск в четверть мили шириной оторвался от Пола прямо перед моими глазами, унося нас с Нево вверх. Чувство было такое, буд-

то стоишь на верхушке грандиозной колонны, вырастающей прямо из земли. Мы поднялись уже футов на десять, и скорость неуклонно возрастала: в ушах свистел ветер. Я приблизился к самому краю диска, и грандиозный пейзаж города морлоков распахнулся предо мной. Всюду, насколько охватывал глаз, было пространство, покрытое морлоками. Они копошились внизу, как там, на детской ферме, преданные своим делам и заботам. Отсюда сам Пол казался картой, расчерченной по всем правилам геометрии, возможно, благодаря просвечивающим сквозь него созвездиям. Оправленное в черное, серебро сияло, представляя собой великолепное зрелище. Пара таких же серебристых ликов была обращена к нам, следя за нашим восхождением, но основная масса морлоков осталась безучастна к происходящему.

— Нево, куда мы поднимаемся?

— Внутрь, — был краткий ответ.

Свет стал другим, и это встревожило меня не на шутку. Казалось, он стал ярче, и более рассеянным — это уже был не луч, достигающий дна колодца. Мы близились к океану света.

Я невольно пригнул голову, опустил глаза. Диск света надо мной рос и ширился. Небеса были

голубыми, усеянными мохнатыми облаками, но само небо было странной текстуры, — вначале я решил, что это из-за очков.

Нево отвернулся от меня. Он постучал ногой по платформе, и из нее немедленно вылезло нечто неузнаваемое — похожее на стакан коктейля с торчащей из него кривой соломинкой. Только когда Нево поднял его над нашими головами, я понял, что это обыкновенный зонтик, который должен был защитить нас от губительного воздействия близких солнечных лучей.

Снаряженные подобающим образом, мы вступили в зону света — шахта расширилась — и голова пришельца из 19-го века поднялась над поляной, покрытой зеленой травой!

17. Во внутреннем мире

— Добро пожаловать во Внутренний мир, — известил меня Нево, чей вид с зонтиком сейчас производил совершенно дурацкое впечатление.

Наша стеклянная колонна прошла последние несколько ярдов совершенно беззвучно. Я чувствовал себя словно помощник иллюзиониста на сцене, являющийся перед публикой на хитроумном механизме. Сняв очки, я прикрыл глаза ладонью.

Платформа остановилась вровень с травой, окружавшей нас по сторонам. Трава была ровной подстриженной и плавно переходила в полоску бетона. Лежавшую в стороне. Солнце светило прямо над головой — моя тень была короткой черной кляксой брошенной под ноги. Здесь был полдень: Внутри всегда был полдень, круглые сутки в любое время года! Ослепительное Солнце жарило голову и плечи — казалось, от меня скоро повалит дым — или я заработаю ожоги, — но постоянное присутствие светила все равно радовало.

Я оглянулся, осматривая местность.

Трава раскинулась кругом, до самого горизонта

— правда, здесь не было горизонта как такового. Сколько я ни озирался, кривизны этого бесконечного пространства не чувствовалось. Это был плоский мир, каким его еще представляли древние, считая. Что земля покоится на черепахах или поддерживается плечами Атланта. Да, я уже не был приклеен к поверхности каменного шарика по имени Земля, я стоял в огромной пустой раковине. И это не было оптическим эффектом — обманом зрения. Итак. Трава, и только трава, да несколько деревьев и кустов в отдалении.

— Такое чувство, будто стоишь на громадном столе, — поделился я своими ощущениями с Нево. — Неужели мы по-прежнему внутри Сферы?

— Смотрите, — откликнулся Нево из-под зонта.

Закрутив головой по сторонам, я вначале не увидел ничего, кроме неба и солнца — с виду вполне земных. Но небо фактурой напоминало карту — или несколько карт, сложенных вместе. Я стал различать нечто за облаками. То, что я принял за дефект очков, было на самом деле мелкими крапинками, пятнышками, словно бы нанесенными акварелью: голубого, серого и зеленого цветов.

И только тут я стал понимать, что это.

Это было дальняя сторона Сферы, находящаяся

за Солнцем… Пятна представляли собой океаны и континенты, горные хребты и степи — а может быть, и города! Замечательное зрелище — как будто множество земных карт сложились воедино. Сфера была настолько велика, что кривизна совершенно не чувствовалась. Казалось, я зажат между этими двумя слоями, меж массивами трав и крышей неба, где повис светильник Солнца.

— Не забывайте, что вы смотрите на расстояние орбиты Венеры, — предупредил Нево. — С такого расстояния Земля покажется точкой. Многие топографические массивы в несколько раз превышают размеры планеты.

— И, видимо, там есть океаны, способные поглотить планету. Представляю, какие геологические силы…

— Там нет никакой геологии, — перебил Нево. — Здесь все имеет искусственное происхождение, весь Внутренний Мир и его ландшафты.

Мне показалось, что он взбудоражен.

— В нашей истории многое развивалось иным путем, но одно осталось незыблемым: Это мир вечного дня, в отличие от мира, в котором живем мы — мира вечной ночи. Мы поделены между Тьмой и Светом, как и в той, вашей Истории.

Нево подвел меня к самому краю стеклянного

диска. Он остался стоять на платформе с раскрытым зонтиком над головой. Я нерешительно ступил на траву. Под ногами чувствовалась твердая почва: необычное ощущение, после того как проведешь несколько дней на мягкой податливой поверхности пола Сферы. Трава была короткой и упругой, напоминая ту, что произрастает на морских берегах. Нагнувшись, я нащупал под ней сухую песчаную землю и выковырял из норки маленького жучка, который тут же вырвался и озабоченно скрылся из виду, зарываясь еще глубже в песок.

В траве шелестел ветер. Других звуков не было: ни пения птиц, ни звериного рева.

— Не особо плодородная почва, — заметил я Нево.

— Да, — ответил он. — Но она, — и снова жидко булькающее слово, которого я не понял, — восстанавливается.

— Как вы сказали?

Это симбиоз. Растения, насекомые и животные представляют собой единый механизм. Прошло всего сорок тысяч лет со времен войны.

— Какой войны?

Нево явственно пожал плечами, отчего шевельнулся его мех — явно перенятый у меня жест!

— О ее причинах уже никто не помнит. Все, кто воевал — и дети их — уже давно умерли.

— Но вы же сказали. Что этим никто уже давно не занимается, потому что нет причин для раздоров.

— Среди морлоков — да, — отвечал он. — Однако во Внутреннем мире… Это был само разрушающийся мир. Достаточно одной бомбы. А их было много. Земля была разрушена — и все живое на ней истреблено.

— Но как же растения, мелкие животные…

— Все, до основания. Поймите, погибло абсолютно все живое. Осталась только трава и насекомые — и так повсюду, на миллионы квадратных миль. Только теперь эти земли в безопасности. Им уже ничего не грозит.

— Нево, а что за люди здесь живут? Они похожи на меня?

Он ответил не сразу.

— Подобные вашем архаическому варианту. Здесь есть колония реконструированных неандертальцев, которые уже освоили религии исчезнувшего народа. Есть здесь и такие, что ушли в развитии дальше, чем вы, но и отличаются от вас не меньше нашего. Сфера огромна. Вы можете выбрать себе колонию по вкусу. Если

пожелаете.

— Кхм. Не уверен, что у меня есть такое желание. Этот огромный мир давит на меня, Нево. Но, может быть, стоит сначала все посмотреть, прежде чем я выберу место, где мне суждено провести остаток жизни? Вы меня понимаете?

Он не стал спорить. Похоже, больше всего ему хотелось поскорее выбраться из этого светлого мира, залитого Солнцем.

— Прекрасно. Когда захотите увидеть меня снова, вернитесь на платформу и произнесите мое имя.

Так началось мое самостоятельное путешествие по Внутреннему миру Сферы.

В этом мире вечного дня трудно было измерить происходящее время. Если бы не мои карманные часы, я бы, наверное, потерял чувство времени. Да и смысла в нем здесь не было: день не сменял ни вечер, ни ночь, ни закрывающие Солнце облака. Я обзавелся календарем и стал отмечать проходящие сутки.

Нево оставил мне на платформе обычное жилище — четыре непрозрачных стены, подносы с водой и сыром. Было там небольшое окно и дверь. Достаточно было поставить пустой поднос на платформу — и спустя несколько секунд

появлялся новый, заполненный провиантом. Ничего не поделаешь, это был единственный для меня способ выживания. Таким же образом «окуная» предметы в поверхность платформы, можно было получать их обратно чистыми, чем я и воспользовался, чтобы приводить в порядок обувь и гардероб. Нево показывал, что точно так же можно было мыть руки, но на это я не решился — опускать непонятно куда руки, а уж тем более лицо было выше моих сил. Так что я продолжал полоскаться водой.

В отсутствие бритвы я зарос пышной бородой, в которой уже просматривалась седина, указывая на то, что время идет.

Нево показал, как пользоваться очками. Нажав определенным образом на линзы, можно было приближать самые далекие предметы, как в телескопе. Я не преминул этим немедленно воспользоваться. Резкость была такой, что недостижима ни в подзорной трубе, ни в телескопе.

Первые дни своей одинокой жизни я гулял босиком по траве и покрывался бронзовым загаром. Временами начинало казаться, что я нахожусь на курорте, где-нибудь в Богноре.

Вечером я возвращался в свою хижину и как только закрывалась дверь, засыпал подоткнув

под голову сложенный сюртук.

Большую часть времени я проводил в разглядывании Внутреннего мира в увеличительные очки. Я сидел на краю платформы или же валялся на траве с сюртуком, подстеленным под голову, бороздя взором небо, похожее на карту.

Это была экваториальная зона, почти типично земной ландшафт. Сравнительно узкая (в масштабах Сферы) полоска шириной в несколько миллионов миль. Там в небе, были странные пятна серебряно ледникового цвета, просвечивающие замершими морями, мне удалось разглядеть также оранжевую кляксу овальной формы непонятного происхождения — быть может, осенние леса, или прерии, или просто лесные пожары. Здесь, на экваторе, воздух был гуще, а гравитация сильнее. Похоже, этот экваториальный район был необитаем. Пустыни и океаны, в которых можно было утопить землю, сияли на Солнце фантастическим блеском. Эти пустоши земли и воды разделялись мирами-островами, районами размерами чуть больше земли.

Там я разглядел мир полный зелени: лесов и трав, с поднимающимися среди крон сияющими зданиями, что говорило о том, что там города. Я вычислил на карте Сферы мир, закованный

во льды, где могли обитать мои предки времен ледникового периода. Может быть, это было искусственное охлаждение, и мир громоздился на какой-нибудь платформе-холодильнике. В некоторых из миров просматривались отчетливые следы промышленности: дымили фабричные и пароходные трубы, выгибались мосты над водоемами.

А иные миры были и вовсе непонятны мне — в них была своя, но непостижимая для меня цивилизация.

Я видел миры, парящие в небе, за которыми плыли их тени, видел строения, превышавшие длиной Великую Китайскую стену, оконтовывающие гигантские пространства… Я даже представить себе не мог, что за люди там живут.

Несколько дней я просыпался в сумерках. Громадная облачная стена надвинулась над землей, а затем зарядил долгий проливной ливень. Видимо, погода в Сфере регулировалась.

Наконец, наступил день, когда я решил отправиться в путь. Я уже загодя определил себе направление — разглядев в очки-телескопы далекое нагромождение камней, которое сначала принял за тень или же лесной массив. Прихватив запас воды и съестного, уложив его в «суму»,

которую смастерил из сюртука, связав рукава, я пошел навстречу новым приключениям. Уже через несколько часов я выбился из сил. Что дальше? Думал я, переводя дыхание. Если со мной что-нибудь случится, когда я зайду далеко, то я не смогу даже вызвать Нево и потеряю последнюю надежду на возвращение в свой мир. Умру в травах, подобно раненой газели. И все это из-за дурацкой причуды сходить к далекой куче камней!

Почесав в затылке, я развернулся и отправился назад, к платформе.

18. Новые элои

Несколько дней спустя я вылез их хижины после пробуждения и сразу заметил, что свет стал ярче обычного. В небе я увидел еще одно светило рядом с незыблемо пылавшей звездой. Надев очки, я присмотрелся. Это был пылающий светом плавучий остров. Он содрогался от взрывов, расцветая облаками дыма, походившего на прекрасные мрачные цветы. Судя по тому, что там происходило, вряд ли на острове могло остаться что-либо живое. И тем не менее взрывы не стихали. И кроме них — больше ничего. Мертвая, сверхъестественная тишина!

Остров пылал ярче солнца, и так продолжалось несколько часов. Я знал, что стал свидетелем грандиозной трагедии людей или же их потомков.

И везде в каменном небе я видел следы войны: ее шрамы и ожоги украшали внутренний мир Сферы. Выжженные долы, траншеи, длинные как марсианские каналы, — и в них, наверное, год за годом погибали люди, сражаясь за чьи-то неведомые интересы. Охваченные огнем города, поднимающиеся над ними белыми облаками па-

ра — видимо, там применялось какое-то воздушное оружие. И еще я видел мир, опустошенный войной, с почерневшими как угли континентами и городами, обращенными в пепел.

Представляю. Какая участь ждала Землю со времени моего исчезновения.

Через несколько дней я надолго расстался с очками. Земля, обезображенная войной, производила гнетущее впечатление.

В мое время были люди, отстаивающие войну, считая, что это необходимое средство для разрядки энергии, накапливающейся в человечестве. Они усматривали в войне очищающую функцию. Просто не хотели смотреть правде в глаза: война дает человеку выплеснуть наружу звериные инстинкты, содержавшиеся в нем. И при этом находит любые оправдания и причины и поводы. Гипертрофированный мозг находит оправдание всем жестокостям.

Мысленно я представил себе на этой карте над головой очертания Великобритании и Германии, давних соперников. Экономический и нравственный кризис привел эти государства на грань войны. И будь эти страны сейчас там — в моем каменном небе, меня, вне сомнения, тоже ждало бы незабываемое зрелище.

Тут мой ум вновь обратился к размышлениям о Нево и его народе, а также о его рациональном до предела обществе.

Да, человек может сражаться, отстаивая свою честь, защищая свою семью, он имеет на это право. Итак, один сражается за интересы семьи — а другой просто потому, что не видит для себя иной реализации в мире, где он живет. И, как только начинается война, уже не распутать, кто за что дерется и с чего все началось. В обществе накапливается масса недовольных жизнью людей — а из них получаются прекрасные солдаты, революционеры, инсургенты и так далее.

, поведение человечества предсказуемо. В особенности в нестабильном мире, где благ никогда не хватает на всех. Еще никому не удавалось разделить блага — или даже просто земли — поровну и по справедливости. И любой дележ отвергается и пересматривается последующими поколениями.

У морлоков не было таких проблем. Возможно, оттого, что они ушли от проблемы пола и семьи. У них был род — связанный несемейными узами, короче говоря, муравейник. Может быть, война — это проблема пола? Ведь, что характерно, воюют в основном мужские особи. И если бы человек до-

шел бы до состояния «унисекс» (эволюционируя в морлока), то возможно, избавился бы от войн.

В подобных размышлениях я провел несколько дней, продолжая свой курортный образ жизни. И, наконец, определился со своим будущим.

Больше мне нечего было делать в этом Внутреннем мире. С Нево и его сородичами я также не мог оставаться.

И более всего мне не давало покоя мое изобретение. Машина Времени оказалась разрушителем миров, нанося непоправимый вред Истории.

Я должен был решить эту проблему, с каковой целью вызвал Нево.

— Как только была сконструирована Сфера, — объяснял Нево, — наступил раскол. Те, кто хотел жить как люди, перешли во Внутренний мир. А те, кто хотел отречься от прошлых ошибок древнего человечества, стали морлоками. Войны остались проклятием Внутреннего мира.

— Нево, неужели цель создания Сферы — предоставить квази-людям, этим новым элоям, пространство для войн, так, чтобы они не уничтожили само Человечество?

— Нет. — Он стоял с зонтиком над головой в величественной позе, которая казалась уже забавной. — Конечно же нет. Сфера была построена

для морлоков — как вы называете нас. А также для того, чтобы сберечь и употребить во благо всю солнечную энергию.

Он сморгнул.

— Какой еще может быть цель разумных существ, если не собрать и сберечь сохранить всю доступную информацию?

Механизм Памяти Сферы — вот что имелось в виду. Это была грандиозный библиариум, где хранилась мудрость целой расы, накопленная за полмиллиона лет, причем морлоки продолжали кропотливо собирать и обрабатывать информацию.

Эти новые морлоки были расой ученых! — и вся аккумулированная энергия солнца была пущена на постепенный коралловый рост их великой библиотеки.

Я почесал бороду.

— Понятно — хотя бы мотив. Наверное, это не так далеко от импульсов которые управляют моей жизнью. Но вы не боитесь, что в один прекрасный день все это кончится? Что вы станете делать, когда сложится окончательная теория физической вселенной?

Он покачал головой: еще один перенятый у меня жест.

— Это невозможно. И один из людей вашего времени — Курт Гедель — первый продемонстрировал это.

— Кто-кто?

— Курт Гедель. Ученый, родившийся на свет лет через десять после вашего исчезновения из времени.

Оказывается, этот не родившийся Гедель в 1930 году наглядно продемонстрировал процесс бесконечности познания. И точные науки, несмотря на свое название, никогда не смогут, оказывается, прийти к общей схеме и как-то завершить процесс познания мира. Логические системы всегда обогащаются правдой или ложью новых аксиом.

— Просто голова раскалывается, — для наглядности я схватился за голову, уже понимая, что скоро морлок переймет и этот жест. — Представляю, как отреагировал мир на открытие бедняги Геделя. Мой учитель алгебры просто сбросил бы его с лестницы, приди к нему с такой вестью.

— Гедель, — сказал Нево, — показал, что путь познания бесконечен.

Я кивнул.

— Он дал вам цель. Цель, уходящую в бесконечность.

Значит, морлоки были чем-то вроде монаше-

ского ордена, без устали работающего на то, чтобы сохранить знания нашей великой вселенной.

Наконец — в Конце Времен — эта великая Сфера с вмонтированным в нее Разумом и его слугами-морлоками, станет чем-то вроде храма, в центре которого размещен алтарь Солнца.

Нельзя было не согласиться с Нево. Что более высшей цели для разумных существ невозможно представить.

Я заранее знал, что скажу.

— Нево, я хочу вернуться на Землю. Мы будем вместе работать над Машиной Времени.

Он кивнул.

— Я вам очень благодарен. Ценность вашего предложения неизмерима.

Дальнейшее мы обсудили по пути, и трудностей в общении с морлоком уже не возникало.

Наскоро собравшись в дорогу, я попутно обдумал все остальное.

Я знал, что Нево не терпится заполучить секрет путешествия во времени. Я чувствовал себя так, будто обманываю ребенка. Да, я вернусь на Землю вместе с Нево, но вовсе не собирался там оставаться. Как только я доберусь до машины, я немедленно сорвусь обратно в прошлое.

19. Как я преодолевал межпланетное пространство

Мне пришлось ждать три дня, прежде чем Нево объявил, что, наконец, готов к отправлению. Оказалось, нужно было дождаться момента, пока часть Сферы, в которой находились мы, поравняется с Землей, совершающей свой путь по орбите.

Мои мысли были возбуждены предстоящим путешествием — это был не страх. Поскольку мне. Очевидно, уже пришлось проделать этот путь в межпланетном пространстве, пусть в бессознательном состоянии. Скорее, это был чисто научный интерес — каким образом устроен корабль для таких перемещений? Судя по всему, это должен быть какой-то управляемый снаряд, вроде того, в котором отправил своих героев на Луну корифей фантастического жанра французский писатель Жюль Верн. Фантастика фантастикой, однако по моим расчетам для запуска подобного снаряда нужна была сила, способная преодолеть гравитацию — и при старте от человека вполне могло остаться только мокрое место. Нас с Нево

просто размазало бы по стенкам такого корабля, точно клубничный джем.

Как же это могло сработать?

Общеизвестно, что между планетами нет никакого воздуха. Это совершенно пустое пространство, называемое вакуумом. Естественно в природе нет ничего абсолютного — и всякий вакуум относителен — это сильно разреженные газы, электромагнитные поля и прочее — но одно совершенно ясно: дышать в этом пространстве нечем — и пороховой заряд также не сработает, поскольку нет воздуха, а, значит, нет кислорода, необходимого для реакции. Мы не способны летать как земные птицы, которые опираются крыльями о воздух. Нет воздуха — нет и толчка! Возможно, космическая яхта, в которой нам предстояло лететь сквозь космос, должна передвигаться с помощью ракеты — причем в состав горючего обязательным образом должен входить кислород. В газообразном виде его много не захватишь в дорогу, значит — жидкий кислород с низкой температурой замерзания.

Впрочем, откуда мне известны технологии 657 208 года? Кораблю предстояло преодолеть гравитацию солнца и огромной Сферы. Возможно, при помощи тех же магнитных полей, о которых

рассуждал Нево.

Как только мы вновь спустились в темный мир морлоков, утопавший в вечной тьме, я поднял голову, мысленно прощаясь со светлым Внутренним миром. Я снял очки и пообещал себе, что в следующий раз мое лицо осветит Солнце моего, девятнадцатого столетия!

Я ожидал, что попаду в какой-нибудь порт, с торчащими эбонитово-черными стволами ракет, напоминавших крейсера в доках.

Далеко идти не пришлось. Всего в нескольких милях пути по движущимся дорожкам Пола находилось это место. Небольшая коробка в рост человека, похожая на кабину лифта.

По знаку Нево я зашел внутрь. Морлок за мной. С шипением двери за нами закрылись. Коробка была абсолютно прямоугольной, однако закругленные углы делали ее внутри похожей на ромб. Кроме нас здесь ничего не было: ни стула, ни стола, лишь стержни, торчавшие из стенки «лифта».

Нево коснулся паучьими пальцами одного из стержней.

— Приготовьтесь. После старта гравитация изменится.

Эти слова, сказанные совершенно спокойным

тоном, не на шутку взволновали меня. Глаза Нево за непроницаемыми очками хранили все то же отрешенное выражение. В его лице была смесь любопытства и аналитической работы ума. Я заметил, что его пальцы цепко обволокли стержни.

И тут — это произошло быстрее, чем я мог вообразить — пол распахнулся под ногами. Лифт провалился сквозь пол вместе со мной и Нево!

Я закричал и вцепился в один из поручней, как ребенок в материнскую юбку.

Бросив взгляд вверх, я увидел в прозрачный потолок кабины удалявшуюся Сферу. Вскоре кабина стала кувыркаться в пространстве, и Сфера то исчезала вверху, то появлялась под ногами. Нас бесцеремонно вышвырнули из того мрачного, почти подземного мира в еще большую пустоту и мрак открытого космоса.

Подо мной распахнулась глубочайшая на свете пещера, полная звезд, в которую стремительно скатывались мы с Нево.

— Заклинаю — что с нами происходит? Запуск сорвался?

В этот момент я стал замечать, что ноги мои оторвались от пола. С Нево происходило то же самое. Мы повисли над полом кабины, хватаясь

руками за поручению Меня стало мутить. Мы болтались в пространстве точно горошины в спичечном коробке.

Нево посмотрел на меня:

— Мы открепились от Сферы. Все в порядке. Именно так и происходит межпланетное перемещение. А остальное — это невесомость и эффект вращения.

— Понимаю, — перебил я, — но почему? Почему так? Мы что, так и будем падать до самой Земли?

Его ответ добил меня окончательно.

— Естественно, — подтвердил морлок. — До самой Земли.

Тут у меня уже не осталось сил на дальнейшие расспросы. Я парил по кабине совсем как беспризорный воздушный шарик, но, в отличие от людей, шарикам тошнота и головокружение незнакомы.

Наконец мне удалось взять себя в руки. То есть свое тело. То есть научиться им управлять, пусть с грехом пополам.

Нево объяснил мне, как происходит полет на Землю. И только тогда я смог по достоинству оценить этот изящный и экономичный способ передвижения между планетами.

Да, многие светлые умы моего века предска-

зывали, что для полетов в космосе потребуются недюжинные затраты энергии. Но дело в том, что наш лифт, запущенный с экватора Сферы, уже получил могучую энергию вращения. Это был прощальный пинок, которого удостоила нас гостеприимная Сфера. Скорость вращения на экваторе была изрядная, так что у морлоков не было надобности ни в ракетах, ни в пушках для запуска кораблей или снарядов. Начиненных туристами, на Землю. Достаточно было просто выбросить капсулу за борт, остальное доделывала природа.

Так с нами и поступили. При такой скорости, как заверил меня мой провожатый и уже коллега — в этой катапульте мы должны были достичь орбиты Земли за каких-нибудь сорок семь часов.

Сколько я ни осматривал капсулу, не было и следа управляемых двигателей. Да и шума двигателей тоже не чувствовалось. Я просто кувыркался в кабине, моя борода развевалась как облако, а сюртук то и дело норовил слезть с плеч.

— Ну, принципы запуска мне понятны, — сказал я Нево, чтобы хоть как-то скрасить предстоящие часы. — НО как управляется эта капсула?

Несколько секунд он медлил с ответом, как

будто колеблясь.

— Мне показалось, что вы меня поняли, но теперь вижу, что это не так. Я же сказал — это запуск с помощью центростремительной силы и…

— Это я понял, — агрессивно перебил я. Тут и ежу понятно. Но если мы обнаружим, что отклонились в сторону — мы что, так и пролетим мимо Земли?

В уме я уже сложил, что даже отклонение на градус при запуске может привести к кардинальной перемене курса — учитывая межпланетные расстояния. Мы можем пролететь в нескольких миллионах миль от Земли — и поплывем потом в бесконечные дали космоса, пока не кончится воздух в кабине!

Вид у моего собеседника был явно смущенный.

— Ошибки быть не может, — промямлил он.

— И все же, — настаивал я, — если что-нибудь произойдет, как нам выровнять траекторию?

Подумав некоторое время, он, наконец, ответил.

— Нет, это невозможно.

— Что невозможно?

— Отклонение невозможно. Это исключено.

— Вы в этом так уверены?

— Уверен. Ни в какой корректировке курса

капсула не нуждается.

Я вынудил Нево повторить это несколько раз, пока не поверил ему окончательно. Капсула после запуска летела наобум, точно камень, выпущенный из пращи, как беспомощный снаряд из романа Жюля Верна.

Мой протест и несогласие с таким антинаучным подходом вызвали у морлока некоторый шок.

Капсула болтыхалась, вращаясь в космосе: многочисленные звезды и уникальная Сфера крутились по сторонам, а я с трудом убеждал себя, что все в порядке, и что наш путь заранее рассчитан, и прибытие на родную планету так же неизбежно, как наступление весны. Впрочем, после остановки вращения Земли такие понятия как времена года потеряли смысл. Несколько часов я провел в параличе страха. Определенно, такое путешествие имело все признаки кошмара — падение в бездонную тьму и полная беспомощность и невозможность как-то повлиять на события. Видимо, морлоки стопроцентно доверяли своей технике — но я не родился морлоком, и оттого опасения не оставляли меня.

И вот мы заметно стали притормаживать. Или мне это лишь показалось?

20. Рассказ о далеком будущем

На второй день полета Нево стал интересоваться деталями моего первого путешествия в будущее.

— Итак, все кончилось простым угоном машины у ваших негостеприимных морлоков.

— Собственной, заметьте, машины.

— И, стало быть, вы погнали дальше, в будущее той истории.

— Сначала я просто не сразу пришел в себя, оттянув рычаг, и мне, честно говоря, дела не было, куда я мчусь — в прошлое или в будущее. Наконец мне пришло в голову взглянуть на циферблаты-счетчики, и я обнаружил, что ускользаю на грандиозной скорости в будущее.

В другой Истории, — продолжал я рассказывать ему, так как заняться было все равно больше нечем, — никто не выпрямлял ось Земли и не останавливал планету. Дни мелькали привычно, сменяясь ночами, и периоды Солнцестояния сменялись один за другим, чередуясь со временами года. Но потом…

— Земля стала крутиться медленнее, — догадался Нево.

— Да. К тому же температура солнца заметно упала. Хотя короткие вспышки случались ярче, нежели его обычное сезонное свечение. И каждый раз после очередной вспышки оно начинало тускнеть. И тогда я начал останавливаться.

Ландшафт вокруг напоминал марсианский — такой, как я его представлял себе. На Землю это было уже непохоже. Громадное бездвижное Солнце повисло над горизонтом, остальную часть небосклона занимали упрямо светившие звезды — с ними ничего не приключилось. Земной ландшафт покрывали искрошенные скалы и жизнеспособный сорняк, ядовито-зеленая трава, короткая как мох, обросла восточную сторону, откуда ловила последние лучи солнца.

Моя машина стояла на песке, косо спускавшимся к стеклянно-незыблемому морю. Воздух был холоден и разрежен, его едва хватало для дыхания. Казалось, я в прибрежной зоне. А где-то высоко в горах. От привычного ландшафта Темзы почти ничего не осталось. Легкий ветер со стороны моря, хранивший в себе морозное дыхание ледников — и ни одного следа присутствия человека.

Мы с Нево висели в космосе, и я трагическим голосом продолжал свой рассказ о будущем Зем-

ли — том, первом будущем, которое безвозвратно исчезло после моего первого возвращения. Я вспоминал детали, которых не успел поведать тогда, за ужином в компании друзей на Земле.

— Я заметил животное, похожее на австралийского кенгуру, — вспоминал я. — Примерно трех футов роста. Оно растерянно прыгало по берегу — наверное. Заблудилось. Серая шкурка слиплась, оно беспомощно копалось среди камней, тщетно пытаясь грызть жесткий неподатливый лишайник. Но тут я заметил одну странность. Дело в том, что это было не совсем обычное кенгуру. Оно было пятипалым. Да-да. Причем как нижние, так и верхние конечности… И еще — странно высокий лоб у этого животного наводил на мысль, что это какой-то мутант. И глаза… Я начал догадываться, что, возможно, передо мной экземпляр деградирующего человечества.

Но тут новый непривычный звук отвлек меня — я развернулся в седле. Точнее, это был не звук — мне показалось, что мое ухо пощекотало нечто пушистое.

За спиной стоял еще один представитель земной фауны. Это была какая-то много ножка — но какая! Три-четыре фута толщиной и около тридцати в длину, с телом, покрытым хитиновыми

чешуйками. Темно-красного цвета разреза говядины, оно ползло в песке. Ползая, перемещалось по песку. Ползло оно на ресничках, каждое величиною в фут, одной из них оно и коснулось меня. Задело своим волоском. Оторвав голову от песка, оно широко раззявило пасть с шевелящимися мандибулами. Шестиугольные глаза уставились на меня с нескрываемым вожделением.

Я тут же схватился за рычаг и унесся от монстра сквозь будущее.

Потом я очутился на том же самом берегу, по прошествии многих десятков и сотен лет. Теперь на меня наступало целое стадо тех же многоножек, хаотично переваливаясь друг через друга и шурша хитином. Извиваясь, они недвусмысленно ползли в мою сторону. На берегу я заметил ссохшиеся останки этого, быть может, последнего кенгуру.

Не в силах вынести этой тошнотворной сцены, я снова выжал рычаги и перескочил сразу через миллион лет.

И увидел все тот же пустынный песчаный пляж. Но теперь ко мне по склону спускалось существо, похожее на исполинскую бабочку, вспархивая в небо и то и дело приземляясь грузным телом. Размером оно было с человека, с

большими, почти прозрачными крыльями. Оно издавало страшные звуки, местами напоминавшие человеческий голос.

Тут я обратил внимание на движение совсем рядом: это были красные камни, словно позаимствованные с марсианского пейзажа. Они двигались ко мне. Нечто, похожее на краба: только размером с диван, короткими щупальцами и глазами на высоких стеблях, которые раскачиваясь, пялились на меня все с тем же странно-человекоподобным выражением. Челюсти их непрерывно двигались, а панцирь порос все тем же живучим и вездесущим лишайником.

Как только неуклюжая псевдо-бабочка приблизилась, крабы тотчас налетели на нее. Атака не удалась, но в клешнях осталось немного алой плоти.

— Видимо, это неизбежно, — кивнул Нево, — с тех пор как живое и разумное разделилось на элоев и морлоков, в природе установилось незыблемое отношение хищник-жертва.

— Но формы, формы…

— Природа не устает удивлять в процессе эволюции все новыми и неожиданными формами. Главное остается: одни формы питаются другими. Им не привыкать к видоизменениям. Охотник

всегда безошибочно распознает добычу.

— Итак, — продолжал я, — мое путешествие сквозь будущее продолжилось, сопровождаемое все теми же страшными картинами. Даже через миленниум все те же крабы ползали по побережью, стуча о камни своими панцирями, разъеденными лишайником. Солнце становилось все больше и все холоднее.

Последняя моя остановка была через тридцать миллионов лет от момента моей отправки. Падал снег, покрывая землю ледяной коркой. Чтобы хоть как-то согреться, мне пришлось сунуть руки под мышки. Всюду высился снег, голубовато отсвечивая в звездном сиянии. Гигантские фигуры айсбергов, словно тени призраков, плыли по вечному морю.

Крабы, по-видимому, исчезли с лица земли, но лишайник, упрямо цеплявшийся за жизнь, остался. На мелководье я заметил черный предмет, проявлявший признаки жизни.

На Солнце пало затмение — возможно, какая-то планета проходила в данный момент по орбите напротив. Все это объяснимо, Нево, с астрономической точки зрения, но тогда мной овладел такой ужас, что застыла кровь в жилах и я рванул рычаг на себя, сделав остановку лишь когда

Солнце вернулось к прежнему сиянию. Тогда я разглядел существо, ползущее по отмели. Оно не имело конечностей. Где-то чуть больше ярда в поперечнике, оно барахталось в воде, шевеля усиками-ложноножками. Пасть напоминала клюв, а над ним блестели два глаза, хранивших начатки разума.

Даже описывая это существо бесстрастному Нево, я понимал сходство большеглазых монстров с представителями его рода, а также с загадочным существом, плавучим зеленым «Наблюдателем», как я мысленно назвал его про себя.

Я замолчал. Как знать, быть может, этот самый «Наблюдатель» — гость из более далекого будущего, который должен был присмотреть за мной? Предупредить меня? Или же просто удержать от чего-то. Быть может, я зарвался, и путешествия в будущее были вовсе не таким уж безобидным занятием? И существо, явившееся с Края Времен, должно было остановить меня.

— Итак, — сказал я в завершение рассказа. — Дальнейшее продвижение в будущее показалось мне не безопасным и я вернулся в свое время.

Глаза Нево блеснули — в них отразилось все то же, человеческое выражение.

Пару дней проведенных в космосе, оставит

неизгладимое впечатление на меня — ничего похожего в жизни мне испытывать не приходилось. Временами. Паря в невесомости, мне казалось, что время остановилось и стало равно одному удару пульса — как тогда, в седле Машины Времени, когда в секунду передо мной мелькали века и эпохи. Я чувствовал себя повисшим в вечности и смотрел на всю свою жизнь, словно потусторонним взглядом отрешенного наблюдателя. Я словно обрел вторую молодость, отрешась от всего: жизни, любви и политики, искусства и даже от сна! Я пытался представить себе, что произойдет после приземления — как мне удастся провести морлока за нос и удрать в прошлое. Поймите меня правильно — однако даже при этом мне казалось, что все это должен сделать не я, а кто-то другой. Я был просто Наблюдателем.

Наконец мне пришла в голову идея, как можно обрести свободу: не только от морлоков, но и от своего времени, и от Времени вообще. Ибо чем окажется моя жизнь даже при благополучном возвращении? Я лишь беспомощный мотылек, уносимый ветрами времени. Как только гигантская тень земли надвинулась на нас из встречного космоса, и звездный свет отразился в океаническом брюхе глобуса, мысли застучали

в голове с новой силой, как заведенные до упора пружины часы.

До сих пор мне снится это двухдневное путешествие от Сферы до родной планеты, в компании молчаливого спутника-морлока — и этих ощущений мне не забыть никогда.

— Так значит, вы преодолели тридцать миллионов лет, — сказал морлок после некоторых размышлений.

— Если не больше, — откликнулся я. — Возможно, я мог бы уточнить хронологию, если бы…

Он махнул рукой.

— Тут что-то не так. Вы довольно складно описываете эволюцию солнца, но его разрушение, как это описано нашей наукой наступит не раньше, чем через тысячи миллионов лет.

— Я отвечаю за свои слова, Нево, — сердито заметил я.

— Не сомневаюсь. Но и в той истории эволюция солнца не могла пройти без внешнего вмешательства.

— Вы хотите сказать…

— Я хочу сказать, что некая неуклюжая попытка повлиять на солнечную активность, интенсивность излучения или продолжительность светлого времени суток или даже возможно

как у нас — овладения всей энергией в полном размере — должны были иметь место.

Использование вещества звезды, например, в качестве строительного материала.

По гипотезе Нево, Элои и морлоки не отражали в себе всю историю человечества — в той пропавшей навсегда истории. Возможно, рассуждал Нево, некая раса инженеров-изобретателей покинула Землю и пыталась что-то делать с Солнцем, как и предки Нево.

— Однако попытка сорвалась, — вымолвил я, подавленно.

Да. Эти Инженеры никогда уже не вернулись на Землю, которая осталась наедине с трагедией элоев и морлоков. И механизм солнца остался недоделанным, отчего светило стало меркнуть.

Я вновь содрогнулся, вспомнив этот пустынный пляж на побережье, и жуткие существа, чьи вопли до сих пор звенели в моих ушах. Это была последняя агония человеческой истории. В том, так и не сбывшемся прошлом. А, может быть, как раз и сбывшемся, но пропавшем — навсегда и бесследно. Оставив только мурашки, бегущие по спине.

Наконец Земля захватила нас в свои объятия — мы достигли орбиты. Но прежде Необходимо

было сбросить несколько миллионов миль в час, чтобы сравняться со скоростью движения Земли по орбите.

Несколько заходов и Нево поведал мне, что капсула связалась с гравитационными и магнитным полями Земли — благодаря специальным материалам обшивки и не без помощи искусственных спутников планеты.

Я прижался, что есть сил, к стенке капсулы, не отрывая глаз от распахнувшегося подо мной земного ландшафта. Постепенно поверхность планеты приближалась, и вскоре я уже мог видеть разбросанные в изобилии светящиеся колодцы морлоков. Возле одного из них, помнится, я оставил машину. Потом появились высокие башни — они высовывались из облаков. Нево объяснил, что это для запуска капсул в обратную сторону.

По всей длине башен пробегали огни: там морлоки готовились унести к своей Сфере, которая, наверное, и была их истинным домом. Так, наверное, доставили и меня, после того как я потерял сознание, а вместе с ним — и мое изобретение, плод двадцатилетних трудов. Башни работали на манер лифтов, поднимая капсулы за пределы атмосферы.

Скорость капсулы, запускаемой таким образом, была, конечно же, несравнима с той, что придается ротацией Сферы, и путешествие в обратную сторону занимало куда как больше времени. Но по приближении к Сфере мощное магнитное поле быстро завладевало капсулой, ускоряя ее на подходе и облегчая посадку.

Наконец мы вошли в атмосферу. Обшивка сразу стала разогреваться, и Нево предупредил, чтобы я держался покрепче.

Оставляя за собой фонтан искр и огня, мы падали на планету точно метеорит. Стены капсулы дрожали. Вот уже, кажется, у меня перед глазами пронеслось изогнутое ребро Темзы, и я стал гадать, на какой скорости мы сверзимся вниз и разобьемся о гостеприимные камешки матушки Земли!

Но тут…

Впрочем, сразу предупрежу, что мои впечатления о дальнейшем обрывочны и смутны. В памяти только корабль, захвативший нас в когти, словно коршун, налетающий с неба на перепелку. Причем проглотивший нас в момент. В полном мраке утробы этого хищника я чувствовал, что корабль сбрасывает обороты и мы медленно планируем вниз.

Следующее, что я увидел — это звезды. И никакого корабля-коршуна рядом не было. Наша капсула лежала на сухой безжизненной почве Ричмонд Хилла, всего в сотне ярдов от Белого Сфинкса.

21. Ричмонд-хилл

Нево распахнул капсулу, и я вышел наружу, тут же нацепив очки. Пропитанный ночью пейзаж тут же прояснился, и в первый раз я смог увидеть в деталях земной мир 657 208 года.

В бриллиантовом от звезд небе шар Сферы был виден отчетливо. Ржавый запах исходил от вездесущего песка и сырости, а, быть может, так пах мох или же лишайник. И всюду воздух был пропитан приторным морлочьим запахом.

Я с облегчением выбрался из ненадежной капсулы, вновь обретя под ногами твердую землю. Я стал карабкаться по склону к покрытому бронзой пьедесталу Сфинкса, и остановился там, на полпути по Ричмонд-Хилл, на той его стороне, где раньше находился мой дом. Чуть дальше на холме располагалось новое здание: небольшая приземистая хибарка. Но нигде ни одного морлока. Совсем непохоже на те, первые впечатления от земной обстановки, когда мне, запнувшись во тьме, — казалось, что они лезут отовсюду.

Машины Времени тоже не было ни следа. Только борозды остались в песке, да странно-узкие отпечатки морлочьих следов. Может, они опять

заволокли машину в подножие Сфинкса? И, стало быть, История повторяется? Так, во всяком случае, думал я.

Кулаки мои сжались и подъем, вызванный межпланетным путешествием, сразу моментально испарился, — во мне закипело негодование. Я постарался сдержать себя в руках. В самом деле — а чего я еще ожидал? Что Машина Времени так и будет меня поджидать у распахнутой капсулы?

Однако план бегства срывался, что не могло не вызывать раздражения.

Вскоре Нево присоединился ко мне.

— Похоже, мы здесь одни. — Заметил я.

— Детей перевели в другое место.

Даже в темноте я почувствовал. Как начинаю краснеть. Как будто мне снова напомнили о моей оплошности.

— Неужели я настолько опасен?.. Кстати, а где Машина?

Он снял очки, и я встретил непроницаемый взгляд его красновато-серых буркал.

— С ней все в порядке. Она в надежном месте. В целости и сохранности. Если желаете, можете прямо сейчас проверить ее.

Словно невидимый стальной трос связывал меня с машиной. Больше всего мне сейчас хотелось

вскочить в седло и… Но не будем торопиться, Надо сохранять спокойствие. Нарочито спокойным голосом я произнес:

— В этом нет необходимости.

Что значило: «Да ладно, успеется».

Нево повел меня вверх по холму, к небольшому зданьицу, которое я заметил еще раньше. Это была постройка морлоков: все те же прозрачные стены и неприхотливый дизайн: напоминало кукольный игрушечный домик с чуть скошенной крышей и единственной дверью. Внутри была койка, застеленная одеялом и кресло, а также поднос с пищей и водой. На кровати я увидел свой рюкзак.

Я обернулся к Нево.

— Вы предусмотрительны, — с искренней благодарностью сказал я.

— Мы уважаем ваши права.

С этими словами он вышел, оставив меня одного в моей хижине. Как только я снял очки, его силуэт растаял в ночи.

С некоторым облегчением я закрыл дверь. Как было хорошо хотя бы ненадолго вновь оказаться наедине с собой, в человеческой компании.

В последнее время, после замысленного побега мне было стыдно смотреть Нево в глаза. Ведь,

несмотря на их заботу, я обманывал морлоков. Однако другого пути у меня не оставалось, и решение было принято. Для этого я уже преодолел сотни миллионов миль — и еще всего несколько сот ярдов отделяло меня от машины. Я не мог допустить мысли о том, чтобы пойти на попятный.

И я знал, что даже если мне придется для осуществления замысла убрать с пути Нево, то я не остановлюсь и перед этим!

Тут я не удержался — развязал рюкзак, нащупал там и вытащил свечу. Успокаивающий желтый свет и легкая струйка копоти превратили тесную коробку морлоков в человеческое жилище. Они забрали кочергу — но все остальное осталось в целости и сохранности. Даже складной ножик. Глядя в зеркальный поднос, я сбрил с лица излишнюю растительность, которая уже начинала раздражать. Далее я занялся сменой белья. Никогда не думал, что новые носки могут доставить такое удовольствие. С признательностью вспомнил добрую мисс Уотчет, снабдившую меня в дорогу этими бесценными предметами.

Наконец наступил самый приятный момент. Я выудил из рюкзака трубку, набил ее табаком и затянулся от пламени свечи.

Так, окруженный привычными земными ве-

щами и ароматным дымом, я прилег на свою крохотную постель, натянул одеяло и заснул.

Проснулся я в темноте.

Странное чувство — просыпаться посреди ночи, когда по всем расчетам должен наступить день. Меня постоянно преследовало чувство, что я не высыпаюсь. Постепенно я терял чувство времени, и уже не мог отличить день (условный день бодрствования) от ночи.

Я уже сообщил Нево, что не прочь осмотреть Машину Времени, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, и поэтому во время завтрака и утреннего туалета чувствовал возбуждение. Я не особо продумывал стратегию: главное было воспользоваться первой возможностью! У меня был расчет на то, что морлоки, с их тысячелетиями разработанной изощренной техникой, не смогут разобраться в таком бесхитростно простом устройстве Машины Времени. Оставалось надеяться на то, что отсутствие двух свинченных рычагов оставит их в заблуждении.

Я вышел из своего убежища. После всех приключений рычаги Машины Времени в целости и сохранности лежали во внутреннем кармане сюртука.

Нево шел впереди, оставляя узкие косолапые

отпечатки в песке. Руки его болтались по сторонам. Морлоки привыкли ходить праздно, не обремененные ношей, доставая все буквально из воздуха. Очевидно, сегодняшнюю ночь он коротал возле моего жилища.

Мы поднимались по склону в южном направлении, в сторону Ричмонд-парка. Разговоров по пути не было: морлоки сдержанны и не любят лишних слов.

Я уже говорил, что мой дом стоял на Питершам-Роуд. Это было на полпути по склону Ричмонд Хилл, в нескольких сотен ярдах от реки, с хорошим добрым уклоном в западном направлении — и если бы не деревья, то можно было увидеть Питершамские луга за рекой. Однако в 657 208-м, естественно, никаких деревьев уже не было и отсюда прекрасно просматривалось новое русло Темзы, сверкавшее в звездном свете. Отовсюду зияли жерла морлочьих колодцев, словно кротовьи норы по всей земле. Склон устилал голый песок, в некоторых местах поросший лишайником. Местами поблескивало стекло — вроде того, что покрывало изнутри Сферу, в котором также мерцали, отражаясь, звезды.

Река отклонилась примерно на милю от первоначального русла девятнадцатого века. Похоже,

она оторвалась от излучины от Хэмптона до Кью. Так что Туикнем и Теддингтон оказались теперь на восточном берегу. Похоже, долины углубились по сравнению с тем, что было в мое время, или же Ричмонд-Хилл поднялся вследствие какого-нибудь геологического процесса, тектонического сдвига земной коры. Невзирая на альтернативные отклонения в истории, геологические процессы шли своим чередом.

Некоторое время я не мог оторвать глаз от этого зрелища. Интересно, сколько еще держалась местная флора и фауна под ветрами перемен. Ныне парк превратился в сумеречную пустошь, в которой встречались лишь редкие кактусы и оливы. Я почувствовал, как каменеет сердце. Возможно, эти морлоки позаботились о прогрессе цивилизации, перекинув все силы на Сферу, но как же они забросили Землю!

Мы достигли ворот Ричмонд-парка, неподалеку от Звезды и Подвязки, где-то в полумиле от моего дома. Здесь мы наткнулись на прямоугольную платформу из того же мягкого и податливого стекла, также отражавшую звездный свет. Из нее торчали разнообразные формы, в которых узнавались инструменты морлоков. Но вокруг никого не было: только мы с Нево оживляли этот

пустынный пейзаж. И тут, посредине платформы я увидел ее — сверкающую медью и никелем, полированной слоновой костью и кожаным велосипедным сиденьем, возвышающимся над грудой металла — я увидел Машину Времени, в целости и сохранности, готовую умчать меня домой, назад, в прошлое!

22. Повороты и обманы

Я чувствовал, как учащенно забилось сердце: мне с трудом удавалось спокойно следовать за Нево, но я заставил себя. Непринужденно сунув руки в карманы сюртука, я нащупал рычаги. Уже издалека я нацелился на те места, куда я их привинчу. И уж тогда я медлить не стану!

— Как видите, — заговорил тем временем Нево, — машину никто не трогал — мы лишь передвинули ее, но ее механизм в полном порядке. Ее не заводили.

Я попытался отвлечь его:

— Скажите, из вашего осмотра и моего рассказа о теории путешествий во времени — к каким выводам вы пришли?

— Ваша машина — грандиозное открытие. Причем не только для вашего века.

Я всегда был падок на комплименты.

— Но ведь именно платтнерит дал возможность сконструировать ее, — заметил я. — Вы это понимаете?

— Конечно. Нам еще предстоит заняться более детальным изучением этого материала.

Он снял очки, близоруко вглядываясь в сверка-

ющий механизм, отливающий хрусталем.

— Мы уже затронули тему альтернативных историй. Вполне возможно, существует несколько вариантов будущего. Лично вы оказались свидетелем двух историй человечества.

— Да. История морлоков и элоев, и вторая — история Сферы.

— Вы считаете, что это два выхода из одного коридора, который открывается при запуске машины… Изобретенный вами аппарат дает возможность путешествия по коридору Истории. И двери, а также выходы из него существуют независимо друг от друга. Но вот механизм взаимовлияния этих будущностей также еще не изучен. Он требует более пристального изучения.

— И кто знает, возможно, за этими дверями правят различные физические законы…

— Продолжайте.

— Вы утверждаете, что принцип путешествия во времени заключается в скручивании пространственно-временных координат. То есть Время и Пространство, сетка координат, меняются местами, — продолжал он. — Путешествие во Времени превращается в путешествие в Пространстве. Что ж, я согласен: в этом несомненная

заслуга платтнерита. Но каким образом это достигается?

Я откашлялся.

— Представьте себе, — сказал он, — вселенную из другой Истории, в которой путешествия во времени становятся широко освоенной технологией.

И он стал описывать вселенную, которую трудно было даже вообразить: в ней *ротация* была внедрена в саму ткань вселенной — материю.

Итак, ротация заполняет каждую точку Пространства и Времени, камень, брошенный из любой точки, будет следовать по спиральной траектории: его инерция будет действовать точно компас, следуя вокруг точки, в которую устремлен бросок, к месту приземления камня. Многие уже думают, что подобная ротация имеет место и в нашей вселенной, но чрезвычайно медленно развивается. Понадобится сотня миллионов лет, чтобы завершился всего лишь один виток…

Идея ротационной вселенной впервые была описана через несколько десятилетий после вашего…

— Все тем же Куртом Геделем?

— Совершенно верно.

— Опять этот Гедель! Тот самый, кто продемон-

стрировал бесконечность математики?

— Он самый.

Мы обошли машину вокруг — я не переставал при этом тискать рычаги в кармане. Я ждал удобного момента.

— А ну-ка, — продолжал я отвлекать его, — расскажите мне теперь, как это объясняет принцип действия машины.

— Вращение по оси — вот принцип. В ротационной вселенной путешествие сквозь время, в прошлое и будущее, в принципе является возможным. Наша вселенная вращается, правда, настолько медленно, что дожидаться такого момента придется сотню миллионов световых лет, и миллион миллионов лет займет само перемещение!

— Что не имеет практической пользы.

— Да, но представьте вселенную с большей плотностью, чем наша, вселенную, скомпонованную как атом. Там такая же ротация займет доли секунды.

— Но ведь мы находимся в другой вселенной, — взмахнул я рукой в разреженном воздухе. — И это очевидно.

— Но вы же смогли это сделать — возможно, благодаря платтнериту — обернуться в ту самую

долю секунды! Моя гипотеза состоит в том, что ваша Машина времени с помощью платтнерита способна перемещаться в такой сверхплотной вселенной, продвигаясь по ротационным виткам в прошлое и будущее. Вы овладели спиралью времени!

Я задумался. Все это впечатляло, но не более чем мои первые доморощенные гипотезы до изобретения аппарата. Да, конечно, при пуске машины, я ощущал эту ротацию вместе с головокружением. Очевидно, это были неизбежные ощущения, сопровождавшие путешественника во времени.

— Вши идеи замечательны — но они еще требуют проверки.

Нево воззрился на меня своими огромными глазами.

— А вы проявляете недюжинную гибкость ума, для человека вашего времени.

Этот комплимент я уже пропустил мимо ушей. Я был уже достаточно близко к машине. Нево осторожно коснулся длинным гибким пальцем одного из поручней. Стержней. В ту же секунду машина ответила слабым сиянием, вспыхнувшей искрой горного хрусталя, и легкий ветер пошевелил шерстинки на его руке. Он тут же

одернул руку. Я смотрел на механизм, соображая, как это можно сделать быстрее, в одно движение: выхватить рычаги из кармана и вкрутить их на место. На все должно уйти несколько секунд, пока он не успеет сообразить, что происходит. Но, возможно, я недооценивал скорость реакции морлока. Что, если он успеет остановить меня своим зеленым лучом?

Тьма словно сомкнулась вокруг меня, и смрадный запах морлока стал невыносимым. В этот момент я решил, что выполню задуманное, во что бы то ни стало. Меня не остановит никто и ничто!

— Что-то не так? — Нево с беспокойством смотрел на меня громадными темными глазами. Мне показалось, что он напряжен и готов остановить меня. Напрасно я уповал на доверчивость его рода! Морлоки могут быть очень и очень подозрительны, они отнюдь не простецы. Неужели я выдал себя? А вдруг из этой темноты на меня уставились стволы морлочьих пушек — и у меня оставались в запасе считанные мгновения!

Кровь хлынула к ушам, когда я выдернул рычаги из кармана и бросился к машине. Наскоро всунув рычажки в гнезда, я дернул один из них. Машина задрожала, последовала зеленая

вспышка — и, когда я уже думал, что для меня все кончено! — звезды исчезли, и вокруг установилась тишина. Слепая, мертвая тишина, какой я уже давно не слышал. Опять закружилась с невыразимой силой голова, и опять это чувство бесконечного падения в пропасть овладело мной — но в этот раз оно вызвало не испуг, а прилив необыкновенной радости.

Я закричал. На этот раз от восторга. Получилось! Я мчался сквозь время назад! Я снова был свободен!

…И тут же почувствовал холод затылком — как будто меня своими мохнатыми лапками коснулось насекомое.

Я осторожно отвел руку назад — и она коснулась шерсти морлока!

Книга вторая. ПАРАДОКС

1. Аргонавты времени

Схватившись за мохнатую лапу, я стал оттягивать ее от горла. Тяжелое волосатое тело налегло на меня сверху — вовсе морлоки не так тщедушны, как может показаться с виду — он мертвой хваткой вцепился в поручни и не выпускал ни меня, ни машину. Из-за плеча уже высунулась морда в синих очках, невыносимо смердя приторно-зловонным ароматом.

— Нево.

Это было произнесено тонким, почти писклявым голосом. Грудь за моей спиной содрогалась. Он был так испуган?

— Значит, вы сбежали. И так легко…

Он вцепился так, словно бы сам был частью моей машины. Последнее кошмарное напоминание о покинутом мной ужасном мире будущего. Наверное, приложив усилие, я смог бы его сбросить, отогнув эти тонкие паучьи пальцы — но все же что-то остановило меня.

— Вы, морлоки, недооцениваете людей, — бросил я ему сквозь зубы. — Но вы-то, Нево, вы могли предчувствовать то, что случится? Вы подозревали меня?

— Да. Только в последнюю секунду. Кажется, я начал понимать язык вашего тела. Ваших телодвижений. Я внезапно понял, что вы собираетесь привести машину в действие. И я уже был рядом, был готов остановить, когда…

Он осекся.

— Как думаете, мы удержимся? — прошептал он. — У меня слабеют руки.

Я обернулся и встретил его жалобный слезящийся взгляд, словно бы ожидающий ответа. Итак, мне оставалось сделать выбор и решить: будет у Машины Времени пассажир или нет? Помимо меня, водителя?

Едва ли у меня хватит решимости, чтобы вышвырнуть его за борт. Я слишком хорошо себя знаю.

— Ладно, все в порядке.

Так мы, два астронавта Времени, кувыркались сквозь эту бездонную пропасть, намертво вцепившись в поручни и болтаясь на корпусе машины. Я не выпускал руки Нево — чтобы удержать его, если он свалится, а также для того, чтобы убедиться, что морлок не тянется к рычагам. Так мало-помалу я дополз до велосипедного седла. Нево тем временем пристроился среди поручней, заплетая на них гибкие конечности.

— Зачем вы увязались со мной, Нево?

Морлок пялился на скудный сумрачный пейзаж вокруг машины и не отвечал.

И все же, кажется, я понял причину. Помню, как его увлек мой рассказ о путешествии в будущее. Он полез за мной, повинуясь безотчетному инстинкту, чтобы убедиться, что все это правда. А возможно, для того, чтобы, как и я, сбежать от этих человекообразных обезьян — своих сородичей! Что ж, это говорило в его пользу. Человечество странно изменилось за тысячелетия, но любопытство, овладевающее им, осталось прежним!

Вскоре мы ворвались в свет — над головой я наблюдал разборку Сферы — проникавшие сквозь нее лучи заливали машину все больше — и вскоре Нево взвыл.

Я снял очки. Освобожденное Солнце, сначала бездвижно повисшее в небе, стало раскачиваться, как маятник, пока не обрело истинного размаха, мелькая по небу раскаленной дугой. Снова вернулся счет на дни и ночи, а не темные непроницаемые сутки, отражавшиеся только в числах на циферблатах.

Земля вновь обрела прежние ось и вращение.

Морлок сгорбился, зарываясь лицом в шерсть

на груди. Очков он не снимал, но теперь их было мало, чтобы защитить его глаза от солнца. Он бы, наверное, охотно уполз внутрь механизма, только чтобы избавиться от безжалостно палящих лучей светила. Шерсть на нем сверкала — и сам он в солнечном свете смотрелся совсем по-новому.

Он был смешон и жалок одновременно. Вспомнив, однако, какой он устроил мне сюрприз при запуске капсулы, не предупредив, что она провалится сквозь Сферу прямиком в космос, я подумал: «Вот оно, воздаяние!» «Теперь отведай сам!»

— Нево, это всего лишь солнечный свет! — Теперь я общался с ним точно с дикарем.

Нево поднял голову — осторожно и неуверенно. На Солнце его синие очки окрасились в непроницаемо-черный цвет, растительность на лице слиплась — то ли от слез, то ли от пота. Сквозь нее просвечивала палево-бледная кожа.

— Глаза тут не при чем, — почти простонал он. — Свет жалит меня, даже сейчас. Но что будет дальше, когда Солнце откроется целиком?

— Солнечный ожог! — объявил я. — Вот что будет. После стольких поколений, живших в темноте, морлоки стали уязвимы для света. И

даже слабое английское Солнце было для них экваториальным. Я снял сюртук и протянул ему.

— Вот, — сказал я, — это вам вместо зонтика.

Нево спрятался под прочную непроницаемую ткань, запахнув лацканы сюртука.

— Кроме того, — продолжал я. — Машину я остановлю непременно ночью, так что у нас будет время подыскать убежище. Да и в любом случае нам следует появиться с наступлением темноты. Представляю, какой произведет фурор, если я появлюсь посреди толпы на Ричмонд Хилл, с монстром из будущего!

Вездесущая зелень постепенно исчезала с холма, и мы вернулись в смену времен года. Потом вступили в век Великих Строений, который я уже описывал прежде. Нево. Спрятав голову под сюртук, выглядывал остолбенело на мосты и пилоны, легкой туманной тенью скользившие над ландшафтом, появляясь и исчезая, как дым. Я же, как истинный сын своего века, с радостью предвкушал встречу с прошлым — то есть, со своим настоящим.

Внезапно Нево зашипел — как-то почти по-кошачьи — и вжался в корпус машины. С широко распахнутыми глазами он смотрел, как прикованный, куда-то вперед.

Обернувшись, я понял, что тот самый феноменальный оптический эффект, который я наблюдал во время путешествия в 657 208 год, проявился снова. Звезды словно прорываясь сквозь пространство. Истончившуюся материю, обрушились на меня… И в нескольких футах от машины я увидел его. Наблюдателя. Моего спутника в путешествии по времени. Глаза его были прикованы ко мне, и я невольно схватился за поручень, чтобы не упасть с машины. И вновь меня поразило сходство с тем существом, прыгающим на пляже тридцать миллионов лет вперед.

Странная вещь, но мои очки — столь незаменимые во мраке мира морлоков, ничуть не помогли разглядеть это существо в деталях: в очках оно было точно таким, как если я смотрел на него невооруженными глазами.

Тут меня отвлекло приглушенное бормотание. Это был Нево — он совсем расклеился.

— Не бойся, — попробовал я вернуть ему уверенность. Я же рассказывал о встрече с этим существом. Странная, но, судя по всему, совершенно безвредная сущность.

Сквозь рыдания, сотрясавшие тело, Нево произнес:

— Вы… вы не понимаете. То, что мы видим

— это невозможно. Ваш Наблюдатель пересекает коридоры Истории… Это непостижимо!

И тут же звездное свечение померкло, и мой Наблюдатель ушел в небытие, а машина продолжила свой путь в прошлое.

— Вы должны понять, Нево: я вовсе не собираюсь возвращаться в будущее. Это мое последнее путешествие. Больше я в эти игры не играю. Должен был заранее предупредить вас, но, честно говоря, не предполагал, что вы на свой страх и риск увяжетесь за мной.

— Я знаю, — ответил он, обвивая своими гибкими длинными пальцами поручни.

— Что вы знаете?

— Что я не вернусь. И потом, судя по проверенной вами теории, в мое будущее уже вернуться невозможно — потому что оно необратимо изменится под влиянием прошлого, в которое мы прилетим. Моя История, мой дом — теперь безвозвратно потеряны. Для меня и для вас. Я стал беглецом… Так же, как вы.

От его слов меня вдруг окатило ледяным потом. А что, если он прав? Может, я снова исказил картину — не только будущего, но и в этот раз — уже и прошлого?

— Но зачем же вы тогда так безрассудно броси-

лись за мной?!

Я мучительно соображал — доставка такого гостя в прошлое может исказить картину мира еще больше — и притом совершенно непредсказуемо.

— Возможно, я был не прав, — пробубнил он из-под сюртука. — Но кто бы мог удержаться? Использовать такой шанс — собрать такую информацию…

— А-а, вот оно, в чем дело. Конечно, для вашей расы это — самое главное.

— Да. Информация.

Он замолчал. Чем-то он был похож на меня — с той же неуемной любознательностью, готовый очертя голову броситься в погоню за знанием при первой открывшейся возможности. Короче говоря, такой же экспериментатор. Но наши эксперименты мы ставили исключительно на себе. И никому не причиняли вреда. Никому. Кроме исчезнувших миров. Но если они исчезают — то ведь только для нас? Этот парадокс мне еще предстояло исследовать.

Стрелки хронометров продолжали раскручиваться в обратном направлении, и я увидел, что мы приближаемся к моему веку. Мир становился все более знакомым, обретая привычные формы,

Темза встала в свое прежнее русло, и над ней возникали старые мосты.

Я стал оттягивать рычаги, управляя торможением. Вот Солнце стало различимо в небе уже не дугой, а светящейся точкой, мелькающей по небосклону, темным заморгали ночи. На двух циферблатах стрелки уже остановились. Осталось пройти еще несколько лет.

И вот Ричмонд-Хилл замер предо мной, узнаваемый, достаточно похожий на то, каким я его оставил. За деревьями я различал долины Питершама и Туикнема, хотя скорость была еще достаточно велика — так что присутствия людей не ощущалось, так же как и животных, и прочих насельников Ричмонд Хилла.

Итак, я почти что дома!

Счетчик тысяч дней встал на нуле. Я продолжал отжимать рычаги, видя, как стрелки начинают заваливаться в обратную сторону.

Я стал замечать пятна пикников, мелькающие передо мной на лужайке. Наконец счетчик отсчитал шесть тысяч пятьсот шестьдесят дней до моего отправления — и я остановился.

Машина Времени стояла посреди туманной безлунной ночи. Если мои расчеты не были ошибочны, то я очутился в 1873 году. В очки морлока я

видел темный склон холма, речные берега и росу, сверкающую на траве. И ни одного свидетеля моего появления. Морлоки оттащили машину на полмили, на открытый участок холма. Поэтому я очутился не в доме. Но все равно меня никто не заметил.

Знакомые звуки родного столетия нахлынули на меня со всех сторон: потрескивание дров в камине, отдаленный рокот Темзы, шорох ветра в листве, нефтяные огоньки с тележек лоточников. Как это было прекрасно, знакомо, гостеприимно!

Нево осторожно выпрямился. Теперь он был в моем сюртуке, точно в легком полупальто. Он удобно устроился в нем, засунув руки в карманы. Вид у него был как у ребенка, надевшего взрослую вещь.

— Это 1891-й?

— Нет, — отвечал я.

— В чем дело? Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что мы должны были вернуться несколько раньше. В более давнее Прошлое. — Я посмотрел на холм. — Видите ли. Нево, в одном из этих домов находится лаборатория, где некий молодой человек отважился на серию экспериментов, которые, в конечном счете, приведут к созданию Машины Времени.

— Вы хотите сказать…

— Это происходило в 1873-м — так что в скором времени я надеюсь встретиться с этим молодым человеком.

Он посмотрел на дом. Его лицо в очках без подбородка, удивленно повернулось ко мне.

— А теперь пойдем, Нево. Вы поможете мне.

2. Дома

Не описать, до чего странно было прогуливаться в ночном воздухе по дороге к собственному дому — бок о бок с сопровождавшим меня морлоком!

Дом находился в конце террасы с большими эркерами, украшенными довольно непритязательным резным орнаментом вокруг дверной рамы с портиком. К ней вели ступени с черными металлическими перилами. Это был большой просторный дом, купленный мной по случаю еще в молодые годы. Я никогда не помышлял переселяться.

Я прошел в калитку и двинулся на задний двор. Туда выходили несколько балконов и окна курительной и гостиной. Свет в них не горел (я точно не знал, который час ночи). Оставалась ванная комната — но в 1873-м году она еще не был пристроена — и я полоскался в складной ванне, приносимой слугой в спальню. Взглядом я вычислил местоположение лаборатории, где — тут я испытал трепет необыкновенное волнение — еще горел свет. Прислуга давно улеглась, но я — да, ведь это был именно "Я" — продолжал

работать.

Смешанные чувства охватили меня, каких не доводилось еще испытывать человеку: прийти к собственному дому, уже занятому тобой. Быть одновременно внутри и на пороге. Прийти к самому себе в гости.

Я вернулся к парадному входу. Нево по-прежнему стоял на пустынной дороге, где я его и оставил. Он вздрогнул, заслышав шаги.

— Не бойтесь…

Нево боялся приблизиться к ступенькам, поскольку колодец, куда они уводили, зиял непроницаемой чернотой.

Он подозрительно попробовал ногой ступеньку, видимо, не доверяя мастерству строителей древнего 19-го века.

Это навеяло на меня воспоминание из детства. Дом, в котором я вырос, был таким огромным, что в нем запросто можно было заблудиться: с погребами, подвалами, кладовыми и прочим. Помню, как меня пугала одна из подвальных отдушин: черная дыра, у самой земли. Детское воображение рисовало картину, что там живет Страшная Рука, которая может запросто схватить проходящего за лодыжку и утащить в свой подземный мир. Вот откуда, наверное, произрастала

моя морлокофобия.

Отставив в сторону эти, теперь уже смешные воспоминания, я сказал Нево:

— Ведь вы, морлоки, любите темноту.

С этими словами я пошел к парадной.

Все было так знакомо — и все-таки было другим. Достаточно было одного взгляда, чтобы заметить тысячи малозначительных изменений и отличий, которые проявятся с такой силой через восемнадцать лет. Провисший косяк, позже замененный мной, и пустая ниша, куда я потом прибил крюк для лампы, по настоятельной просьбе мисс Уотчет.

Я вдруг стал понимать с новой силой, осознав еще раз, насколько замечательная вещь — путешествие во времени! Ожидаешь драматических перемен в истории человечества, улетая в будущее — и они там находятся, но в то же время достаточно такого незначительного прыжка в прошлое на пару десятилетий — и оно уже кажется анахронизмом.

— Может, мне лучше подождать вас?

В очках и сюртуке с чужого плеча вид у него был комичный.

— Думаю, намного опаснее для вас оставаться снаружи. Вас может заметить полицейский и

принять за взломщика.

Представляю, какой шум могло вызвать появление морлока в полицейском участке! В этом веке Нево был совершенно беззащитен — также как я во время своего первого путешествия в будущее, куда не догадался прихватить даже кочерги.

— И потом, кроме полиции, на вас могут обратить внимание собаки. Нет уж, Нево, давайте жить по правилам этого века. Здесь по ночам ходят лишь подозрительные субъекты.

— А что подумает хозяин, если я появлюсь в доме рядом с вами?

— Хозяин?

Тут я несколько опешил, забыв, что речь идет обо мне самом. Молодом человеке из 1873-го года. Я вздохнул:

— Меня и сейчас трудно чем-нибудь удивить. А уж в те времена… Впрочем, остается уповать на собственную рассудительность и готовность к всякого рода сюрпризам. И потом, ваше присутствие поможет мне. Вы — мое доказательство.

И без дальнейших колебаний я дернул шнур дверного звонка.

В доме хлопнула дверь, и послышалось раздраженное: «Сейчас, сейчас!» Затем шаги по короткому коридору, соединявшему лаборато-

рию с остальным домом.

— Это я, — прошептал я Нево. — Прислуга уже спит.

Ключ завозился в замочной скважине.

Нево шепнул:

— Очки…

Я снял этот анахронизм и спрятал в брючный карман — и тут же дверь распахнулась.

На пороге стоял молодой человек с лунным сиянием на лице — от свечи, которую он держал перед собой. Скользнул по мне взглядом, с головы до ног, он с явным непониманием воззрился на Нево.

— Какого дьявола вам нужно? Не могли прийти утром?

Я открыл рот — но все приготовленные слова, которые могли объяснить мое появление, тут же вылетели из головы.

Так я предстал перед самим собой — двадцати-шестилетним!

3. Моисей

С этого времени я раз и навсегда окончательно пришел к выводу, что все мы без исключения пользуемся зеркалом как самообманом. Отражение, которое мы видим перед собой, настолько сильно находится под нашим контролем, что мы выделяем в нем, пусть бессознательно, лучшие черты, и складываем в уме образ, который не узнают даже ближайшие друзья. И, конечно, стираем «случайные черты», представляя себя в наиболее выгодном свете и ракурсе.

И вот передо мной оказалось истинное мое отражение, которое вышло из-под контроля — и, доложу вам, зрелище было непростое.

Ростом он был вровень со мной — в противном случае я бы к своему малоприятному удивлению обнаружил, что за 18 лет несколько сократился в объеме. Широкий лоб (на что мне указывало немало людей) и редкие волосы, еще, впрочем, не тронутые сединой. Глаза ясные, нос прямой, широкие мужественные скулы. Однако едва ли меня можно было назвать красавцем: бледность лица, хранившего печать уединенных часов в библиотеках, аудиториях и лабораториях, начи-

сто отметали предположение о сердцеедстве.

И еще одно смутило меня — я обнаружил в себе черт морлока. Неужели у меня так торчали уши?

Но больше всего привлекло внимание, во что я был одет.

На нем был так называемый в наши времена «костюмчик донжуана»: короткий красный сюртучок на черно-желтый жилет, застегнутый на тяжелые медные пуговицы, высокие ботинки такого же желтого цвета и букетик цветов, приколотый в петлицу.

Неужели я когда-то так по-дурацки одевался? Наверное!

— Поразительно, — невольно вырвалось у меня. — Какой-то клоун!

Кажется, он не понимал, что происходит — он не узнал меня, но с ответом не замешкался:

— Пожалуй, лучше всего захлопнуть дверь перед вашим носом, сэр. Вы, что, специально взбирались по холму, чтобы раскритиковать мой костюм?

Бутоньерка на лацкане заметно увяла, и мне показалось, что от моего двойника веет ароматом бренди.

— Скажите, сегодня, в самом деле, четверг?

— Довольно странный вопрос.

— И все же?

Он поднял свечу, заглядывая мне в лицо. Казалось, оно заинтересовало его больше, нежели присутствие морлока, этой тени будущего человечества, стоявшего всего в двух ярдах перед ним! Интересно, подумалось мне вдруг: неужели вся цель моих путешествий во времени была в том, чтобы встретиться с самим собой?

Но уже не оставалось времени на иронию и метафоры.

— Да, сегодня четверг, — отозвался двойник, — а как бы вы думали? Точнее, уже пятница, потому что перевалило за полночь. И что дальше? Потрудитесь объяснить, кто вы такой, сэр, и откуда свалились на мою голову?

— Вы узнаете, кто я такой, в свое время, — ответил я. — А также, — я показал на морлока, заметив, как расширились при этом глаза негостеприимного хозяина моего дома, — кто он такой. И расскажу, отчего я не уверен ни во времени дня, ни в календаре. Но, сперва, может быть, пройдем в дом? Я бы не прочь отведать вашего бренди, которым вы так превосходно пропитались насквозь.

Он стоял, наверное, с минуту, изображая из себя статую — так что под ногами у него начала соби-

раться лужица воска. Вдалеке я слышал сонное бормотание Темзы под ричмондскими мостами. Затем, наконец, он ответил:

— Мне следовало бы выставить вас за порог! — но…

— Понимаю, — сочувственно произнес я. В самом деле, я прекрасно знал себя. Представляю, что за предположения сейчас роились в его голове!

Он решился и отступил в дом.

Я махнул рукой Нево. Мохнатые ноги морлока ступили на паркет и зашлепали по нему. Мой молодой двойник не спускал с него глаз — и морлок в ответ посмотрел с таким же интересом.

— Это… кхм, поздно уже… Не хочу будить прислугу. Пройдем в гостиную, там камин еще не остыл.

В коридоре было темно, видны были только декорированные панели да рожки вешалок для шляп. Да силуэт негостеприимного хозяина, подсвеченный свечкой. Он шел впереди, мимо курилки. В самом деле, угли еще не растаяли в камине гостиной. Хозяин зажег свечой остальные, расставленные по комнате. Примерно дюжина фитилей осветили помещение — две из них стояли в знакомом медном канделябре на камине рядом с табачной жестянкой.

Я осмотрел уютно знакомую комнату, не переставляя удивляться, как по-разному могут выглядеть предметы, когда сравниваешь их через 18 лет. Журнальный столик у двери со стопкой газет, — вне сомнения, с разбором последней речи Дизраэли, или со зловещими рассуждениями на тему Восточного Вопроса — и мое любимое кресло с подлокотниками у огня, низкое и удобное. Только вот восьмиугольных столиков и электрических лампочек, ввинченных в серебряные лилии, что-то не было видно. Видимо, он унес их в лабораторию.

Тем временем двойник приблизился к морлоку и нагнулся над ним, уперев руки в колени.

— А это кто у нас такой? Похоже на обезьяну — или ребенка с врожденным атавизмом. Это ваш сюртук на нем?

— Вообще-то он может сам ответить на эти и другие вопросы, — заметил я, располагаясь в кресле.

— В самом деле? — откликнулся он, оборачиваясь ко мне, и, затем, снова к Нево.

Пока он вглядывался в покрытое шерстью лицо, я старался не выдать волнения, невольно теребя ногами ковер. Экая бесцеремонность — сколько можно пялиться… но ведь он ничего не знал ни о

морлоках, ни об их цивилизации.

Тут он вспомнил про обязанности хозяина.

— О, простите. Я сейчас.

Морлок беспокойно озирался по сторонам. Видимо, привыкший к чудесам своего времени, он ожидал появления накрытого стола прямо из пола. Вскоре он продемонстрировал гибкость ума. Но сейчас был смущению Как и я бы искал газовый рожок на стене пещеры Каменного Века.

— Нево, — заговорил я, — здесь у нас все попростому. Формы фиксированы. — Я указал на обеденный стол и кресла. — Так что не гора идет к Магомету, а как раз наоборот.

Морлок оказался существом понятливым и быстро выбрал себе стул, забравшись на него с проворством ребенка, ожидающего десерта.

Я поспешил ему на помощь.

— Только не это.

И пересадил его в другое, повыше. Ноги его болтались в вышине, на них только не хватало детских колготок.

— Откуда вы знаете, — опешил мой двойник. — О моих активных креслах? Я рассказывал о них только самым близким друзьям — они еще требуют усовершенствования…

Я не ответил — просто посмотрел ему много-

значительно в глаза — и, похоже, он уже сам начинал догадываться. Озарение постепенно приходило к нему.

— Присаживайтесь и вы, — сказал он. — Я схожу за бренди.

Я сел рядом с морлоком и огляделся по сторонам, что обычно делают гости в отсутствие хозяина, когда им нечем заняться — и разговор не клеится.

В углу стоял старый телескоп системы Грегори на треноге, взятый мной из родительского дома. Довольно нехитрое приспособление, дающее смутные очертания предметов: мое первое окно в космос, воплощение детских фантазий о всемогуществе оптики. Отсюда из гостиной, сквозь приотворенную дверь был виден коридор, ведущий в лабораторию, заваленную приборами и инструментами.

Вскоре оттуда появился наш хозяин, с тремя стаканами для бренди и квадратным графином.

Он щедро плеснул в стаканы жидкость, сразу заискрившуюся при свете свечей.

— Озябли? — заботливо сказал он. Может быть, пересядете к камину?

— Спасибо, — помотал головой я и поднял стакан.

Я вдохнул терпкий аромат и перекатил на языке несколько капель обжигающей жидкости.

Нево стакана брать не стал. Он просто окунул в него длинный палец и облизал. Вздрогнув, он отодвинул стакан подальше.

Мой двойник наблюдал это с интересом. Затем повернулся ко мне:

— Вы ставите меня в тупик своими ответами. Я вас не знаю. А вы, похоже, знаете меня.

— Да, это так, — улыбнулся я. — Но я в затруднении, как к вам обращаться.

Двойник нахмурился:

— Не вижу проблемы. Мое имя…

Но тут я остановил его, подняв руку.

— С вашего разрешения, я сам назову его. Моисей.

Он сделал отчаянный глоток бренди и уставился на меня с недоумением и подозрением.

— Но… откуда вам это известно?

Моисей — мое первое имя, которого я терпеть не мог, за которое мне не давали покоя товарищи в школе. Я навсегда оставил его за порогом родного дома, когда стал жить самостоятельно.

— Впрочем, не переживайте. Этот секрет навсегда останется между нами.

— Слушайте, — взорвался двойник. — Я устал

играть в эти игры. Сначала вы являетесь ко мне ни свет не заря с вашим странным… приятелем, потом насмехаетесь над тем, как я одет, теперь еще это… Между прочим, вы даже не представились! Назовите ваше имя.

— Я, — ответил я. — предоставляю вам право самому назвать его. Ну, что же вы медлите?

Длинные пальцы изобретателя сомкнулись на стекле стакана. Он понимал, что происходит нечто странное — но что? В лице его страх был смешан с возбуждением — такое выражение бывало и у меня, при столкновении с Неведомым.

— Слушайте, — пришел я ему на помощь. — Я готов рассказать вам все. Понимаете — все! Как и обещал. Но сначала…

— Да?

— Разрешите осмотреть вашу лабораторию. Уверен, ему, — я показал на Нево, — это покажется также небезынтересным. Вы расскажете нам о том, чем занимаетесь вы, — подчеркнул я, — а там, глядишь, станет ясно, кто мы такие.

Он откинулся в кресле, продолжая сжимать бокал. Затем поспешно встал, выпрямился и взяв свечу, указал ею за дверь:

— Следуйте за мной.

4. Эксперимент

После относительного тепла гостиной мы вышли в холодный коридор, ведущий в лабораторию. До сих пор это стоит у меня перед глазами, как видение. Странная процессия: впереди широкий череп Моисея, осветленный пляшущим пламенем свечи, и блистающие металлические пуговицы его клоунского наряда. Да вкрадчиво мягкая поступь морлока у меня за спиной — вместе с сопровождающим диким ароматом.

В лаборатории Моисей прошелся вдоль стен, зажигая свечи и включая лампы. На стенах с простой побелкой, обои и прочие украшения заменяли листки с расчетами. Единственный из мебели книжный шкаф был завален журналами, печатными текстами и целыми томами математических таблиц и справочников по физике. Здесь было не топлено: я невольно поежился, оставшись без сюртука и сложив руки на груди, стал растираться.

Морлок оставил этот жест без внимания. Похоже, мой сюртук ему понравился окончательно и бесповоротно. Он сразу зашлепал к полке с журналами и стал разглядывать потрепанные

корешки. Неужели он мог освоить письменный язык? — в Сфере я видел ни одной книжки, но часто встречал надписи на голубом стекле перегородок.

— Ну, что вам рассказать о себе, — начал Моисей. — Полагаю, моя биография окажется неинтересной. Но раз уж вы так хотите, продолжим играть в вашу игру. Хотите, я расскажу вам о моих последних экспериментах?

Я улыбнулся — чем он мог удивить меня? Впрочем, таково было свойство моей натуры — постоянно удивлять, делясь последними находками.

Он подошел к скамье, на которой взгромоздилось причудливая конструкция из трубок, реторт на штативах, ламп, решеток и линз.

— Предупреждаю заранее: буду вам признателен, если вы не станете ничего трогать. Тут не сразу поймешь, что к чему — но поверьте, система работает слаженно! Мне приходится постоянно сдерживать мисс Пенфорт с тряпками и щетками от проникновения в эту область жилища.

Мисс Пенфорт? И тут я вспомнил, что до мисс Уотчет обязанности экономки в самом деле исполняла особа с таким именем. Мы расстались с ней за пятнадцать лет до моего отбытия в

будущее, после того, как я обнаружил, что она растаскивает мой скромный запас искусственных алмазов. Можно было, конечно, предупредить Моисея о привычках этой особы, но в конце концов особого вреда ее страсть не причинила, да и потом, как знать, не изменю ли я этим что-либо в собственном будущем. В конце концов, пусть все идет, как шло — ведь именно это сочетание событий, людей, обстоятельств и привело Моисея к открытию!

Итак, Моисей продолжал:

— Основной предмет моих исследований — оптические аберрации, или, чтобы вам было понятнее — визуальные искажения в линзах. Это в первую очередь касается физической природы света, которая…

— Мне это известно, — все с той же инквизиторской улыбкой остановил я его.

Он посмотрел в недоумении.

— Хорошо. Я столкнулся с необъяснимым на первый взгляд явлением, при изучении нового минерала, попавшего мне в руки пару лет назад. — Он продемонстрировал мне восьмиунцевую медицинскую пробирку с делениями, заткнутую резиновой пробкой. Она была наполовину засыпана тонким порошком зеленоватого

цвета, загадочно поблескивающим.

— Обратите внимание, это вещество светится изнутри.

Материал напоминал истолченное в пыль стекло.

— Откуда же исходит внутреннее сияние? Где источник излучения?

С этого начались мои поиски. Сначала они пошли совсем не в том направлении, поскольку я был занят иными проблемами, — но в скором времени платтнерит завладел моим вниманием всецело. Я решил назвать его в честь человека, доставившего его сюда — Готфрида Платтнера, как он мне представился.

Я испробовал все: смену температур, обработку газом, лакмусовую бумажку и прочие химические тесты. Я пытался растворить его в воде и в кислотах: серной, соляной и азотной — и ничего не добился. Я жег его над спиртовкой — безрезультатно. — Он потер нос.

Я посмотрел на черное пятно на стене, плохо скрытое побелкой.

— Да, это все, чего удалось достичь, — кивнул он. — Но при этом я ни шагу не приблизился к разгадке платтнерита. И вот однажды, — оживился он. — Я пришел к выводу, что исследовать

его нужно не химически, а физически. То есть, платтнерит — вещество не с химическими, а исключительно физическими характеристиками. Его можно тестировать только оптикой. Ведь и его внутреннее свечение — чисто оптический феномен, не так ли?

Я с любопытством наблюдал за ним. Постепенно Моисей входил в роль профессионального лектора: нечто среднее между оратором, ученым и факиром, демонстрирующим эксперименты перед публикой.

— Я вернулся в область исследований, более изученную мной — поскольку я все-таки больше физик, чем химик. И первое с чем я столкнулся — странный показатель отражаемости у платтнерита — который, как вам известно, зависит, от скорости распространения света в веществе.

«Польщен», — подумал я, кивнув. «Он не отказывает мне в начатках научных знаний».

Моисей тем временем обернулся к скамье:

— Вот устройство для демонстрации необычных оптических свойств платтнерита.

Далее следовало объяснение. В тесте было задействовано всего три предмета. Небольшая электрическая лампа с изогнутым зеркалом отражателем и на расстоянии ярда от нее белый

экран на штативе. Между ними еще один штатив с картонкой, на которой были тонко разградуированы деления. Под лавку уходили провода к динамо машине, от которой питалась лампочка.

Подобное устройство можно было демонстрировать даже ученикам начальных классов — я всегда стремился к простоте и наглядности эксперимента. Внимание должно быть приковано к феномену, а не к сложности конструкции. К опыту, а не к приборам. Чем, кстати, часто пользуются шарлатаны от науки.

Моисей щелкнул выключателем — и лампочка загорелась, точно маленькая желтая звезда в комнате, обставленной свечами. Картонка защищала экран от света — за исключением смутного сияния в центре, в котором просматривались деления.

— Натриевая лампа, — пояснил Моисей. — Дает чистый свет без спектра, в отличие от солнечных лучей. Параболическое зеркало фокусирует его на картонку.

Движением руки он указал, как именно распространяется свет.

— В картонке проделаны две щели со шкалой. Лучи, проходящие сквозь них, пересекаются и интерферируются — думаю, вам понятно значе-

ние этого термина.

Он вопросительно поднял на меня глаза.

— Вам понятен принцип? Это все равно что вы бросаете два камня в воду, и расходящиеся от них круги «гасят» друг друга.

Я утвердительно кивнул.

— Результат подобной интерференции на экране, расположенном за картонкой. Видите? Тут, конечно, нужна лупа.

Моисей выпрямился.

Интерференция — давно изученное явление. В результате такого эксперимента можно определить длину световой волны, испускаемой натриевой лампой — она составляет одну пятидесятитысячную часть дюйма, если вам интересно.

— А как же платтнерит? — подал голос Нево.

Моисей вздрогнул, услышав водянистый булькающий голос морлока, но тут же пришел в себя. И выдвинул стекло в рамке, шести дюймов площадью, вымазанное чем-то зеленым. С зелеными пятнами.

— Это платтнерит, помещенный между стекол. Теперь посмотрим, что произойдет, если я помещу его между картонкой и экраном.

На экране осталась только одна яркая щель света. Поток света из второй щели в картонке,

экрана не достигал.

При этом световая щель окрасилась в зеленоватый цвет, сместилась и изменила конфигурации.

— Луч натриевой лампы, проходя сквозь платтнерит, обретает зеленую часть спектра. Но как объяснить остальное?

Нево склонился над демонстрационным прибором: свет натриевой лампы сверкал в его очках.

— Казалось бы, ничего особенного — для непосвященного в тайны оптики. Но при ближайшем рассмотрении получается непостижимый феномен, способный произвести переворот в науке. Я могу доказать это математически. — Он показал на груду черновиков с формулами на полу. — Лучи света, проходя сквозь платтнерит, искажаются не в пространстве, а во времени. Темпоральная дисторция. Эффект трудно наблюдаемый, но явный, и даже измеримый. И доказывает его прежде всего исчезновение интерференции двух световых потоков. Что вы и видите наглядно перед собой.

— Искажение во времени? — пробормотал Нево. — Вы хотите сказать…

— Да, — Лицо Моисея мертвенно блеснуло в свете натриевой лампы. — Я убежден в том, что световые лучи, проходя сквозь платтнерит,

трансформируются во времени.

И снова, как и тогда впервые, этот простенький эксперимент с лампой, картонкой и экраном, привел меня в восхищение. Это было только начало — из этого почти наивного эксперимента в процессе долгих и трудных поисков, экспериментов и теоретических рассуждений родилась конструкция Машины Времени!

5. Искренность и сомнение

Решив не раскрываться до поры, я изобразил на лице восторг и несказанное удивление.

— Да, это воистину великое открытие.

Однако он недовольно посмотрел на меня и во взгляде я прочитал его сомнение в моих умственных способностях. После чего он отвернулся и стал возиться с «аппаратурой».

Я воспользовался этим. Чтобы перетащить на свою сторону морлока.

— Ну, что скажете, Нево? Превосходная демонстрация.

— Да, — откликнулся он. — Но я удивлен, как он мог не обратить внимания на радиоактивность этой загадочной субстанции, платтнерита. Сквозь очки ясно видно…

— Радиоактивность?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Вам что, незнаком этот термин? — И он коротко изложил мне теорию этого явления, рассказав о веществах, вместе с испусканием света теряющих свою массу. По мнению Нево все известные в природе элементы обладали этим свойством — в большей или меньшей степени.

Некоторые, как, например, радий, делали это настолько интенсивно, что результаты поддавались измерениям.

Этот рассказ всколыхнул воспоминания:

— Помню была такая игрушка, называлась «спинтарископ» [3] — сказал я Нево. — Там радий размещался рядом с экраном, покрытым сульфидом цинка.

— И экран при этом фосфоресцировал.

— Совершенно верно. Это вызвано тем, что атомы радия бомбардировали его.

— Но ведь атом невидим, он…

— Модель атома была продемонстрирована Томсоном [4] в Кебриджском университете, всего через несколько лет после вашего перелета в будущее.

— Модель атома? Томсон? Да я сам встречался несколько раз с Джозефом Томсоном — мы с ним почти одного возраста. И вы хотите сказать, что этот выскочка и неуч…

---

[3] Примечания: 3

От греческого spintharis — «искра» и skopeo — «смотреть», демонстрационный прибор для наблюдения альфа-частиц. Родоначальник счетчиков элементарных частиц.

[4] Примечания: 4

Джозеф Джон Томсон (1856-1940), английский физик, директор Кавендишской лаборатории. Предложил одну из первых моделей атома (1903).

И тут я впервые раскаялся в своем преждевременном шаге. Так просто расстаться со своим временем, выключить себя из него — и броситься путешествовать во времени, оставив настоящую жизнь — и настоящие открытия там — в моем не прожитом будущем. Ведь даже без модели машины времени я мог не раз скрестить шпаги не только со стариной Томсоном, но и со многими другими учеными моего времени. Нам было о чем поспорить. Впервые оставленная мной жизнь мне показалась мне более интересной и захватывающей, чем любые путешествия во времени.

Моисей к этому времени закончил возиться с прибором и уже потянулся к выключателю натриевой лампы — но тут же с криком одернул руку.

— Простите, сказал Нево. Поспешно убирая пальцы, встретившиеся Моисею на пути.

— Что это было? — Моисей тер ладонь так, словно пытался вывести с нее пятно. — Ваши пальцы… Отчего они такие холодные? — Он уставился на Нево, словно бы видел его впервые.

Нево вновь извинился:

— Я не хотел вас напугать. Но…

— Да? — тут же поспешил я.

Морлок вытянул длинный палец к рамке с

платтнеритом:

— Смотрите.

Вместе с Моисеем мы склонились над аппаратом.

Сначала разглядеть не удавалось ничего, кроме отражения натриевой лампы и тонкого слоя пыли на стекле… но вскоре я различил сияние, исходившее от платтнерита — стеклянная рамка светилась зеленоватым светом, словно окно в другие миры. Постепенно свечение усилилось, отражаясь в пробирках, ретортах и прочей лабораторной амуниции.

Мы вернулись в гостиную. Камин давно потух и в комнате воцарился пронизывающий холод поздней ночи. Но Моисей, не обращая внимания на такие пустяки подлил мне бренди в стакан и предложил сигару. Нево попросил воды. Я с вздохом раскурил скрученные табачные листья на глазах изумленного Нево, тут же потерявшего дар речи и жестов, усвоенных от меня.

— Ну, что ж, сэр, — заговорил я. — И когда же вы намереваетесь опубликовать результаты ваших замечательных выдающихся исследований?

Моисей почесал затылок и распустил узел цветастого галстука.

— Не уверен, — признался он, — Что я могу ска-

зать что-нибудь новое в науке, кроме перечисления замеченных аномалий столь непостижимого вещества как платтнерит. И все же, возможно более светлые головы, чем моя, сумели бы прийти к результатам — например, как синтезировать это вещество в лабораторных условиях.

— Это невозможно, — изрек Нево.

— Что невозможно?

— Производство радиоактивных материалов в течение ближайших десятилетий нереально. Это История.

Моисей удивленно поднял брови, но промолчал.

— Так значит, публикация отодвигается на неопределенный срок?

Он заговорщически подмигнул мне — узнаю себя в молодости — и сказал: — Всему свое время. Признаюсь вам — я не совсем ученый — не то, что принято понимать под этим словом. Кропотливый, дотошный, готовый без конца рыться в мироздании, доказывая себе и другим затаенные в нем парадоксы. Короче говоря, не то, каким он предстает перед нами в научных изданиях.

— А вы, стало быть…

— О, я не порицаю не в коем случае тружеников науки! Просто я считаю, что есть более инте-

ресные пути приложения этих открытий. — Он отхлебнул бренди из своего стакана. — У меня уже есть несколько публикаций — в том числе одна в «Трудах философского общества». Но работа с платтнеритом…

— И что она?

У меня странное предчувствие. Здесь кроется нечто большее, чем изучение природы света или оригинального вещества.

Я невольно потянулся в кресле, заметив, как оживилось его лицо. Была середина ночи — мир словно замер вокруг, онемел — и каждая окружающая деталь приобрела особое значение. Словно пропитываясь тайной мироздания. Я услышал таинственный стук часов во всем доме: настенных «ходиков», карманной «луковицы» и остальных хронометров, расставленных по этажам.

— Скажите, скажите мне. Что вы имеете в виду? Ведь вы не договорили.

Он одернул свой забавный донжуанский сюртук.

— Я уже говорил вам о том, что искажения света, преломляющегося в платтнерите, имеют темпоральную природу. Что это значит? Это значит, что луч, перемещается между двумя точками пространства без вмешательства времени. И,

как представляется мне, напряженно продолжал он, — таким же образом — теоретически — могут перемещаться материальные предметы. Объекты. Если смешать платтнерит с подходящей кристаллической субстанцией: например, кварцем или другим природным минералом…

— То?..

Тут он пришел в себя: отставил решительным движением стакан с недопитым бренди и оперся локтями на стол. Зеленые глаза его были совсем рядом. Он смотрел на меня в упор.

— Не уверен, что имеет смысл продолжать. Вы видите: я был с вами искренен. Настало время вам ответить такой же искренностью. Вы готовы?

Вместо ответа я еще раз посмотрел ему в глаза — глаза, смотревшие сквозь 18 лет, глаза, которые я каждый день видел в зеркале для бритья.

— Кто вы? — прошептал он, словно опасаясь ответа.

— Ты знаешь. Или до сих пор не догадался?

Пауза стала затягиваться. Морлок заерзал в кресле, но сейчас его присутствие было призрачным и почти невероятным — не имеющим значения для нас обоих.

Наконец Моисей выдавил:

— Да, да. Кажется, я понял.

Я не спешил обрушить на него всю тяжесть правды. То, что Моисею представлялось интригующим вымыслом, полуфантастическим предположением, воплотилось в реальном объекте, сделанным моими — и его — руками. Столкнуться с воплощением мечты. Да еще и с самим собой, пришедшим из другого времени — было непростым испытанием.

— Мое появление здесь — неизбежный результат твоих поисков. — подчеркнул я.

Он взглянул на меня по-новому, скользнув оценивающим взглядом по моему лицу, волосам, одежде.

Я пытался разглядеть себя посмотреть на себя со стороны, глазами двадцатишестилетнего. Тут же невольно я пригладил волосы, которых не расчесывал с самого 657 208-го года, и втянул живот, в молодости не имевший таких очертаний. И все равно особого восторга в его лице не ощущалось.

— Посмотри как следует, — с чувством сказал я. — Перед тобой твое будущее.

Он почесал подбородок.

— Малоподвижный образ жизни? И оттопырил большой палец в сторону Нево. — А это кто? Неужели…

— Гость из будущего, — кивнул я. Из 657 208-го.

Доставленный сюда на машине, которая существует пока лишь в твоей голове, как идея.

— Гм. Не терпится задать массу вопросов. Ну, и как?

— Что — как?

— Что со мной произошло дальше? Я достиг успеха и славы? Женился? Ну и тому подобные пустяки. Пожалуй, лучше об этом и не спрашивать. — Он снова метнул взгляд на Нево. — Вот будущее рода «гомо сапиенс» — это будет поинтереснее.

— Ты что — не веришь мне?

Он снова взял стакан, обнаружил, что тот пуст, и поставил на место.

— Не знаю. Просто… все это странно. Любой может заявиться с порога и сказать, что он — это я, только из будущего.

— Но ты же сам уже понял, что такое возможно. И потом — вглядись в мое лицо!

— Сходство есть, признаю. Но сходство еще ничего не значит. Может, все это вообще дружеский розыгрыш, — он пристально и подозрительно посмотрел на меня. Потом взгляд его стал и вовсе сердитым. — Желаете выставить меня дураком?

— Ну, а предположим, что это не так.

— Не так? — он снова поскреб подбородок. —

Ну, даже если и не так, если отмести возможность дружеского розыгрыша — друзья в курсе, чем занимаюсь я. Но в таком случае…

— В таком случае… — помог я.

— У вас должна быть определенная цель, для того, чтобы заявиться в собственное прошлое.

— Совершенно верно, — я поднял палец, вспомнив, что имею дело с легко возбудимым молодым человеком. Между тем нам предстояло решить жизненно важный вопрос. — Да. Я прибыл в прошлое не просто так. Не для того, чтобы полюбоваться на себя, не для пустого развлечения. Насколько тебе самому известно, я ничего не делал в жизни ради пустого развлечения.

Он надменно выпятил подбородок.

— Это все фразы. Неужели все дело во мне. Кто я? Даже не ученый — так, лудильщик, дилетант. Я не политик и не пророк. Зачем ради меня являться тени из будущего?

— Дело в том, что ты изобретатель самого грозного оружия, когда-либо сконструированного на Земле. Ты автор Машины Времени.

— И что же вы должны сообщить мне?

Что ты должен немедленно, как можно скорее избавиться от платтнерита. Займись чем-нибудь другим, найди новую тему для исследований. Ты

не должен заниматься Машиной Времени — это очень важно! Иначе все рухнет.

— Рухнет — что?

— Все. Целые миры исчезнут из мироздания — только благодаря Машине Времени и твоему неуемному любопытству.

Сдвинув кончики пальцев перед собой, он посмотрел на меня.

— Ну, хорошо. Очевидно, у вас есть еще, о чем рассказать. Это длинная история? Может быть, принести еще бутылку бренди — или чаю, например?

— Нет. Большое спасибо, — с чувством произнес я. У нас, — я подчеркнул «нас», — нет времени на чай. Я постараюсь быть максимально краток.

И я поведал ему историю, всю как есть, с самого начала — про изобретение и оба своих путешествия в Будущее. Про свои смелые эксперименты, про Элоев и Морлоков, и про то, что обнаружил по возвращении.

Несмотря на крайнюю усталость — по моим расчетам, я не стал уже вторые сутки — по мере своего рассказа я все больше загорался, то и дело бросая взгляд на лицо морлока в пламени свечи — мое доказательство истинности этой истории. Поначалу меня смущало присутствие

Нево, безмолвно внимавшего моей пылкой речи, но вскоре я заметил, что и Моисей начинает поглядывать в его сторону морлока, всякий раз по-новому удостоверяясь в моих словах.

Но вскоре мой рассказ захватил его настолько, что он не сводил глаз с моего лица.

6. Вера и скепсис

Ранняя летняя заря уже занялась, когда я приблизился к окончанию своего рассказа.

Моисей сидел в кресле, уперев ладонь в подбородок — взор его был прикован ко мне. Наконец он сказал:

— Ладно. — И еще раз повторил: — Пусть будет так.

Он встал, потянулся и подошел к окну. Раскрыв створки, он выглянул в туманное светлеющее небо.

— Замечательная история, — протянул он. — Просто великолепная.

— Но это еще не все, — заметил я охрипшим голосом — в горле у меня уже несколько раз пересохло, а бренди давно закончилось. — Во время второго путешествия во времени я очутился в другой Истории. Машина Времени — это сокрушитель Историй. Это Разрушитель Миров и Рас. Неужели тебе непонятно, что ее нельзя изобретать?

Моисей обернулся к Нево.

— А что вы скажете об этом — человек из будущего?

Кресло Нево оставалось в тени — он выбрал самый темный угол гостиной, где и прятался от приближающихся солнечных лучей.

— Я не человек, — возразил он ровным холодным голосом. — Но, тем не менее, я из будущего — одного из бесчисленных миров или возможных его вариантов. Все это похоже на правду — во всяком случае, логически возможно. Машина Времени вмешивается в Историю, всякий раз направляя ее по новому пути. Сам принцип ее действия состоит в искажении Истории, благодаря свойствам платтнерита. Как это материал искажает проходящий сквозь него свет, так же и ваше изобретение всякий раз деформирует историю, проходя сквозь нее. Тут есть много общего.

— Ну, это уже метафоры, — вмешался я. — Я тоже готов допустить, что появление Машины времени на карте Истории — нечто сродни движениям коня на шахматном поле. Эта фигура — единственная из всех, движется по доске не линейно. Но и ее путь можно рассчитать, он имеет максимально допустимое количество вариантов.

Это возражал я — но "Я" — восемнадцатилетней давности. Я стоял у окна, дышал свежим рассветным воздухом и размышлял вслух, по

мере того как поднимающееся Солнце золотило его профиль:

— Однако пока мои исследования еще в колыбели и ваши голословные утверждения…

— Голословные?

Юнец! Мальчишка! Как смеет он критиковать себя самого — в возрасте. Где уважение к старшим? И самоуважение, в конце концов!

— Да ведь это же я тебе говорю! Опомнись, упрямец! Я привел тебе человека… существо из будущего, какие тебе еще нужны доказательства?

В ответ он только покачал головой.

— Слушайте, я устал. Всю ночь на ногах, тут и бренди не поможет. Похоже и вы нуждаетесь в отдыхе. В этом доме есть несколько свободных комнат: я провожу вас.

— Я сам знаю дорогу, — с достоинством отрезал я.

Он оценил ситуацию с юмором — на лице его впервые появилось нечто вроде улыбки.

— Я распоряжусь, чтобы мисс Пенфорд принесла вам завтрак. Хотя… — тут он посмотрел на Нево, — возможно, лучше подать его в гостиную.

— Пойдем, — сказал он. — Судьба расы несколько часов может и подождать.

Давно я так не спал — таким глубоким, очищающим сном. Я был разбужен Моисеем, который принес мне кувшин подогретой воды.

Одежду я сложил на кресле: точнее, это была уже не одежда, а обноски — после столь долгих скитаний там смотреть было не на что.

Он поймал мой взгляд и сказал, словно бы прочитав мысли:

— Если желаете, можете взять халат. Извини, старина — тут он со смехом перешел на «ты», оценив абсурдность ситуации — уважение к себе самому, старшему! — остальные мои вещи вряд ли придутся тебе впору!

Такое бесцеремонное поведение слегка вывело меня из себя.

— Придет день — и ты станешь «стариной». Тогда ты вспомнишь… Впрочем — не бери в голову! — заключил я.

— Я распоряжусь, чтобы твою одежду почистили и заштопали. Спускайся вниз, когда будешь готов.

В гостиной завтрак был подан через буфет, отделяющий это помещение от кухни, слугам не было нужды появляться здесь. Моисей с Нево уже собрались. Моисей был в том же костюме, что и вчера — или точной его копии. Яркое утреннее

Солнце окрасило попугайские тона во что-то уж вовсе крикливо-несообразное. Что же до Нево, на морлоке откуда-то появились короткие штанишки и потрепанная курточка. По самые очки была нахлобучена шапка — очевидно, чтобы скрыть мохнатое лицо. Он стоял неподвижно как статуя возле буфета.

— Я предупредил мисс Пенфорд, чтобы она не заходила, пока у меня гости, — сказал Моисей. — Сюртук на спинке стула — он на него великоват. Мне удалось отрыть в чулане свою школьную форму — она провоняла нафталином, но так он выглядит еще ничего.

— А теперь, — подошел он к Нево, — Позвольте вас обслужить, сэр. Что вы предпочитаете: яичница, бекон, тосты, сосиски?

Все тем же ровным текучим голосом Нево попросил объяснить ему происхождение названных предметов. Моисей сделал это наглядно: поднимая на вилке, например, ломтик бекона и рассказывая о происхождении свиней, их сущности и прочем.

После этакого экскурса в мир человеческой кулинарии Нево выбрал дольку разрезанного яблока и стакан воды, а затем ушел в самый темный угол.

Что до меня, то после диеты на харчах у морлоков я наслаждался завтраком так, словно это была моя последняя пища, съеденная в 19-м веке. Если бы я знал, что так оно и окажется!

После завтрака Моисей проводил нас в курительную. Нево тут же занял темный угол, а мы с Моисеем уселись в кресла друг напротив друга. Опираясь на подлокотник, Моисей вытащил трубку из жилетного кармашка и раскурил ее.

Я наблюдал за ним, едва сдерживаясь. Внутри у меня все клокотало. Как он чертовски спокоен!

— Тебе что, нечего сказать? Я принес тебе грозное предупреждение из будущего — даже из двух будущих, а ты…

— Да, согласился он. — Впечатляющая история. Но, — продолжал он, пыхтя чубуком, — Я все-таки не уверен…

— Не уверен? — воскликнул я, вскакивая. — Но как мне убедить тебя? Что еще нужно для доказательства…

— Сдается мне, что в твоем рассказе есть несколько логических прорех. Да присядь ты.

Я устало сел на место.

— Что за прорехи?

— Посмотрим вот с какой стороны. Ты утверждаешь, что я — это ты, и, соответственно,

наоборот. Так?

— Точно. Мы — два ломтика единой четырехмерной сущности, взятые из различных точек и совмещенных в одной точке пространства с помощью Машины Времени.

— Очень хорошо. Но давай рассуждать логически: если ты был когда-то мной, то должен разделять мои воспоминания.

— Я… — и тут я осекся.

— В таком случае, — победоносно произнес Моисей, — с заметным триумфом торжеством. — Что ты можешь сказать о некоем загорелом незнакомце, который однажды постучался к тебе посреди ночи? Ага!

Естественно, таких воспоминаний у меня не было. Не стоило даже напрягать память. Опешив, я обратился за помощью к Нево:

— Как такое может быть? Получается, мое прибытие в прошлое невозможно. Логически несостоятельно. Я не смог бы переубедить Моисея Младшего, потому что никогда не встречался с Моисеем Старшим, который также должен был переубеждать меня в свою очередь!

Морлок возразил:

Причина и следствие при использовании Машины Времени становятся устаревшими по-

нятиями.

Однако Моисей Младший все так же с вызовом продолжал:

— А вот вам еще одна головоломка. Предположим, что я согласился с вами. Я принял твою историю о путешествии во времени на веру, меня убедили картины будущего… и так далее. Предположим, что я согласился разрушить Машину Времени.

— Получается, она никогда не была построена и…

— И ты никогда бы не смог появиться здесь.

— И машина была бы построена…

— И ты бы снова смог вернуться сквозь время… и так до бесконечности, как отражение свечи, помещенной меж двумя зеркалами! — торжествующе воскликнул он.

— Да-а. Получается мертвая петля времени. — Заметил Нево. — Изобретатель должен сконструировать машину, чтобы удержать себя от ее изобретения.

Я уронил лицо в ладони. Удручал меня не столько полный крах моего замысла, сколько то, что Моисей Младший оказался *разумнее* меня. Я совершенно не обратил внимания на этот логический парадокс! — вероятно потому, что старость

отнимает не только силы, но и разум. Логические способности слабеют с возрастом, как и тело.

— И, несмотря на эти логические пикировки, тем не менее — это правда.

— Что — правда?

— Все рассказанное — правда. Это единственный способ остановить разрушение. — прошептал я. — Машина не должна быть изобретена.

— Тогда объясни мне, — уже с меньшей симпатией продолжал Моисей. — «Быть иль не быть» — похоже, не вопрос. На моем месте ты мог бы вспомнить, как тебя запрягли играть роль призрака в «Гамлете», в школьной постановке.

— Я и так прекрасно помню.

— Вопрос, как мне представляется, заключается в другом: как можно «БЫТЬ» и одновременно «НЕ БЫТЬ»?

— И, тем не менее, это правда, — сказал Нево. Морлок подался чуть вперед, к свету, и обвел нас взором поочередно. — Но мы должны перейти, как мне кажется, на позиции высшей логики — логики, которая учитывает взаимодействие Машины Времени с Историей, логики, способной иметь дело с вероятностными историями…

И в этот момент, когда я терял последнюю надежду, — послышался чудовищный рев мотора,

отразившийся эхом по склону Ричмонд Хилл, за стенами дома. Казалось, земля содрогнулась под ногами от шагов исполинского монстра, и я услышал крики — и, что совершенно невероятно в такой час, в сонное раннее утро в сонном Ричмонде — ружейную пальбу!

Мы с Моисеем встревоженно переглянулись.

— Господи, — пробормотал Моисей, — Что это?

Мне показалось, что раздался еще выстрел, и за ним внезапно оборвавшийся крик.

Мы выбежали в коридор и оттуда — в гостиную. Моисей распахнул входную дверь — запор был отодвинут — и мы выбежали на улицу.

Там была мисс Пенфорд, тощая и суровая, в ядовито-желтом плаще-пыльнике и Пул, слуга Моисея. Мисс Пенфорд что-то верещала, вцепившись в руку Пула. Они мельком взглянули на нас, даже не обратив внимания на морлока — будто бы перед ними был не более чем странный француз или шотландец.

На Питершам-Роуд было скопление народа. Толпа зевак. Моисей дернул меня за рукав и указал на дорогу в направлении города. — Вот вам, — сказал он, — и аномалия.

Гигантская коробка из металла растянулась на всю Питершам-Роуд будто громадное насе-

комое не менее восьми десятков футов в длину. Но это не было выброшенное на берег морское чудовище. Оно медленно, но верно подползало к нам, оставляя за собой глубокий след. Броня была усеяна пятнами гнездами амбразур, которые я сначала принял за отверстия для стрельбы или перископов.

Утренний поток транспорта объезжал эту машину по сторонам. Два догкарта [5] уже валялись перед монстром перевернутые, а сними и подвода пивовара, с дико ржущей лошадью, прищемленной оглоблями и пивом, хлещущим из разбитых бочек.

Один парень в шляпе метнул в железное чудовище булыжник в железный бок. Глухо звякнула броня, на которой не осталось ни царапины. Вскоре последовал ответ: из амбразуры высунулся ружейный ствол, брызнувший огнем — и юноша рухнул как подкошенный и остался лежать на мостовой.

Толпа тут же стала растекаться по соседним улочкам, последовали новые крики. Мисс Пенфорд рыдала, утирая слезы рукавом плаща. Пул повел ее к дому.

---

[5] Примечания: 5
Высокая двуколка с местом для собак под сиденьями.

Внезапно в железной штуковине лязгнул и распахнулся люк, и внутри мелькнули внутренности машины и лицо (как мне показалось, в маске), посмотревшее в нашу сторону.

— Это из Времени, — сказал Нево. — И оно пришло за нами.

Я энергично повернулся к Моисею.

— Ну что? Теперь ты веришь?

7. Джаггернаут лорда Рэглана

Моисей нервно усмехнулся, лицо его побледнело, и на высоком лбу выступили капли пота.

— Очевидно, ты не единственный путешественник во времени!

Эта передвижная крепость наступала по дороге в сторону моего дома. Длинная плоская коробка с крышкой наверху. Она была окрашена в пятнистый защитный цвет: зеленый и грязно-коричневый, словно постоянным местом ее обитания были болота и бездорожье. Колеса — или то другое, на чем она передвигалась, были укрыты броней. Крепость перемещалась со скоростью примерно шести миль в час и, несмотря на изгиб холма и неровности местности, шла на удивление ровно.

На улице уже не осталось ни души, кроме нас троих и прищемленной лошади с пивоварни. Тишину нарушал лишь монотонный рев двигателя и жалобное ржание животного, попавшего в капкан.

— Такого я не помню, — заметил я Нево. — Во всяком случае, в моем 1873-м этого не случалось.

Морлок уставился на приближающуюся кре-

пость в очки.

— Мы снова сталкиваемся, — ровным тоном сообщил он, — со множественностью Историй. Вы уже увидели две версии будущего, 657 208-го. А теперь перед вами два варианта вашего века.

Крепость остановилась, моторы утробно взревели внутри. Теперь было видно, что из разных бойниц на нас глядят такие же лица в масках.

— Может, лучше убежать, пока не поздно? — шепотом спросил Моисей.

— Сомневаюсь. Видите ружейные стволы, что торчат из бойниц? Не знаю, что тут происходит, но похоже у этих людей на нас свои планы.

— Давайте вести себя достойно. Направимся им навстречу, — предложил я. Покажем, что мы их ничуть не боимся.

И по булыжной мостовой мы направились в сторону Питершам-Роуд.

Стволы ружей и пушек проследили наш путь и лица в масках, поверх которых встречались и полевые очки, — не на минуту не оставляя нас без присмотра.

Когда мы приблизились, я смог получше осмотреть крепость. Как я и говорил, более восьмидесяти футов в длину и десяти в высоту. По бокам она была обложена тяжелой пушечной броней.

Нижняя часть поднималась, открывая не колеса — а ноги! Тяжелые столбы, подобные слоновьим, оставлявшие на земле странные отпечатки в виде птичьих лапок. Перемещение на таких ногах и помогало тяжелой машине сохранять равновесие даже на крутых участках склона.

На носу крепости болтались тяжелые металлические цепи с барабаном. Они звенели в воздухе, точно извозчичьи вожжи, издавая страшный шум при движении. Предназначение подобного устройства мне было неясно.

Ярдах в десяти от тупого носа машины мы остановились. Дула винтовок по-прежнему смотрели на нас. Из парового двигателя сильно несло дымом.

Даже теперь, вспоминая те события, я содрогаюсь. Теперь и прошлое утратило стабильность и постоянство. Я не просто лишил мир его будущего, но и отобрал у себя единственное прошлое. Теперь все стало вариативным, факультативным — и не уникальным. Время: будущее и прошлое стало расползающейся массой. Оставалось жить лишь настоящим.

Машина Времени настигла меня и в прошлом — это были как вездесущие круги от камня, однажды брошенного в безмятежные воды Реки

Времени.

— Кажется, это британец, — заговорил Моисей, прерывая мои тягостные раздумья.

— С чего ты взял?

— Видите этот значок полка на нижней части брони?

Я пригляделся — очевидно, у Моисея зрение было острее моего. Я никогда не интересовался военным делом армейскими регалиями, но, похоже, Моисей был прав. Он прочел другие нанесенные трафаретом на броню надписи черной краской: «Места для личного состава» — гласили они — «Топливные баки», — говорили другие. Это Британские либо американские колониальные войска — из ближайшего будущего, где язык еще не претерпел существенных изменений.

Послышался металлический скрежет — словно бы встретились два листа брони. Впереди на корпусе провернулось колесо — и распахнулся люк, открывая темные внутренности железной пещеры. Оттуда была скинута веревочная лестница. По ней спустился некто в военной форме и поспешил к нам. Одет он был в брезентовый комбинезон поверх гимнастерки такого же пятнисто-защитного цвета. Тяжелые металлические эполеты сверкали на его плечах. На голове был

черный берет с полковым значком. На боку болталась плетеная кобура и еще несколько подсумков впереди — очевидно, набитых боеприпасами. Я заметил. Что кобура предусмотрительно расстегнута и рука в перчатке находилась все время рядом с ней наготове.

И что поразительнее всего — лицо его было скрыто жуткой маской — очки и хобот вроде того, что можно наблюдать у мухи под микроскопом.

— Боже, — прошептал Моисей, — Что за чудище!

— Да уж, — нахмурился я, внутренне готовый к любому повороту событий. — Эта маска — защита от газа. Комбинезон и перчатки тоже. Судя по всему, они готовы к газовой атаке. А что вы скажете об эполетах? Думаю, он экипирован против любых неожиданностей.

— Из какого же брутального века занесло его сюда, в мирный 1873-й?

— Я думаю, Моисей, это гость из самого мрачного будущего, которое только можно себе представить — Будущего Войны!

Воин между тем приближался. Он глухо пробубнил в маску слова, в которых можно было опознать начальственный тон, говоривший о том, что перед нами офицер, но из слов его я ни-

чего не понял.

— Это германец! — жарко прошептал Моисей. К тому же с жутким акцентом. Откуда это могло взяться?

Я сделал шаг навстречу, поднимая руки:

— Мы англичане. Вы понимаете?

Я не мог видеть его лица, но по движению плеч понял, что это его устраивает. Теперь можно было разобрать голос: он принадлежал молодому человеку в армейском панцире. Он торопливо сказал:

— Прекрасно. Следуйте за мной.

Похоже, ничего другого нам не оставалось, как подчиниться.

Молодой воин выжидательно стоял у люка, с рукой на кобуре, следя за тем как мы по очереди взбираемся наверх.

— Скажите мне одну только вещь, — обратился к нему Моисей. — Зачем эта штуковина впереди на цепях?

— Противоминный цеп, — последовал короткий ответ.

— Противоминный? — недоуменно переспросил мой двойник.

— Цепь волочится по земле впереди «Рэглана». И мины взрываются прежде чем мы успеваем наехать на них.

Переварив эту информацию, Моисей забрался следом за мной.

— Британец, — удовлетворенно поделился он наблюдением. — Мимика выдает. Видели, как он мне показывал?

— Вы что, способны отличить германца от британца по одной только жестикуляции?

Моисей не ответил. Вместо этого он продолжил восхищаться совершенством техники:

— Вы посмотрите, что за броня! Пули для нее все равно что капли дождя — они просто сплющиваются и скатываются. Такую махину пробить можно только хорошей артиллерией.

Люк захлопнулся, плотно запечатав нас во тьму. Резиновая прокладка удерживала от проникновения не только света из внешнего мира, но и воздух. Нас повели узким коридорчиком вдоль длинного борта. Отовсюду слышался шум двигателей, пахло машинным маслом и керосином запахами, в которые вмешивался резкий аромат бездымного пороха. Здесь было жарко, и вскоре я почувствовал, что воротник намокает от пота. Единственный источник света — две лампы горели в глубине коридора. В сумраке я заметил по пути очертания восьми громадных колес диаметром по десять футов, выстроившихся по бокам

крепости — за ними проходила обшивка. На носу крепости сидел единственный воин в брезентовом кресле в окружении рычагов, циферблатов и устройств, походивших на линзы перископов. На корме располагался двигатель и система передач. Все это напоминало во много раз увеличенную систему локомотива. Механизм обслуживали несколько человек в таких же масках с хоботами, комбинезонах и перчатках. Они возились словно жрецы вокруг металлических идолов.

Небольшие тесные кабинки свисали с потолка. В каждой из них находилось по солдату с полным боекомплектом и оптикой.

Наш провожатый снял, наконец, маску — и взмокшие от пота мальчишеские вихры упали на разгоряченный лоб. Солдату — или адъютанту не было и двадцати.

— Пройдемте вперед, — сказал он. — Вас ждет капитан.

Под молчаливыми взорами солдат, подвешенных в люльках, мы стали пробираться дальше, гуськом друг за другом.

Наконец, нас впихнули в то, что можно было назвать рубкой. Металлический купол изнутри был обложен медными пластинами. Здесь стоял капитан — та же форма, только перетянутый

крест-накрест кожаными ремнями портупеи.

Капитан был без противогаза. Широкоскулое лицо моряка, только не обветренное и не загорелое — лучи солнца давно не касались этой кожи. Скорее всего, он годами жил внутри этой металлической черепахи. Капитан снял перчатку и протянул мне руку. Ладонь оказалась маленькой, почти детской. Я с удивлением присмотрелся к этому человеку.

— Мы не рассчитывали на такое число пассажиров, но все равно рады приветствовать вас всех.

Голубые глаза переметнулись с Моисея на Нево и в них блеснула озорная искра. — Добро пожаловать на борт «Лорда Рэглана» Меня зовут Хилари Бонд, капитан девятого батальона Королевского джаггернаутского полка.

Это была правда! Капитаном корабля — опытным и видавшим виды воином, командиром смертоносной машины, страшнее которой я не видел ничего на свете — была женщина.

8. Возобновление старого знакомства

Она улыбнулась, при этом стал заметен шрам на подбородке — и тут я понял, что ей не больше двадцати пяти лет.

— Послушайте, капитан, — заговорил я. — Хотелось бы знать, по какому праву вы нас задержали.

Она нимало не смутившись, она отвечала:

— Моя задача — сохранение национальная безопасность в первую очередь. Так что извините, если вам были доставлены неудобства…

Но тут вперед выступил Моисей. Его шикарный костюм смотрелся совсем ни к месту в такой милитаристской обстановке.

— Мадам капитан, о какой национальной безопасности может идти речь в 1873-м году!

— В 1938-м, — поправила она, пылая духом милитаризма и агрессивности. — Моя задача — охранять дом на Питершам-Роуд, где происходит научный эксперимент и предотвратить анахронистическое вмешательство в него.

Моисей поморщился.

— "Анахронистическое вмешательство" — полагаю, речь идет о путешественниках во времени.

Я улыбнулся.

— Прелестное слово — вмешательство. И вы полагаете, для этого достаточно оружия?

Тут заговорил Нево.

— Капитан Бонд, — медленно произнес Морлок, — уверен, вы и сами видите, что ваша миссия логически абсурдна. Вы знаете, кто эти люди? Как вы можете охранять эксперимент от вмешательства, если его автор — и он указал мохнатой лапой на Моисея, — будет похищен из своего времени?

При этом Бонд на несколько затянувшихся секунд остановила взгляд на морлоке. Затем она посмотрела поочередно на нас с Моисеем — и, думаю, отметила несомненное сходство.

Наконец она бросила несколько отрывистых слов сопровождавшему нас воину, который тут же исчез из рубки.

— Я немедленно проинформирую об этом Министерство Военно-воздушных Сил, как только мы вернемся. Они очень заинтересовались вами, и, полагаю, вы сможете обсудить этот вопрос со штабом.

— Какое возвращение? — вмешался я — Вы что, хотите сказать, мы «возвращаемся» в 1938-й год?

Не дрогнув лицом, она отвечала:

— Парадоксы перемещения во времени — не моя епархия. Но в министерстве найдутся умные головы, способные это распутать.

За спиной послышался смех Моисея — громкий и несколько истеричный.

— Роскошно, — проговорил он. — Теперь мне и вовсе не надо конструировать эту чертову машину!

Нево уныло посмотрел на меня:

— Боюсь, что путаница заходит слишком далеко. Мы совсем отдалились от первичной исторической версии. Той, которая существовала до запуска машины.

Тут на помощь поспешила капитан Бонд.

— Понимаю ваши чувства. Но уверяю — вашей безопасности ничто не грозит, поскольку я здесь. — И еще, — мило улыбнулась она. — для вашего успокоения я привела кое-кого, способного все уладить. Это человек из вашего времени, возможно, вы уже догадываетесь, кто.

Тут из темноты выступила фигура. С теми же эполетами, амуницией и хоботом шланга до пояса. Но на его униформе не было военных нашивок и значков. Фигура медленно двигалась, опираясь на стены по неудобному коридору. Она хранила все признаки преклонного возраста, и над рем-

нем нависал живот.

Послышался старческий надтреснутый голос, едва слышимый сквозь рокот машин:

— Боже праведный, это вы! — он протянул ко мне руки. — Вот уж не думал, что увижу вас после того злополучного четверга, когда вы исчезли в вечности!

Как только он вышел на свет, я испытал новое потрясение. Несмотря на помутненный взор и согбенную годами спину, и волосы, в седине которых уже с трудом можно было отыскать природный цвет и несмотря на то что широкий лоб был обезображен шрамом, похожим на следы ожога, это был без сомнения, он, Филби.

— Черт меня раздери!

Филби заржал, подходя ко мне. Я схватил его руку, дряблую и пожелтевшую, в старческих веснушках, и понял, что ему никак не меньше семидесяти пяти.

— Вас-то, может, и раздери. Да и нас всех следом. Но как же я рад видеть вас, старина!

Мельком он посмотрел на Моисея: не знаю, оценил ли сходство старик. Но, во всяком случае, не удивился.

— Филби, у меня столько вопросов!.. Ну, теперь-то вы мне обо всем расскажете!

— Да уж, думаю, вопросов у вас поднакопилось. Затем они и вытащили меня из-под Купола. Я тут ответственный за акклиматизацию — короче, помочь вам освоиться в местной жизни.

— Но, Филби… ведь только вчера — как же вы дошли до такой жизни?

— Как я пришел к *этому* ? — он цинично хлопнул рукой по животу, показывая, чем стал. — Время, друг мой, время. Эта чудесная река, на груди которой, можете нам поверить, резвишься как водяной клоп, но все равно тебя сносит вниз по течению. Время человеку не друг. Мне это перемещение во времени далось нелегко, минуло сорок семь лет с нашей последней вечеринки в Ричмонде, когда вы показывали нам самодвижущийся рубанок, который при нажатии на рычаг якобы растворился в будущем или прошлом. А потом вы и сами пропали в Послезавтра.

— Старина Филби, — выпалил я, сжимая его руку. — И все же, теперь вы должны признать, что я оказался прав. Это не шарлатанство.

— Да уж, всех вы заткнули за пояс, — прокряхтел он, горестно посмеиваясь.

— Ну, а теперь, — вмешалась капитан, — позвольте, джентльмены, распорядиться. Старт через несколько минут.

С этими словами, признательно кивнув Филби, она переключилась на экипаж.

Филби вздохнул:

— Ну что ж, пойдем. Здесь есть место на корме, где можно с уютом расположиться: так немного меньше шума и грязи…

— Чем?.. — усмехнулся я.

— Чем везде.

И мы снова отправились назад по коридору.

По пути я успел рассмотреть еще некоторые детали механизма. Длинные оси вращались вокруг главного вала, под которым был расположен металлический пол. Оси приводили в движение громадные колеса-маховики. Именно к ним крепились столбы, похожие на слоновьи ноги, с помощью которых машина перемещалась в пространстве. От колес летела дорожная грязь, попадая в машинное отделение, где смешивалась с машинным маслом, образуя особый прогорклый запах. С помощью осей регулировался подъем колес, отчего ноги приспосабливались к любой перемене высоты рельефа. Ноги также поднимались на специальных пневматических поршнях. С помощью этого устройства крепость могла «идти» по любым неровностям поверхности и склонам. И даже под уклон.

Моисей обратил мое внимание на стальную коробку в центре механизма.

— Тебе не кажется это странным?

И он указал на прутья, торчавшие из коробки — как будто кварцевые. — Похоже, они тут совершенно ни к месту.

Я присмотрелся: в смутном электрическом свете я разглядел знакомый зеленоватый блеск между слоями кварца и никеля.

— Платтнерит, — прошептал я Моисею. — Никаких сомнений — все это взято из нашей лаборатории. Прототипы модели, которые я делал на пути к созданию аппарата.

Моисей кивнул:

— Судя по всему, эти люди не овладели секретом производства платтнерита.

Тут меня одернул морлок, указывая на какую-то темную нишу в моторном отсеке. К собственному восторгу, я обнаружил там мою Машину Времени, в целости и сохранности, очевидно, поднятую с Ричмонд Хилл лебедками в ходячую крепость. На полозьях оставались клочья травы. Машина была бережно обернута веревками и принайтована паутиной тросов.

Мне захотелось немедленно броситься к ней, как в прошлый раз, прорваться сквозь строй

часовых, охранявших ее, и овладеть машиной. Пусть я вернусь домой, что бы ни случилось…

Но я прекрасно понимал, что попытка эта обречена на провал, и заставил себя успокоиться. Выбросил эти мысли из головы. Часовые успеют пристрелить меня прежде, чем я дотронусь до рычага. Тем более, после всего, что случилось, по-видимому, я безнадежно заблудился во времени, и каждый мой полет на машине приводил к еще большей путанице. Ничего похожего на возвращение в мирный и безмятежный 19-й век у нас не получалось.

Тут подошел Филби.

— Как механика, а? — он старчески бодро похлопал меня по плечу. — Вся эта хитроумная машинерия была изобретена сэром Альбертом Стерном, ставшим главным конструктором в начала Эпохи Войны. Я видел всех его механических зверей. Этот джаггернаут больше всего напоминает черепаху, не правда ли? Есть и другие игрушки. А вот посмотрите, — моторы от роллс-ройсовского «Метеора» — целая шеренга! И коробка передач от «Меррит-Брауна», заметил? Хорстманновская подвеска с тремя такими характерными штуковинами с каждой стороны…

— Да, — вмешался я, но, старина Филби, для

чего все это?

— Как для чего? Для ведения военных действий, само собой.

Филби махнул рукой вокруг. — Вот он, джаггернаут, вид изнутри. Класса «Повар», одна из последних моделей. Главная цель джаггернаута — прорвать осаду Европы. Рэглан довольно подходящее имя, не так ли? Ведь это он, лорд Фитцрой «Рэглан» устроил заваруху при осаде Севастополя. Возможно, старина Реглан, узнай он, что его имя…

— Подожди, — остановил я его. — Я не ослышался? Ты сказал «осада Европы»?

Он с грустью посмотрел на меня.

— Прости, — сказал старый Филби, — Ведь меня именно за тем сюда и послали, чтобы объяснять тебе. Вот ведь дырявая память! Сейчас я расскажу тебе, что случилось после 1914 года, когда мы вступили в войну.

— С кем?

— С германцами, разумеется. А с кем же еще? Вот тут-то все и началось.

Он так легко, как о само собой разумеющемся говорил о будущем Европы, на 24 года погрузившейся во мрак и хаос войны, что у меня невольно похолодело сердце.

9. В глубь времен

Мы зашли в тесное помещение футов десяти площадью, чуть больше той стальной коробки, размещенной в машинном отсеке джаггернаута. Единственная электрическая лампочка светила с потолка на обитые стеганой кожей стены, скрывая холод вездесущего металла, несколько приглушая рев двигателей — хотя вибрация корпуса ощущалась и здесь, даже сквозь прокладку. Еще здесь находился небольшой шкафчик.

Филби пригласил нас сесть в кресла, а сам стал рыться в шкафчике.

— Вас надо привязать как следует, — проскрипел он. — Эти перемещения во времени — чистая карусель в парке аттракционов. Здорово укачивает.

Мы с Моисеем расположились лицом друг к другу — как тогда, в курительной. Нево не сразу разобрался с застегивающейся пряжкой и в конце концов запутался бы в ремнях, если бы Филби не поспешил ему на помощь, укоротив стропы.

Затем старик заковылял ко мне с чашкой чая — китайского фарфора, с трещиной. Рядом с трес-

нувшей чашкой из китайского фарфора лежало печеньице.

Я не сдержался и рассмеялся:

— Филби, повороты судьбы не перестают изумлять меня. Вы что, устроились здесь стюардом, в этой черепахе?

— Комфорт, пусть даже минимальный, облегчает жизнь в любой обстановке. Кому как не тебе знать это!

Потягивая жидкий тепловатый чай, я размышлял о текущих событиях, все больше укрепляясь в мысли, что подчиняюсь чужой воле. Меня не очень-то вдохновляла перспектива такого «возвращения» во время, которого я не знал, где к тому же шла затяжная средневековая война.

— Филби, а вы не заметили ничего странного в моих компаньонах?

Я представил его Моисею, и Филби немедленно приступил к осмотру и сопоставлению, результатом чего стал чай, пролитый на подбородок.

— Вот оно — настоящее потрясение, к которому можно прийти, перемещаясь во времени, — с чувством сказал я. — Сразу забываешь весь этот вздор о Происхождении Видов и Судьбах Человечества, стоит столкнуться со своим двойником. Вот это, доложу я вам, настоящий феномен и

парадокс — называй как хочешь, но скорее всего — шок!

Добрый старина Филби все же поверил не сразу и лишь получив несколько встречных ответов от нас с Моисеем, убедился, что мы — один и тот же человек, только из разных промежутков времени.

— Нечто вроде клонирования, — пробормотал Нево.

Старик, похоже, не понял ни слова.

Я подался из кресла, насколько позволяли ремни, чтобы сказать:

— Филби, неужели люди докатились до такого?

— Ты имеешь в виду войну?

— Ведь это же полный крах цивилизации! Все, что было накоплено человечеством веками непосильного труда…

— Ну, это лишь для тех людей, кто жил в наше время, — отвечал он. — Но молодое поколение, которое выросло не зная ничего, кроме войны, те, кто привык, выходит на прогулку в ожидании сирены воздушной обороны, они имеют иную систему ценностей.

Не удержавшись, я бросил взгляд при этих словах на морлока.

— Филби, а для чего — эта миссия во времени, о которой говорила капитан? Неужели из-за меня?

— Из-за Машины. Она необходима для войны. Так они, во всяком случае, считают.

Они прекрасно осведомлены об исследованиях в этой области.

— Откуда?

— Сохранились черновики ваших неопубликованных работ, и очевидцы — те, кто слышал ваш рассказ о первом путешествии, во время вашего недолгого возвращения. «Рэглан» послан охранять дом и изобретателя от возможных покушений на изобретение со стороны таких типов, как вы.

Тут Нево поднял голову.

— Что вносит еще большую путаницу в причинность, — заметил он. — Очевидно, ученые двадцатого века еще не дошли до понимания Множественности вероятностных миров. Никто не может быть уверен в прошлом. И никто в одиночку не может изменить Историю — он может лишь породить ее новые версии.

Филби уставился на него — мохнатый призрак будущего в костюмчике школьника.

— Не сейчас, — остановил я морлока. — Филби, ты все время говоришь о «них» — во множествен-

ном числе. Кто они?

Казалось, мой вопрос его удивил:

— Правительство, разумеется.

— Что за партия? — вмешался Моисей.

— Партия? Да это все осталось в прошлом Нет никаких партий.

И он поведал страшную вещь — Британская Демократия умерла, от нее остались лишь пустые слова.

— Дело в том, что здесь мы были уже готовы ко встрече с «Die Zeitmaschine». Проклятые германцы! Они из всего могут сделать — черт знает что!

И тут, при тусклом свете лампочки, под утробное рычание двигателей, я узнал знакомое чувство головокружения, которое говорило о том, что «Рэглан» снова отправляется в путешествие во времени.

Книга третья. ВОЙНА С ГЕРМАНЦАМИ

1. Новый вид Ричмонда

Мое последнее перемещение во времени было самым дискомфортным и головокружительным, видимо, из-за неравномерного распределения платтнерита на осях первых моделей. Зато оно же оказалось самым коротким.

И вот джаггернаут замер.

Филби сидел со скрещенными на груди руками, свесив голову на грудь, представляя собой жалкое зрелище. Он поднял глаза, чтобы посмотреть время на настенных часах, и хлопнул рукой по костлявому колену.

— Ха! Вот мы и снова попали в шестнадцатое июня тысяча девятьсот тридцать восьмого года.

И он стал расстегивать страховочные ремни.

Я выбрался из кресла и подошел разглядеть поближе эти «часы». С виду обычный циферблат, на котором при ближайшем рассмотрении оказалось еще несколько счетчиков времени размером поменьше. Озадаченно хмыкнув, я постучал пальцем по выпуклому стеклу:

— Вы только посмотрите! — обратился я к Моисею. Этот хронометр показывает годы и месяцы. Не удивлюсь, если из него еще начнут выезжать

фигурки, как из курантов, одетые в шубы и дождевики, обозначая наступление нового времени года!

Несколько минут спустя мы присоединились к капитану Хилари Бонд и ее молодому адъютанту, забравшему нас со склона Ричмонд Хилл (его звали, как сообщила мне Бонд, Гарри Олдфилд). Тесная рубка заполнилась до отказа.

— Я получила насчет вас инструкции, — сказала Бонд. Мне приказано доставить вас в Имперский колледж, где работает стратегический штаб Перемещений во времени.

Впервые слышал о таком колледже, и уж тем более — о штабе, но вопросов задавать не стал.

Олдфилд распахнул перед нами ящик. Там лежали металлические эполеты и газовые маски.

— Будет лучше если вы наденете это — на всякий случай.

Моисей с отвращением помял в руках резиновую маску со стеклами.

— По-вашему, я должен напялить это себе на голову?

— А как же, обязательно, — поспешил на помощь Филби, показывая, как это сделать. Там, снаружи, небезопасно, — пробубнил он из-под маски.

— Мы не дома, — сказал я Моисею, выбирая пару «эполет». Здесь свои правила игры.

Эполеты оказались тяжелыми, зато легко крепились к плечам. Маска же, врученная Олдфилдом, несмотря на то, что пришлась по размеру, была жутко неудобной. Стекла тут же запотели и по резине и кожаной окантовке потекли водяные струйки.

— К такому намордник трудно привыкнуть.

— Привыкать не придется, мы не собираемся здесь задерживаться, — прогудел из-под маски Моисей.

Я повернулся к Нево. Бедный морлок в дополнение к школьному костюмчику получил смешную маску на несколько размеров больше своей головы.

Я похлопал его по плечу:

— Зато теперь ты окончательно смешался с толпой!

Он воздержался от ответа.

Мы выбрались из механической утробы «Лорда Рэглана» в яркий весенний день. Было около двух часов пополудни и Солнце играло на мрачно-пятнистой броне джаггернаута. Маска тут же заполнилась потом и едкими испарениями резины и стала в несколько раз тяжелее. У меня

появилось чувство, словно на голове у меня мельничный жернов.

Небо в вышине распахнулось громадное небо, на котором не было ни облачка, хотя местами были заметны белые завихрения и трассы. На конце каждого из таких следов сверкала крошечная точка, слово пуля. Я сразу понял, что это какие-то летательные аппараты.

Джаггернаут остановился все на той же Питершам-Роуд. Но улица сильно отличалась от той, какой она была в 1873-м и даже в 1891-м. Многие дома я узнал, среди них и собственный — с поросшей мхом крышей и осыпавшейся штукатуркой. Однако сады и террасы были все те же и давали урожай растений которых мне видит не доводилось. Заметно было также, что пострадали и многие дома — словно здесь недавно прошло землетрясение. От некоторых строений остались одни фасады, торчащие из земли. Крыши же и внутренние стены обвалились — и в них зияли пустые окна. Многие дома стояли обугленные, опустошенные огнем. От других остались лишь кучи битого кирпича. Пострадал даже мой дом: лаборатории больше не было. Судя по всему, разрушения произошли давно: всюду пробивалась зелень и молодые деревца, окна, словно шторами

были завешены прутьями ив. Казалось, жизнь торопилась восстановить ущерб, нанесенный войной.

Все те же деревья спускались по склону к Темзе, уже заметно выросшие. Они также носили следы разрушений. Пьер не пострадал, но от ричмондского моста остались только покосившиеся опоры. Питершамские луга были засеяны все теми же незнакомыми культурами, что и в садах, а по реке плыла какая-то ржавая пена.

И вокруг ни души. Ни одной повозки, кеба, экипажа. Разбитая мостовая заросла сорняком. И ни звука человеческого присутствия: ни смеха, ни криков, ни детского шума. Даже птицы молчали.

И Темза была непривычно пустой: здесь не было прогулочных лодок с пестрыми зонтиками, и на прибрежных склонах не горели костры пикников — что было типично для середины июня.

Все это исчезло, и, возможно, навсегда. Чем-то зрелище напоминало живописные руины 802701 года. Я даже представить себе не мог, что Лондон так скоро докатится до подобного состояния!

— Боже Великий, — произнес Моисей, — что здесь стряслось? Что произошло с Англией? Она вымерла?

— Англия в порядке, — поспешил сообщить

Олдфилд, — но эти края теперь небезопасны. Газ и воздушные торпеды загнали всех под Купола.

— Филби, — обратился я к приятелю, — Что стало с духом нации? Почему здесь никто ничего не восстанавливает?

Рука Филби в защитной перчатке легла мне на плечо.

— Однажды нам довелось пережить такое, что наша жизнь изменилась безвозвратно. Раз и навсегда. Так что теперь дух нации в другом.

Тут голос его сорвался.

— Пойдем, — сказал он, — лучше не задерживаться — место открытое.

Вскоре металлический остов «Рэглана» остался далеко позади. Мы устремились по дороге в сторону центра города. Наше шествие замыкали двое солдат. Остальные спешили сзади, то и дело беспокойно поглядывая в небо. Я заметил, что Бонд заметно прихрамывает на левую ногу.

Я еще раз прощально оглянулся на джаггернаут, где, как в металлическом сейфе, хранилась сейчас машина времени — мой последний и единственный шанс вернуться домой из этого бесконечного кошмара альтернативных историй. Но теперь машина была недоступна — оставалось только ждать случая.

Мы шли по Хилл-Стрит, затем свернули на Джордж-Стрит. Не был и следа привычной суеты и шика, царивших на этой улице, полной лавок и магазинов. Универмаги Гослинга и Райта были заколочены, и даже доски на витринах успели выцвести под Солнцем. В одном из расколоченных окон блеснул крысиный взгляд мародера. Мы свернули за выступающий угол фасада мимо столба тумбы с содранными афишами и разбитым стеклом.

— Это бомбоубежище от воздушных налетов, — успокаивающе шепнул Филби сказал Филби, заметив мое беспокойство. — Одно из ранних конструкций. В случае прямого попадания… Вот на этой тумбе маски и респираторы, для гражданской обороны. Всем этим пользовались, пока не появились Купола.

— Я вижу, мир изменился к худшему, если в нем появились таким слова как «бомбоубежище», Филби.

Он вздохнул:

— Ничего не поделаешь, ведь у них воздушные торпеды.

— У них?

— Я имею в виду германцев. Летательные аппараты, способные разбомбить все на двести миль

в округе и вернуться на базу. Это механические приспособления, управляемые без вмешательства человека. Воистину мир чудес; множество потрясающих открытий было сделано во время войны и во имя ее. Так что вам здесь будет интересно.

— Германцы… — пробормотал Моисей. — Со времени появления Бисмарка у нас с ними постоянные проблемы. И что, этот старый мерзавец еще жив?

— Нет, но у него остались достойные продолжатели, — мрачно изрек Филби.

И продолжал повествовать о чудесах военного времени: о подводных лодках, проводивших газовые атаки с десятком воздушных торпед на борту, каждая из которых укомплектована газовыми бомбами, о потоке железных монстров, топтавших разбомбленные земли Европу, о джаггернаутах, которые могли плыть под водой и зарываться под землю, о новых минах, ружьях и прочем, столь же необычном.

Я избегал взгляда Нево, чтобы не читать там приговор. Моя раса не жила без войн.

2. Путешествие на поезде

Вскоре мы дошли до вокзала. Это был совсем не тот вокзал, откуда я отправлялся в 1891-м из Ричмонда в Ватерлоо, через Бернс. Это новое строение возвышалось в самом центре города, неподалеку от Кью-Роуд. Странное это было сооружение: никаких касс и расписаний, только голая бетонная платформа, вытянутая вдаль. Поезд уже поджидал нас: мрачного унылого вида локомотив выпускал клубы пара из котла. К нему был прицеплен всего один вагон. Никаких фонарей и знаков правительственной железнодорожной компании.

Олдфилд раскрыл перед нами дверь вагона: тяжелую, обложенную по краям резиной. Глаза его за стеклами противогаза бегали по сторонам. Очевидно, Ричмонд 1938-го года считался неспокойным местом.

Вагон ничего особенного собой не представлял: тесные ряды деревянных скамеек и никакой обмывки и украшений. Изнутри он был выкрашен в тускло-коричневый цвет. Окна были плотно закрыты, и над каждым находилась затемняющая штора, которую можно было поднимать и

опускать по своему усмотрению.

Заняв места, мы оказались лицом друг напротив друга. Было душно: в этот солнечный день, похоже, печки продолжали работать внутри, а может быть, так казалось из-за того что окна были плотно закупорены. Хотя нельзя было открыть форточки, единственным спасением от жары оставались шторы.

Как только Олдфилд закрыл дверь, провернув несколько рычагов, мы тронулись. Поезд немедленно тронулся.

— Похоже, мы единственные пассажиры, — подал голос Моисей.

— А кто еще поедет в такой развалюхе, — заметил я.

— В этом веке комфорт — редкое явление, — проскрипел Филби, ерзая на голых досках, и стараясь пристроиться поудобнее — тщетно..

Несколько миль за окном тянулись поля Ричмонда. Пара одиноких фигурок возилась с тяпками. Все это смахивало на сцену из пятнадцатого, и уж никак не двадцатого века. Лишь несколько разбомблены развалин, осевших в землю, напоминали о присутствии цивилизации. Рядом с ними патрулировали вооруженные солдаты, посверкивая стеклами противогазов и

поглядывая в небо.

У Мортлейк я заметил четырех висельников на телеграфных столбах у самой железной дороги. Их тела почернели, и, по всему видно, над ними поработали птицы. Я обратил внимание Филби на это удручающее зрелище — он, как и солдаты, отнесся к увиденному равнодушно, как к давно знакомому предмету обстановки. Обратив свои водянистые глаза в сторону трупов, Филби процедил:

— Мародеры. Воровали на полях брюкву или что-нибудь в этом роде.

Сразу стало ясно, что это типичное явление для средневековой Англии 1938 года.

И тут — поезд вошел в тоннель. Две тусклые лампочки вспыхнули на потолке, окрасив в желтый цвет лица окружающих.

— Это подземка? — спросил я у Филби. — Похоже, мы свернули на ветку метрополитена.

Филби заметно смутился.

— Не знаю номер этого маршрута.

— Зато никто с неба не атакует, — заметил Моисей.

Бонд покачала головой:

— Здесь тоже не безопасно.

Филби кивнул:

— Газ повсюду.

Затем последовал короткий, но красочный рассказ Филби об одной из газовых атак, свидетелем которой он стал в Найтсбридже, на заре войны. Бомбы сбрасывали вручную с аэростатов. С тех пор все забыли про покой, мир и порядок. Дальнейшие события войны показали, что готовиться надо всегда к самому худшему.

То, что вначале было в новинку, стало привычным явлением, рассказывал Филби, в мире бесконечной войны.

— Удивительно, как это еще мораль не дала маху совсем, Филби.

— Люди выстояли. Хотя какой ценой, — продолжал он. — Помню август 1918-го, например… Был момент, когда казалось, восточные союзники могли одержать верх над проклятыми германцами и наконец, завершить войну. Но тут произошло Кайзеровское сражение, *Kaiserschlacht* , великая победа Людендорфа, когда ему удалось прорваться сквозь линии британцев и французов, разделив их на два фронта. После четырех лет окопной войны это был грандиозный прорыв — для них, для германцев. Даже бомбардировка Парижа, после которой погиб почти весь генеральный штаб, не помогла нам.

Капитан Бонд кивнула.

— Быстрая победа на Западе заставила германцев обратить внимание на русских на Востоке. И тогда, в 1925-м году…

— В двадцать пятом году, — подхватил Филби, — эти чертовы германцы стали организовывать создавать так называемую Mitteleuropa о которой давно вожделели.

Тут они с Бондом вкратце обрисовали мне ситуацию. Mitteleuropa: осевая Европа, единый рынок, раскинувшийся от берегов Атлантики до Урала. К 1925-му году кайзер держал контроль над землями, простиравшимися от Балтийского моря до Атлантического океана, включая русскую Польшу и доходя до Крыма. Франция стала ослабшим крестцом, отрезанным от основных ресурсов. Люксембург превратился в федеральный штат Германии. Бельгия и Голландия были вынуждены предоставить свои порты германскому флоту. Горняки Франции, Бельгии и Румынии добывали топливо для дальнейшей экспансии Рейха, и славяне вынуждены были отступить. Миллионы нерусских народов были «освобождены» от владычества Москвы.

И так далее, во всех деталях.

— Тогда, в 1926-м, — сказала Бонд, — союзники

— британцы со своей империей, и Америка — снова открыли фронт в Европе. Это было Вторжение в Европу: грандиозный десант войск и материального обеспечения через воды, и по воздуху, не знавший прецедентов в истории.

— Сначала все пошло неплохо. Население Франции и Бельгии поднялось на освободительную борьбу и германцам пришлось худо. Они стали оттягивать войска.

— Но не долго, — вклинился Филби, — Вскоре снова наступил 1915-й и две великих армии увязли в болотах Франции и Бельгии.

Так началась Осада. Но теперь открылся доступ к неограниченным почти ресурсам, Британской империи и Американского континента, с одной стороны, и «Миттельевропы», с другой, неограниченные практически ресурсы хлынули в алчную глотку войны.

И тогда началась новая тактика: Гражданская Война — имевшая целью истребление гражданского населения: воздушные торпеды и газовые атаки.

«Война народов ужаснее войны королей» — хмуро процитировал Моисей.

— Но это же люди, Филби, они ведь люди — как такое возможно?

Голос его, приглушенный маской, так хорошо знакомый, стал вдруг чужим и далеким.

— Были массовые протесты, выступления — особенно широко проходившие в двадцатые годы двадцатого века, я до сих пор это помню. Но затем появился «Указ 1305», запретивший забастовки и все тому подобное. И тогда наступил конец.

В этот момент мне показалось, что стены тоннеля раздвинулись: мы въехали в подземный зал.

Бонд с Олдфилдом сняли маски, с видимым облегчением. Филби тоже расстегнул ремешки противогаза на затылке. На подбородке у него остался отпечаток.

— Другое дело, — выдохнул он.

— Здесь безопасно?

— Как везде.

Я тоже расстегнул и снял маску. Моисей торопливо стянул ее с головы и помог морлоку. Олдфилд, Бонд и Филби пораженно уставились в мохнатое лицо — могу их понять — пока Моисей не помог ему надеть очки и кепи.

— Где мы? — спросил я у Филби.

— Не узнаешь? — Старик махнул рукой за окно.

— Я…

— Это Хаммерсмит [6], старина. Мы только что прошли под рекой.

Хилари Бонд пояснила:

— Хаммерсмитские Ворота. Мы добрались до Лондонского Купола.

[6] Примечания: 6
Западная часть Лондона. Зал «Олимпия».

3. Лондон в военное время

Лондонский купол! Вот еще одно новое слово, неизвестное моему времени. Ничего похожего мне еще видеть не доводилось — поэтому даже сравнить затрудняюсь. Вообразите себе: громадная тарелка из бетона и стали почти двух миль в поперечнике, простиравшаяся через весь город от Хаммерсмита до Степни [7], и от Ислингтона до Клапама… Словно дюжие телеграфные столбы, всюду мельтешили опоры, вбитые в глинистую лондонскую почву, словно ноги гигантов.

Поезд тем временем двигался, оставив за собой Хаммерсмит и Фулем, неотвратимо приближаясь к Куполу, который был виден издалека. Как только глаза привыкли к сумеркам, уличные фонари стали намечать узнаваемый облик Лондона. Вот Кенсингтон Хай-Стрит промелькнула за окном, а вот — неужели Холланд-Парк [8]? — и так далее. Но, несмотря на знакомые приметы и вывески улиц, это был новый Лондон: Лондон вечной

---

[7] Примечания: 7
Рабочий район в Ист-Энде.

[8] Примечания: 8
Большой парк в Вест-Энде.

ночи, город, который никогда не радовало светлое летнее небо — и Лондон, который отрекся от солнца ради того, чтобы уцелеть, как сообщил мне Филби: бомбы и воздушные торпеды скатывались с массивной крыши, или взрывались в воздухе, не причиняя вреда Коббетовскому «Исполинскому наросту».

Всюду, говорил Филби, этот многолюдный город, утопавший в огнях, как сияющий бриллиант, был покрыт бетонной скорлупой.

Наш маршрут пролегал по узнаваемой старой сетке улиц. Поток пешеходов и велосипедистов сопровождал наше движение, но ни одного экипажа, конного или моторного, так и не попалось мне на глаза. Здесь были даже рикши! Легкие двуколки, влекомые потными костлявыми «кокни», проворно мелькали за вездесущими столбами, подпиравшими Купол.

Глядя на эти толпы из окна медленно проезжающего поезда, я вдруг ощутил, несмотря на всю эту деловитую озабоченность, уныние, отчаяние и разочарование, овладевшие народом. Повсюду были поникшие, осунувшиеся лица и лишь безрадостное упорство поддерживало жизнь в этих существах — моих соотечественниках.

При этом ни одного ребенка. Бонд в ответ со-

общила, что все школы глубоко под землей, в подземных интернатах, пока родители отрабатывают смены на военных фабриках или на гигантских аэродромах, раскинувшихся по всему Лондону, в Бэлхеме, Хакни и Уэмбли. Возможно, власти поступили предусмотрительно — однако что такое городской пейзаж без детского смеха. Даже я, убежденный холостяк, был против того, чтобы держать детей в подземелье.

Вот так я снова очутился в мире, лишенном солнечного света, мире, в котором отрадно жить было разве что морлокам. Однако существа, построившие эти мрачные подземелья, были отнюдь не морлоками: это были представители моего вида, отказавшиеся от света ради сохранения жизни.

Повсюду я встречал свидетельства ужасов войны. На Кенсингтон Хай-Стрит увидели влачившегося по дороге парня, поддерживаемого сбоку тощей женщиной. Взгляд его блистал из впалых глазниц, губы сжались в тонкую полоску, лицо пошло бледными пятнами.

— Следы войны, — заметил мой взгляд Филби. — Типичный вид демобилизованного стрелка-пехотинца… Молодой гладиатор, чьи подвиги мы все обожаем, особенно когда «бормоталки»

ревут о них на все улицы. А куда от них деться?

Он посмотрел на меня и положил высохшую старческую руку на плечо.

— Не думай, что я очерствел сердцем, старина. Я все тот же Филби, которого ты знаешь. Просто сейчас сердце должно быть железным, чтобы выдержать все то, что на нас свалилось.

Большинство старинных зданий Лондона уцелело, хотя от моих глаз не укрылось, что многие высотные сооружения были разрушены, чтобы воздвигали Купола. Воздвижения бетонного панциря. Интересно, подумалось мне, а как же колонна Нельсона? Новые здания были приземистыми и кургузыми. Осталось и несколько шрамов эпохи начала войны, еще до завершения строительства Купола. Пустые глазницы воронок зияли из земляных развалин, разобрать которые ни у кого уже не оставалось сил.

В высшей точке Купол достигал двухсот футов, укрывая собой Вестминстерское аббатство. В самом центре города несколько ярких лучей расплескалось по сводам Купола, заливая улицы светом. Из улиц и набережных выпирали монументальные колонны — словно десять тысяч бетонных Атласов поддерживали над собой крышу неба, превратив Лондон в грандиозный

мавританский храм.

Удивительно, как известково-глиняное основание, на котором покоился Лондон, поддерживало над собой эту огромную перевернутую чашу. Что произойдет, если опоры уйдут в землю, унося с собой миллионы жизней? С тоской я подумал о грядущем веке Великих Строений — вот когда бы, казалось, сооружение подобного монументального купола стало обычным делом — при управлении силами гравитации.

И все же, несмотря ни на что, Купол производил впечатление. Во всяком случае мне это монументальное сооружение, воздвигнутое на лондонской, сырой и расползающейся почве, казалось превыше всех чудес техники, которые попались мне на глаза в 657 208 году!

Очевидно, наше путешествие подходило к концу: поезд шел с такой скоростью, что едва успевал обгонять пешеходов. Я заметил несколько открытых магазинов, худо-бедно освещенными витринами, в которые смотрели разряженные манекены, и продавцы, бросающие взоры сквозь заклеенные бумажными крестами стекла. Остатки былой лондонской роскоши и шика производили жалкое впечатление.

Вагон замер.

— Приехали, — сказала Бонд. — Это Кэннинг-Гейт, всего несколько минут пешком до Имперского Колледжа.

Олдфилд распахнул перед нами дверь с отчетливым хлопком разгерметизации — давление воздуха внутри Купола оказалось выше — и уличный шум тут же хлынул на нас. На глаза мне попалось несколько пехотинцев в пятнистой униформе, поджидавших нас на платформе.

Схватив напоследок газовую маску, я выбрался под сень лондонского Купола.

— Какой жуткий шум! — таким было мое первое впечатление, сказал я, сразу оглушенный уличным шумом. Грандиозный склеп, под сводами которого собрались шум трамваев, гомон толп, и прочие звуки эхом слетали вниз. Здесь было еще хуже, чем в «Рэглане». Густой бульон запахов, не все из которых вызывали восторг, овладел обонянием: ароматы многочисленных кухонь, производственного озона, пара и машинного масла встретились здесь и смешались с миллионом выдохов с запахом миллионов дыханий и пота в замкнутом пространстве.

Фонарей явно не хватало для иллюминации города для подсветки улиц, но достаточно, чтобы разглядеть очертания города. Лондон походил

на город в ожидании вечерней зари, еще до возжигания газовых фонарей. Над фонарями промелькнуло несколько сизых теней, Филби сказал, что это те самые городские голуби. Смешавшиеся с колониями летучих мышей, тоже нашедших себе приют под мрачными сводами Купола и уже снискавших себе не самую лучшую репутацию среди горожан.

В северном направлении мелькали лучи рекламы или какого-то зрелища. Оттуда доносилось многократно усиленное эхо. Филби назвал это «Бормоталками» или «Бормотанками» — нечто вроде кинематографа — но из такой дали не удалось ознакомиться с этим явлением подробнее.

Новые блестящие рельсы, по которым мы приехали сюда, были проложены в старом дорожном покрытии Кэннинг-Плейс. Все свидетельствовало о крайней спешке при сооружении.

Солдаты взяли нас в оцепление, замкнувшись стройным каре вытянутой ромбовидной формы, словно стрелка компаса, указующая направление, и мы отправились, как она велела, сквозь Кэннинг-Плейс к Глостер-Роуд. Моисей держался напряженно. В его пижонском наряде, и я почувствовал укол вины, что из-за меня он попал в этот жестокий мир металлических эполет и

газовых масок.

Скользнув взглядом по Де-Вер-Гарденз до Кенсингтон-Парк-Отель, где в лучшие времена имел обыкновение обедать: колонные портики еще высились незыблемо, но фасад здания заметно поизносился, многие окна были заколочены, да и сам отель как будто бы врос в железнодорожный вокзал, став его неотъемлемой частью.

Мы свернули на Глостер-Роуд. Рядом по тротуару и мостовой спешили пешеходы, бодро звенели велосипедные звонки, несмотря на всеобщий дух уныния внося живую ноту в обстановку. Наша дружная сплоченная компания, — и в особенности Моисей, благодаря своему фатовскому костюму, — привлекала внимание окружающих, однако приблизиться к нам и заговорить никто не решался. В толпе мелькали часто солдатские униформы, те же, что и на джаггернауте, хотя все же большинство мужчин было одето в костюмы, напоминавшие спецовки. Женщины вызывали удивление непривычно короткими юбками — на три четыре дюйма выше колена: Я в жизни своей не видел столько оголенных женских ног, обрушившихся на меня со всех сторон. Впрочем, меня это интересовало более как социальный феномен, чем что-либо другое, однако взор Моисея,

как я заметил, забирался под юбки.

Как ни странно, на всех без исключения прохожих, независимо от пола, возраста и профессиональной принадлежности, были те же самые неудобные металлические эполеты и подсумки с противогазами.

Мы свернули на Восток, к Квинз-Гейт-Тирес. Эта часть города была мне хорошо знакома. Широкая элегантная улица с пролегающими вдоль нее высокими террасами. Здесь все оставалось почти неизменным, поскольку война мало затронула эти кварталы, которые, очевидно, торопились укрыть в первую очередь. Фасады сохранили греко-романский псевдодекор, каким я его помнил, резные колонны, покрытые растительным резным орнаментом, и мостовые обведены все теми же черными воздушными перилами.

Бонд остановилась возле одного из этих роскошных домов, взошла на ступень подъезда и постучала рукой в перчатке. Открыл ей солдат.

Бонд бросила за плечо:

— Все здания реквизированы Министерством Военно-Воздушных Сил. Вы получите все необходимое. И Филби останется при вас.

Мы с Моисеем обменялись взорами:

— И что мы теперь должны делать? — спро-

сил я.

— Просто ждать, — отвечала она. — Приведите себя в порядок, отдохните. В министерств вас давно ждут. Разработчики хотят с вами встретиться, господин изобретатель. Мы заглянем к вам завтра утром.

— Ну, что ж, до встречи, — по-мужски энергично пожав руку мне и Моисею, она окликнула Олдфилда и была такова. Два стройных подтянутых молодых воина бодро застучали каблуками по Мью.

4. Дом на террасе ворот королевы

Филби провел нас по дому. Комнаты оказались большими, чистыми и светлыми, несмотря на глухие шторы окон. Меблировка была аскетически скудной, но вполне достаточной — ничем не напоминая стиль 1891 года. Первое, что бросалось в глаза — обилие источников электрического света. Тем же электричеством питалась плита на кухне, морозильник — нечто вроде погреба для сохранения продуктов, представлявшего собой коробку, а также обогреватели и устройства, которые Филби называл «вентиляторами» и «кондиционерами».

В столовой я подошел к окну и отдернул занавеску. Рама с двойным стеклом, резиновой изоляцией, проложенной полосками кожи, совсем как и двери в доме, все до единой наглухо закупоривались, чтобы предотвратить попадание газа. За окном я увидел лишь влажные крыши домов, на которые скатывалась роса с Купола. Под подоконником я обнаружил коробку с комплектом газовых масок. И все же на секунду мной овладело чувство, что я вижу перед собой все тот же Лондон, утопающий во влажных июнь-

ских сумерках, совсем как в былые времена!

Здесь нашлась и курительная комната, с этажеркой книг и журнальным столиком, со свежими газетами и журналами. Нево тут же принялся озадаченно рассматривать их, пытаясь найти смысл в бумаге, покрытой неведомыми знаками. Еще один большой кабинет был уставлен многочисленными решетками: Моисей открывал их, обнаруживая загадочный ландшафт клапанов, колец свернутых труб и конусов почерневшей бумаги. Как оказалось, это устройство называлось фонографом. Размером и формой напоминавшее настенные часы с кукушкой, с индикаторами, электрическими часами и календарем и прочими напоминальными устройствами — оно к тому же могло записывать и сохранять речь. И даже музыку, передавая заодно информацию по беспроволочному телеграфу. Мы с Моисеем изрядно провозились над этим аппаратом, постигая его суть и предназначение, пока не освоили, как следует. Оказалось, вращая ручку регулировки, можно было поймать от трех до четырех передач!

Филби, налив себе виски с содовой, наблюдал за нашими экспериментами со снисходительным видом.

— Чудесная вещь — фонограф, — заметил он. — Замечательно объединяет народ — несмотря на то, что все станции принадлежат МИ.

— "МИ"?

— Министерству Информации.

Тут Филби, заметив наш интерес, принялся рассказывать о другой разновидности фонографа, способного транслировать даже изображения — который тоже состоял на службе у Министерства Информации. — Сейчас таким аппараты уже ничего не принимают — Купол заглушает волны, а вот до войны… Впрочем, если вам захочется что-то посмотреть, к вашим услугам «Бормоталки». Впрочем, там ничего нового, кроме выступлений политиков и военных. — Отхлебнув из бокала, он поморщился — А чего вы хотите. Война.

Устав от бесконечного потока новостей и военных маршей по фонографу, мы с Моисеем выключили его.

Каждому была выделена своя спальня. На тумбочках лежала свежая смена белья. Выделенный в наше распоряжение денщик, Патрик, молодой костлявый парень с вытянутым лицом, должен был готовить нам обед и выполнять обязанности прислуги. Дом был окружен охраной внутри и снаружи, на террасах дежурили снайперы. Мы

были под такой охраной, какая не снилась и заключенным строгого режима содержания.

Часов в семь Патрик объявил, что обед готов. Нево к нам не присоединился. Он заказал воды и тарелку сырых овощей, не покидая курительной и не снимая очков, он листал журналы, прислушиваясь к голосам по фонографу, пока мы не отключили это диковинное устройство.

Еда была простая, но вкусная и питательная: нечто похожее на ростбиф с овощным рагу, включавшим картофель, морковь и капусту. Придирчиво разрезав ростбиф ножом, я озадаченно посмотрел на него, принюхиваясь.

— Что это?

— Соя.

— Что?

— Соевые бобы. Здесь все поля ими засеяны — даже Овальная площадка для крикета. Мясо теперь стало редкостью почти недоступной. Сами понимаете: трудно пасти овец и коров в противогазах. — С этими словами он сноровисто отрезал ломтик растительного ростбифа и отправил в рот. — Попробуйте, — замычал он, размахивая вилкой, — необыкновенно вкусно — просто чудо современной биотехнологии!

Так называемое «мясо» оказалось жесткой сухо-

ватой жвачкой со вкусом отсыревшего картона. Мне показалось, что я поглощаю ватную детскую игрушку с Рождественской елки.

— Неплохо, — оптимистично заявил Филби. — Вы к этому еще привыкните — за уши не оттянешь.

Я не нашелся, что сказать. Наскоро запив эту гадость вином, похожим на вполне приличное Бордо (совсем забыл спросить о его происхождении — а, может, просто опасался) я в полном молчании стал доедать остальное.

Остаток обеда прошел в тишине.

Я принял ванну — в кране оказался неограниченный запас горячей воды, которую не было необходимости подогревать, и вскоре, после бренди и сигар, мы улеглись. Лишь Нево остался бодрствовать, поскольку морлоки в отличие от нас не имеют привычки спать. Перед сном (нашим, разумеется) он попросил пачку бумаги и карандаши (следовало научить его еще обращаться с точилкой и резинкой, подумал я напоследок, засыпая).

Я лежал в закупоренной комнатке, на узком походном ложе, прислушиваясь к шуму города за стеной. Однако оттуда не доносилось ни глотка свежего воздуха, несмотря на включен-

ный автоматический веер с моторчиком — так называемый «вентилятор» или «эксгаустер», разгонявший по дому тяжелый слоистый воздух. Далекие министерские фонари обнадеживающе подмигивали мне сквозь плотную пелену штор, в глубокой ночи.

Я слышал, как ходит по курительной Нево — и как ни странно, мерные шаги морлока и поскрипывание карандаша вскоре убаюкали меня.

И я заснул.

На столике перед кроватью стояли часы странного устройства: они показывали зеленые арабские цифры, светившиеся в темноте. Так я узнал, что уже семь утра, несмотря на то, что за окнами царила по-прежнему непроглядная ночь.

Я выбрался из кровати. Облачившись все в тот же легкий старый сюртук, сослуживший мне службу в путешествиях в будущее и прошлое, я не преминул воспользоваться свежей сменой белья, лежавшей на тумбочке, а также новой сорочкой и галстуком. Несмотря на утро, воздух по-прежнему был спертым и жарким: в голове гудело и в теле по-прежнему чувствовалась вялость.

Я отодвинул штору. «Бормоталка» по-прежнему отбрасывала сполохи на каменные своды Купола. Слышалось неразборчиво-отдаленное рокотание

музыки военного оркестра, видимо, с оптимизмом поднимавшей рабочих на утреннюю смену.

Затем я спустился в столовую. Завтракать пришлось в одиночестве. Молчаливый Патрик, точно вышколенный английский лакей, подал мне тосты, сосиски, набитые каким-то растительным суррогатом и — что совершенно невероятно — настоящее яйцо всмятку.

После трапезы, захватив последний ломтик тоста, я отправился в курительную, где застал Моисея с Нево, склонившимися над столом, заваленным раскрытыми книгами и исписанными бумагами. Здесь же стояли чашки с недопитым чаем.

— Филби еще не появлялся? — спросил я.

— Пока нет, — ответил Моисей. Мой юный двойник был в одной ночной рубашке, небритый и непричесанный.

Я опустился на краешек стола.

— Моисей, похоже, ты ночью не сомкнул глаз?

Он усмехнулся, откидывая волосы со лба.

— Да как-то не пришлось. Мне не давала покоя мысль, которая крутилась у меня в голове. Вот я и спустился к Нево, который тоже всю ночь бодрствовал. — Моисей посмотрел на меня воспаленными глазами. — Мы провели время просто

замечательно! Нево посвятил меня в тайны квантовой механики.

— Чего-чего?

— Да, — кивнул Нево, — а Моисей, в свою очередь, в виде культурного обмена, учил меня читать.

— Он оказался чертовски способным учеником, — откликнулся Моисей. — Достаточно было обучить его алфавиту и азам фонетики, а остальное он освоил самостоятельно, можно сказать, на лету.

Я просмотрел книги на столе и заметил стопку бумаги, покрытую загадочными символами. Морлок неуклюже нацарапал их карандашом, прорвав несколько листов бумаги насквозь. Видимо, такой же результат ждал меня, попробуй я употребить в дело инструменты для добывания огня, освоенные моими далекими предками — ведь я ушел от них не дальше, чем Нево от 1938-го года.

— А как же фонограф? — спросил я у Моисея. — Разве вам не любопытно было ознакомиться подробнее с этим миром?

— Там передают одну музыку да всякую трепотню. Причем, по большей части, морализаторскую. Терпеть не могу, когда тривиальности выдают за

новости! Основные вопросы все равно остаются в тени: «Где мы?». «Кто над нами и как отсюда выбраться?». Вместо этого несут всякую чушь о задержках поездов и урезании пайков, а также смутные рассуждения о военных кампаниях.

Я похлопал его по плечу:

— Что же вы ожидали? Нас занесло сюда, вглубь Истории, как праздных туристов. То, что станет понятным через десятки лет, пока только смутные домыслы и рассуждения. У живущих настоящим днем нет уверенности в будущем, остается только строить догадки и вдохновлять на подвиги толпу. Так действует любое правительство, любая власть. Да и вы сами, друг мой — часто ли находили в ежедневных газетах глубокий анализ причинности истории? Разве газеты и передачи отвечают на вопросы: «Как» и «Почему»? Они, скорее, манипулируют сознанием обывателя. Главное — заинтересовать. Да и вы — смогли бы провести анализ важнейших событий 1873-го года?

— Вероятно, все так и есть, — заметил он. Однако, похоже, эта тема не заинтересовало его: молодой пытливый ум изобретателя сейчас был занят совсем другим. И окружающий мир — пусть даже иной эпохи — его не особенно увлекал.

— Лучше послушайте, что поведал мне наш друг морлок, как вы его называете. — Глаза у него тут же засверкали.

— Думаю, — иронически заметил я, — выбраться отсюда нам не поможет сейчас никакая квантовая теория.

— Вы зря так думаете. — Заявил Нево, устало растирая виски длинными гибкими пальцами. — Именно квантовая механика и дает понимание Исторической Множественности, в которой мы сейчас завязли.

— Замечательная гипотеза, — подхватил Моисей. — Удивительно, как мимо нее умудрились пройти в мое время.

Я подвинул листки к Нево.

— Ну-ка, объясните.

5. Множественные мировые интерпретации

Только Нево приступил к объяснению, как Моисей схватил его за руку.

— Нет, позвольте, я! Заодно проверим, верно ли я понял. Итак: Представьте себе, что мир, все мироздание целиком, состоит из атомов. Это мельчайшие частицы, которые увидеть нельзя даже в самые мощные увеличительные приборы: мельчайшие плотные частицы, витающие повсюду, сталкиваясь, точно бильярдные шары.

Такая метафора вызвала у меня кислую гримасу.

— Думаю, вы что-то сильно упрощаете.

— О, нет — позвольте мне объяснить это именно так! Следите за мыслью: моя цель — доказать ошибочность подобного мировоззрения.

Я нахмурился еще больше.

— И что же дальше?

— Частица, вопреки уверенности Ньютона движется непредсказуемо, и никто не может угадать ни ее траекторию, ни место появления в определенной точке.

— Полагаю, что, имея под рукой микроскоп, пусть не оптический, будущего поколения, можно было бы…

— Забудьте! — не терпящим возражения тоном заявил Моисей. Существует фундаментальное ограничение измерений — называемое принципом неопределенности — и за ним потолок измерений он задает потолок попыткам измерить все и вся на свете, издревле предпринимаемым человечеством.

Рассматривая картину мира таким образом, мы должны забыть о точности. Мы должны рассуждать в понятиях Вероятности — то есть о том, что существует гипотетическая возможность обнаружить данный физический объект в данном месте, с такой-то скоростью, в течение такого-то времени — и так далее.

— Стоп, — довольно бесцеремонно оборвал я. Проведем простейший эксперимент. Я измеряю месторасположение частицы — с помощью микроскопа, со всей возможной и доступной точностью. Надеюсь, вы не станете отрицать возможность подобного эксперимента. И вот — измерение в моих руках. О какой же неопределенности может идти речь?

— Дело в том, — вмешался Нево, — что весьма

невелик шанс, что имей вы шанс повторить этот эксперимент от начала, вы бы нашли частицу в другом мест, сдвинутой от первого места положения.

Видимо, они не торопились изложить свою теорию сразу.

— Достаточно, — отрезал я. — Допустим, и не будем затягивать дискуссию. Но какое это имеет отношение к нам?

— В этом заключается новая философия, именуемая Множеством Мировых Интерпретаций квантовой механики, — произнес Нево своим жидкотекучим голосом, от которого вдруг побежали по спине мурашки. — До опубликования работы на эту тему вас отделяла пара десятилетий. Это перевернет науку и мировоззрение. Я напомню вам имя Эверетта…

— Так вот что получается, — заторопился Моисей, — Предположим, вы имеете дело с частицей, способной находиться сразу в двух местах, одновременно. И что получится? Вы со своим хитроумным микроскопом можете увидеть ее в одном месте и… только в одном из мест — и все…

— Так вот, — продолжал Нево, В соответствии с идеей множественности миров, во время проведения подобного эксперимента История разделится

надвое. И в другой истории будет находиться ваш двойник, ваше «альтер эго» — и он обнаружит искомый объект в ином месте.

— Другая История?

Заговорил Моисей:

— Причем совершенно реальная. — Он ухмыльнулся. — Где существует другой ты — и существует бесконечное множество твоих «альтер эго», размножающихся точно кролики, в любой момент!

— Что за ужасающую картину вы тут рисуете передо мной! — заметил я. — По мне двоих "я" и так более чем достаточно. Но, слушайте, Нево, мы же не сможем разговаривать друг с другом, если начнем делиться подобным образом?

— Нет, — сказал он. — Потому что любое такое измерение произойдет в любой истории лишь после Расщепления. Невозможно измерить саму последовательность расщепления.

— И как можно обнаружить это присутствие другой, альтернативной истории? — или, как в моем случае, перемещаться по истории, находя все новых двойников?

— Нет, — опять сказал Нево, — Это совершенно невозможно. Категорически исключено. И тем не менее…

— Да?

— Тем не менее некоторые из догматов квантовой механики оказываются на проверку ложными.

Опять вмешался Моисей:

— Теперь понятно, почему эти идеи могут помочь нам внести смысл в нераскрытые нами парадоксы? И если на свете существует Историй числом больше чем одна, то…

— Тогда может иметь место случайное насилие, — сказал Нево. — Смотрите: предложим, что вы возвращаетесь сквозь время с ружьем и убиваете Моисея.

Моисей при этих словах слегка побледнел.

Нево продолжал:

— Итак, мы имеем классический парадокс причинности в простейших понятиях. Если Моисей мертв, то он не сможет построить сконструировать Машину Времени, и стать вами, Моисеем Старшим, — и не сможет совершить прыжок во времени, чтобы уничтожить самое себя. Но если этого убийства не произошло, то Моисей Младший остается жить и конструировать машину, совершает прыжок в прошлое. И там благополучно убивает себя, как этого хотел. И в таком случае, опять-таки, он не может построить машину, и

преступление отменяется.

— Достаточно, — сказал я. — Думаю, нам все и так понятно.

— Таков патологический сбой причинности, — сказал Нево. — мертвая петля времени.

— Но если идея множественности миров справедлива, то здесь нет никакого парадокса. Просто история разделяется на две — в одной Моисей живет, в другой умирает. А вы, как путешественник во времени, просто перескакиваете из одной реальности в другую.

— Теперь понятно, — вырвалось у меня. — Вот оно что. Ведь именно это мы и видели с Нево.

Какое облегчение — наконец появилось рациональное объяснение происходившему. Впрочем, до рациональности здесь было пока далеко — но зато хоть какой-то логический просвет! Пусть существует хоть одна теория, способная объяснить происходящее — с меня и этого вполне достаточно! Я схватился за это как утопающий за последнюю соломинку. Хотя практическое применение принципов квантовой механики пока оставалось неясным.

И как мне казалось — что Нево был прав, поскольку с меня в таком случае снималась ответственность за разрушение реальности, в

которой жила Уина. То есть в некотором смысле эта история продолжала существовать. Мне стало немного легче при этой мысли, и угрызения совести отступили.

Тут дверь курительной распахнулась, и на пороге возник озабоченный Филби. Был девятый час утра, а он еще не мылся и не брился, в поношенной сорочке, облегавшей распухший живот.

— К вам гость, — выдохнул он, отдуваясь, — Из министерства.

Отодвинув кресло, я встал. Нево вернулся к своим изысканиям в области английского, а Моисей только вопросительно поглядел на меня, взъерошив шевелюру.

— Слушай, молодой человек. Похоже, мне придется поработать. Не желаешь пройтись со мной?

Он улыбнулся:

— Мы же, в конце концов, одно и то же. И если я нужен тебе — то это значит, что я должен помочь самому себе — и только.

Тут меня вдруг посетила мысль, что ведь его вовсе не беспокоит это перемещение во времени. Он, в отличие от меня вовсе не жаждал возвращения домой. Старость стремится к очагу, молодость — к приключениям.

— Ладно, — сказал он. — Тут нам надо еще кое-что обсудить. А завтра… я присоединюсь.

Я отправился следом за Филби. Внизу на улице ждал высокий человек с седой гривой, сопровождаемый охранником — солдатом в униформе, стоявшим у него за спиной.

Едва завидев нас, седовласый кинулся мне навстречу с какой-то мальчишеской торопливостью. Обратившись ко мне по имени с обязательным прибавлением «сэр», он почтительно пожал мою ладонь сразу двумя руками. По его шершавым ладоням я понял, что передо мной ученый — экспериментатор — то есть из того же теста, что и я. Возможно, один из моих последователей.

— Как я рад нашей встрече, — затараторил он. — Я состою на должности в Директории Хроно-Перемещений, в Министерстве Военно-воздушных сил.

Нос у него был прямой, черты лица тонкие, а взор за проволочными очками был чистым и искренним. Он был явно штатский человек, несмотря на универсальные вездесущие эполеты и подсумок с противогазом, на нем был отутюженный костюм, висевший точно на вешалке, затянутый галстук-шнурок и пожелтевшая сорочка. На лацкане пиджака у него был значок с

номером. На вид ему было лет пятьдесят.

— Я польщен, — отвечал я. — Хотя боюсь, ваше лицо мне не знакомо….

— Еще бы! Ведь мне было всего восемь лет, когда вы на прототипе модели ТХП отправились в будущее. Простите, я имел в виду — Транспорт Хроно-Перемещений. Сам лорд Бивербрук [9]) не помнит — такое количество развелось этих сокращений.

Естественно, откуда вам меня знать — я не настолько знаменит, как вы — фигура легендарная. Совсем недавно я занимал пост помощника главного инженера в «Викерс-Армстронг компани», в Вейбриджском бункере. Но после рассмотрения моего скромного проекта в министерстве вскоре был переведен сюда, в Имперский колледж. Надеюсь, что у нас сложится партнерство, в результате которого история может измениться — и эта проклятая война будет наконец закончена!

Мне ничего не оставалось, как только пожать плечами в ответ.

— Итак — может, побеседуем? Спросил он. Если вы не против, мы могли бы пройтись в мой кабинет. У меня есть несколько бумаг…

---

[9] Примечания: 9
Знаменитый газетный магнат XIX века.

— Попозже, — отвечал я. — Слушайте, — быть может, это покажется странным, но я здесь совсем недавно, и хотел бы детальнее познакомиться с вашим миром. Это возможно?

Он просиял:

— Конечно, профессор! — (Очевидно, это было самое высокое звание, какое он мог подобрать, чтобы польстить мне). — Мы сможем обо всем поговорить по дороге.

Оглядываясь за плечо, он посмотрел на сопровождавшего солдата, который кивком выразил разрешение.

— Благодарю вас, — сказал я, — мистер…?

— Вообще-то я доктор Уоллис, — смущенно сказал он. — Барнес Уоллис.

6. Гайд-парк

Имперский колледж был расположен в Южном Кенсингтоне — всего в нескольких минутах от Куинз-Гейт-Тирес. Колледж был основан вскоре после моего исчезновения, в 1907-м году из трех колледжей, известных мне. Это были Королевский Химический колледж и Колледж Сити и Гильдий. [10] В былые времена мне довелось немного преподавать в школе, которая позже также вросла в Имперский колледж. Помню, как я проводил время в Лондоне, посещая такие райские уголки, как Эмпайр или Лейстер-Сквер. Места были знакомые, но какие перемены я застал здесь!

Мы прошли по Квинз-Гейт-Тирес к Колледжу, затем повернув от Ворот Королевы к Кенсингтонскому клину, в южную оконечность Гайд-Парка. В пути нас сопровождало шестеро солдат, с винтовками наперевес. Они шли сомкнувшись вокруг нас: двое чуть впереди, слева и справа, двое чуть позади — и два замыкающих. Но, видимо, это бы-

[10] Примечания: 10

Высшее техническое учебное заведение. Основано в 1878. Входило в состав Лондонского университета.

ло еще не все: случись что-либо серьезное, сюда бы набежали толпы военнослужащих. Жара и духота постепенно начинали донимать — это все равно что жить безвыходно в огромном бетонном бункере. Я снял сюртук и развязал галстук. По совету Уоллиса я пристегнул тяжелые эполеты на сорочку, а подсумок с противогазом приладил на брючном ремне.

Улицы заметно изменились — и некоторые из этих перемен пошли на пользу городскому пейзажу. Во-первых, отсутствие конных экипажей избавило улицы от лишней грязи. Моторные также не чадили в воздух, а электричество отменило топку дровами и углем — и копоть каминов уже не оседала на лицах и мостовых. Воздух под куполом от этого все равно не стал менее спертым, но зато вокруг царила образцовая чистота. Даже не верилось, что это настоящий город, а не театральные декорации. На главных авеню булыжник был заменен каким-то новым, эластичным, прозрачным материалом. Бригада уборщиков скользила по нему вместе с ручными тележками, оборудованными щетками и разбрызгивателями. Дороги были наводнены велосипедистами, рикшами и электрическими трамваями — три основных средства передвижения. На трамвайных

проводах вспыхивали голубые искры, пешеходы спешили вдоль рельс по тротуарам. Благодаря переходам над дорогами даже в этой стигийской тьме город стал живописнее и походил некоторым образом на Италию.

Позже Моисею удалось узнать о жизни города несколько больше, чем мне, и он рассказал о торговых центрах Вест-Энда [11], которые оживленно работали, несмотря на лишения войны и о новых театрах вокруг Лейстер-Сквер, с украшенными подсветкой фасадами и горящими буквами афиш. Впрочем, по признанию Моисея, пьесы в основном шли скучные, дидактические и общеобразовательные. В двух театрах безостановочно «крутили» Шекспира.

Мы с Уоллисом прошли Ройял-Альберт-Холл [12], всегда пугавший меня своей монструозностью. Я всегда находил это сооружение чудовищно громадным — какая-то розовая этажерка для шляп! В сумраке под Куполом, где царил постоянный вечер, плавно переходящий в ночь, эта штабелина была выхвачена из темноты, высвеченная

---

[11] Примечания: 11

Фешенебельная часть Лондона, в отличие от рабочих кварталов Ист-Энда.

[12] Примечания: 12

Большой концертный зал на 8 тысяч мест.

бриллиантовыми лучами сигнальных фонарей Олдиса (как пояснил Уоллис), придававшими еще более гротесковый вид этому самодовольно сиявшему мемориалу. Затем мы устремились через парк к Воротам Александры, направились обратно к мемориалу Альберта и наладились по Ланкастер-Уолк к Северу. Впереди по сводам Купола порхали лучи Бормоталок и раздавалось громыхание громкоговорителей.

Уоллис дорогой посвящал меня в детали. Он оказался вполне приличным попутчиком и провожатым, не занудой и не молчуном. Если бы мы встретились в прошлом веке, то могли бы стать друзьями.

Гайд-парк запомнился мне уютным, тихим и привлекательным, с широкими прогулочными аллеями и скамейками под сенью одиноких деревьев. Кое-что из прошлого я нашел здесь и на этот раз: — медно-зеленый купол Эстрады, где я слушал концерт хора уэльских горняков, распевающих гимны. Но сейчас парк утопал в тени, изредка освещаемый островками света вокруг фонарных столбов. Трава в отсутствии солнца высохла, съежилась и неразличимо слилась с землей, в некоторых местах и вовсе укрытая фанерой. Я спросил Уоллиса, не проще ли было все

забетонировать, и тот объяснил: лондонцы еще верят, что однажды крыша мира будет над ними снята и к парку вернется былая краса.

У самой Эстрады был разбит какой-то лагерь. Сотни палаток, тентов, навесов столпились вокруг каменных строений, оказавшихся коммунальными кухнями и банями. Взрослые, дети, собаки сновали между натянутыми веревками палаток, изображая бессмысленный процесс существования.

— За последние годы в Лондон прибыла масса беженцев, их некуда девать, — пояснил Уоллис. Плотность населения стала намного выше. И все же без работы никто не остается. Война требует постоянного притока рабочей силы.

Тем временем с Ланкастер-Уолк мы вышли к Круглому пруду, находившемуся в самом центре парка. Некогда отсюда открывался прекрасный вид на Кенсингтонский дворец. Пруд был по-прежнему на месте, но уже за оградой. Уоллис сообщил, что теперь он служит источником воды для нужд возросшего населения. А дворец был всего лишь оболочкой, по-видимому, разбомбленный внутри и опустевший.

Вскоре мы остановились и пригубили по стакану тепловатого лимонада. Вокруг сновали толпы,

перегоняемые велосипедистами. На одной лужайке была устроена игра в футбол — штангами для ворот служили кучки противогазов. Оттуда слышались взрывы смеха. Уоллис сообщил, что люди по прежнему ходят в Уголок ораторов слушать выступления Армии Спасения, Национального Светского Общества, Католической Гильдии Свидетелей и прочих Лиг, ведущих кампанию против шпионов, предателей и любого, приносившего пользу или хоть малейшее послабление врагу.

Здесь я застал самых счастливых людей. Они отдыхали — несмотря на вездесущие эполеты и маски, несмотря на пустую выцветшую почву под ногами и жуткую серую крышу, нависающую над головой, точно каменное небо, готовое свалиться когда-нибудь сверху, — несмотря на это, настроение у всех здесь было праздничное, и дух снова возвращался к нации.

7. «Бормоталка»

К северу от Круглого пруда были расставлены ряды парусиновых кресел, для зрителей, наблюдавших выпуски новостей, демонстрируемые лучами на Купол над головой. Почти все места были заняты: Уоллис заплатил билетеру — и мы заняли два кресла. Голову приходилось задирать высоко вверх.

Солдаты разместились поблизости, бдительно поглядывая на зрителей и прохожих, ни на секунду не выпуская нас из виду.

Пыльные персты лучей высунулись из лампочек Олдиса (которые располагались, по словам Уоллиса, на Портленд-Плейс) и расплескались серым и белым тонами по чернеющей крыше. Многократно усиленные голоса и музыка хлынули на публику, замершую в парусиновых шезлонгах. Первые кадры показали худощавого человека диковатого вида, жмущего кому-то руку, затем камера переместилась к какому-то кирпичному строению. Звуковая дорожка была не совсем синхронизирована с кадром, и речи, которые произносились, не совпадали с движением рта. Зато все с успехом глушила музыка, которой

надлежало поднимать боевой дух нации.

Уоллис наклонился ко мне:

— Нам повезло! Это как раз хроника об Имперском колледже. Курт Гедель [13] — молодой ученый из Австрии, вы можете встретиться с ним. Недавно мы украли его у Рейха — он сам пожелал переметнуться, недавно сделав безумное заявление, что Кайзер мертв, и на его месте сидит самозванец. Довольно странный парень этот Гедель, говоря между нами, но великая голова!

— Гедель? Тот самый, кто говорил о некомпетентности математики и тому подобном?

— Да, в самом деле, — он растерянно посмотрел на меня. — Но.. откуда вам это известно? Ведь это произошло позже, уже не в ваше время. Впрочем, нас он заинтересовал не своими открытиями в области математической философии. Мы собираемся свести его в Принстоне с Эйнштейном…

Я забыл спросить, кто этот Эйнштейн, и тут он стал объяснять, в каком направлении устремлены исследования Рейха.

— Он собирается продолжить свою работу у

---

[13] Примечания: 13

Австрийский логик и математик. С 1940 г в США. Теоремы о неполноте «теоремы Геделя», в которых доказывается, что не существует полной формальной теории, где были бы доказуемы все истинные теоремы арифметики.

нас. Мы надеемся, что из этого сотрудничества сможем изучить новый способ перемещений во времени.

— А что это за куча кирпичей у него за спиной?

— О, это и есть эксперимент.

Уоллис осторожно осмотрелся по сторонам, как будто нас могли подслушать.

— Я не могу говорить об этом много — только, что показано в Бормоталке. Это касается расщепления атома — позже я объясню детали.

Теперь в кадре появилась группа сурового вида людей в пузырящейся на локтях и коленях униформе, которые улыбались в камеру. Потом камера выделила одного из них, с напряженным взором.

Уоллис поторопился объяснить:

— Джордж Оруэлл. Так, пописывает — вы о нем наверняка не слыхали.

Новости, похоже, на этом закончились, и над нашими головами расцвело иное зрелище. Это был так называемый «мутьфильм» — движущиеся рисунки с музыкальным сопровождением. Там был такой герой — Отчаянный Дэн, который жил в нарисованном с грехом пополам Техасе. Съев громадный пирог с говядиной, этот Дэн

пытался связать себе свитер из проводов, пользуясь телеграфными столбами как спицами. Но у него получилось только нечто похожее на сеть: тогда он забросил ее в море и выудил оттуда три германских подводных джаггернаута. И тогда какой-то адмирал (или другой джентльмен из флота), увидев это, вручил Дэну премию в пятьдесят фунтов… ну, и так далее.

Сначала я подумал, что это мультик для детей, но вскоре заметил, к своему удивлению, что взрослые охотно смеются, глядя эту чепуху — довольно грубо и неряшливо слепленную пропаганду. Пожалуй, «бормоталка» была самым подходящим названием для этого явления, к тому же укрепившимся в народе. В самый раз подходило к такому кинематографу с маленькой буквы.

Затем последовало еще несколько роликов новостей. Горящий город — не то Глазго, не то Ливерпуль, осветивший пламенем ночное небо. Гигантские языки плясали в нем, казалось, до самой Луны. Потом хроника эвакуации детей из-под обвалившегося купола где-то в Мидлендс. На вид обыкновенная городская детвора улыбалась в камеру, в громадных не по ноге башмаках, с чумазыми лицами — беспризорники, выброшенные на берег бурей войны.

Затем пошло кино с названием, судя по субтитрам — «Постскриптум». Сначала показали портрет короля — к моему конфузу, он оказался тощим юнцом по имени Эгберт, находившимся в отдаленном родстве со старой королевой, которую я помнил. Этот Эгберт был одним из нескольких членов семьи, переживших дерзкие германские налеты в первые дни войны. За кадром медовым голосом читал стихи актер. О том, что пламя — это розы войны и тому подобное. Этот поэтический опус, насколько я мог понять, представлял войну чистилищем, в котором проходит испытания душа человечества. Как-то я чуть было сам не пришел к подобному утверждению: но во Внутреннем мире Сферы морлоков я понял, что война — это раковая опухоль, темная сторона, изъян человеческой души. Все, что я видел здесь, только лишний раз подтверждало это.

Я заметил, что Уоллис не придает значения тому, что творилось на экране — крыше над нашей головой. Он лишь пожал плечами в ответ на мой взгляд.

— Элиот, — сказал он только, как будто это слово должно было объяснить все. [14]

---

[14] Примечания: 14

Томас Стернз Элиот (1888-1965) -английский поэт, лауреат Нобелевской премии 1948 года

Тут на экране появился худощавый человек с буйными усами, усталым взглядом, оттопыренными ушами и несколько странный в поведении, можно было подумать, что он не совсем здоров. Сидя с неразожженной трубкой возле камина, он стал слабым надтреснутым голосом комментировать события прошедшего дня. Мне он показался страшно знакомым, где-то я видел это лицо. Казалось, на него не производили особенного впечатления потуги Рейха завладеть миром.

— Эта машина, работающая без вдохновения, не способная отличить благородное эхо Войны от зверского крика массового истребления, убийства и насилия. Это просто бездушная машина, не вникающая в нюансы.

Затем он стал призывать к мужеству и стойкости. И к терпению. Потом пасторально захлебнулся слезой по поводу идиллически старой Англии: «с зелеными холмами, растворившимися в голубом тумане небесами», попросив нас представить, что эта прелестная сцена разбита и растерзана на части, превратившись в пустыню, изрытую траншеями и воронками, над которой небо изрыгает огонь… — и все это было произнесено с апокалипсическим надрывом.

И тут я его вспомнил! Это был мой старый

друг Писатель, превратившийся в высохшего старика.

— Неужели это мистер… — и я назвал его.

— Да, — откликнулся мой собеседник. — А вы его знаете? Впрочем, он стал публиковаться так рано… Ну, конечно! Ведь это он первый описал ваше путешествие во времени. Это печаталось с продолжением в «Нью Ривью», если мне не изменяет память. Потом это выпустили под одной обложкой. Эта книга перевернула мое сознание.

— А что с ним?

— Он серьезно болен: лекции, лекции и лекции. Слишком много времени в душных аудиториях, вам знаком такой тип легочников. Но зато его труды востребованы. Он дружен с Черчиллем, первым лордом Адмиралтейства, и думаю, займет не последнее место в решении послевоенных проблем и восстановлении хозяйства. Ведь единственное, чем «полезна» война, если можно так выразиться — это отмена старых технологий: в технике, строительстве и прочем. Меняющее лицо мира. Вы понимаете — он еще раз переспросил меня, — война отменяет прошлое — на месте развалин встают дома уже совсем иного типа, и техническое развитие чаще всего делает скачок вперед. Во всяком случае, в этот раз, похоже, все

именно так и случится. Об этом, кстати, он тоже говорит. Знаете, когда мы читали «Верховья Будущего» — тут Уоллис процитировал мне кое-что из написанного моим старым приятелем. Которого я оставил в самом начале путешествия в курительной, покинув на полчаса и обещав вернуться к обеду с рассказом о дальнейших приключениях.

— Сейчас он работает над декларацией прав человека, — продолжал Уоллис. — Но все это опять же, понадобится уже в послевоенный период. А пока это лишь прекраснодушные мечтания, при нынешнем развитии событий. Да и, сказать начистоту, мой любимый обозреватель не он, а Пристли.

Еще несколько минут мы слышали мнения Писателя о Настоящем и Будущем. Я был раз за старого друга, пережившего все эти напасти истории и нашедшего свое место в жизни — но был расстроен, видя, что с ним сделало беспощадное время. Еще тогда, при встрече с Филби, я ощутил острый укол жалости к людям, завязшим во времени, точно мухи в сиропе. Медленно текущее Настоящее безжалостно искажает черты, высушивает кожу, мумифицирует тело или раздувает его водянкой — словом, проделывает все отвратительные манипуляции с внешностью

человека — и даже с его умом. Несмотря на всю катастрофичность Машины Времени, она была единственным средством для человека избежать этого позорного диктата Времени.

— Ну. Кажется, можно идти, — подал голос Уоллис. — Сеанс окончился — сейчас будет повторение — и так у нас круглые сутки.

Далее последовал более обстоятельный рассказ Уоллиса о том, где и как он получил свое образование. В Уэйбриджском бункере, работая на «Викерс-Армстронг Компани», он стал разработчиком приборов для прицельного бомбометания — причем снискал заслуженную репутацию. По его словам, называли его «чудо-профессор».

После начала войны умные головы вроде Уоллиса понадобились, чтобы как можно скорее приблизить ее конец. Он разрабатывал идею уничтожения вражеских источников энергии — резервуары, дамбы, скважины, шахты и тому подобное — прицельным бомбометанием из стратосферы. Для каковой цели ему понадобилось написать следующие диссертации и научные труды: «Взаимоотношение высоты и скорости ветра», «Видимость объектов с больших и крайне больших высот», «Влияние земных колебаний на угольные шахты» и тому подобные материалы,

без которых он, очевидно, не получил бы своих научных званий и степеней.

— Вы представляете? — твердил он, — десяти тонн взрывчатки достаточно, чтобы обратить Рейн вспять!

— И каковы результаты?

Он вздохнул:

— Истощение внутренних ресурсов — вот бич войны. Даже на решение задач первостепенной важности их постоянно не хватает. А уж на гипотетические разработки вроде моих… и говорить не приходится. Мой проект назвали «мюнхаузенской фантазией». И еще эти военные стручки рассуждали о так называемых «придумщиках», которые «разбрасываются жизнями их парней».

Видимо, эти воспоминания травили его душу и ничего приятного не вызывали.

— Знаете, изобретатель всегда готов к общественному скептицизму. Но все же…

Однако Уоллис оказался парнем упорным и, наконец, ему удалось построить свой «Монстр-Бомбер» для бомбардировок из стратосферы.

— Я назвал первый аппарат «Викторией», — рассказывал он. — Взяв на борт двадцать тысяч фунтов бомбовой нагрузки при общей массе в сорок тысяч фунтов, он мог достигать скорости

до трехсот миль в час и действовать в радиусе до четырех тысяч миль. [15] Шесть мощных двигателей системы «Геркулес» обеспечивали быстрый взлет при взлетной полосе длиной менее мили…

Но гордостью Уоллиса были сейсмобомбы — уже посеявшие страх и разрушение в сердце Рейха.

Глаза его за толстыми очками заблистали в ходе рассказа.

Уоллис посвятил созданию «Виктории» несколько лет. Но тут в один прекрасный (или же несчастный?) день он наткнулся на идею машины времени и тут же сообразил, как ее можно применить в военных целях.

Тогда-то министерство, а, точнее, Директорий Хроно-Перемещений (куда Уоллис был назначен ведущим конструктором) наложил лапу на мой дом в Ричмонде, опустевший со времени моего исчезновения. Все что осталось от меня — прототипы моделей, результаты исследований, запас платтнерита, точнее, его остатки — все было обращено в дело и использовано в целях, которые, собственно, и преследовало министерство.

— Но что вам нужно от меня? Машина времени

---

[15] Примечания: 15
Английский фунт — 0,454 кг, сухопутная миля — 1609 м.

у вас уже есть — ее привезли вместе со мной в джаггернауте.

Сцепив ладони на затылке, его лицо вытянулось в серьезное и ответственное выражение.

— "Рэглан". Да, конечно. Но вы сами видели этого зверя. Его возможностей хватает лишь на такие короткие вылазки в прошлое, для розыска руин вашей лаборатории. Это патруль времени. Весь этот кварцево-платтнеритовый утиль, оставшийся после вас, позволяет ему разогнаться худо-бедно на полвека от настоящего. Он служит нам для разведки во времени, чтобы узнать, не перехвачен ли секрет путешествий во времени нашими врагами. Но вот нам повезло — и удалось застать вас!

Далее он продолжал:

— Конечно. Мы не остановились на достигнутом: мы сняли платтнерит с вашей старой машины и теперь ее костяк хранится в Имперском Военном Музее. Не желаете посмотреть? Замечательная выставка.

Я был уязвлен, узнав, какая участь постигла мою верную колесницу, и лишь горько покачал головой: путь из 1938 года был закрыт. И не только мне, но и морлоку, и Моисею Младшему.

— Нам нужен синтез платтнерита — тонны

его!

Уоллис собирался доверить это дело мне? Я не стал отвечать.

Уоллис продолжал, посверкивая очками:

Нам необходимо освоить вашу технологию и применить ее так, что это превзойдет все ваши самые смелые мечты. Мы сможем переменить историю — разбомбить ее — все равно что повернуть Рейн вспять. Технически это вполне выполнимо.

— Разбомбить историю?

— Можно вернуться в прошлое, к ее истокам, и перехватить инициативу.

— Но каким образом?

— Начать интервенцию первыми. Ввести войска, когда противник будет еще не готов. Или убить Бисмарка — почему бы нет? Завоевания технологии перемещения во времени дают власть над миром — так правь, Британия!

Глаза его сверкали, и тут я стал понимать, что его энтузиазм меня сильно тревожит.

8. Верховья будущего

Мы достигли Ланкастерской тропы и стали продвигаться к южной границе парка. За нами неотрывно следовали солдаты.

— И что дальше? — спросил я. — Допустим, Британия вместе с союзниками выиграет эту войну во Времени. И что же там пишет Уэллс?

Он с неуверенным видом поправил очки на носу.

— Сэр, но я не политик, чтобы решать подобные вопросы…

— Тогда скажите, как вы, именно вы представляете себе это.

— Ну, хорошо. — Он посмотрел на купол. — Начнем с того, что война развеяла множество иллюзий — как вам известно.

— В самом деле? Многообещающее вступление!

— Например — опаснейшее из заблуждений — упоение демократией. Видите ли, нет никакого смысла спрашивать у людей, чего они хотят. Сперва надо продумать, что необходимо для сохранения здорового общества. И тогда уже можно *предложить народу то, чего он хочет* .

Знаю, это звучит странно для человека вашего столетия, — продолжал он, — но поверьте, таково современное мышление — и, между прочим, ваш друг излагал такие же взгляды — я слышал их на фонографе — а ведь он сын вашего века, как и вы, не правда ли?

— Я плохо знаю историю, но, кажется, современное государство, которое мы имеем в Британии и Америке — и какое собираемся ввести во всем остальном мире — больше всего напоминает республики античности: Карфаген, Афины, Рим — которые, между прочим, были аристократическими. И у нас по-прежнему есть Парламент, только депутаты больше не выдвигаются всеобщим избирательным правом.

И это устаревшее понятие Оппозиции — хорошо! Пусть. Почти всегда, в большинстве случаев могут присутствовать два обоснованных и авторитетных, но диаметрально противоположных мнения. И всегда есть один единственно правильный выход и множество других, ошибочных. Правительство пытается найти этот верный выход, в противном случае оно совершает преступление против собственного народа. Смысл в существовании оппозиции постепенно исчезает. Она лишь отвлекает, совершая негативную

работу.

С каждым поколением мировоззрение меняется — то, что казалось странным для родителей, становится приемлемым для детей, а затем — обыденным и устаревшим для внуков. Распадается семья — эта первичная когда-то ячейка социума. Все наше сельскохозяйственное прошлое она была незыблема и осталась такой, пройдя через века. Но теперь, в современном мире, семья утратила свои четкие очертания, растворившись в более громоздких социальных структурах. Домашнее воспитание, как и привязанность к дому ныне утратили свое значение для молодежи, в том числе и у женщин, как ни странно.

Тут я вспомнил о капитане Хилари Бонд:

— И что же заменило семью?

— Трудно сказать, четко это не определено, однако ядром социальных отношений теперь выступают, по свидетельству молодых, учителя, писатели, ораторы, люди, способные вывести нас на новый путь мышления — избавив от старого, племенного самосознания.

— Да уж, верховья, действительно. Вряд ли Уоллис дошел до этого сам — он был просто зеркалом своего времени и повторял болтовню тех творцов общественного мнения, что стояли за

правительственной системой — или даже сидели в ней. — И как вам самому такой поворот вещей?

— Мне? — он рассмеялся, покачав головой. — Я слишком стар, чтобы меняться, и, к тому же… — тут голос его дрогнул, — Мне очень не хотелось бы потерять моих дочерей… И все же я не хотел, чтобы они росли в подобном мире, — он обвел рукой серый Купол, мертвый парк, солдат, безучастно стороживших нас. — Но если эти изменения происходят в природе человека, от этого все равно никуда не уйти.

Теперь вы понимаете, — жарко продолжал он, возвращаясь к излюбленной теме, — почему нам необходимо сотрудничество? С Машиной Времени новый тип государственности станет более достижим.

Тут он замер — мы приближались к южной ограде парка и навстречу двигались несколько прохожих.

— Ходят слухи, — понизил он голос, — что германцы сами строят машину времени. Если они сделают это первыми — и Рейх овладеет техникой хроно-перемещений…

— То что?

Тут он мне обрисовал ситуацию, коротко, но с холодной ясностью, очевидно, давно разработан-

ную годами пропаганды. Он описал мне, что такое Война во Времени. Штабисты старого кайзера, генералы с рыбьими глазами забросят в наше благородное прошлое своих воинов-временников. Это будут бомбы — с руками и ногами — они вмешаются в наши древние сражения, они будут беспощадны, как берсерки, как механические манекены убийства, вмешиваясь в ход истории.

— Они уничтожат Англию — задушат ее в колыбели. И нам надо остановить их, во что бы то ни стало. Теперь вы понимаете?

Я смотрел ему в лицо, все еще собираясь с ответом.

Уоллис проводил меня обратно к дому на Квинз-Гейт-Терис.

— Не хочу давить на вас, старина, я знаю, как нелегко решиться на это сотрудничество, ведь это не ваша война — но время ограничено. И все же, что значит «время» в подобных обстоятельствах? А?

Я снова присоединился к товарищам, которые все это время не вылезали из курительной. Взяв стакан виски с содовой у Филби, я откинулся в кресле.

— Этот Купол навис над городом, как проклятие. Разве не странно? На улице непроглядная

мгла, а всего только время ленча.

Моисей посмотрел на меня поверх тома, который читал.

— "Опыт от интенсивности, а не продолжительности", — процитировал он. И ухмыльнулся. — Чем не эпитафия для Путешественника во Времени?

— Кто сказал?

— Томас Харди. Твой современник, кстати.

— Не слыхал о таком.

Моисей заглянул в предисловие:

— Да, похоже, его уже нет на свете. А был твой — и мой современник. Он отложил книгу. — Ну, что удалось узнать от Уоллиса?

Я коротко изложил содержание беседы, сказав в заключение:

— Я был рад вырваться, наконец, из этих цепких объятий. Смесь голой пропаганды и сырой политики. Короче, все это попахивает чистейшим дилетантизмом.

Слова Уоллиса углубили чувство безысходности, в котором я пребывал со времени появления в 1938-м. Похоже, в головах молодых британцев и американцев развивалась какая-то антиутопия. Будь я гражданином этого нового современного государства, с иной моралью и системой ценно-

стей, с иными взглядами на социум и положение в нем индивидуума, и я бы, может, принял их сторону.

Впрочем, и я находился во власти несбыточных грез — пока путешествие в будущее не открыло мне глаза на ограниченность человечества.

— Кстати, Нево, — вспомнил я, — Мне довелось повстречаться с тем самым Куртом Геделем, нашим старым другом…

Морлок произнес загадочное журчащее слово на своем водянистом гортанном языке. Он заерзал, потом вскочил с места каким-то животным движением.

Филби даже побледнел, и Моисей вздрогнул и схватился за книгу.

— Гедель? Он здесь?

— Да, он в Куполе. Всего четверть мили отсюда — в Имперском Колледже.

— Реактор-расщепитель, — Вот что это такое, — прошипел морлок. — теперь мне понятно. Он и есть ключ ко всему.

— Не понимаю, о чем вы…

— Слушайте: вы хотите выбраться из этого омута Истории или вам все равно?

Естественно, я хотел — и тому была тысяча причин — не видеть войны, вернуться домой,

положить конец этому искажению реальностей, накладывающихся друг на друга, предотвратить безумие Войны во Времени… — Но для этого нужна Машина Времени.

— Именно. Поэтому нам необходимо добраться до Геделя. Вы должны сделать это. Теперь я вижу, в чем тут дело.

— И в чем же?

— Барнес Уоллис заблуждается насчет германцев. Их машина времени — не просто гипотетическая угроза. Она уже построена.

Тут и остальные вскочили из кресел и заговорили одновременно:

— Что?

— Что ты говоришь?

— Это провокация?

— Слушайте, — спокойно произнес морлок. — Мы с вами уже находимся в полосе времени, искусственно созданной германцами.

— Откуда вам это известно?

— Вспомните — я изучал вашу эру в свое время. Согласно вашей древней Истории не было европейской войны в Европе, растянувшейся на несколько десятилетий. Была война 1914 года — которая закончилась в 1918-м, победой Союзников над Германией. А новая мировая война

началась в 1939-м, однако начало ее уже иное германское правительство. Новый правительственный кабинет Германии.

Тут я почувствовал слабость в ногах и был вынужден присесть в кресло.

На Филби было страшно смотреть.

— Я же говорил — от этих германцев добра не жди!

— Видимо, — задумался Моисей, эта великая битва, как ее… Kaiserschlacht — была решена в пользу Германии. Это можно было устроить довольно просто, рассчитав предварительно. Допустим, устранение одного полевого командира в определенной точке событий…

— А бомбардировка Парижа? — вспомнил Филби. — Может быть, здесь собака зарыта?

И тут я вспомнил про механических слуг Рейха, о которых рассказывал Уоллис, топчущих сапогами Британскую историю.

— Что делать! Мы должны остановить это безумие. Это уже не война Миров. Это самая настоящая Война во Времени!

— Быстрее к Геделю, — сказал морлок.

— Но зачем?

— Только Гедель — и никто другой — мог создать германский платтнерит!

9. Имперский колледж

После ленча меня снова вызвал Уоллис и с места в карьер стал склонять к совместной работе над проектом Войны во Времени.

Я настоял на том, что мне необходима предварительная встреча с Куртом Геделем.

Сначала Уоллис попытался выкручиваться.

— Гедель трудный человек — не уверен, что из этой встречи что-нибудь выйдет, потом, с охранными мероприятиями будет много возни.

Однако я сцепил зубы и стоял на своем, так что, в конце концов, Уоллис спасовал.

— Дайте мне полчаса, — сказал он. — И я все устрою.

Здание Имперского Колледжа пощадили годы войны. Башню Королевы, центральный монумент, вырезанный из белого камня вместе с двумя фигурами львов, было окружено довольно безвкусными пошловатыми строениями из красного кирпича, заключавших в себе аудитории, лаборатории и лекционные залы. Некоторым зданиям соседство с Колледжем пошло на пользу: их тут же прибрали к рукам алчные до терри-

торий военные министерства. Директорий, в котором работал Уоллис, достался Музей Науки. В университетском кампусе выросло несколько новых сооружений — явно возведенных в страшной спешке, без дополнительных изысков. Незатейливые каменные сараи совершенно не в стиле девяностых — наверное, эта незамысловатая мода пришла позже, в эпоху войны или практицизма. Новый комплекс был соединен сквозными коридорами.

Уоллис посмотрел на часы.

— Придется немного подождать, Гедель должен приготовиться к встрече. Пойдемте-ка пока сюда — я покажу вам кое-что любопытное. Это наша гордость и отрада!

Так мы пустились в путь по бесконечным коридорам учебного комплекса. Стены оказались обложены простой штукатуркой и освещены ровной линией лампочек. Нам пришлось пройти несколько постов, на каждом из которых Уоллис предъявлял свой пропуск на лацкане, затем еще какие-то бумаги, оставлял свои отпечатки пальцев, давал сличить свое лицо с фотографией и т. д. Пару раз нас обыскивали, обхлопывали и прозванивали.

На пути мы миновали несколько поворотов, но

я прекрасно ориентировался, составив в голове примерный план помещений и пристроек.

— Колледж следовало бы несколько расширить, — сказал Уоллис. — Боюсь, что мы потеряли Королевский Колледж Музыки, Колледж Искусства, а также Музей Естественной Истории. Если бы не эта проклятая война! И сами видите, от них приходится ждать новых сюрпризов.

По всей стране найдется немало подходящих помещений для новых научных центров, в том числе Королевские Артиллерийские заводы в Хорли и Вулидже, Викерса-Армстронга в Ньюкасле, Барроу, Уэйбридже, Бернхилл и Кроуфорде, Королевская воздушная контора в Фарнборо, Экспериментальная организация Вооружения и Аэронавтики в Боском-Даун и так далее. Большинство из них расположено в бункерах или под Куполами. И все же Имперский колледж сейчас, после слияния переживает наивысший расцвет, являясь основным британским центром исследований в области военных технологий.

После еще нескольких КПП и таких же придирчивых проверок мы вошли в ярко освещенную залу, где пахло машинной смазкой, резиной и раскаленным металлом. На цементном полу, залитом лужами масла, стояли моторные экипажи:

вокруг них сновали люди в комбинезонах, насвистывая. В такой рабочей атмосфере и я несколько воспрянул духом, чего со мной не случалось с тех пор, как я попал под Купол. Я часто замечал, что любая хандра и сплин, а также ипохондрия пропадают, как только появляется возможность поработать руками.

— Это, — объявил Уоллис, — наш ТХП.

— Что-что?

— Транспорт ХроноПеремещения.

Итак, в ангаре занимались сборкой Машин Времени — похоже, дело было поставлено на конвейер!

Уоллис подвел меня к одной из колымаг, производившей впечатление собранной. Пяти футов в высоту, квадратное сооружение с кабиной, способной вместить четырех пассажиров (и даже пятого, если потесниться) Там было три пары колес с гусеничным рисунком протектора. Машина была оборудована лампами, кронштейнами, скобами, и прочими инструментами. По углам корпуса болтались фляги — очевидно, пустые, так как крышки были свинчены. Некрашеный металл блестел, отражая свет вороненой сталью.

— Не правда ли, во многом отличается от вашего прототипа? — залебезил Уоллис. — Базируется

на стандартном армейском транспорте — универсальном бронетранспортере — и с успехом может перемещать не только во Времени, но и в Пространстве. Смотрите: двигатель Форда V8 — при резком повороте надо притормаживать. Броня что надо — выдерживает обстрел.

Я поскреб подбородок и представил себе, что можно подумать о внутреннем состоянии мира, в котором есть вот такая бронированная Машина времени!

— Но главное, конечно, платтнерит, — продолжал Уоллис, — Мы разработали несколько иную технологию. — Точнее, я разработал, — смутился он под моим взором. — Дело в том, что совсем не обязательно покрывать платтнеритом оси — достаточно заполнить им вот эти фляги… Ну, как?

— Вы уже пытались ее запустить?

Он схватил рукой затылок и замер:

— Нет, конечно же, нет! Ведь у нас нет платтнерита! — И похлопал меня по плечу. — Но ведь затем-то вы и здесь, старина.

Уоллис провел меня в другую часть комплекса. После еще нескольких постов охраны мы вступили в длинное узкое помещение, напоминавшее коридор. Одна стена была совершенно прозрачной, и за стеклом я увидел помещение

размером подольше — примерно с теннисный корт. Комната была пуста. Между тем в «коридоре» за столами сидели трое женщин и примерно столько же мужчин, в усеянных пятнами белых халатах, в которых экспериментаторы, наверное, рождаются. Они внимательно склонились над счетчиками и тумблерами. Они повернули головы, когда я вошел — юные изможденные лица. Там у них на панели что-то все время щелкало, как сказал Уоллис — «счетчик радиации».

В комнате за стеклом не было ничего, кроме голых бетонных стен и сооружения из кирпичей десять футов высотой и шесть шириной в самом центре. Под него уходили провода, которые шли от стеклянной стены.

Уоллис заглянул в пустую комнату.

— Замечательно, не правда ли? Стекло освинцовано — поэтому нам ничто не угрожает. Реакция все время находится под контролем.

Тут я узнал голову из шоу бормашины.

— Та это и есть ваш расщепитель?

— Это второй графитовый реактор, — отвечал Уоллис. — Он почти точная копия первого, построенного Ферми в Чикагском университете.

Он улыбнулся.

— На площадке для сквоша. Замечательная

история.

— Очень хорошо, — сказал я, начиная понемногу закипать. — Но что это за реакция? Что с чем реагирует?

— Ах да, — он снял очки и стал протирать их кончиком галстука. — Я должен объяснить.

Было сказано много лишнего, но я постарался сконцентрироваться и уловить суть. Я уже слышал от Нево о составе атома — а также о том, как Томсон сделал первые шаги в понимании материи атомарной структуры. Теперь становилось ясно, что эта структура может быть изменена. В том числе искусственным образом. Путем сталкивания одного атомного ядра с другим, или их взаимного столкновения, и процесс этот называется расщеплением атома.

В результате изменения состава атома образуется новое вещество — то есть сбывается вековая мечта алхимиков — превращение одного элемента в другой!

— А теперь, — продолжал Уоллис, — вас, наверное, не удивит, что при каждом расщеплении атома высвобождается некоторое количество энергии — поскольку атом постоянно ищет более стабильного и менее энергетического состояния. Понимаете?

— Конечно.

— Вот в этой кирпичной глыбе у нас заключено шесть тонн каролиния, пятьдесят тонн оксида урана и четыреста тонн графитовых блоков… и все это производит поток невидимой энергии, прямо у нас на глазах.

— Каролиний? Впервые слышу.

— Это новый искусственно созданный элемент, произведенный бомбардировкой ядер. Период полураспада составляет семнадцать дней — и за это время он теряет половину запаса энергии.

Я снова посмотрел на эту неописуемую глыбу кирпичей — кто бы мог подумать, что там ТАКОЕ содержится! И подумал: что если все это правда — то, что говорил Уоллис об энергии внутри атомного ядра?

— И для чего же предназначена эта колоссальная энергия?

Он вернул очки на нос.

— Три широких области применения. Во-первых, в качестве компактного источника энергии, для двигателя и электростанции на атомных подводных джаггернаутах, которые месяцами не поднимаются из глубин океана, для высотных сверхскоростных бомбардировщиков, способных десятки раз облетать землю вокруг в области

стратосферы, без необходимости приземления или дозаправки в воздухе — ну и так далее.

Во-вторых, мы используем реактор для облучения материалов направленным потоком. Можно применить побочный продукт расщепления урана для превращения других материалов — правду сказать, многое мы добываем специально для экспериментов профессора Геделя, чья работа ведется в строгой секретности, и даже я не знаю, чем он занят в настоящий момент. Да вот же они, перед вами — термосы на стойках…

— И, в третьих?

Взгляд его стал на секунду отстраненным.

— Ну, видите ли…

— Понятно, — изрек я за него. — Из атомной энергии может получиться прекрасная бомба.

— Конечно, предстоит решить еще несколько практических проблем, — затараторил он, благодарно улыбаясь, — Производство правильных изотопов в нужных количествах, синхронизация, безопасность… но вы только представьте себе результат — бомба, способная разместить в пыль весь город с куполом — и способная при этом уместиться в одном чемоданчике.

10. Профессор Гедель

И снова мы петляли по узким коридорам из бетона, пока, наконец, не вышли к главному зданию колледжа. Мы выдвинулись в коридор, обитый плюшем, с портретами выдающихся людей на стенах — вам, должно быть знакомы места такого рода: ректорские, приемные действительных членов и т. д. Короче говоря, мавзолей Науки! Мертвой, ороговевшей в панцирях черепаховых оправ очков и портфелей из крокодильей кожи, набитых диссертациями. Здесь тоже стояли солдаты, но уже более скромные. И здесь, в своем кабинете, нас ждал Курт Гедель.

Вкратце Уоллис поведал мне историю его жизни. Родился в Австрии, защитился в Вене, в области математики. Увлекся школой логического позитивизма, которую он там обнаружил (лично у меня никогда не оставалось время на философию), интерес его сконцентрировался на логике и основаниях математики.

В 1931-м, когда ему было двадцать пять, Гедель опубликовал свои тезисы, потрясшие научный мир — о некомпетентности математики.

Позднее он проявил интерес к модной тогда сре-

ди физиков теме взаимоотношений Времени и Пространства и произвел на свет несколько работ с рассуждениями о возможности путешествий во времени (На них-то, должно быть, и ссылался Нево). Вскоре под давлением со стороны Рейха он переехал в Берлин, где приступил к работе над военными заказами.

Мы подошли к двери с медной табличкой, на которой было запечатлено имя Геделя. Табличка была прибита недавно — на ковре я заметил мелкую бахрому опилок упавших со сверла.

Уоллис предупредил, что в моем распоряжении всего несколько минут и постучал в дверь.

Тонкий и высокий голос отозвался:

— Войдите!

Мы вступили в просторный кабинет с высоким потолком, роскошным ковром и дорогими обоями, а также столом, покрытым зеленой кожей. Когда-то это была солнечная комната — судя по огромному окну, ныне завешанному шторой. Окно выходило на запад — как раз напротив окон моего жилища.

Человек за столом продолжал писать, когда мы вошли, придерживая бумагу ладонью — не то закрывая написанное от нас. Это был невысокий, тонковатый мужчина болезненного вида с

высоким беззащитным лбом: на нем был мятый шерстяной костюм. Лет ему, судя по всему, было за тридцать.

Уоллис шевельнул мне бровью:

— Чудной парень, — шепнул он. — Но большая голова.

Пустые книжные полки, ковер, заваленный тюками, рассыпавшиеся стопки журналов — преимущественно на немецком. В одной из связок я разглядел лабораторное оборудование, а также пробирки с различными материалами, и в одной из них я разглядел такое, отчего у меня сердце забилось чаще!

Я деланно отвернулся в сторону, стараясь сохранять спокойствие.

Наконец, вздохнув, человек за столом отбросил перо — оно ударилось о стену, и скомкал бумаги, отправив их в мусорную корзину.

Тут, наконец, он заметил нас.

— Ах, да, — сказал он. — Это вы, Уоллис.

Он тут же убрал руки со стола, отчего стал еще меньше.

— Профессор Гедель, благодарю вас за согласие встретиться. Перед вами… — и он представил меня.

— Ах, да, — снова сказал Гедель. И усмехнулся,

показывая неровные зубы. — Конечно. — Он угловато выпрямился, обошел неуклюже стол и протянул руку. Ладошка оказалась костлявой и сухой.

— Очень приятно, — сказал он. — Чувствую, нам есть о чем поговорить.

Он говорил на сносном английском, с небольшим акцентом.

Уоллис взял инициативу в свои руки и предложил нам занять кресла с подлокотниками у самого окна.

— Надеюсь, вы нашли с себе место в Новом Веке? — с искренним интересом спросил Гедель. — Конечно, мир здесь несколько диковатый. Но, возможно, как и меня, вас будут терпеть как полезного оригинала и эксцентрика. Не так ли?

— О, как можно, профессор, — покраснел Уоллис.

— Эксцентрик, — продолжал тот. — Эк-кентрос — что значит «из центра». — Он скосил на меня глаза. То, что мы и есть оба — немного в стороне от центра событий. Что ж, Уоллис, я знаю, что для вашего английского склада ума я насколько странноват.

— Ну что вы, профессор…

— Бедный Уоллис никак не привыкнет, что я

переписываю свою корреспонденцию, — сообщил мне Гедель. — Временами по десять и более раз — и видите, никак не закончить. Странно? Хорошо. Так и надо!

— Вы, наверное, жалеете о том, что оставили родину, профессор, — сказал я.

— Ничуть. Я и сюда-то попал уже из Европы, — сказал он мне заговорщическим тоном.

— Причина?

— Кайзер, само собой.

Барнес Уоллис предупреждающе стрельнул глазами.

— Это же очевидно, — азартно продолжал Гедель. — Возьмите две фотографии — одну из 1915-го, скажем, а другую — из этого нынешнего — человека, выдающего себя за Кайзера Вильгельма. Измерьте длину носа, примите во внимание расстояние от кончика носа до подбородка, которое у каждого человека индивидуально и сохраняется на протяжении всей жизни — и почувствуйте разницу! Куда же движется Германия под предводительством этого двойника в шлеме? Представляете?

— Еще как, — предупредительно встрял Уоллис. — В любом случае, какими бы ни были мотивы вашей эмиграции, мы рады, что вы при-

няли наше предложение занять профессорскую должность — и выбрали Британию своим домом.

— Да, — заметил я. — Разве вы не могли выбрать найти себе место в Америке? Например, в Принстоне или…

— Конечно, мог бы. Но это невозможно. Совершенно невозможно.

— Почему?

— Из-за Конституции, само собой! — И этот оригинал пустился в пространные рассуждения о новооткрытой им логической несуразности в американской конституции, которая открывала легальный путь к диктаторству!

Мы с Уоллисом сидели под градом аргументов и пережидали этот поток красноречия, как артиллерийскую атаку в траншеях.

— Вот так, — довольно закончил он, наконец, — а вы что думаете об этом?

Встретив суровый взор Уоллиса, я решил, однако, оставаться честным. — Не могу поймать вас на логической ошибке, — заявил я, — но мне кажется, это личное мнение иностранца, попавшего в крайнее положение.

Он хмыкнул:

— Это неважно. Логика — все! Разве вы иного мнения? Аксиоматический метод — сильная шту-

ка. Самая сильная. — Он расплылся в улыбке. — У меня также имеется онтологическое доказательство существования Бога — совершенно безошибочное, причем основанное на непререкаемых авторитетах в вопросе, выдвинутом восемьсот лет назад архиепископом Ансельмом. [16] Видите ли…

— Может, в другой раз, профессор? — поспешил Уоллис.

— Ну, как хотите. Ах, да. Очень хорошо. Он перевел проницательный взор с одного на другого. — Итак. Путешествие во Времени. Знаете, а ведь я завидую.

— Завидуете?

— Да. Вам. Но вовсе не этим занудным прыжкам сквозь Историю.

Глаза его увлажнились и засияли в сильном электрическом свете.

— Чему же вы завидуете?

— Вы ознакомились с другими мирами — альтернативами этого — вы узнали другие Возможности — понимаете?

---

[16] Примечания: 16

Ансельм Кентерберийский (1033-1109) теолог и философ, представитель ранней схоластики августиновского направления. Развил т. н. онтологическое доказательство бытия Бога, выводя бытие Бога из самого понятия Бога. Видел в вере предпосылку рационального знания: «верую, чтобы понимать».

Я похолодел: мне казалось, передо мной какой-то телепат, человек с необычайно сильными психофизическими возможностями. Может быть, просто гений, а может, психопат.

— Объясните, что вы имеете в виду?

— Реальность других Миров, содержащая смысл за опытом нашего краткого существования, казалась мне очевидной. Каждый, кто ощущал чудо математического открытия, должен знать, что математическая правда имеет независимое существование от умов, в которые она поселяется — и что все истины — лишь осколки работы какого то более высокого Ума…

— Понимаете — наши жизни здесь, на Земле, имеют относительное значение. А истинное их значение должно лежать вовне этого мира. Представляете? Так много есть просто логика. И идея, что все в мире имеет свой последний крайний Смысл — точный аналог принципа, что все имеет Причину — принцип, разделяемый всей остальной наукой.

Из этого само собой следует, что где-то за пределами нашей истории есть Окончательный, Последний Мир — где сбываются все смыслы. Сбывается и финальный смысл.

Путешествие во времени, по самой природе

своей, становится вмешательством в Историю и вызывает открытие других отличных от этого, миров. Поэтому задача Путешественника во Времени ни что иное, как поиск — поиск Финального мира, который должен быть найден — или создан!

К тому времени как мы покинули Геделя, мои мысли крутились с потрясающей скоростью. Я решил больше никогда не шутить с философствующими математиками и математизирующими философами, поскольку этот маленький человечек был способен путешествовать сквозь Время, Пространство и Сознание, не покидая своего кабинета — и даже дальше, чем я на своей Машине. Я понимал, что этот визит к Геделю не последний — в скором времени мне надо будет еще раз посетить его… поскольку я заметил в упаковке среди пробирок загадочный блеск платтнерита.

11. Новый мировой порядок

Я вернулся в наши апартаменты около шести. Всюду было пусто, не считая охраны. Выкрикивая приветствия и предупреждая о своем появлении я так и не получил отклика, и в конце концов нашел всю компанию в полном составе все в той же курительной комнате. Похоже, они отсюда и не выходили. Морлок по-прежнему царапал что-то на бумаге. Но, едва завидев меня, вскочил:

— Вы нашли его? Геделя?

— Да, — улыбнулся я. — И могу сказать одно — вы были правы.

Я посмотрел на Филби, но старикан уже углубился в чтение журнала (не мне вам говорить как старики «читают» журналы).

— И главное — у Геделя есть платтнерит.

— Ах, — лицо морлока оставалось бесстрастным — однако с каким азартом он ударил кулаком по ладони, воспроизводя еще один перехваченный у кого-то человеческий жест. — Значит, есть еще надежда.

Моисей вручил мне стакан виски с содовой. Я с признательностью пригубил, поскольку жара не прекращалась с самого утра.

Моисей дал знак — и все мы трое склонились над столом, голова к голове, как делают сообщники, не желая, чтобы их услышал посторонний.

— Я тоже кое-что нашел, — произнес Моисей негромко.

— Что же? — нетерпеливо воскликнул я.

— Мы должны выбраться отсюда — во что бы то ни стало!

И Моисей рассказал мне, что случилось с ним «сегодня» — если можно так назвать этот день, проведенный меж будущим и прошлым. Устав от одиночного заключения, он попытался заговорить с охраной — молодыми солдатами, стерегущими нас повсюду, можно сказать, за каждой дверью. Серди них, как оказалось, был даже младший офицерский состав — что говорило о важности охраняемых. К тому же все это были люди с высшим образованием, исполнявшие и другие обязанности в кампусе. Сюда набирался личный состав из выпускников колледжей и университетов. Они пригласили Моисея в свое общежитие, расположенное поблизости — и совершили поездку на рикшах в Уэст-Энд. После нескольких стаканов язык у молодых людей развязался, и они довольно откровенно поделились своими идеями, каким им видится современное

государство.

С одной стороны, это говорило в пользу Моисея — он проявил интерес к окружающему миру — и даже освоился в нем. Это хорошо. Я с нетерпением ждал, что же он расскажет.

— Хорошие, в общем-то, ребята, — поделился Моисей, — но их взгляды на жизнь!

Оказывается, как удалось выяснить Моисею, в будущем всех ждало Планирование — основная концепция мира. Как только будет построено пресловутое «современное государство», править которым будет, естественно, победившая в войне Британия и союзники, будет взят воздушный и морской контроль над портами, угольными шахтами, нефтяными скважинами, электростанциями и разработками полезных ископаемых. Будет контролироваться также производство судов на верфях, дабы избежать их последующего превращения в боевые корабли. Также будет отслеживаться производство железа, стали, резины, металлов, хлопка, и растительных веществ. А также контроль над пищевыми ресурсами…

— Ну вот! — сказал Моисей. — Теперь вы видите, какая складывается картина. В этой войне победителей не будет. Это конец права собственности — теперь все ресурсы отойдут Мировому

государству Союзников. Ресурсы Земли будут использоваться в первую очередь для восстановления территорий, больше всего пострадавших от войны. Все будет планироваться мировым партнерством. Которое, кстати, будет выбирать само себя.

— Кроме последнего, остальное звучит неплохо. Вполне разумно и рационально, — заметил я.

— Да. Но этот план не останавливается на природных ресурсах планеты.

— То есть?

— Человеческие ресурсы он также учитывает. Отсюда и начинаются проблемы. Во-первых, это поведение. — Он посмотрел на меня. — Эта молодежь довольно нелицеприятно судит о нашем времени. Оказывается, мы страдали от "глубокой распущенности в частной жизни, — вот оно как! Так что нынешняя молодежь выбирает иной путь: к спартанской жизни, сдерживая всемерно страсти и сексуальное возбуждение. Отныне лозунг: «Бизнес на первом месте, а чувства потом». И это уже происходит. В следующей фазе события развиваются несколько активнее. Мы увидим безболезненное уничтожение «дефективных» — и это не мои слова, поверьте! А также стерилизацию некоторых типов, дабы он не передали

потомству тенденции, «нежелательные» в планировании семьи. И кое-где этот очистительный процесс уже начат. Есть газ, так называемый Кинетоген Пабста…

— Хорошо. Значит, они, наконец, задумались над проблемами расовой наследственности.

Я откашлялся.

— Хм, — сказал я. Что-то мне не верится в такое «улучшение породы», когда человек начинает относиться к себе как к племенному скоту. Неужели так необходимо для будущего человечества, чтобы оно прошло искусственный отбор этих молодчиков из 1938-го года? А потом все это ляжет тенью на последующие миллионы лет?

— Это же «Планирование», — как вы не понимаете, — сказал Моисей. — Единственный, по их словам, путь уйти от варварства и хаоса — и, в конечном счете, от вырождения и вымирания человеческой особи.

— И «современные» люди готовы к столь эпохальным переменам?

Моисей криво усмехнулся.

Сомнений не оставалось. Подобного будущее не устраивало ни меня, ни его.

— Надо бежать.

И в этот момент, не успел я еще высказать пред-

положения, каким образом это могло произойти, и какие у нас надежды на слово «бежать», дом содрогнулся.

Я подался вперед, резко, едва не разбив голову о стол. Звук был такой, как будто в глубине земли кто-то тяжело хлопнул дверью. Лампочки мигнули, но свет не погас. Послышались крики, слышные даже сквозь загерметизированные окна — и раздался близкий стон бедняги Филби, звон стекла и шум рухнувшей мебели.

Дом, однако, остался на месте. Откашлявшись от облака поднятой пыли, я с трудом поднялся на ноги.

— Все живы? Моисей? Нево?

Мой «альтер эго» уже помогал Нево. Морлок был цел, его только придавило упавшей этажеркой.

Тогда, уже не беспокоясь за них, я стал разыскивать Филби. Старику повезло: его даже не выбросило из кресла. Он встал и дошел до окна с лопнувшим поперек стеклом.

Я положил ему руку на поникшую сгорбленную спину.

— Филби, дружище, отойдем.

Он не замечал меня. Его подернутый пленкой взгляд глаза наполнились влагой, лицо, обильно

припорошенное пылью, он поднял скрюченный палец к окну:

— Смотри.

Я приник к стеклу, сложив ладони, чтобы избавиться от отблеска электрического света. Лампы Олдиса погасли в Бормоталках, а вместе с ними почти все уличные фонари. По улице хлынул поток людей. Я видел потерявшего рассудок солдата в противогазе, стреляющего в воздух, и чуть дальше ствол нестерпимо яркого света, в котором вращались пылинки он выхватывал из тьмы перекрестки, дома, угол Гайд-парка. Люди стояли, подслеповато моргая и закрывая ладонями лица.

Этот луч проходил снаружи. В Куполе зияла брешь.

12. Германцы штурмуют Лондон

Парадная дверь повисла на одних петлях, снятая ударной волной. Наших охранников и след простыл — даже верного Патрика. Тем временем на Террасе грохотали шаги, слышались стоны и крики, воздух резали свистки полицейских, пахло пылью, дымом и порохом. Отовсюду сквозь щели били осколки июньского света — настоящего, не искусственного солнца. Словно бы истинная жизнь ворвалась в этот кукольно милитаристский мир Лондона и позвала, поманила за собой из этого ненастоящего времени. Из этой Исторической Верификации. Панцирь черепахи, сторожившей покой Лондона, был разбит.

Моисей похлопал меня сзади по плечу.

— Этот хаос продлится недолго — надо пользоваться шансом.

— Прекрасно. Надо кое-что прихватить в дорогу.

— Зачем?

Объяснять времени не было. Только последний дурак собирается в путешествие по времени в одном домашнем халате и тапочках. Значит, так. Во-первых, свечи. И, конечно, спички! Побольше

— сколько влезет. Точнее, сколько удастся здесь найти. Потом — оружие. Любое — кухонный нож, если нет ничего получше".Еще — что еще?" — стучало в голове. Думай, голова, думай! Ах да, камфора, — если она еще есть в этом веке. Если нет — что-либо, ее заменяющее. Пусть мы будем представлять собой бегущий склад боеприпасов и легко воспламеняющихся взрывчатых веществ под упорным огнем противника — все равно, отсюда надо вынести по максимуму. Ты дай им там прикурить! Нижнее белье! — набить карман потуже…

Он кивнул, когда я поделился с ним мыслями. Это все была прямая речь.

— Понял. Пойду, соберу рюкзак.

Я тем временем поспешил назад в курительную. Нево надел свое школьное кепи, собрал свои записи и уложил в папку с тесемками. Филби — старый жук! — залез под подоконник, и, стуча коленями по впалой костлявой груди, барахтался в позе боксера, прикрывая лицо руками.

Я опустился перед ним на колени.

— Филби! Филби, старина! — но стоило к нему притронуться, как он сжался пуще прежнего, отшатнулся в сторону. — Ты должен пойти с нами. Здесь небезопасно.

— А где безопасно? С вами? Ха-ха! — он отодвинулся от меня, словно боясь, что его ударит током. — С твоего появления начались все неприятности. Нет уж, спасибо. Изыди… больше ты меня не одурачишь! Как тогда перед Рождеством — ты нас до смерти перепугал…

Я еле сдержался, чтобы не встряхнуть его как следует, ухватив за грудки, а еще лучше — за яйца. — Да приди же ты в чувство, опомнись, парень! — кричал я этому седому как лунь старику. Путешествие во времени — это не чудо, не трюк, не хитроумный фокус — оно так же реально, как и война, которую ты видишь за этим окном.

Видимо, старик боялся, что мы захватим его с собой, увезем из надежного двадцатого века, куда он вплыл мирно и бестревожно по спокойным водам времени, как и большинство из нас «своим чередом». Еще слетать на джаггернауте туда-сюда на полвека назад — куда ни шло — но он представления не имел о наших дальнейших планах, как мы собираемся все это остановить, исправить.

И в этот момент кто-то коснулся моего плеча. Нево. Бледные пальцы сияли от дневного цвета как пыльные выцветшие лучи.

— Мы ему ничем не поможем, — сказал он по-

чти отрешенно.

Филби уронил голову, прикрыв ее руками, как только я выпустил его. Старческие руки дрожали — и я понял, что он больше не слышит меня.

— Но мы же не можем его так оставить!

— А что ты с ним сделаешь — вернешь в 1891-й год? Но года, который ты помнишь, уже не существует. Он остался в недостижимом параллельном пространстве.

В курительную дверь ворвался Моисей с рюкзаком, уже в эполетах и с газовой маской, болтающейся в сумке.

— Я готов. В чем дело? Чего вы ждете? — посмотрел он на нас с Нево.

Напоследок я сдавил плечо Филби. Он не сопротивлялся, но и ответного прощального жеста я не получил.

И после этого мы расстались навсегда.

Мы выглянули на улицу. На моей памяти это один из самых тихих районов города, но сегодня здесь бежали, спотыкались, обгоняли друг друга, толкались люди, врасплох выгнанные из своих домов и с рабочих согнанные мест. Многие уже надели впопыхах маски, хотя они мешали дышать и бегать одновременно. Всюду на лицах были страх и тревога.

Повсюду дети с маленькими противогазными сумочками, похоже, катастрофа застала их в школе. Они бегали взад-вперед, звали родителей. Я представил себе муки матери, разыскивающей дитя в этом огромном каменном муравейнике, и содрогнулся.

У многих паникующих прохожих в руках были служебные портфели и сумки, кто-то спешил с узлами, скрученными из сорванных наспех штор и баулами из покрывал и простыней, унося из дому пожитки. Какой-то чудак даже пытался увезти комод на велосипеде, пристроив его на руль и седло. Он наезжал кому-то на ноги в толпе с криком:

— Посторонись! Берегись!

И никакого следа присутствия блюстителей порядка. Видимо, все полицейские и солдаты сейчас требовались в другом месте. Было тому и другое объяснение: паника достигла апогея и служители закона, сорвав с себя знаки различия, присоединились к толпе. Я видел человека в мундире Армии Спасения, который кричал с высокой ступеньки:

— Вечность! Вечность!

Как продавец горячих пирожков.

Моисей указал вверх:

— Смотрите — Купол пробит в восточной части города, над Степни. Вот тебе и крыша!

Он был прав. Грандиозная бомба потрясающей взрывной силы проделала гигантскую дыру в бетонной оболочке, откуда выпирало ребро голубого неба, почти в центре свода Купола. Оттуда еще сыпались осколки — некоторые размером со стены дома, так что следовало ожидать новых жертв.

В северном направлении доносилось нечто похожее на шаги великана В воздухе подвывали сирены: «Тау-тау-тау», сквозь стоны разбитого купола над нами.

Представляю, каким разворошенным муравейником казался сейчас Лондон оттуда, с крыши. Все дороги, ведущие на запад, юг и север, были забиты беженцами.

Моисею приходилось перекрикивать какофонию улиц:

— Купол может рухнуть в любую минуту. Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю.

— Надо бежать отсюда как можно скорее!

— Сначала! — закричал я, стараясь заглушить сирены, — мы должны добраться до Имперского колледжа. Проталкиваемся!

Это было непросто — нам приходилось двигаться против толпы и при этом не потерять в давке Нево. Кроме нас на Восток больше никто не спешил, всех гнали истерические крики воздушной сирены в обратном направлении. Какой-то круглолицый толстяк в эполетах сразил протискивающегося навстречу морлока ударом кулака и побежал дальше. Мы зажали Нево в тиски с обеих сторон и больше не давали его в обиду, размахивая кулаками и сбивая порой даже велосипедистов. Толстая женщина, которая поему-то пятилась по улице задом, видимо, отыскивая кого-то отставшего в толпе, волоча за собой скатанный ковер, прикрытая лишь ночной сорочкой и белой бетонной пылью, врезалась в меня своей могучей кормой, на минуту отбив дыхание.

Передо мной мелькали отчаявшиеся лица: клерк с воспаленными от работы глазами, усталая девушка-продавщица… но чем дальше, тем больше возникали анонимные лица: противогазные маски, в которых смутно-скользкие как лягушачьи икринки расплывались за стеклами испуганные глаза. Люди все больше становились похожими на насекомых. Словно бы Земля превратилась в планету кошмаров.

И вот раздался новый звук — пронизывающий

насквозь и монотонный. Казалось, он донесся сквозь щель, опасно распахнувшуюся над головой. Толпа замерла, прислушиваясь и по инерции сползая в улицы. Мы с Моисеем переглянулись, тут же уяснив значение этого страшного звука.

И тогда свист стих.

И в наступившей тишине прорезался вопль:

— Купол! Проклятый купол… Это обстрел!

И в ту же секунду стало понятно значение грозных шагов великана — это были далекие пушечные выстрелы.

Паника с новой силой овладела толпой — нас накрыло с головой, по нам пробежали чьи-то ноги, и я почувствовал, как, ударившись головой о чью-то голову, теряю сознание.

На миг я лишился чувств.

13. Артобстрел

Придя в себя, я обнаружил, что Моисей ухватил меня под мышки и отволакивает куда-то по упавшим телам. Я почувствовал, как наступил на чье-то лицо — сначала мне показалось, что это упруго изогнувшиеся спицы велосипеда — и вскрикнул. Моисей живо перетащил меня через препятствия, и только прислонив к стене дома, отпустил.

— Ты в порядке?

Он тронул мой лоб пальцами — они оказались в крови. Он потерял рюкзак, понял я, посмотрев ему за спину.

Боль и тошнота нахлынули на меня одновременно. Слабость была вызвана потерей крови или только видом крови — не знаю. Я никогда не считал себя слабаком и часто получал травмы — но в микроклимате купола, по-видимому, здоровье мое сильно ослабло. Раз был обморок, пусть и короткий, значит, было и сотрясение мозга или что-нибудь в этом роде. Впрочем, сейчас на рассуждения времени не оставалось.

— Где Нево?

— Здесь.

Морлок стоял посреди улицы, целый и невредимый. Он потерял кепи и разбил очки. Бумаги из разорванной папки разлетелись по сторонам, и Нево собирал их, лист за листом, выискивая среди тел.

Людей разметало взрывом как кегли. С раскинутыми ногами и руками, подогнутыми под себя, открытыми ртами, остановившимися глазами, вперемешку, старик на девушке, ребенок на спине солдата. Эта куча человеческой плоти еще шевелилась, издавая стоны, кто-то еще пытался встать — потрясающая картина кучи насекомых, запутавшихся друг в друге, спекшихся в крови, липнущих друг к другу кожей и одеждой.

— Бог мой, — вымолвил Моисей. — Мы должны им помочь. Ты видишь?..

— Нет, — осадил я его. — Мы ничем не сможем помочь — их слишком много. Нам повезло, что мы уцелели. Пушки уже пристрелялись, скоро здесь камня на камне не останется. Надо бежать — иначе мы не успеем — и тогда уже не выберемся из этого времени.

— Я этого не вынесу, — выдавил Моисей.

Тут подошел морлок.

— Таким мне этот мир и запомнится, — хмуро сказал он.

И мы отправились дальше. Под ногами было скользко от крови и экскрементов. Нам попался на глаза мальчик с раздробленной ногой, стенавший от боли. Несмотря на предупреждение, которое я сделал Моисею, мы не смогли пройти мимо: и мы перенесли его от тела молочника, рядом с которым он лежал, к стене. Тут его заметила какая-то женщина из толпы, подошла, села рядом и стала отирать ему лицо носовым платком.

— Это его мать? — спросил Моисей.

— Не знаю. Я…

Странный жидкий голос забулькал у нас за спиной, словно зов из другого мира:

— Пойдем.

И мы отправились дальше, пока не достигли угла Квинз-Гейт-Тирес, где наткнулись на воронку.

— Хорошо, не газ, — выдавил я.

— Нет, — подтвердил Моисей дрогнувшим голосом. — Но — что это, Господи! — и этого достаточно!

Воронка диаметром несколько футов глубоко разворотила дорогу. Все двери на улице распахнуло или вынесло, и в окнах не осталось ни одного целого стекла: в глазницах выбитых окон колыхались уже ненужные занавески. В фасадах и тротуаре зияли выщерблины, выбитые шрап-

нелью снаряда.

И куски человечьей плоти.

Иногда язык бессилен описать ужас случившегося, и обмен информацией, на котором основано любое общество, становится бесполезен. Это как раз был тот случай. Я не могу описать ужас, который посетил Лондонские улицы в этот день.

Несколько голов валялись отдельно от тел. Попадались также ноги и руки, по большей части в одежде, я видел одну с уцелевшими часами — их тиканье надолго останется в памяти. А с краю воронки лежала изящная женская ручка, чьи пальчики были сложены как лепестки бутона. Этого зрелища я тоже никогда не забуду. Мне приходилось напоминать себе, что это не свалка запчастей, что ЭТО когда-то было человеческим телом, а теперь стало только деталями, как на выставке абстракциониста. Отделившись от тела, каждый предмет жил отдельной жизнью, и, казалось, имел какую-то другую, особенную, уже отдельную от жизни цель. Или символизировал что-то.

Такого я больше нигде и никогда не видел, и хотел бы забыть навсегда. Я вспомнил Внутренний мир Сферы морлоков и представил себе, что же творилось там, на площади в миллионы то-

чек, каждая из которых представляла собой очаг поражения, раковую клетку войны, локальный конфликт, пятно ядовитой кислоты, веками разъедающей землю. У меня пошли горлом спазмы от этих мыслей.

Моисей был мертвенно бледен, как будто лицо его было окрашено летающей везде штукатуркой. Цементная пыль у него на лбу склеилась от пота, он смотрел вокруг расширенными от ужаса глазами. Я посмотрел на Нево и за разбитыми очками прочитал в холодных морлочьих глазах уверенность, что я транспортировал его не в прошлое — а в один из низших кругов Ада.

14. Ротационная мина

Мы преодолели несколько последних ярдов до стен Имперского Колледжа; здесь, к нашему огорчению, путь нам преградил солдат в противогазе с винтовкой. Это был часовой — парень стойкий, но очевидно, без воображения: он продолжал стоять на посту, когда водостоки улиц стали красными от крови. Едва увидев Нево, он так и выпучил глаза — что было заметно даже за стеклами газовой маски.

Меня он не признал — и стойко не пропускал нас дальше без соответствующего приказа.

В воздухе снова раздался свист — мы тут же пригнулись — и только солдат прижал винтовку к груди, точно тотемный амулет — однако в этот раз снаряд ударил в стороне — вспышка, фонтан стекла и вздрогнувшая под ногами земля.

Моисей бросился на солдата с кулаками.

— Слышишь, тупица, холуй с винтовкой! — взревел он. — Протри глаза — ты не видишь, что творится? Кого ты охраняешь?

Вместо ответа солдат упер ствол ему в грудь.

— Последний раз предупреждаю, салага…

— Он не видит, — вмешался я, становясь между

Моисеем и солдатом. Меня смутил этот внезапный прилив злобы и отсутствие самоконтроля.

— Это не единственная дорога, — заметил Нево. — Где-нибудь уже наверняка снесло стену. Пройдем и так.

— Нет, — решительно заявил я. — Мне известен только один путь, и блудить по Колледжу времени нет. Слушай, воин, я работаю на эту контору — понимаешь — я ученый в секретном отделе. Директорий тебе о чем-нибудь говорит?

Глаза в противогазе скептически прищурились.

— Вызови начальство, — убеждал я. — Пусть пошлют за доктором Уоллисом. Или за профессором Геделем. Они поручатся за меня.

Наконец, не сводя с нас винтовки, воин попятился к двери и снял со стены телефонную трубку.

Прошло несколько минут. Во мне росла злоба на эту армейскую дотошность, которая рождает столько ненужных препятствий.

Наконец солдат подал голос:

— Вам разрешено пройти в кабинет доктора Уоллиса.

Так из хаоса улицы мы вступили в умиротворенное спокойствие дворика Имперского

Колледжа.

— Мы сами доложим, — предупредил я солдата, собиравшегося навязаться нам в провожатые. — Благодарю…

И прошли лабиринтом коридором, описанным ранее.

— Какой дурак! — ворчал сзади Моисей, который все никак не мог успокоиться после происшедшего. — Охранник на кладбище!

— Он тут не при чем, — заступился я за солдата. — Он просто выполняет долг и не его вина, что выполнение долга стало абсурдным в данной ситуации. Чего ты еще хочешь от человека?

— Но должен же быть у человека хоть проблеск рассудка. Видеть, что такое творится вокруг.

Тут мы остановились и разгоряченно столкнулись нос к носу.

— Джентльмены, — вмешался Нево. — Разве сейчас время для созерцания пупка?

Мы с Моисеем уставились на Морлока, затем посмотрев друг другу в глаза. Я заметил страх, прикрытый озлобленностью — тот взгляд, что встречаешь у зверя в клетке. Я успокоительно кивнул ему: «мол, что ты, старина, я против тебя ничего не имею, надеюсь, что и ты…»

Мы двинулись дальше.

— Конечно, — заговорил я, пытаясь развеять напряжение, — тебе никогда не приходилось заниматься созерцанием пупка, Нево?

— Нет, — с легкостью ответил морлок. — У меня нет пупка.

Нужно было спешить. Добравшись до центрального блока, мы стали разыскивать кабинет Уоллиса. Мы шли по устланным ковровыми дорожками коридорам с рядами медных табличек на дверях. Здесь всюду горел свет — очевидно, у колледжа была собственная электростанция. Ковры глушили наши шаги. По пути нам так никто и не встретился. Некоторые двери кабинетов были открыты, и внутри остались следы спешного ухода: перевернутая чашка чаю, дымящаяся сигара в пепельнице, бумаги, разбросанные по полу.

С трудом верилось, что всего в нескольких десятках ярдов за этими глухими стенами творится бойня!

Мы заглянули за открытую дверь, из-за которой пробивалось странное голубое сияние. Уже с порога мы увидели, что Уоллис один, сидит на краешке стола.

— А, это вы! Уже не ждал с вами встретиться.

На нем были все те же проволочные очки и твидовый сюртук с шерстяным галстуком, один

закрепленный на плече эполет и маска рядом на столе. Очевидно, он собирался покинуть здание, как и остальные сотрудники, но что-то задержало его и отвлекло в последний момент.

— Дело безнадежное, — бормотал он себе под нос. — Совершенно безнадежное.

Тут он прищурился, словно бы видел нас впервые.

— Господи Боже, да что с вами?!

Мы зашли в кабинет, и тут я разглядел источник голубого свечения. Это был ящик с экраном из стекла, в котором открывался вид на Темзу.

Моисей тут же присел на корточки перед странным устройством. Очевидно, это и был тот фонограф, переносящий изображения, о котором говорил Филби.

Уоллис щелкнул переключателем на столе, и картинка мигом переменилась, став значительно светлее и детальнее.

— Смотрите — я прокручиваю этот фильм ужасов уже много раз, с тех пор как все случилось. И не могу поверить собственным глазам. Но уж если мы можем вообразить себе такое, то, наверняка, могут и они.

— Кто — они? — спросил Моисей.

— Германцы, разумеется. Проклятые германцы!

Видите — это все снято камерой, расположенной на вершине Купола. Сейчас она повернута в восточном направлении, в сторону Степни — видите излучину реки? А теперь посмотрите — вот, она приближается…

И мы увидели воздушный аппарат, похожий на черный крест, опускающийся над сверкающими водами реки. Он летел с Востока.

— Не так-то просто разбомбить Купол, — продолжал Уоллис. — Это каменное строение поддерживается стальными конструкциями, и трещины тут же само засыпаются, благодаря слою прокладки.

И тут от летательного аппарата отделился предмет, устремившийся к воде. Изображение стало зернистым — по нему пробежала рябь. Можно было разглядеть, как что-то цилиндрическое крутилось в воздухе.

Уоллис продолжал:

— Даже прямое попадание не может повредить Купол, но большинство бомб взрывается еще в воздухе.

Но в этот раз была не бомба. Я уже составлял отчет об этом оружии — Ротационная мина — или поверхностная торпеда. Мы тоже пытались разработать нечто подобное, но не хватало ни

времени, ни энергии… Вы видите, что купол местами уходит под воду, там тоже есть опоры. И противнику также было это прекрасно известно. — Уоллис взмахнул ухоженными руками, показывая. — Видите ли, вода помогает направить удар под Купол. Это все равно, что бить яйцо изнутри — оно легко крошится даже от самого незначительного удара.

На экране было видно, как германская бомба уходит под воду, поднимая туман серебряных брызг. Но затем происходит невероятное — она как мина-лягушка начинает прыгать в сторону подножия Купола. Самолет тем временем лег на крыло и ушел за горизонт, оставив скачущую ротационную мину продолжать свое движение.

— Но как доставить бомбу в точно предназначенное место? — продолжал Уоллис. — Ведь даже при прицельном сбрасывании с высоты, скажем, пятнадцати тысяч футов, при ветре десять миль в час может возникнуть отклонение в двести ярдов — отклонение, направление которого рассчитать нельзя.

И вот тогда до меня дошло… Придайте бомбе вращение — и она начнет двигаться, подчиняясь законам рикошета… Я рассказывал вам о домашнем эксперименте с мраморными шариками

дочери?

Итак, представим, что мина скатывается с Купола, затем под воду, пока не достигает требуемой глубины… — он тряхнул седой гривой, блеснул очками и покровительственно улыбнулся.

Моисей сказал, тревожно глядя в экран:

— Скачки становятся все короче… ого!

Белая струя дыма вырвалась из мины, и она устремилась по воде, как торпеда.

Уоллис продолжал улыбаться:

— Эти германцы достойны восхищения, проклятые. Мне такое и в голову бы не пришло…

В этот момент ротационная мина, посверкивая выхлопом из дюз, прошла за изгиб Купола, и исчезла, став вне досягаемости обзора камеры. Затем изображение затряслось, и экран заполнился голубым светом.

Барнес Уоллис вздохнул:

— Вот так они нас и «сделали»! Что такое самая совершенная инженерная мысль против современного оружия?

— Ломать всегда было легче, нежели строить. И времени гораздо меньше занимает.

— Но как же ответный удар? — вмешался Моисей. — Почему бы не заглушить их ответной канонадой?

— Вы имеете в виду пушки? — Уоллис рассеянно протер очки. И вернул их на место. — Ста пятидесяти миллиметровые 42-е в десантных частях… но это уже совсем другая история.

— Доктор Уоллис? — вмешался я, — что с Геделем?

— С кем? — непонимающе посмотрел он сквозь стекла. — Ах, да, Гедель…

— Он здесь?

Он рассеянно пожал плечами:

— Думаю, да. Наверное, в своем кабинете.

Моисей с Нево тут же направились к дверям. Моисей обернулся и сделал нетерпеливый знак.

— Доктор Уоллис — вы с нами?

— Зачем?

— Нас может остановить охрана, пока мы доберемся до Геделя.

Он рассмеялся:

— Что вы! Какой теперь режим секретности! Но вот, на всякий случай. — Он отстегнул с лацкана значок, похожий на пуговицу, с какими-то цифрами. — Скажете, что вас послал владелец этого пропуска — если вы встретите какого-нибудь сумасшедшего, оставшегося на посту.

— Если бы вы попробовали выйти на улицу, то увидели бы, сколько их теперь, сумасшедших.

— М-да? — рассеянно пробормотал он, опять уставившись в экран, просматривая всю ту же сцену, уже с ракурса другой камеры — их, очевидно, было много расставлено по Куполу. Черные самолеты налетели точно комары. В земле раскрывались люки, из которых, дыша паром, выползали джаггернауты, растягиваясь в колонны от Лейтонстоуна до Бромли, устремляясь громадной механизированной ордой навстречу вторжению германцев.

Но тут Уоллис щелкнул переключателем — и картины Армагеддона исчезли с экрана, сменяясь старой записью появления Ротационной мины.

— Безнадега, — продолжал бормотать он, не в силах оторваться от приемника. — Надо было ударить первыми!

Это было последнее, что я слышал от него. Закрыв за собой дверь, я мысленно попрощался с ним навсегда.

15. Времямобиль

Курт Гедель стоял возле окна с распахнутой шторой, скрестив руки на груди.

— Хорошо, пока не дошло до газовой атаки, — были его первые слова. — Мне довелось видеть и не такое. Тогда над Берлином повисли британские бомбардировщики. Величественное зрелище! Тела разлагаются прямо на глазах.

Он повернулся ко мне с печальной улыбкой.

— Газ удивительно демократичен, не правда ли?

Я сделал шаг к нему:

— Профессор Гедель. Пожалуйста… Мы знаем, у вас есть платтнерит. Я видел.

Вместо ответа он быстро подошел к шкафу… Пройдя в трех футах от Нево, профессор даже не обратил на него внимания. Из всех людей, повстречавшихся мне в 1938-м, это была самая толерантная реакция на морлока.

Гедель вытащил из буфета стеклянный кувшин. В нем переливался, дразняще-зеленым цветом, материал, который нельзя было спутать ни с чем другим.

— Платтнерит, — вырвалось у Моисея.

— Совершенно верно. Довольно просто синтезируется из каролиния — если знать рецепт и иметь доступ к ядерному реактору. — Он озорно блеснул глазами. Его глаза озорно сверкнули. — Я хочу, чтобы вы это увидели. Надеюсь, узнаете. Приятно утереть нос этим чопорным англичанам, с их Директориями Того-то и Сего-то, которые не замечают сокровищ у них под ногами. А теперь это ваш выход из Долины Слез, я так полагаю.

— Надеюсь, — нетерпеливо отвечал я. — Больше мне ничего не остается как только надеяться.

— Тогда пойдемте! — воскликнул он.

— Куда, профессор?

— В ангар — куда же еще? Где у вас собирают эти самые… как их — ТХП!

И вздымая перед собой платтнерит, точно светоносный маяк, он возглавил процессию.

И снова мы пустились лабиринтом бесконечных коридоров. Уоллис оказался прав: стража единодушно оставила посты. Нам попалась лишь парочка торопливых лаборантов в белых халатах, спешивших по коридору, никто не потрудился остановить нас или даже поинтересоваться, куда мы направляемся.

И тут со страшным грохотом — «бабах!» раздал-

ся новый удар. Трудно было понять — по земле, крыше, остаткам Купола или по самому небесному своду. Я ударился лицом о пыльную дверь и почувствовал, как тепло заструилась под носом кровь — представляю, какой у меня был вид! — и споткнулся о тело — видимо, Нево, под ногами.

Земля успокоилась под ногами спустя несколько секунд. Свет на этот раз погас окончательно.

Меня стал душить кашель от плотно повисшей в воздухе пыльной цементной завесы из бетонной крошки. Я снова ощутил старый забытый страх темноты. В бесконечных коридорах, в неизвестном месте… и даже незнакомом времени. И тут я услышал, как где-то рядом чиркнула спичка. Осветилась часть бородатого лица Моисея, и я увидел, что он подносит огонь к фитилю. Прикрывая пламя свечи в ладонях, он вытянул руки, освещая простершийся впереди коридор. Моисей улыбнулся.

— Я потерял рюкзак, но по твоему совету забил карманы. Так что можешь не благодарить.

Гедель поднялся на ноги, слегка шатаясь и прижимая уцелевший термос с платтнеритом к груди.

— Должно быть, снаряд попал в самое основание Колледжа. Нам сильно повезло, что стены

еще держатся.

Длинные темные коридоры простирались теперь перед нами. Дважды пришлось перелезать через завалы, впрочем, без особых сложностей. Теперь я уже окончательно заблудился, но Гедель, чью спину я не упускал из виду, с сияющим платтнеритом под мышкой, похоже, знал, куда идет.

Еще через несколько минут мы добрались до крыла, которое Уоллис называл конструкторским отделом Транспорта Хроно-Перемещения. Моисей воздел свечу над головой, и нам открылась большая мастерская с высоким потолком. Если бы не отсутствие света и длинная диагональная трещина в потолке, мастерская оставалась той же. Части двигателя, колеса и гусеницы, канистры с маслом и горючим, ветошь и комбинезоны, раскиданные как попало, цепи, свисающие на блоках с потолка, отбрасывая длинные узловатые тени. И посреди всего этого недопитая кружка чая на полу, с пленкой пыли на поверхности.

Но вот блеснули поручни и оси времямобиля. Моисей сразу подобрался к нему со свечой и стал ощупывать.

— Что это?

— Вершина технологии второй трети двадцато-

го века. Универсальный времямобиль.

— М-да, — скривился Моисей. — Элегантный дизайн.

— Это ж тебе не карета. Его назначение чисто функциональное. Съездил, украл, вернулся. Снова узнал, съездил, ограбил. Ну, иногда убил. Заодно. И так далее. Вовремя похищать вражеские секреты и устраивать диверсии во времени. Почти военная машина.

Гедель тем временем поставил платтнерит на пол, отвинтил крышку у одной фляжки, понюхал ее и зачем-то посмотрел в отверстие. Свинчивание второй крышки вызвало у него затруднения, а третья и вовсе не поддалась, сколько он не кряхтел — понадобились молодые силы Моисея, поспешившего с клещами или чем-то похожим на разводной ключ.

— Дайте-ка я…

Наконец Геделю удалось справиться, и он принялся наполнить фляги чистым платтнеритом. Моисей прошел следом за ним, плотно завинчивая крышки, чтобы не пропало ни частицы драгоценного материала.

Я разобрался с дверью — в машину можно было залезть и спереди и сзади — там было несколько сидений, разместиться в которых как я говорил,

могли как минимум четверо. Я сел впереди.

Передо мной оказалось округлое колесо руля. Положив руки на руль, я осмотрел контрольную панель: циферблаты, рычаги и переключатели. И еще какие-то рычаги не то педали, торчали под ногами из пола. Судя по количеству обнаженных механизмов и проводов, рабочие еще не завинтили кожух.

Рядом со мной сел Нево, он с любопытством навис у меня за плечом. Остальные пока еще возились с фляжками.

— Вам известен принцип работы ТХП? — подал голос Гедель. — Этот драндулет изобретал Уоллис — я почти не принимал участия в конструировании.

— Тут полно рычагов и ни одной надписи, — откликнулся я.

Занятый разливанием остатков платтнерита, Гедель пробормотал:

— Полагаю, их еще не успели закрепить. Ведь это же недостроенная модель для испытаний. Вас это беспокоит?

— Не хотелось бы окончательно заплутать во времени, — откликнулся я с водительского места. — Но, в конце концов, всегда можно спросить дорогу у местных!

Гедель усмехнулся.

— Итак, заговорил он изменившимся тоном, — Принцип работы ТХП таков. Платтнерит заливается в раму. Образуется контур. Когда он замыкается — вы перемещаетесь во времени. Понятно? Вся остальная механика — двигатель, трансмиссия, коробка передач — это уже для перемещения в пространстве. Для замыкания контура достаточно потянуть на себя синий рычаг на панели перед вами. Вы все поняли?

— Похоже, да.

Моисей завинтил последнюю крышку и забрался на заднее сиденье, бросив под ноги разводной ключ. Затем одобрительно постучал по стенкам:

— Надежная конструкция, — похвалил он детище Уоллиса.

— Думаю, нам пора, — сказал я. — Задерживаться здесь нечего.

— Но куда мы направляемся?

— Какая разница? Главное — подальше отсюда — остальное меня не интересует. Не имеет значения. Наверное, в прошлое — чтобы как-то повлиять на столь плачевное будущее.

Моисей, пора кончать с двадцатым веком. Нам предстоит новый скачок в темное прошлое. Приключения продолжаются!

Смущение на миг посетившее лицо Моисея, рассеялось, и его место заняла железная решимость: выпятив подбородок, он рявкнул:

— Тогда вперед! Точнее, назад!

Нево вздохнул, примиряясь с неизбежностью.

— Профессор! — позвал я. — Занимайте место.

— О, нет, — отвечал Гедель, скрещивая руки на груди. — Мое место здесь.

— Что вы, профессор! Стены Лондона вот-вот рухнут, германские пушки всего в нескольких милях!

— У меня здесь жена, — спокойно ответил профессор. На лицо его легла тень от свечи.

— Где она? Мы заберем ее с собой…

— Я потерял ее. Нам не удалось выбраться вместе. Она осталась в Вене. Боюсь, как бы они не выместили на ней мое отступничество.

В голосе профессора была неуверенность, и тут я понял, что этот человек, подкованный в логике, можно сказать, на все четыре ноги, в повседневной жизни мыслит совершенно алогично.

Но едва я раскрыл рот, чтобы сказать ему это, как над нами ухнул новый снаряд — на сей раз совсем рядом!

Мигнула свеча — и стена мастерской разлетелась осколками — все это произошло в одно

мгновение, время словно замерло.

И мы погрузились во тьму.

Машину тряхнуло, и я услышал крик Моисея:

— Ложись!

Мы едва успели пригнуться под градом камней, осыпавших нас со всех сторон, колотя по обшивке.

Я почувствовал сладковатый мускусный запах морлочьей шерсти. И мягкие длинные пальцы на плече.

— Рычаг! — простонал он. — Рычаг!

— Профессор! — прокричал я во тьму.

Но не было ответа. Мне показалось, что я слышу стон — или хруст камней, обсыпавших нас.

— Рычаг! Крыша обваливается, сейчас мы окажемся под обломками.

Моисей стал возиться, перебираясь назад, потом заколотил ботинками в заваленную камнями дверь.

— Если бы хоть одна свеча! — услышал я его пыхтение.

И тут все заглушил грохот падающего потолка. Я рванулся за Моисеем, пытаясь его остановить — и в этот момент мне в руку вонзились зубы морлока!

Сама смерть обрушилась на нас, замыкая в

свои удушливые объятия, опрокидывая в первородный мрак — и зубы морлока впившиеся в плоть, и его шерсть, щекотавшая кожу, и все это было невыносимо! Взревев, я сунул кулаком ему в лицо.

Но почувствовал, что, не попав, зацепил рукавом какой-то рычаг на панели. Рев падающей стены моментально стих, и мы погрузились в непривычную тишину серого тумана. Не чувствуя под собой ног — мы падали в серую дымку путешествия во времени.

16. Падение во время

Машину встряхнуло. Я схватился за кресло, но все равно оказался на полу, отбив голову и бока о деревянные пассажирские скамейки. Рука ныла после укуса.

Яркий белый свет залил кабину, словно пламя беззвучного взрыва. Я услышал вопль морлока. В глазах у меня помутилось, зарябило каплями крови… Но вскоре свечение угасло. Сначала мне показалось, что в мастерской бушует пожар, но свет был слишком мерным. Стало понятно, что мы уже не в лаборатории военного эпохи войны. И свет этот был дневным светом. Чуть сереющим от смены времени суток, ровно протекавших рядом. Я не знал, куда мы мчимся — в прошлое или будущее, но времямобиль уже явно вынес нас за пределы эпохи лондонского Купола.

Я попытался встать, и почувствовал кровь на ладонях — мою или морлока. Скользкая и липкая, она мешала подняться. И я снова упал, попутно задев головой скамью.

"Да и чего мучаться? "— пронеслось в голове. — "Моисея больше нет… он вместе с профессором Геделем погребен под тоннами камней в разру-

шенной лаборатории. Жив ли морлок, нет ли — меня вовсе не беспокоило. Неси меня, машина, в любые времена. Пока не разобьешься о стены Бесконечности и Вечности! Пусть — я даже рукой не двину. Мне все равно. «Игра не стоит свеч», — пробормотал я. — «Даже одной», — вспомнив про свечу, которой так не хватало Моисею.

Мне показалось, что мягкие гибкие руки вновь тянутся ко мне из темноты, и чья-то шерсть щекочет мою кожу своими прикосновениями — но из последних сил я отбросил эти руки и впал в глубокое, темное беспросветное забытье.

И проснулся от резких толчков. Снова пополз по ребристому полу, ударился о скамейку, ушиб череп. Резкая боль привела меня в чувство, и я с некоторой неохотой, принял сидячее положение.

Все тело ныло так, словно я отстоял несколько раундов на ринге. Правда, как ни странно, настроение улучшилось. Хотя меня до сих пор не оставлял ужас потери Моисея — словно бы я пережил собственную смерть. Но после короткого снизошедшего милостиво на меня обморока стало намного легче. Теперь от этой правды можно было отвернуться, как от слепящего солнечного света, и подумать о чем-нибудь другом.

Перламутрово-серое свечение взбаламученных дней и ночей наполняло кабину. Стало заметно прохладнее: по спине пробежали мурашки и изо рта вырывался парок. Нево сидел в кресле водителя, изучая панель с приборами и свисающую кучу проводов из рулевой колонки.

Я попытался встать — и машина заходила ходуном у меня под ногами. Похоже, там, в 1938-м, я получил контузию, которая не оставляла меня. Под головой у меня была какая-то мягкая тряпка — одежда морлока. Я скрутил его и положил на скамейку. Присев рядом, я уронил тяжелый ключ, которым Моисей завинчивал фляги. Металл был скользким от крови.

Тяжелые эполеты давили на плечи — я с ненавистью сорвал их и бросил.

Нево оглянулся на шум: его очки распались на две половинки, и один глаз у него заплыл.

— Приготовься, — прохрипел он.

— К чему?

И тут кабина окунулась во тьму.

Я невольно отшатнулся, чуть не свалившись на пол. Похолодел не только воздух, но и кровь в моих жилах. В висках снова застучало. Охватив себя руками, я пробормотал сдавленно:

— Что случилось? Почему нет света?

В ответе из темноты прошелестел голос морлока:

— Это продлится всего несколько секунд. Надо подождать…

И тут же тьма рассеялась, и серый свет снова просочился в кабину. Разглядев под собой пол, я опустился на колени перед Нево.

— Что происходит?

Ответ его был краток:

— Лед. Мы проходим сквозь Ледниковый период. Льдины и айсберги с севера постепенно сковывают моря и землю — затем приходит период потепления, и они вновь оттаивают. Временами мы исчезаем под пленкой льда толщиной в сотню футов.

За ветровым стеклом сквозь лед я разглядел русло Темзы, покрытой льдом, и тундровую растительность — мелкую колючую траву, розовеющий вереск и редкие деревья. На последних туманилась не то листва, не то хвоя — я не мог разглядеть из-за быстрой смены сезонов. И, тем не менее, это могли быть дуб, ива, тополь, вяз, боярышник. От Лондона, похоже, ничего не осталось: ни призрака высотных домов в сереющих небесах, ни следа присутствия человека, И вообще этот пейзаж казался незнакомым, иска-

женным ледниковой мерзлотой.

И вот я снова увидел его приближение. — Лед надвигался на нас. И снова нас укрыла тьма. Чертыхаясь, я засунул руки под мышки: пальцы на руках и ногах ломило от холода, лицо пощипывал мороз. Как только льды раздвинулись, перед нами открылся ландшафт с морозостойкими растениями. Я по-прежнему силился понять, где мы — перемахнули в прошлое через всю историю человечества или находимся в отдаленном, но альтернативном будущем, когда на земле уже нет человека. На моих глазах по суше мигрировали глыбы льда высотой с человека, причем с такой скоростью, словно катились на колесах. Это был явный эффект земной эрозии.

— Как долго я был без сознания? — попытался я выяснить у Нево.

— Недолго. Примерно полчаса.

— Так нас уносит в будущее?

— Мы проникаем в прошлое, — сказал морлок, оборачиваясь ко мне и дергая заплывшим глазом. — Я в этом совершенно уверен, потому что временами видел Лондон, который возвращался к своему первоначальному историческому облику.

— То есть — ни к чему? К развалинам?

— А затем к природе, распадаясь на хижины и деревья. Между оледенениями я успел заметить, что мы проходим несколько десятков тысяч лет каждую минуту.

— Надо подумать, как мы будем тормозить. Можно найти подходящий век…

— Не думаю, что мы сможем управлять этим полетом во времени.

— Что?

Морлок развел руками — и я заметил, что шерсть на его руках мгновенно покрылась инеем — и мы снова опустились в темную ледяную гробницу, и голос его зазвучал как под сводами склепа:

— Это примитивная модель машины времени. У нее есть пусковой рычаг — и только. Механизм не отлажен, многие индикаторы и рычаги разъединены, так что вообще непонятно, что здесь работает… Даже если нам удастся что-то исправить, я не представляю, как выбраться из машины, чтобы заглянуть под капот.

Мы снова вынырнули из-подо льда в тундровый пейзаж. Нево завороженно уставился в ветровое стекло:

— Ничего себе: скандинавские фьорды еще не прорезались, а озера Европы и Северной Аме-

рики, образованные тающими ледниками, еще только фантазмы будущего.

Мы уже прошли зарю истории человечества. В Африке сейчас можно застать австралопитеков: неуклюжих и кровожадных, но зато двуногих, с обезьяньими чертами лица, маленькой черепной коробкой и выдающимися челюстями…

Громадное холодное одиночество овладевало мной. Я уже смирился с тем, что заблудился во времени, но теперь предо мной маячила еще более удручающая перспектива: остаться в ледяной клетке наедине с морлоком, быть может, навсегда! Ведь может быть, мы остались единственными представителями разума на этой оледеневшей планете.

— Получается, нам не разобраться с управлением, пока мы не достигнем Начала Времен…

— Сомневаюсь, что мы до этого доберемся, — отвечал Нево. — может просто закончиться действие платтнерита. Остается только надеяться, что это случится до того, как мы пройдем ордовик и кембрий [17], и до того как войдем в эпоху до появления на земле кислорода.

— Прекрасная перспектива, — поморщился

---

[17] Примечания: 17
Периоды палеозойской эры.

я. — И это, полагаю, еще не самое худшее.

— Что же может быть хуже?

Я выпростал онемевшие негнущиеся ноги из-под себя и сел на ребристо-холодный металлический пол.

— У нас совершенно нет провизии. Ни воды, ни пищи. Даже теплой одежды! Как мы выживем в этом холодильнике? И сколько? Несколько дней или меньше?

— Палеозойская эра, если мне не изменяет память, продолжается 340 миллионов лет. При такой скорости у нас есть запас времени.

Нево не отвечал.

Я был не из тех людей, кто безропотно покоряется судьбе, и поэтому проявил рвение в изучении принялся ретиво изучать панель управления. Сказать, что я чего-то этим достиг — нельзя, но немного успокоился. Правда, непонятно, отчего. Вскоре я понял, что Нево был прав: мне так и не удалось отыскать способа управлять этим «мобилем», так что моя энергия вскоре иссякла, и я погрузился в мрачную апатию.

Мы прошли еще один жестокий период оледенения, из которого, мне показалось, уже не выбраться живым, и затем наступила долгая бледная зима. Земля все еще была покрыта снегом

и льдами, но период постоянного обледенения, похоже, остался в будущем. Я отмечал небольшие перемены в ландшафте, проявлявшиеся тысячелетие за тысячелетием. Похоже, прибавилось зелени на склонах. Неподалеку от машины времени обнаружился гигантский череп, похожий на слоновий, треснувший и обветренный. Впрочем, существовал он в поле зрения всего несколько секунд — достаточно, чтобы разглядеть его — и затем исчез так же быстро, как и появился.

— Нево, насчет твоего лица… Ты должен понять…

Слова извинения давались мне с трудом.

Он посмотрел на меня уцелевшим глазом. Я обратил внимание, что за время, проведенное с нами, он окончательно усвоил человеческую жестикуляцию. Вот так — с волками жить…

— Что я должен понять? — несколько агрессивно, как мне показалось, спросил он.

— Я не хотел причинить тебе вреда.

— Вы его и не причинили, — хирургически холодным тоном заметил он. — Вы его причините потом, в будущем. А сейчас мы летим в прошлое. Так что сейчас извинения не только излишни — они абсурдны. Нельзя извиняться за будущее, оно еще не наступило. Да и вообще, вы такой,

какой вы есть, мы представитель и разных видов, таких же далеких друг от друга, как люди от австралопитеков.

Я ощутил себя неуклюжим животным, слоном, отдавившим лапу больной болонке, с громадными кулаками, запятнанными невинной кровью морлока.

— Мне стыдно, — признался я.

Он отмахнулся:

— Стыд — это также концепция, не имеющая смысла. Тем более, в этом времени.

Однако я понял, что стыд могу ощущать в той же мере, как дикое животное из джунглей. Какая мораль может быть в отражении атаки? Рассудок не помощник в таких случаях, когда приходит время действий, а не слов.

И снова я стал в сравнении с ним не многим лучше дикарей их африканских долин, далеких предшественников людей.

Я снова взобрался на деревянную скамью и улегся на ней, положив руку под голову, видя, как мелькают века и века сквозь щель так и не закрытой двери.

17. Наблюдатель

Тянулась холодная зима, и небо стало словно замороженным. На секунду Солнце оказалось за черной тучей. В этом умеренном климате успело появиться несколько новых видов листопадных деревьев, насколько я могу судить: клен, дуб, тополь, кедр и прочих. Временами эти древние леса вырастали над машиной, погружая нас в тень, а затем снова исчезали — точно зеленые занавески раздвигались по сторонам.

Мы вступили во время мощного вращения Земли, сказал Нево. Альпы и Гималаи вылезали на поверхность, вулканы выбрасывали пепел и пыль в воздух, временами затемняя небо на многие годы — чему мы и были свидетелями. В океанах, рассказывал морлок, плавали гигантские акулы, с зубами как кинжалы. А в Африке далекие предки человека понемногу сползали в звериный облик, сокращая размеры мозга, приобретая сутулую обезьянью походку и косные пальцы.

Часов двадцать мы проходили эту долгую дикую эпоху.

Я старался не обращать внимания на голод и

жажду, пока века и леса мелькали за стеклами кабины. Это было самое продолжительное путешествие во времени со времени моего полета в историю Уины — и к тому же самое монотонное, и оттого изнуряющее. Картины прошлого были на диво однообразны. Час за часом тянулись — и не происходило почти никаких перемен. Человеческая история, короткая как вспышка щепки в костре, осталась далеко позади (точнее, впереди) и даже дистанция между морлоком и человеком становилась незначимой в сравнении с такими промежутками времени. Можно сказать, что мы, два биологических вида, сблизились поневоле, пройдя такие расстояния.

Эта громадность времени и крохотность человека и его достижений сокрушили меня окончательно. Все мои заботы и проблемы теперь казались жалкими и ничтожными. История человечества стала пустячным отсверком фонаря в темных безрассудных коридорах Вечности.

Земная кора содрогалась как грудь чахоточного, и Машину Времени подбрасывало на волнах ландшафта. Появлялась все более сочная и раскидистая растительность, и новые леса уже наступали на времямобиль и теснили его. Думаю, это были лиственники, хотя вся растительность,

вместе с ветками, цветами и соцветиями сливалась в сплошной зеленый ковер, туманом встающий по сторонам.

Воздух становился все теплее. Мои пальцы, накопившие столько эонов холода, понемногу отпустило, и я снял сюртук и расстегнул пуговицы на рубашке. Затем сбросил ботинки и принялся растирать заиндевевшие пальцы ног. Секретный значок-пропуск Барнеса Уоллиса выпал из нагрудного кармана. Я поднял его — этот наивный символ человеческого самомнения и забросил в самый темный угол автомобиля.

Долгие часы, повиснув в зеленом штормовом море, мы впадали в штиль — а я в спячку. Когда я проснулся, зеленая растительность заметно изменилась — стала какой-то как будто светящейся изнутри, напоминая платтнерит, — там сверкали звезды. Казалось, передо мной не листва, а переливающиеся изумруды.

И тогда я увидел *его* : в сыром тумане кабины, полном тропических испарений, незыблемо висевшего, несмотря на толчки землетрясения, с громадными глазами, мясистой «ижицей» рта и двигающимися усиками не то щупальцами вокруг головы, которые тянулись к полу, не доставая его. Это был не фантазм, не чудовищное

видение — облик не просвечивал, заслоняя собой лес — он был так же реален, как Нево или мои башмаки на скамейке.

Наблюдатель пристально изучал меня холодным взглядом исследователя.

Я не ощущал страха. В моем положении бояться было уже нечего. И я протянул к нему руку, но он тут же подался назад. Серые глаза были по-прежнему прикованы к моему лицу.

— Кто ты? — спросил я. — Ты пришел, чтобы помочь нам?

Может быть, он был глухой или вовсе не имел органов слуха — но никакого ответа я не получил. Однако освещение уже изменилось: мне показалось, будто наш аппарат вращается вокруг оси, как раскрученный волчок. — и тут же все исчезло.

Откуда-то приблизился Нево, цепляясь длинными пальцами ног за ребристую поверхность пола. Он снял с себя обноски девятнадцатого века и был в одних очках, со всклокоченной седеющей гривой за спиной.

— Что с тобой? Ты болен? Как ты себя чувствуешь?

Я поведал ему о Наблюдателе — оказывается, он ничего не заметил. И я снова улегся на ска-

мью, не уяснив, что это было — реальность или причудливое видение.

Жара усиливалась и стала невыносимой и воздух в кабине давил.

Я вспомнил о Геделе и Моисее.

Гедель, этот человек без предубеждений, сделал вывод о существовании альтернативных историй, исходя из чисто онтологических посылов — в то время как такому невежде как я понадобилось сделать несколько перелетов во времени, чтобы на собственной шкуре убедиться в этом! Но теперь этот светоч ума, наяву грезивший о Последнем из Миров, в котором будут разрешены все Значения, Смыслы и Разгадки, лежал под грудой обломков, погубленный человеческой ограниченностью, недальновидностью своих современников.

То же самое Моисей — я переживал о нем, как о сыне или младшем брате. Он так и останется навсегда двадцатишестилетним, в то время как я дожил до сорока пяти! Прошлое отрезано от меня, в будущее я тоже не вернулся, и настоящее далеко от меня как никогда. А может, это оно и есть настоящее — мой бесконечный полет с морлоком в кабине. И прошлое погибло для меня вместе с Моисеем. В то же время я чувствовал,

что он совершенно самостоятельный человек, со своими ошибками, заблуждениями, вспышками эмоций и загадками натуры — но в то же время совершенно отдельная личность.

И я был виновен в его гибели!

И весь этот скользкий двусмысленный разговор Нево о Множественности Миров свидетельствовали, что Моисей вовсе не я — и даже не мой двойник — он лишь нечто вроде варианта меня — другого меня, тут пожалуй, лучше всего подходит «альтер эго». Но как ни рассуждай, все это нимало не облегчало чувство потери.

Мысли мои мало-помалу расплывались, принимая неопределенные очертания. Я силился не закрывать глаз, боясь уже не проснуться (и проспать, быть может, Вечность), но вскоре, не в силах противостоять охватившей меня душевной и физической усталости, смежил веки.

Меня разбудило имя. Мое имя. Морлок позвал меня из небытия своим жидкотекучим голосом, булькающим и гортанным. Воздух был все таким же спертым, и самочувствие мое ничуть не улучшилось.

На меня уставились громадные, как у сони, глаза морлока.

— Посмотри, — требовал он.

Растительность обступила нас, и все же в ней что-то изменилось. Приглядевшись я понял, что это. Листья вспархивали из праха на ветки, мгновенно скручивались в почки и исчезали.

— Мы останавливаемся. Скорость упала, — вырвалось у меня.

В голове у меня закружились слова благодарственной молитвы — за то что мне не суждено погибнуть в этой спертой каморке посреди бездыханной каменистой пустоши на заре земного существования!

— Ты знаешь, где мы?

— Где-то в палеоцене. Мы шли двадцать часов. Итого в общей сумме где-то пятьдесят миллионов лет отделяет нас от настоящего.

— От какого настоящего — моего, 1891-го или твоего?

Он смахнул с лица прилипшую чешуйку крови.

— На таком расстоянии — это уже не имеет значения.

Листва тем временем замедляла свой бег все ощутимее. Листва уже оставалась на ветках, и ее можно было разглядеть, как и цветы.

— Я начинаю различать день и ночь! — воскликнул я, не веря глазам.

— Да. Мы почти остановились, — морлок сел на скамью напротив, вцепившись в края длинными пальцами. Возможно, он боялся — ничего удивительного! Мне показалось, что под скамейкой что-то шевельнулось.

— Что нам теперь делать?

Он потряс головой:

— Нам остается только ждать, как развернутся события. Едва ли мы сможем управлять ситуацией.

Дни и ночи мелькали все медленнее. Как витки на останавливающейся карусели, пока не стали совпадать с ударами пульса. Заскрипел пол, и вдруг я увидел под ногами расползающийся по швам металл…

И тут до меня дошло!

С криком:

— Смотри! — я подхватил Нево на руки, точно ребенка. Он не сопротивлялся. Я попятился и вот…

В кабину, грозно шевеля сучьями и шумя листвой, ворвалось дерево, разрывая металл точно бумагу. Могучая ветвь пробила панель управления одним ударом деревянного кулака.

Мы оказались в самом эпицентре, если можно так выразиться, дендрариуме отдаленной эпохи

до существования человека.

Пол под ногами покачнулся, и кабина, разламываясь надвое, выбросила нас на скользкий сырой песок.

Книга четвертая. МОРЕ ПАЛЕОЦЕНА

1. Диатрима гигантика

Я лежал на спине и смотрел вверх, на дерево, разорвавшее наш времямобиль пополам. Рядом слышался стон Нево.

Теперь уже окончательно замерев, закостенев во времени, оно соединилось слилось кроной с другими лесными гигантами. Сверху сыпались какие-то шишки и обломки ветвей вперемешку с деталями машины времени. Жара была нестерпимая, влажным горячим воздухом было трудно дышать, мир вокруг меня был полон кашля, трелей и вздохов джунглей. Все это было смешано с рокотом и журчанием, наводившим на мысль о близости реки или водопада. А, быть может, и моря — прародича Темзы.

Тропики Англии! Лондонские джунгли!

В этот момент на ствол передо мной вскарабкалось нечто похожее на белку, с длинным пушистым хвостом, шести дюймов в длину. Шкурка у него была какая-то морщинистая, складчатая и свободно болталась, отчего зверек напоминал орех, спрятанный в непомерно большом мешке. Шкура была настолько свободной, что болталась как складчатый плащ. В зубах оно

что-то держало. Заприметив нас с высоты десяти футов, зверек вскинул тревожно голову, выронил орех и зашипел не то злобно, не то с досадой. При этом передние резцы его ощетинились. Затем он спрыгнул со ствола, расправив конечности по сторонам и растянув шкуру так, что превратился в воздушного змея, покрытого шерстью. Спланировав куда-то в сторону, он пропал с глаз долой.

— Ну вот, первое знакомство, — прокомментировал я. — Летающий лемур. Вид, неизвестный науке. У кого встречаются такие зубы?

Нево отозвался откуда-то со стороны:

— Это был планетатериум. А дерево называется диптерокарпус. И немногим отличается от деревьев, которые произрастают в лесах вашего времени.

Тут я почувствовал под собой что-то влажное и липкое.

— Вы ранены, Нево? — Я развернулся, чтобы посмотреть, что там происходит.

Морлок лежал на боку, вывернув голову так, что взгляд его был устремлен в небо.

— Я не ранен. Со мной все в порядке, — прошептал он. — Думаю, самое время приступить к поискам…

Но я его не дослушал — потому что в этот самый

момент из-за его спины из листвы высунулась востроносая голова размером с лошадиную и клюющим движением устремилась к тщедушному тельцу морлока!

На миг я был парализован этим неожиданным зрелищем. Клюв распахнулся с жутким бульканьем, хлопками на меня уставились глаза, в которых проблескивал разум.

Голова нырнула, и клюв ударил точно в ногу морлока. Нево издал вопль, царапая длинными пальцами землю.

Я пополз назад, раскидывая ворох листьев, пока не уперся в ствол дерева за моей спиной.

Ветви с хрустом раздвинулись, и показалось тело. Круп. Корпус. Затрудняюсь назвать. Туша. Семь футов в высоту, покрытая черным чешуйчатым оперением. Толстые слоновьи ноги — желтые и морщинистые — заканчивались кривыми когтями. По бокам грандиозного торса болтались несоразмерно маленькие крылья, трепыхавшиеся в воздухе. Эта полуптица-полумонстр дернула по-куриному головой — и бедный морлок пополз по рыхлой земле, оставляя след.

— Нево!

— Это диатрима, — простонал он. — диатрима гигантика. Я… ох!

— Бросьте классифицировать! — закричал я. — Уползайте оттуда!

— Боюсь, уже некуда — ой!

Чудовище замотало головой, раскачивая тело. Похоже, оно вознамерилось разбить морлоку череп об одно из деревьев, чтобы потом спокойно приступить к трапезе.

Мне сейчас катастрофически не хватало оружия. Вскочив, я стал рыться в обломках машины времени. Провода, стальные детали корпуса и полированная древесина производили странное впечатление в этом диком доисторическом лесу. И как на беду, не попадалось разводного ключа! Я зарылся по локти в прелую листву, отыскивая его. Долгие секунды поиска, растянувшиеся в агонию. А тем временем диатрима гигантика, очевидно, передумав завтракать на месте, принялось отволакивать добычу в лес, чтобы там пообедать на природе и без помех.

И тут я нашел ключ! Правая рука поднялась из компостной кучи, уверенно сжимая стальную рукоять.

Взревев, я замахнулся пошире и рванул навстречу противнику. Клювастая диатрима следила за моим приближением своими глазенками, перестав мотать головой, но выпустить

ногу морлока и не подумала. Наверняка она впервые встречалась в природе с человеком, так что вряд ли понимала, какую угрозу я для нее представляю. Я отважно зажмурился, раскручивая разводной ключ над головой, стараясь не обращать внимания на жуткую морщинистую кожу, когти и громадный клюв, а также смрадный запах падали, исходивший от этой хозяйки лондонских джунглей.

Итак, размахнувшись как для удара в крикете, я с глухим звуком «тумп!» попал диатриме в голову. Удар приглушили чешуя и кожные складки, но, тем не менее, он достиг кости.

Птица распахнула клюв, выронив морлока, и заверещала. Последовал звук, напоминающий скрежет металла: как если бы по жестяной крыше водили граблями. Теперь клюв нацелился на меня, а инстинкт немедля подсказал, что самое лучшее — вовремя унести ноги. Но я понимал, что тогда мы обречены. И я вновь поднял ключ над головой и запустил его в голову диатримы. Как только инструмент отскочил, я немедленно поднял его и повторил бросок.

Опять затрещали ветви, и диатрима попятилась назад. Напоследок она оценивающе сверкнула на меня глазами и с пронзительным

криком скрылась в чаще, гулко топая своими слоновьими копытами.

Я заткнул разводной ключ за пояс и присел перед морлоком. Он был без сознания. Поврежденная нога в крови, волосы на спине слиплись от слюны чудовища.

— Ну, что ж, мой попутчик во времени, — прошептал я, — как видишь, иногда и древний дикарский инструмент способен продлить жизнь такому совершенному существу из будущего!

Я подобрал остатки его очков, вытер их листьями и поместил ему на лицо.

Вглядываясь в лесной сумрак, я гадал, что же нас ждет дальше. Казалось бы, пора привыкнуть к любым неожиданностям: я путешествовал и во времени, и в космосе… Но еще никогда мне не доводилось бывать в тропиках. У меня были только самые смутные воспоминания о рассказах путешественников и прочие байки относительно того, как выжить в этих краях.

Но вскоре, подумав, я пришел к выводу, — надо подходить к этому проще. Долой моральные сомнения, в сторону философские досужие суждения о множественности историй и прочем! Сейчас мне нужны были пища и убежище от тропических ливней, способное защитить также

от птиц и зверей этой далекой эпохи.

Но перво-наперво требовалось найти источник. Вблизи его и следует строить хижину.

Разместив морлока среди обломков и прикрыв его бренными останками времямобиля, поближе к стволу исполинского дерева, я снял сюртук и подложил его под Нево, дабы защитить от сырости почвы и всего, что может по ней ползать и кусаться. Затем после некоторых колебаний я вытащил из-за пояса ключ и положил его рядом с морлоком, так, чтобы его пальцы касались рукояти.

Затем я порылся в обломках и нашел добротный обрезок металлического прута и долго гнул его, пока не оторвал от рамы. Взвесив в руке, я обнаружил, что не хватает увесистости, но смирился.

После чего направился на шум вдалеке: так, где рычала, плевала, бурлила и пенилась вода, оставляя Солнце за спиной. Свою новую дубинку я забросил на плечо и стал пробираться лесом.

2. Море палеоцена

На самом деле пробираться сквозь джунгли оказалось совсем нетрудно — между стволами оставалось порядочно земли — просто густые кроны делали это место с виду столь сумрачным и непроходимым, заслоняя Солнце.

Эти кроны жил своей жизнью. Оттуда доносился шум, жужжание, стрекот и прочие странные звуки. Эпифиты — орхидеи и ползучие побеги лиан свисали с ветвей, вились по коре. Тут было множество птиц и целые колонии существ, живущих в ветвях: обезьяны, или какие-то другие приматы (как мне показалось на первый взгляд). Существо, напоминавшее лесную куницу, дюймов восьми длиной, с юркими лапками и пышным хвостом, скакала в вышине, издавая похожие на кашель крики. Вот по стволу карабкался некто покрупнее — в целый ярд, орудуя длинными когтями и цепким хвостом. Этого субъекта ничуть не вспугнуло мое приближение — он повис на ветке снизу и хладнокровно изучал меня.

Я двигался дальше. Местная фауна была равнодушна к человеку, ничуть не пугаясь его, как

животные моего века, многие века, травимые по лесам и болотам. Но благодаря присутствию таких «диатрим» все были чутко настороже, ведь наверняка существовали и другие хищники.

Все здесь маскировалось, покрываясь предусмотренным природой камуфляжем. Вот, например палый лист, прилипший к стволу дерева — так мне казалось на расстоянии — при моем приближении стартовал на проворных ножках, став каким-то насекомым вроде кузнечика. Вот на каменистом развале я заметил капли росы, блестевшие, словно драгоценные камни в свете, проникавшем сквозь кроны. Но стоило мне нагнуться ниже, чтобы осмотреть их как следует, как это оказались жуки с прозрачными панцирями, каких не сохранилось на Земле моего времени. Черно-белое пятно гуано, смазанного по стволу, стало пауком.

Примерно через милю пути по длинной вытянутой полосе пляжа, я увидел семейку клювастых диатрим. Две взрослых особи прихорашивались, обвивая друг друга длинными шеями, в то время как три оперившихся птенца шатались вокруг на неокрепших ногах, клекоча и хлопая крыльями. Временами они садились в воду и встряхивались, пропитывая оперение водной пылью. Вся эта

семейка неуклюжих куцекрылых полустраусов-полудинозавров смотрелась в высшей степени комично, однако я был настороже не оставляя им ни шанса — даже эти «малыши» в четыре фута ростом были с виду мускулистыми.

Я приблизился к самому краю, смочил пальцы и лизнул. Вода была соленой.

Мне показалось, что Солнце опускается ниже, за лес. Поэтому я прошел, возможно, где-то полмили к востоку в сторону, где оставил обломки машины времени — и по моим расчетам находился как раз на перекрестке Найтсбридж и Слоан-стрит. И вот, оказывается, в век палеоцена здесь был берег моря! Я посмотрел на этот океан, покрывавший весь Лондон до восточного угла Гайд-парка. Возможно, это было продолжение Северного моря или Английского канала, который теперь вливался в Лондон. В таком случае нам просто повезло: стоило лишь чуть подняться уровню моря, и мы с Нево оказались бы ввержены в пучину океана.

Сняв ботинки с носками, я привязал их шнурками к поясному ремню и зашел в воду. Она приятно щекотала лодыжки и была холодной. Я уже собирался ополоснуться, но вовремя вспомнил, что соль попадет на раны. Обнаружив яму,

продавленную в песке, образовавшую нечто вроде неглубокой лужи, я запустил руки в муть и немедленно тут же обнаружил целую коллекцию разнообразных животных: двустворчатые моллюски, зарывающиеся в песок, брюхоногие и что-то напоминающее устриц.

Здесь, у черты океана, когда море ластилось у моих ног, а Солнце ласкало затылок, у меня родилось отрешенное чувство мира и спокойствия, как будто я достиг давно искомого дома. Великое чувство снизошло на меня, окатило с головы до ног. В детстве родители брали меня с собой к морю, точно какому же, как сейчас, и так же представлял, что я совершенно один во всем мире — на бескрайних берегах, пустошах пляжей, уходящих в бесконечную перспективу границ моря и суши. Но теперь моя детская мечта исполнилась — самым причудливым и непостижимым образом. В океане не было видно ни единого корабля — нигде, во всем мире. Не было ни городов, ни людей, там, за моей спиной, где простирались джунгли, — и единственными представителями разума на этой планете были я да несчастный раненый морлок. И надо сказать, это была не самая худшая перспектива, после тьмы и хаоса 1938-го, из которого я недавно сбежал.

Я выпрямился. Море очаровательное, но мы же не станем пить соленую воду. Я четко отметил место, откуда вышел из джунглей — очень не хотелось потерять своего единственного спутника среди лесного мрака, и я пошлепал по краю воды, старательно обходя семейство диатрим.

Пройдя так с милю, я вышел на ручей, выбивавшийся из леса и рассекавший морской пляж. Вода на вкус оказалась свежей и пресной. Я почувствовал прилив сил: сегодня нам не грозила гибель от жажды! Опустившись на колени перед ручьем, я сунул в него лицо и омыл шею. Вода была игристая как шампанское, она пузырилась на губах как курортная минералка и пьянила свежестью шампанского. Сняв сюртук с рубашкой, я ополоснулся по пояс. Спекшаяся кровь, потемневшая на воздухе, отправилась к морским просторам. Я почувствовал прилив бодрости и сил.

Теперь оставалось решить, как напоить Нево. Нужна была кружка, канистра, любая емкость для воды. Несколько минут я просидел у ручья, вглядываясь в бурные воды. В замешательстве. Казалось, последнее путешествие во времени окончательно прочистило мне мозги, и я уже был неспособен ничего придумать.

Наконец, я отвязал с пояса ботинки, которые

приторочил туда шнурками (помните?) снял привязанные на поясе ботинки, ополоснул их в ручье, с грехом пополам, и наполнил свежей водой. Взяв их как два драгоценных сосуда бережно в руки, я понес их в сторону леса, умирающему от жажды морлоку.

Там я отыскал его тело и плеснул в лицо. Но когда я подносил ботинок к его рту, то мысленно дал себе клятву, что в следующий раз непременно найду что-нибудь более подходящее в качестве кружки.

Правая нога морлока сильно пострадала после атаки диатримы: перебито колено и нога повернута под неправильным углом. Взяв какой-то стальной обломок времямобиля, который можно было использовать вместо ножа, я попробовал, заточив его о камень, побрить поврежденные места. Убедившись, что открытого перелома нет, я облегченно вздохнул: заражение ему не грозило.

В время моих неуклюжих манипуляций морлок стонал, а под конец и вовсе взвыл по-кошачьи, не приходя в себя.

Прочистив раны, я внимательно ощупал ногу на предмет перелома. Главное повреждение как я заметил выше, было в колене и лодыжке. Я нашел две прочных на вид и на ощупь пластины

и зафиксировал ими ногу, обмотав обрывками одежды. Все равно в этом климате она не пригодится.

И тогда, собравшись с мужеством, я перевязывал ему ногу, морлок завопил, и эхом отозвались деревья. Звук был жуткий — как будто ухал филин или кого-то разрывали на части.

Обессилев, я поужинал устрицами — сырыми — поскольку не было сил, чтобы развести костер — и прилег рядом с мороком, спиной упираясь в ствол дерева, для надежности сжимая разводной ключ Моисея в руке.

3. Как мы жили

Я разбил лагерь на берегу палеоценового моря, по соседству с ручьем. Пустынный пляж хорошо просматривался и был безопаснее, чем лесная чащоба. Я устроил солнечный зонтик Нево из раскидистых ветвей и расставленных обломков катастрофы.

Перенести его туда не составляло труда: он был легким как ребенок. Нево лишь беспомощно посмотрел на меня, как будто не приходя в сознание, сквозь разбитые очки — трудно было поверить, что это представитель расы, овладевшей внутренним космосом.

Потом я занялся костром. Вся доступная древесина — ветки, сучья и тому подобное, были сырыми насквозь и даже заплесневелыми. Я разложил их на песке просушиться. Приготовив затем ворох листьев на растопку, также хорошо прожарившихся на Солнце, мне не составило особого труда выбить искру куском кремня и металла машины времени. Сначала я проводил этот древний ритуала ежедневно, пока не обнаружил, что угли можно хранить весь день и запаливать костер, когда заблагорассудится — именно так и

поступали и поступают первобытные народы.

Нево выздоравливал медленно и как будто неохотно. Ему, представителю рода существ никогда не спящих, должно быть, особенно трудно было переживать это растянувшееся полубеспамятство. Он сидел вялый весь день под зонтиком, не в силах не только пошевелиться. Но и даже разговаривать. Однако он питался устрицами и моллюсками, хотя и через силу. Временами я разнообразил нашу диету черепашьим мясом — благо на берегу были целые колонии морских черепах, можно сказать, подножный корм. Вскоре я научился добывать плоды с деревьев при помощи своеобразного бумеранга — бросая в крону заостренный кусок металла, который использовал в качестве ножа и огнива. Иногда для этого сходил и камень. Так наш стол разнообразился фруктами и орехами. Последние были особенно полезны — их сок освежал, а скорлупа годилась в качестве посуды. Даже волокна ореха не пропадали — из них можно было плести довольно прочные веревки.

И все же, несмотря на щедрость моря, и пальм, наш рацион был однообразен. Я с вожделением поглядывал на лоснящихся упитанных зверьков, которые лазили по пальмам, добывая пищу, мож-

но сказать, наравне со мной.

Я стал осваивать прибрежную полосу. Его населяло великое множество океанических существ, рождавшихся на этих бескрайних просторах, и здесь же проводивших всю свою обычно недолгую — жизнь. Временами на поверхность моря всплывали тени громадных скатов с длинными хвостами, и раза два мне случилось увидеть над водой плавники — они рассекали волны там, где глубина уходила по шею. Судя по всему, это были громадные акулы.

В полумиле от берега появлялись какие-то волнообразные формы и открывались пасти с мелкими острыми зубами. Эти существа, футов пяти в длину, плавали, змеисто изгибая тело. Я рассказал об этом Нево, который стал чем-то вроде словаря, все время неподвижно стоящего на полке — и тот определил данную тварь как кампсозавра: древнего обитателя вод, вроде крокодила, пережившего век динозавров, давно уже сменившийся эпохой палеоцена.

Нево поведал мне, что в это время океанические млекопитающие моего века — киты, дельфины и тому подобное были в середине своей эволюционной адаптации к морю и существовали как большие медлительные наземные существа. Я

стал внимательнее посматривать по сторонам, надеясь заприметить ползучего кита, который показался бы мне легкой добычей — но так и не преуспел в этом.

После снятия шины оказалось, что нога понемногу приходит в порядок. Нево ощупал кости и заявил, что шина была наложена неправильно. Однако через некоторое время он смог ходить, опираясь на сук, издалека походя на карлика-колдуна с клюкой, шатающегося по берегу моря.

Заплывший глаз его однако так и не прозрел — к моему великому стыду.

Морлоку было плохо на Солнце, бедный Нево страдал от прикосновения лучей. Поэтому он обычно весь день он обычно спал внутри сконструированного мной убежища, а гулять выходил только с наступлением темноты. Таким образом, мы сторожили наш лагерь по одиночке. Мы встречались только на заре и перед закатом.

Постоянно на свежем воздухе, занятый физическими упражнениями, я заметно поздоровел, и даже стал лазить на пальмы за плодами и широкими листьями, которые годились на крышу для нашей хижины. Но вскоре, как человек уже не первой молодости, я почувствовал предел своих возможностей.

Из тех же листьев пальмы я соорудил широкополую пляжную шляпу для Нево. Когда он сидел под своим зонтиком в ней, вид у него был преуморительный.

Кожа у меня несколько раз слезала. Однако я отрастил густую бороду, отчасти защищавшую лицо и грудь от солнечных лучей. И видимо, этим стал отчасти ближе морлоку. Но плешь не спрячешь, как гласит народная мудрость — и с тех пор я также не расставался со шляпой.

Прошел месяц, когда я впервые решил побриться, используя стальной обломок машины времени в качестве зеркала и лезвия одновременно. Внезапно я понял, насколько я изменился. Сверкающие зубы, загорелое лицо, блестящие глаза, плоский живот, каким он был, наверное, только в молодости, когда я учился в колледже. Разница лишь была в том, что тогда я ходил в костюме, а теперь щеголял в шляпе из пальмовых листьев, шортах и босиком — как будто делал это всю жизнь.

Я обернулся к Нево:

— Взгляни на меня! Мои друзья меня сейчас бы не узнали — я становлюсь аборигеном.

Его лицо осталось бесстрастным:

— Ты и так абориген. [18] Это же Англия, не забыл?

Нево настоял, чтобы мы перетащили и остальные обломки машины из лесу. В этом была своя логика — поскольку близились дни, когда нам понадобится любой материал, в особенности металлы. Вырыв воронку в песке, мы устроили в ней нечто вроде гаража. Нево стал возиться там все свободное время. А, поскольку он нигде сейчас не работал, свободного времени у него было хоть отбавляй. Первое время я не особенно интересовался, что он там делает, решив, что он собирается соорудить еще какую-нибудь пристройку к дому, или мастерит самострел.

Но как-то утром, после того, как он заснул, я посмотрел, чем он там занимается. Передо мной стоял почти целиком собранный каркас времямобиля: разорванное деревом днище и дверцы, привязанные проводами из-под рулевой колонки. Он даже отыскал синий рычаг, замыкавший платтнеритовый контур.

На закате я спросил у него: подступил к нему с вопросом:

---

[18] Примечания: 18

Абориген в переводе с латинского ab origine — «от начала» — коренные обитатели какой-либо территории, страны.

— Ты что, хочешь собрать машину времени?

Маленькие зубы впились в мякоть кокоса.

— Нет. Я собираюсь ее починить.

— Это и так понятно. Ты собрал раму с платтнеритовым контуром — а это самое главное в машине.

— Вот именно — все и так понятно.

— Но это же бесполезно! — я посмотрел на свои мозолистые руки в ссадинах. Пока я тут борюсь за жизнь с дикой природой, он занимается ерундой.

— У нас же нет больше ни грамма платтнерита. Все рассыпалось по джунглям, если не выдохлось за столь долгий путь. И мы его никак не синтезируем.

— Построив машину, — отвечал он, — мы можем и не выбраться из этого века. Но, не построив ее — мы точно не выберемся.

Убийственная логика морлока сразила меня наповал.

— Слушай, Нево, пора посмотреть правде в глаза. Мы заблудились во времени, потом нас выбросило на далекий островок прошлого, каким была когда-то Англия. И нам никогда не раздобыть платтнерита, потому что это сугубо искусственная субстанция. И никто не принесет

нам его сюда, потому что никто не догадывается о том, что мы здесь сейчас находимся. За десятки миллионов лет от нашей эры!

Вместо ответа он продолжал вылизывать мякоть кокоса жестким как у кошки языком.

С возгласом, выражавшим одновременно рассерженность и расстройство, я удалился в хижину.

— Лучше бы ты приложил свои таланты к тому, чтобы изобрести какое-нибудь оружие, и я бы смог сбить с деревьев несколько жирных обезьян.

— Это не обезьяны, — отрезал он. — Это миакисы и хриакусы.

— Да кто бы они ни были!

Если бы у хижины была дверь, она бы непременно захлопнулась за мной с самым громким стуком, какой только можно себе представить. Но так получилось, что я ушел в безмолвном раздражении.

Все мои веские доводы, естественно, не возымели эффекта, и Нево продолжал кропотливо собирать машину по винтику. Через некоторое время и я привык к ней, как к присутствию третьего неразлучного компаньона нашей робинзонады: сверкающей многочисленными

деталями — и совершенно бесполезной, здесь, на палеоценовом пляже.

Нам всем была необходима надежда — и эта машина, словно бескрылая диатрима, оставалась последней надеждой Нево.

4. Болезнь и выздоровление

Я заболел.

Пожалуй, оригинальнее не скажешь. Но вы попробуйте, заболейте сами и увидите, как истощается фантазия.

Я не в силах был даже встать с жесткого тростниково-пальмового ложа, устланного сухими листьями, которое я себе устроил. Нево делал попытки ухаживать за мной настойчиво. И вот однажды среди ночи я очнулся в полубессознательном состоянии, чувствуя, как мягкие пальцы Нево ощупывают мои лицо и шею. Мне тут же почудилось, что я в ловушке внутри пьедестала Белого Сфинкса, окруженный толпой кровожадных морлоков. Услышав мой дикий крик, Нево отшатнулся, но недостаточно проворно, чтобы я не успел достать его кулаком в грудь. Несмотря на болезнь, я нашел в себе силы, чтобы сбить его с ног.

Окончательно изнуренный этой попыткой я снова отключился.

Очнувшись в следующий раз, я снова увидел рядом Нево, который пытался запихнуть мне в рот ложку похлебки из моллюсков.

Придя в чувство, я увидел себя лежащим рядом с койкой. В совершенном одиночестве в нашей маленькой пальмовой хижине. Солнце стояло низко, но дневная жара не оставляла меня. Нево оставил рядом с кроватью ореховую скорлупку со свежей водой. Я немедленно воспользовался ею.

Солнце понемногу уходило за горизонт, а с ним и тепло. Зрелище заката было величественным, в первую очередь благодаря присутствию пепла в атмосфере: Нево рассказывал мне о вулканах этой поры, что где-то на западе в западной части Шотландии есть действующие вулканы. Вулканическая деятельность привела к образованию основанию Атлантического океана. Лава дотекала до самой Арктики, Шотландии и Ирландии, и теплая климатическая зона, в которой мы находились, простиралась к северу до самой Гренландии.

Британия уже была островом в эпоху палеоцена, правда, с чуть выпирающим северо-западным углом, в сравнении с конфигурациями 19 века. Ирландское море еще не обрело четких берегов, только формировалось, поскольку Британия и Ирландия еще не разошлись; но северо-восточная часть Англии ушла под воды моря, у берегов которого мы обитали. Мое палеоценовое море,

как я его назвал про себя, было продолжением границ Северного, и будь у нас лодка, мы смогли бы добраться до берегов Французской Аквитании и до Бискайского залива.

С приходом ночи морлок выскользнул из-под могучей тени леса. Крадучись, кошачьей походкой — в движениях он больше напоминал кота, чем человека!!!, то и дело потирая раненую ногу. Несколько минут он приводил в порядок всклокоченную шерсть, укладывая и прилизывая ее длинными пальцами на лице, спине и груди.

Наконец, он приковылял ко мне: розовый закат отражался в разбитых очках. Он принес мне свежей воды и, смочив спекшиеся губы, я прошептал:

— Сколько прошло?

— Три дня.

Я снова вздрогнул при звуках этого странного, хотя уже давно знакомого голоса. Надо же — трое суток я пролежал в бреду, во враждебном мире, под присмотром этого чужака из далекого будущего!

Нево снова стал пичкать меня похлебкой из головоногих. К тому времени как я поел, Солнце село и единственным источником света стал серебряный полумесяц, низко нависавший над

океаном. Нево снял очки, и я увидел его громадные красно-серые глаза, в которых отражалась Луна.

— Чем это я заболел? — прохрипел я.

— Точно затрудняюсь ответить.

— Затрудняешься? — странно было услышать такие слова от морлока. Мне всегда казалось, что знания Нево. Накопленные его сородичами в Сфере, чуть ли не безграничны. Он всегда знал больше чем нужно, и его ответы были исчерпывающи. Ум человека 19 века напоминал мою старую мастерскую: много всего, но все так разбросано, что затруднительно порой найти — и лишь по наитию вдруг неожиданно спотыкаешься о то, что тебе нужно. Иное дело ум морлока, в котором все систематизировано, каталогизировано, утилизовано, сжато в объеме до минимума и сведено к полезному употреблению, без грамма «жира» — лишних отвлеченных сведений, домыслов, исторических анекдотов и разночтений. Благодаря продвинутым технологиям 657 208 года их разум напоминал энциклопедию с удобно пронумерованными страницами и алфавитом на корешке. Такой уровень знаний, причем практических знаний, и не снился в мой век.

— Странно, — пробормотал я.

— Что странно?

— Что ты не знаешь.

— Нет, — сказал он. — Странно то, что ты не заболел этим раньше.

Теперь пришел мой черед задавать вопросы:

— Это как?

— Да так. Ведь ты человек своего времени.

И тут меня осенило. Внезапно как озарение, я понял, что он имел в виду.

Ведь, в самом деле, болезни были неизбежной платой человечества за развитие. Но с поколениями вырабатывался иммунитет, и организм человеческий становился все более устойчивым к разного рода недугам.

Я представил себе, сколько же еще коротких жизней должно было вспыхнуть и погаснуть в этих далеких темных веках, для того чтобы человек оплатил свое право быть хозяином на этой земле!

Иное дело морлоки. В их теле все было предусмотрено, разработано заранее: кости, плоть, легкие, печень — все работало как хорошо отлаженные часы. Идеальный баланс между энергичностью и продолжительностью жизни. Продолжительностью и плодотворностью жизни. Его тело было защищено от инфекций надежнее,

чем рыцарской броней, и вот, в самом деле, нога его счастливо избежала гангрены, и глаз тоже. Первоначальный мир элоев и морлоков, который я увидел во время первого путешествия в будущее, был вовсе не свободен от болезнетворных бактерий.

Как только я слегка пошел на поправку, Нево обратил внимание на прочие второстепенные задачи выживания. Он посылал меня на пополнение нашего скудного рациона, включавшего орехи, клубни, фрукты и съедобные грибы-лишайники, добавленные к основным морепродуктам, а также мясо зверей и птиц, которым не повело уклониться во время моих неловких попыток достать их пращи или рогатки. Нево запасался лекарственными средствами: припарками, чайными сборами трав и тому подобным.

Моя болезнь наполняла меня глубоким и постоянным мраком, наводила на мрачные размышления — поскольку я впервые столкнулся с такой проблемой перемещений во времени. Дрожа, я охватывал руками все еще слабое тело. Моих сил и ума хватало, чтобы отразить нападение диатримы и прочих гигантов палеоцена, но не было никакой защиты против хищников или невидимых монстров, которых приносит воздух,

вода или плоть.

5. Шторм

Возможно, будь у меня хоть какой-то опыт обитания в тропических условиях, я мог бы встретить шторм во всеоружии. Все приметы были налицо.

В тот день стояла особенно душная сырость, и воздух у моря был какой-то напряженный, как накануне перемены погоды. В тот вечер, изнуренный работой и отсутствием уюта, я был рад свалиться в койку — но жара была такая, что невозможно уснуть.

Меня разбудил неторопливый стук тяжелых капель по крыше из пальмовых стеблей. Неподалеку разносился шум дождя в лесу — водяные пули стучали по листве и прибрежному песку. Нево не видно и не слышно: была глубокая ночь.

И тогда налетел Шторм.

Да-да, это был самый настоящий шторм, Ураган с большой буквы.

Словно открылся небесный люк, и галлоны дождевой воды хлынули оттуда на пальмовую крышу. Хижина заскрипела от тяжести вылитой влаги, и я моментально промок до нитки, даже не успев встать: только лежал и смотрел, как струи пронизывают самодельную крышу. Постель

превратилась в грязное месиво палой листвы, липнущей к коже, и я ослеп от стекающей по лицу воды.

К тому времени как я стал выбираться под серую хмарь небес, хижина уже опасно покосилась под весом атмосферных осадков. Опоры падали, оставшиеся шатались.

Я нашел Нево, походившего на мокрую крысу: он забился в угол, прижав колени к груди. Очки он потерял и теперь был совершенно беспомощным, стуча зубами от холода. Счастье, что мне удалось его так быстро найти, принимая во внимание погоду: серая водяная завеса укрыла местность непроницаемым туманом.

Когда я наклонился над ним, он обернулся в мою сторону заплывшим отсутствующим глазом:

— Времямобиль! Мы должны его спасти!

Голос его был едва слышен в шуме бури.

Я потянул его за плечо, но он вырвался.

Я с ревом затопал по размокшим останкам хижины к «мастерской» Нево. Рама глубоко увязла в грязи, и на мои попытки вырвать ее не отвечала.

Я оглянулся. Вода уже хлынула из лесу на пляж, угрожая смыть нас в море вместе с останками хижины. Даже наш друг-ручей опасно вздулся и

грозно рычал в шуме дождя.

Я прекратил потуги и вернулся к Нево.

— Все. — крикнул я. — Пора убираться отсюда.

— Но как же…

Без дальнейших споров, понимая, что время терять нельзя, я взвалил его на плечо и поспешил к лесу. И тут же увяз по голень в раскисшей земле. Я скользил, с трудом сдерживая равновесие и сопротивляющегося морлока. Наконец я достиг леса. Под кронами молотило не так сильно. Кругом по-прежнему была непроглядная тьма, и я брел в ней, спотыкаясь о корни и стволы, чувствуя, как земля под ногами понемногу превращается в болото. В опасную трясину. Нево замер на плече, то ли выбившись из сил, то ли поняв, наконец, во что мы вляпались.

Наконец я добрался до старого покосившегося дерева с толстым стволом и низкими ветвями — чуть выше головы. Среди этих ветвей я пристроил морлока — точно мокрый плащ на вешалку. Затем, вспомнив детство, стал карабкаться сам. Я сел на сук, свесив ноги вниз и упираясь спиной упираясь в ствол.

Так мы сидели, пережидая бурю. На всякий случай я придерживал морлока, чтобы он не свалился и не вздумал удрать к хижине «спасать

машину». При этом за шиворот мне безостановочно лилась струя воды, стекавшая по стволу.

С приближением рассвета лес стал сказочно красив. Вверху в кроне было видно как сквозь филигранно отточенную листву прорываются жемчужные, налитые зарей капли, как, закручиваясь спиралями, точно водяные лианы, сползают на землю струи, и, хотя я вовсе не ботаник, теперь я рассматривал лес как гигантский механизм, способный перенести бури и встряски, какие и не снились любому несовершенному созданию рук человеческих.

Когда стало светлеть, я оторвал полоску ткани от укоротившихся брюк — рубашки у меня уже не было — и обвязал поврежденный глаз Нево. Он не шелохнулся.

Ливень стих к полудню, когда я решил, что опасность миновала. Я спустил Нево на землю, и он смог идти — правда, я поддерживал его под руку, потому что он был совершенно слеп без очков.

Над джунглями был в разгаре день. Со стороны моря дул освежающий бриз и по небу пра-Англии скользили легкие облака. Мир волшебно изменился, оставив в прошлом все вчерашние ужасы.

Я нерешительно пошел к развалинам, где

недавно стояли хижины. Здесь я нашел чашку из кокосового ореха, занесенную мокрым песком. Это был единственный след рук человеческих, остальное: щепки и пальмовые листья, оставшиеся от нашего дома — можно было принять за мусор, вымытый дождем из леса.

В этой помойке рылся клювом птенец диатрима. С криком «Хой!» я поскакал к нему, хлопая ладонями над головой. Птенец припустил с места в карьер, проказливо вихляя мослами, обтянутыми желтой кожей.

Я приступил к поискам. Стал рыться в мусоре. Все мое достояние унесло в океан. Я почувствовал как дух мой ополчился на стихию. У меня было такое чувство, будто меня ограбили — самым наглым и бесцеремонным образом.

— А как же машина? — спросил из-за плеча Нево. Слепой морлок вертел головой по сторонам. — Где она?

Порывшись, как следует, в песке, я нашел несколько осей, трубок и пластин — однако сам каркас с остатками платтнерита смыло с берега. Нево печально ощупал длинными пальцами все, что осталось от его работы, и печально вздохнул:

— Что ж, начнем все сначала.

И, опустившись на песок, стал щупать руками

вокруг, отыскивая уцелевшие части конструкции времямобиля среди занесенных мокрым песком веток и пальмовых листьев.

6. Сердце и тело

Нам так и не удалось починить очки Нево, и это было большой потерей для него. Однако он не жаловался. Как и прежде, просиживал день-деньской в тени, копаясь в деталях, и если приходилось выйти на Солнце, надевал свою широкополую шляпу из пальмовых листьев и маску с прорезью для глаза из шкурки дикого животного, которую изготовил для него — уж больно жалок был у него вид.

Буря не прошла для меня даром. Я решил больше не мириться с положением дикаря, отданного на милость и расправу стихиям. Наше существование должно быть построено на более прочном фундаменте — как в переносном, так и в буквальном смысле. Настоящий дом, а не лачуга, на прочных опорах и основаниях, глубоко врытых в землю и поднимающих строение над потоками осадков — должен был стать залогом нашего будущего. И одними павшими ветвями тут не обойдешься, кривым и подгнившими. Мне нужны были стволы — настоящий строевой лес — а, значит, нужен топор.

Несколько дней я как завзятый геолог рылся в

окрестностях в поисках залежей кремния Наконец, в районе Хампстед Хит среди прочего щебня мне удалось обнаружить темные пластинчатые осколки, обложенные белесым известняком. Наверное, эти камни были вымыты из земли руслом давно пересохшей реки.

Я вернулся с этим сокровищем на «стоянку древнего человека» вблизи ручья. С таким чувством золотоискатель возвращается в лагерь с намытым «аурумом» — но сейчас даже самый большой золотой слиток не принес бы мне такой радости, как моя добыча.

Я сел лицом к океану и принялся отколачивать лишнее и делать из этих кусков нечто приблизительно похожее на лезвие топора. Вскоре мои запасы резко пошли на убыль, и я испытал разочарование, так как сооружение топора оказалось делом не простым. Известняк намертво сросся с полезным камнем и не хотел отлипать ни за что. К тому же руки у меня оказались чрезвычайно неприспособленными для такой работы. Снисходительно поглядывая на кривоватые каменные наконечники стрел да грубо отесанные топоры за стеклами в музеях, мы и не догадываемся о том, какой кропотливый труд — и даже искусство — были проявлены нашими предками в Камен-

ном веке.

Наконец мне удалось изготовить топор, удовлетворявший моим требованиям. Приладив его на рукоять, вырезанную из дерева с помощью высушенных и скатанных в трубочку шкур, я в приподнятом настроении направился в лес.

Вернулся я оттуда через четверть часа, с остатками моего изобретения, которые теперь спокойно умещались в ладони. Топор разлетелся в щепки при первом ударе по заботливо выбранному толстому стволу!

Однако после некоторых экспериментов в этой области я приспособился обращаться с топором осторожнее и вскоре валил десятками небольшие диптерокарпусы, бойко прорубался сквозь рощи молодых стройных деревьев.

Теперь место для лагеря выбиралось с особой осторожностью. С одной стороны, нас не должен был задеть поток из лесу, а также ручей. С другой — волны прилива также не должны были достигать нашего нового дома. Я врыл в песок столбы и на высоте ярда от земли прикрепил к ним раму с плетеным полом из пальмовых стеблей, для прочности укрепленных сучьями. Это был не самый ровный пол на свете, но его выпрямлением я планировал заняться позже, на досуге. Но когда

я лег на эту платформу ночевать, то сразу оценил, насколько она прочна и безопасна, избавляя от многих каверз, которые приносит земля. Меня больше не тревожили ночные насекомые, черепахи не тыкались своими скользкими мордами среди ночи (а ведь там могли быть и змеи!) и, наконец, мне не приходилось просыпаться в холодном поту, опасаясь наступления прилива. Соорудив крышу, я уже почти мечтал о новой буре, чтобы убедиться в прочности нашего нового жилища.

Нево словно ребенок с игрушками, возился на полу с бесполезными деталями машины времени, которые притащил сюда по короткой лестнице, сделанной специально для него. Не знаю, как он, а я был в эти дни счастлив!

И вот однажды, пробираясь по лесу, я почувствовал за спиной пару глаз, наблюдающих за мной с нижнего яруса ветвей.

Я притормозил, стараясь ничем не выдать волнения, осторожно вытаскивая лук из-за спины.

Крошечная зверюга четырех дюймов длиной сидела на ветке, похожая на миниатюрного лемура. Хвост и морда у нее были как у грызуна: облезлый крысиный хвост, и резцы делали ее похожей одновременно и на грызуна. Сходство

дополняли когти и встревоженные подозрительные глазки. Либо эта тварь была так разумна, что думала обхитрить меня своей неподвижностью, замерев на ветке, либо, напротив, глупа настолько, что не чувствовала опасности с моей стороны.

Было делом секунды вложить стрелу на тетиву прорезанной выемкой и натянуть лук. Долго я не прицеливался.

Теперь я был уже не тот охотник, что пугал окрестных обезьян, неуклюже пытаясь достать их с веток камнями. Часто вместо добычи мне доставалась солидная порция навоза, вперемешку с насмешливыми криками. Теперь я умело стрелял из рогатки, метал камни из пращи, расставлял успешные силки, изучив повадки животных, на которых охотился. Однако с луком и стрелами у меня дело обстояло еще туго. То ли стрелы были не той длины, то ли лук не из того дерева (хотя, может, все дело в тетиве?) К тому же пока я натягивал лук, моя добыча, смущенная моими потугами, часто уносила ноги раньше, чем я успевал прицелиться.

Но этот наглец был не из таких! Он сидел, не шелохнувшись, лишь с легким любопытством поглядывая на стрелу, которая полетела в его

сторону. Я впервые оказался точен — и меткий выстрел пригвоздил шкурку к стволу.

Гордый собой, я вернулся к Нево с добычей. Млекопитающие были редкими гостями на нашем столе — не говоря уже о шкурах, в которых постоянно испытывался недостаток, а также зубах, клыках и жировой прослойке, которые шли на изготовление иголок, скребков и прочих инструментов, а также смазки и горючего для светильников. И, естественно, лекарственных мазей.

Нево изучил тельце зверька, не снимая кожаной маски.

— Наверное, стоит еще поохотиться, — заметил я. — Похоже, это обитатель края непуганных идиотов — он даже не представляет, какую опасность я для него представляю, причем не понимал до самого конца. Бедолага!

— Ты знаешь, что это такое?

— Ну-ну, мне уже не терпится узнать.

— Кажется, перед нами пургаториус.

— И что это значит?

— Примат. Самый ранний известный вид. Первый примат.

Голос его звучал озадаченно.

— Тьфу! — я сплюнул. — Даже в палеоцене не

избежать встречи с родственниками! Я осмотрел крохотное тельце.

— Это же предок обезьяны и человека…

— И морлока, прошу заметить, в том числе! Вот он, непримечательный желудь, из которого вырос дуб, подмявший под себя не только Землю, но и другие планеты! Только представить, сколько людей, наций, видов и рас произошло бы из его лона, не останови я его стрелой! Получается, я опять убил свое будущее!

Нево покачал головой.

— Нам ничего другого не остается, как взаимодействовать с Историей. С каждым нашим дыханием, с каждым поваленным деревом, с каждым убитым животным мы создаем новый мир в Множественности Миров. Вот и все. Никуда не денешься, это неизбежно.

После этого я уже не мог смотреть на тушку несчастного зверька. Я отнес его в лес и закопал под деревом.

И вот однажды я направил шаги в ту сторону, откуда выбивался наш ручей — я выдвинулся в западном направлении, вглубь страны.

Я вышел с рассветом. Чем дальше от берега, тем слабее в воздухе вкус соли и запах озона. Привычные запахи стали вытесняться жаркими сырыми

ароматами крон диптерокарпусов и вездесущим благоуханием тысяч цветов. Пробираться было нелегко — повсюду выпирали узловатые корни и путалась под ногами растительность. Вскоре моя панама, сплетенная из волокна кокосового ореха набрякла от влаги, а звуки вокруг: шорох растений, поскрипывание и покашливание в кронах становились все резче в сгущающемся воздухе.

Часам примерно к десяти я смог пройти две-три мили, оказавшись где-то в районе Бенфорда. Здесь я наткнулся на озеро вытянутой формы, из которого и струился наш родник, а с ним и множество других, а озеро, в свою очередь, наполнялось из прочих маленьких ручьев и речек. Этот уединенный бассейн со всех сторон обступили деревья, обвитые лианами. На них я заметил знакомые плоды: бутылочную тыкву и люффу, из которой делают мочалки. Вода оказалась теплой и солоноватой, и я отпил ее с недоверием и осторожностью. Однако лагуна кишмя кишела жизнью. Она была укрыта ковром из гигантских лилий, напоминавших перевернутые пивные пробки по шесть футов шириной. Это напоминало растения, которые я как-то видел в «Доме кувшинок» Тернера. Забавно, что до самого Кью, где находились Королевские ботанические сады,

было меньше мили! Лилии были на вид крепкими упругими и плавучими — казалось, по ним можно было запросто пройти на другой берег, но я не стал проверять этого предположения.

Было делом нескольких минут отыскать подходящий прут — молодое деревце, из которого я соорудил удилище и привязал к нему изогнутую остроконечную детальку из металла машины времени, наживив на нее гусеницу, ползавшую по древесной коре.

И не прошло нескольких минут, как я был вознагражден за труды жадной поклевкой. Воображаю зависть моих друзей-рыболовов — того же старика Филби. Ведь я нашел настоящий оазис, набитый рыбой, не знавшей рыболовного крючка!

Я развел костер и приготовил уху, добавив в воду выкопанных тут же съедобных клубней.

Перед самым рассветом я бы разбужен странными звуками, походившими на уханье совы. Я сел и огляделся. Костер почти потух. Солнце еще не поднялось: небо только наливалось стальным цветом, предвещавшим наступление нового дня. Не было ни ветерка, ни единый лист шелестел — и тяжелый густой туман лежал на поверхности воды.

Тут я заприметил группу птиц, примерно в ста ярдах от берега озера, с темно-коричневым оперением, на длинных, как у фламинго, ногах. Они важно ходили у противоположного берега или стояли на одной ноге, замерев, точно изваяния. Головы их были точно утиные — и точно такие же повадки — когда они рылись клювами под водой.

Туман чуть поднялся над поверхностью озера, и теперь я разглядел огромную стаю этих птиц (пресбиорнисов, как позже определил их Нево). Здесь были тысячи, составлявшие целую колонию. Они двигались точно призраки в парах тумана, в его влажной мгле.

Трудно представить себе что-либо более экзотичное для скрещения дорог Ганнерсбери-Авеню и Чизвик-Хай-Роуд — а уж для доброй старой Англии и подавно!

День за днем мои воспоминания об Англии 1891 года становились все более далекими и неуместными. Постройка дома да охота — вот что составляло мою жизнь и приносило ни с чем не сравнимое удовлетворение. Я купался в солнечных лучах и соленой воде моря, насыщаясь энергией и испытывая чувства, знакомые только в детстве. Теперь единственной ценностью для

меня стала жизнь — и, по возможности, долгая. Жизнь стала такой, что не хотелось думать ни о чем другом, как о ней самой и ее продолжительности.

Как говорят, есть время для души и для тела. И чем дальше, тем больше я чувствовал огромность и необъятность мира и времени — и собственную малость и не значимость перед лицом великой панорамы Множественной Истории. Я более был не значим: ни для себя, в том числе, и понимание этого принесло моей душе свободу.

Через некоторое время даже смерть Моисея перестала меня волновать.

7. Пристикампус

Я вскочил в холодном поту, с часто бьющимся сердцем. Это был голос морлока: тонкий стон, переходящий в хрип.

Меня обступала холодная тьма, и на мгновение показалось, будто бы я проснулся в своем доме на Питершам-Роуд — но запахи и прочие ощущения палеоценовой ночи быстро вернули меня к реальности.

Я выбрался из койки и спрыгнул на прибрежный песок. Была безлунная ночь, и последние звезды таяли на небе, предчувствуя наступление солнца. Море мягко перекатывало волны, и лес безмолвной темной стеной возвышался вдали.

И на фоне этого холодного синего спокойствия ко мне приближалась хромая фигурка морлока. Он потерял свою клюку, и едва стоял на ногах, не говоря о том, чтобы бежать. Шерсть его была растрепана, и маску постигла участь клюки. На бегу он пытался прикрыть свой огромный чувствительный глаз — видимо, от ужаса.

И было от чего.

За ним поспешало десятифутовое чудище, больше всего напоминавшее крокодила, только

на длинных и гибких ногах, походкой скаковой лошади, совсем не похожей на движения крокодилов в мое время, — и было совершенно очевидно, что эта тварь пустилась в погоню за Нево. Узкие щелочки глаз были прикованы к морлоку, и в распахнувшейся пасти блеснули пилы зубов — всего в нескольких ярдах от Нево!

С воплем я кинулся им навстречу, однако уже понимая, что для Нево уже все кончено.

Я уже оплакивал потерю морлока — но и себя, в первую очередь, поскольку теперь я остался совершенно один — в лишенном разумных существ мире палеоцена…

И в этот момент услышал звук… потрясший меня еще больше чем предыдущие события. Этого просто не могло быть! Наверное, галлюцинации… Я услышал ружейный выстрел со стороны леса.

Первая пуля, думаю, пролетела мимо: но ее оказалось достаточно, чтобы тварь повернула гигантскую голову и перестала вилять толстыми бедрами по песку.

Морлок упал, обессилев, распростершись в песке, и все-таки продолжал ползти.

Последовал второй выстрел, затем третий. Крокодил дважды вздрогнул, когда пули попали ему под кожу. Он с яростью обернулся к лесу, еще

шире раскрывая пасть и испуская рев, громоподобным эхом отразившийся от деревьев. Затем он бросился к источнику шума и неприятных жалящих укусов.

Какой-то человек — невысокий, плотного сложения, в тускло-коричневой униформе возник на окраине леса. Он выступил на пляж, поднимая винтовку, хладнокровно наводя прицел на приближающегося крокодила. Он не спешил.

Я уже добежал до Нево и рывком помог ему подняться — морлок дрожал. Мы вместе смотрели на разворачивающуюся драму.

Их разделяло не более десятка ярдов, когда раздался новый выстрел. Крокодил замешкался, как будто споткнулся обо что-то — из пасти хлынула кровь… Но тем не менее он продолжал наступать по инерции, словно бы такая туша, набрав скорость, могла остановиться только уже мертвой. Пуля за пулей летели ему в голову, и, наконец, когда до человека не оставалось и десятка футов, туша рухнула на песок, щелкнув челюстями, у ног смельчака — тот — какая выдержка! — сделал лишь шаг в сторону.

Я отыскал в песке маску Нево, и мы с морлоком стали приближаться по следам крокодила ведущим под уклон пляжем.

Вблизи эта тварь выглядела еще отвратительней и куда более устрашающе. Морлок осмотрел гигантскую тушу и вынес заключение:

— Пристикампус.

Наш спаситель стоял, опираясь ногой на поваленного зверя. На вид ему было лет двадцать пять, лицо гладко выбрито, с прямым открытым взором. Судя по улыбке, его ничуть не взволновала эта встреча со смертью. Униформа его состояла из шорт, тяжелых ботинок из толстой кожи и коричневато пятнистой куртки. Да еще синий берет, лихо заломленный на голове. Это был гость из иного века, или из какого-либо иного варианта Истории, так что меня ничуть не удивило, когда он на чистом беспримесном английском заговорил:

— Вот гад! А как держался — я ему всю обойму в пасть выпустил! Но теперь будьте спокойны — больше не встанет.

Несмотря на развязность тона, я вдруг почувствовал себя неловко, словно стыдясь своих детских шорт и длинной дедовской бороды.

— Сэр, я обязан вам жизнью. Даже двумя, — и я показал на своего компаньона.

Он пожал протянутую руку:

— Не берите в голову. — И улыбнулся еще ши-

ре. — Мистер… полагаю? — сказал он, назвав мое имя. — Давно, знаете ли, мечтал произнести эти слова!

— Но кто вы?

— Ах да, прошу прощения. Мое имя Гибсон. Подполковник авиации Гай Гибсон. Рад, наконец, отыскать вас.

8. Лагерь

Вскоре стало понятно, что Гибсон здесь не один. Забросив винтовку за плечо, он дал кому-то знак, повернувшись к джунглям.

Из мрака вынырнуло двое солдат. На гимнастерках проступал пот, и, когда они показались на свет занимающейся зари, стало ясно, что они чувствуют себя в нашем присутствии не так спокойно и вольготно, как их подполковник. Это были индийцы-сипаи, солдаты Империи — с горящими черными глазами, в тюрбанах и со стрижеными бородами. На них была форма цвета хаки, а у одного за спиной тяжелый пулемет и два тяжелых подсумка с лентами на поясе. Их тяжелые серебряные эполеты осветили первые лучи солнца палеоцена; они мрачно покосились на труп пристикампуса.

Гибсон сообщил, что это его разведчики: они отошли на милю от базового лагеря, расположенного чуть дальше от моря. Странно — Гибсон *представил* меня солдатам по имени. Такая легкая неучтивость — солдаты ответили одними кивками — или даже узнающими взглядами, показалась мен еще одной нелепостью, здесь, на

этом уединенном пустынном пляже берегу моря палеоцена, где лишь горстка людей существует во всем мире!

Еще раз поблагодарив Гибсона за спасение морлока, я пригласил его присоединиться к завтраку в нашу хижину.

— Тут недалеко, пройти по пляжу. — показал я вдаль: Гибсон, приложив ладонь ко лбу, посмотрел — Солнце вставало быстро и вскоре хижину уже стало видно, несмотря на легкий туман.

— Ого! Прекрасное строение. И к тому же видимо, прочное — как все предусмотрено!

— Вот что я вам скажу… — польщенный похвалой, я пустился в объяснения по поводу тонкостей продуманного мной архитектурного плана, которым искренне гордился. Мой рассказ попутно перемежался подробностями того, как нам удалось выжить в этом далеком от цивилизации веке.

Гай Гибсон сложил руки за спиной и учтиво выслушал мой рассказ. Сипаи не сводили с меня глаз: подозрительных и непонимающих, их руки оставались на оружии.

Несколько минут спустя я спохватился, что держу гостей на пороге, и поспешил закончить болтовню.

Гибсон бегло оглянул пляж.

— Славно вы тут постарались. А ведь у кого-нибудь другого через пару недель такой робинзонады мозги бы съехали набекрень от тоски и одиночества. Например, у меня, — рассмеялся он. — Каково это — жить с мыслью, что ближайший паб откроется не раньше, чем через пятьдесят миллионов лет!

Я улыбнулся шутке — которую понял не сразу — и вдруг засмущался тому, что распинаюсь перед ним как фермер перед щеголеватым горожанином, который считает, что булки растут в пекарне.

— И, несмотря на ваши успехи, — продолжал Гибсон, заметно изменив тон на более мягкий и вкрадчивый — как вы посмотрите на то, чтобы присоединиться к экспедиционным силам? Ведь мы приехали сюда за вами. А вы как думали, с трех раз? Догадались? Вот-вот. Кстати, у нас есть чем подкрепиться, потом приличный комплект всяких инструментов и много чего другого.

Он заманивал меня, точно дикаря, в лоно (или логово, как знать?) цивилизации!

Подполковник стрельнул глазами на Нево и добавил, несколько менее уверенно:

— К тому же наш доктор мог бы помочь вашей

обезьянке. Или может, вы там что-нибудь забыли? — так мы всегда можем вернуться.

Конечно, ничего там ценного не было, что могло меня заставить снова плестись несколько сотен ярдов по берегу. Но я знал, что с появлением Гибсона и его людей моей короткой идиллии пришел конец. Я посмотрел в его честное, цивилизованное, открытое лицо и понял, что мне никогда не найти слов, чтобы объяснить горечь такой потери.

С сипаями впереди и морлоком, державшимся за меня, в самом деле, как ручная обезьянка, мы направились в джунгли.

Чем дальше от побережья, тем становилось жарче и труднее дышать. Мы двигались колонной: сипаи, я с морлоком и Гибсон, замыкавший процессию. Большую часть пути я нес ослабшего Нево на руках. Сипаи подозрительно озирались на нас, искоса бросая взоры, хотя спустя некоторое время руки с оружия все-таки убрали. За весь путь они так и не перебросились с нами ни словом.

Зато Гибсон трещал без умолку. Оказалось, его экспедиция прибыла из 1944 года — спустя шесть лет после нашего исчезновения из 1938-го после атаки германцев на Лондонский Купол.

— И война там по-прежнему продолжается?

— Боюсь, что да, — сказал он с мрачной миной. — Конечно, мы ответили на эту коварную атаку противника. И отплатили им той же монетой — да еще и с процентами!

— И вы участвовали в ответном ударе?

Он бросил невольный взгляд на свои нагрудные планки. Потом я узнал, что это ордена: Железный Крест и Штык — за отличия в службе и летные подвиги. Это были высокие награды, тем более, для молодого человека, да и само звание подполковника редко в двадцать пять лет. Но Гибсон заявил без лишнего апломба:

— Я немного видел. Несколько боевых вылетов. Так что счастлив, что могу поговорить с вами об этом — многим парням этого уже не удастся.

— И эти «боевые вылеты» были удачными?

— Я бы сказал — на редкость удачными. Мы разбили их Купола, не задерживаясь с расплатой за то, что они сделали нам!

— А как же города, которые были под ними?

Он прищурился.

— О чем это вы? Что такое город без Купола? Это уже не город, а место, уязвимое для любой атаки с воздуха. Одно воздушное заграждение из восемьдесят восьмых…

— Восемьдесят восьмых?

— У германцев восьмидесяти восьми миллиметровые зенитные орудия — вполне годятся как для противовоздушной обороны, так и для уничтожения джаггернаутов. Пушки весьма изящной конструкции. Если пилот попадает под такой обстрел, ему уже все равно куда падать — хоть на тот же Купол.

— И каковы же результаты за полгода боевых действий?

Он пожал плечами.

— Ну, городов теперь вообще не много осталось. В Европе, во всяком случае.

По моим расчетам, мы достигли окрестностей Южного Хэмпстеда. Здесь мы вышли на просеку — она представляла собой идеальную окружность. Деревья были спилены под корень или сожжены. На моих глазах этим занимались еще несколько солдат с механическими моторными пилами, пахнущими нефтью. Другие, с простыми мачете, помогали разрубать кустарник и лианы — они углублялись все дальше в лес. Пальмовые листья и срезанная зелень были втоптаны слоями в грязь, так что и пни под ними исчезали. Вот что я увидел, приглядевшись к этой странной поляне, непривычному пятну цивилизации в

этом диком месте.

Посреди поляны стояли все те же джаггернауты, которые мне приходилось видеть и в 1873-м, и в 1938-м. Четыре зверя застыли, образуя квадрат шириной сто футов, замерев и разъявив амбразуры, точно пасти. Противоминные цепи праздно свисали с лебедок на передней части корпуса и крапчатые черно-зеленые бока машин были облеплены гуано и палой листвой. Здесь было много иных, незнакомых мне машин и материалов. В том числе и броневики на колесах, и небольшие подвижные артиллерийские пушечки.

Как объяснил Гибсон, для 1944-го это был обычный состав экспедиции в прошлое. В одиночку джаггернауты больше не посылали. Слишком велик риск.

Всюду сновали солдаты, и временами мы с морлоком ловили на себе недоуменные взгляды.

Мы зашли в пространство между четырьмя джаггернаутами, как в своеобразную железную бронированную крепость. В центре высился белый флагшток: на нем вверху развевался флаг Соединенного Королевства. Вокруг строевой площадки с размеченными бечевкой полосами были натянуты палатки. Гибсон пригласил нас в шезлонги, расставленные перед самой большой

из них.

Внезапно меня посетила странная мысль: как же они так вовремя прибыли? Ведь еще минута — и неизвестно, что бы случилось с морлоком — и, быть может, со мной. А что, если они знали уже, ЧТО случилось? Быть может, я нужен им для какой-то цели, мне пока не ведомой.

Солдат — худой, бледный и, очевидно, с трудом переносящий жару, вылез из одного из джаггернаутов. Очевидно, это был один из денщиков Гибсона, потому что тот отправил его за прохладительными напитками.

Тем временем вокруг нас шла безостановочная работа по установке лагеря. Надо сказать, любая работа военных производит впечатление чего-то беспрерывного и бесконечного. Большинство солдат были в коротких рубашках и шортах цвета хаки и сандалиях, с панамами защитного цвета на голове или широкополыми (австралийскими, как сказал Гибсон) шляпами. На шляпах и гимнастерках были нашивки — знаки различия. Они носили кожаные патронташи с ручным оружием, плетеные подсумки и тому подобную амуницию. На всех до единого были тяжелые эполеты, которые я с таким облегчением оставил в 1938 году. В такой жаре и духоте им было явно не по себе.

Я заметил одного военного парня в сером балахоне с головы до пят — на нем были толстые очки с визорным устройством. Он возился у распахнутого капота одного из джаггернаутов. Представляю, как он там погибал от жары. Гибсон объяснил, что это асбестовая ткань, защищающая от огня и излучения.

Далеко не все военнослужащие были мужского пола — это странное явление двадцатого века заметно проявлялось и здесь. Нет, не подумайте, я не против женщин в армии, они даже вносят некий уют и вызывают более джентльменские отношения среди мужчин, но уж больно самоуверенный вид у них был при этом. Думаю, около двух пятых персонала составляли дамы. Причем многие из них с достоинством носили отметы войны: шрамы и ожоги, протезы — у некоторых недоставало пальцев. С горечью я отметил, что Европа продолжает вырождаться — в том смысле, что мужского населения уже недостает для затянувшейся войны.

Гибсон сбросил ботинки и стал растирать затекшие ноги, виновато улыбаясь. Нево потягивал из чашки воду со льдом, а нам с Гибсоном денщик подал традиционный английский чай к завтраку — и это здесь, в палеоцене! Все-таки есть преиму-

щества службы в армии — военные умудряются устроиться в любых условиях.

— Это уже не экспедиционный лагерь, а целая колония поселенцев, — заметил я Гибсону.

— Солдатам надо чем-то заняться, — уклончиво отвечал он, пригубив чай. — Но вы, полагаю, уже заметили, что здесь не все военные.

— Нет, — честно сказал я.

— Дело в том, что большинство, конечно, состоят на службе в армии, но некоторые из ВВС.

— ВВС?

— Королевских Военно-Воздушных Сил. Те, что в сером — обслуживают джаггернауты. Да, Стаббинс? — не нам же заниматься бескрылыми черепахами?

Проходивший мимо Стаббинс — парень с открытым улыбчивым лицом, очевидно, был польщен вниманием командира. Хотя и на голову выше приземистого Гибсона, он с явным уважением относился к нему. В поведении молодого подполковника были явные задатки природного лидера.

— Мы здесь торчим уже неделю, — сказал Гибсон. — Удивительно, как мы не обнаружили вас раньше.

А вдруг это просто ход? Может быть, им надо во

что бы то ни стало выманить меня отсюда. Но я и так был благодарен мистеру подполковнику и его солдатам: не за спасение от дикарской жизни — так хотя бы за чашку чая, которой уже не чаял выпить в своей жизни.

— Мы не ждали гостей, — сухо сказал я. Поэтому не разводили сигнальных огней и не вывешивали британских флагов.

Он усмехнулся и подмигнул.

— Первые пару дней у нас была прорва работы. Конечно, башковитые головы из Директория Хроно-Перемещений разработали план заранее, и мы взяли необходимый инструмент, зная, с чем придется столкнуться. Даже не верится, что старушка Англия когда-то терпела такую жару.

— Это еще пока не Англия, — заметил я.

— По мне хоть Африка. Поэтому мы заранее предусмотрели все — от утепленных шинелей до бомбейских шароваров. Мы не были уверены, что попадем именно в тропики — тем более, здесь — ведь стартовали из самого центра Лондона. К сожалению, после той бомбардировки трудно было выяснить точное место вашего старта — почти все, кто занимался разработкой той машины — а это держалось в строгом секрете — погибли.

— А как же… — я не сразу вспомнил фамилию

— до того был уже далек от всего этого, как будто из другой жизни, — как же Уоллис?

Гибсон покачал головой:

— Не знаю такого.

Да, прощай будущее. Вот оно — снова стало прошлым. Я лишился Моисея, потерял Филби, навсегда расстался с Геделем и Уоллисом. Сплошные потери. Сегодня утром я чуть было не потерял Нево — и, может быть, самого себя.

— Так вот, — продолжал рассказывать подполковник, — сначала мы шли через ледники, и даже стали притормаживать — что-то там случилось с механикой времяперемещений — я в этом не разбираюсь, на то есть джаггернаутчики — а потом засели во льдах, и, думаю, выбирались из них месяц. Спас нас только ядерный реактор и теплые зимние шинели. Представляете, какая дикость — целый месяц видеть перед собой только глыбы льда. Я уж чуть было не принял решение остановиться и разбить ломами ледяную стену, чтобы посмотреть, что там происходит.

— Оледенение, — машинально заметил я.

— Ну, да, оледенение. Но мы же не представляли, сколько в нем торчать — ведь все это теоретические научные догадки — ни один из этих ученых — кроме вас, — моментально по-

правился он с легким поклоном, — не видел прошлого Земли. Не зная точно пункт вашего назначения — как бы мы могли вычислить вас?

А вот это уже интересно. Откуда, в самом деле, они могли узнать, в каком веке и в каком периоде, эпохе я нахожусь. Ведь это сотни миллионов лет, и даже остановившись в одном из годов на несколько минут, вечности не хватит, чтобы отыскать меня! Тем более, если бы машина не разбилась, и я продолжал путешествовать по времени взад и вперед — искать меня им как иголку в стоге сена!

Я подозрительно скосил глаза на Гибсона, который тем временем рассказывал о том, как вязли армейские башмаки в болотах, как тонули в грязи тяжеловесные джаггернауты, и как какие-то доисторические крысы сожрали часть запаса обмундирования.

— Джаггернаут, — пробормотал я машинально, — класса «Мясник»?

Гибсон посмотрел на меня в недоумении.

— Что вы сказали?

— Я говорю — джаггернаут называется «Мясник»?

Я с растущим ужасом наблюдал недоумение на его лице. Неужели это гости из иного, аль-

тернативного будущего — и мне никогда уже не выпутаться из всей этой истории?

Но тут за спиной раздался смутно знакомый голос, так и пригвоздивший меня к месту.

— Боюсь, ваши сведения несколько устарели, сэр. Джаггернауты класса «Мясник» — в том числе и старина «Рэглан» — списаны с вооружения английской армии уже в конце тридцатых годов. Так что, вполне естественно, подполковнику они не знакомы.

Я развернулся в кресле и увидел перед собой знакомую фигурку в пятнистом берете и комбинезоне — она приближалась несолдатски грациозной походкой, протягивая руку. Я пожал маленькую крепкую ладошку.

— Капитан Хилари Бонд, — с улыбкой сказал я. — Как же я рад вас видеть!

Она оценивающе оглядела мою бороду и одеяние из шкур. — Вас узнать несколько труднее, сэр, но тем не менее я не ошиблась. Удивлены нашей встрече?

— После стольких приключений во времени, меня уже ничто не удивляет, Хилари!

9. Экспедиционные силы времени

Гибсон и Бонд объяснили мне цель экспедиции. То есть, зачем, собственно, они пришли по мою душу.

Ну, это, естественно, понятно, что по мою — иначе что они еще здесь забыли, в далеком безлюдном палеоцене?

Благодаря развитию ядерных реакторов из каролиния Британия и Америка приступили к производству платтнерита. К промышленному производству! То есть дело было поставлено на широкую ногу. Теперь конструкторы машин времени больше не занимались облупливанием моих первых моделей, ограблением моей старой мастерской, а работали самостоятельно.

Существовала опасность, что германские «воины времени» могут предпринять диверсию против Британского прошлого. К тому же вскоре всплыл факт моего исчезновения. Были срочно предприняты усилия по организации экспедиционного корпуса, обладавшего, помимо платтнеритового корпуса, специальной аппаратурой, способной выслеживать излучение платтнерита. Вряд ли в историческом прошлом этого района

Лондона существовали залежи изотопов и тяжелых элементов, так что вычислить меня было просто, двигаясь скачками по пять миллионов лет. Они знали примерное место моего отбытия, и поэтому прибыли в радиусе полу мили от места предполагаемого исчезновения. Но так как мы перешли жить на берег моря, наши поиски несколько усложнились. И вот наступил день, когда подполковник Гибсон вовремя вышел из лесу, услышав жадный рев крокодилоподобного пристикампуса.

Итак, задачей экспедиции было — найти путешественника во времени и предупредить будущее от посягательств коварных германцев!

Была подготовлена специально обученная и тренированная группа военнослужащих, пусть дилетантски, но знакомых с основными физическими принципами перемещения во времени. В группе были также орнитологи, климатологи и тому подобные исследователи. Этим «ученым сапогам» были прочитаны курсы лекций по флоре, фауне, климату и геологии ископаемого и доископаемого периодов, начиная от Кайнозойской эратемы и вплоть до Криптозойской эры и Архея. Гибсону, например, приходилось заносить кучу сведений по древней истории в бортовой журнал

экспедиции, который он вел как ее начальник.

И все время ежедневно и еженощно часовые несли дозор по периметру лагеря (вот зачем расчищался лес и увеличивалась территория открытой местности — чтобы не оставить противнику ни малейшего шанса!), военные разглядывали с вышек небо и море в полевые бинокли, ожидая появления врага. И тогда исследователи снова становились солдатами. Их задачей было не изучение диковинных цветов и бабочек, а поиск германцев: врагов, прячущихся среди чудес прошлого.

Несказанно гордясь своим дикарским прошлым, я все же с охотой сменил костюм из шкур на легкую тропическую форму, в которую были одеты остальные. Сбрив бороду, я снова узнал, что такое мыло и что такое — увы — консервированное соевое «мясо». Спать я ложился под москитную сетку. В полной уверенности, что в случае любой опасности меня разбудит часовой. К тому же рядом, как плечи надежных друзей, высились железные джаггернауты.

Морлок вызывал такой нескрываемый интерес, что даже не смог жить в лагере, и вынужден был вернуться на стоянку древнего человека", на берег моря. Я не препятствовал ему, поскольку

знал, что упрямец не оставит своих попыток собрать машину времени из уцелевших деталей. Он даже позаимствовал кое-какие инструменты у Экспедиционных Сил. Однако помня случай с пристикампусом, с ним отрядили пару солдат, которые по очереди менялись. Гостил и я у него.

Дня через два суета в лагере наскучила мне, терпеть не могу вынужденного безделья. Так получилось, что я напросился поучаствовать в работе солдат. Скоро я доказал свою ценность в знании особенностей местной флоры и фауны, а также географии. В лагере приходилось бороться с болезнями — солдаты оказались не более подготовленными, чем я, — и тогда я стал помощником единственного доктора, довольно молодого и постоянно уставшего до чертиков «найка» прикрепленного к 9-му Гуркхскому [19] полку.

Я почти не видел Гибсона, погруженного в рутину ежедневных дел, и в том числе бюрократических проволочек. Все время требовалось составлять какие-то рапорта, отчеты для Уайтхолла, которого не будет еще полсотни миллионов лет. Вероятно, этот неунывающий подполковник охотнее бомбил бы сейчас Берлин, если бы

---

[19] Примечания: 19
Гуркхи — стрелки из непальцев в английской армии.

от этого города еще что-то осталось. У Хилари Бонд, напротив, оставалось свободное время — поскольку ее основной обязанностью было доставлять экспедицию туда и обратно, бросая металлический утюг джаггернаута сквозь века, тысячелетия и геологические эпохи. Поэтому она вплотную занялась мной и Нево — проявив себя гостеприимной и чуткой хозяйкой.

Однажды мы гуляли вдвоем по морской окраине леса, а Бонд, раздвигая сильными руками лианы, упругой походкой перескакивая через корни, рассказывала мне, что случилось после моего исчезновения.

— Сначала мне казалось, что это конец. В том числе — войны. Что защищать? — Купол похоронил под собой последние надежды.

Но все оказалось не так. Видимо, британцы привыкли воевать и уже без этого не могут. Тем более, что после Куполов еще оставались Бункеры — вот куда ушли все силы Сопротивления и остатки регулярной армии. Туда были эвакуированы военные заводы.

Я представил себе эти подземные заводы, эти утопающие в подземной темноте улиц, новое поколение детей с узкими глазами, снующих в узких тоннелях и начинающих приобретать зрение

морлоков — и опять получалось, что человечество сползает в Пещерный век. Видимо, второй его части суждено жить на поверхности — и кто знает, не станет ли земля снова пастбищем для скота, пожираемого им подобными подземными жителями?

— Так и что же война. Фронт, осада Европы…

Бонд пожала плечами.

— Вы же слышали эту пропаганду из «бормоталок» — последний удар", который должен решить все. — Она понизила голос. — Как будто нас мог кто-нибудь услышать. — По моему, линии траншей не сдвинулись ни на дюйм с 1935 года. Война пригвоздила нас к одному месту. Это как мертвая петля бесконечности. Она будет продолжаться, пока не иссякнут последние силы.

— Но за что же вы сражаетесь? Страны разрушены, города стерты в пыль, поля отравлены ядовитыми газами. Никто не может защитить мирных жителей — и никто не может остановить войну.

— Возможно, вы и правы, — ответила она. — Не думаю, что у Британии достанет сил подняться из руин даже после завершения войны. И то же самое ждет Германию.

— Так что же делать? И зачем продолжать бес-

смысленное разорение Земли и уничтожение народов?

— Затем, что мы не можем остановиться, — спокойно сказала она тоном человека, привыкшего каждое утро перечитывать свой смертный приговор. Под загаром, полученным в глубоком палеоцене, проступила бледность горожанки двадцатого века, родившейся под бетонным куполом и не знавшей солнечных лучей. — Ходят слухи, что германцы…

Мы вышли из лесу, и в лицо нам дохнул жаркий воздух побережья. Здесь его смягчал свежий солоноватый бриз, шевеливший барашками волн. Вдалеке я разглядел черную точку — мне показалось, что я вижу избушку Нево.

— Так вы говорите, германцы…

— Только слухи. Что они снова изобрели нечто небывалое.

И снова встала картина: Европа от Голландии до Альп, миллионы мужчин и женщин схлестнувшихся в войне…

Да, в этом тропическом мире такое кажется абсурдом, кошмарным сном!

— Так что же изобрели германцы?

— Бомбу. Совершенно нового типа — и немыслимой мощности. Говорят, это бомба из каро-

линия.

Я тут же вспомнил, что мне рассказывал Уоллис о достоинствах нового химического элемента.

— И само собой, второе — это их техника пространственно-временных перемещений. Говорят, у них целые моторизованные бригады машин времени.

Так что, сами понимаете, война неизбежна. И даже если бы мы хотели остановиться, теперь это уже не зависит от нас. Если оставить германцам монополию на такое оружие, они завоюют мир. И страшно себе представить, что будет дальше, потому что после завоевания мира все равно останется оружие.

В голосе Хилари прорезалось холодное отчаяние. — Поэтому наше правительство так суетится с созданием новых реакторов на каролинии, на производстве платтнерита…

— А вы не подумали о том, что германцы могут обогнать вас в другом?

— То есть?

— Очень просто. Перепрыгнуть вас.

— Что вы имеете в виду?

— Обогнать во времени. Что, если их временной скачок был продолжительнее вашего — и они вас опередили в прошлом?

— Немцы не опередили нас, — с какой-то странной улыбкой сказала она. — Потому что они тоже ищут вас. Они знают, с кого все началось, и будут выслеживать.

— Постойте, но как же вы меня…

— Очень просто. На месте развалин наши ученые провели археологические раскопки.

— Архе… — я захлебнулся этим словом, пораженный догадкой.

— Их труды вознаградились успехом. Они нашли два окаменевших скелета.

— Мой и Нево, — кивнул я.

— Второй был мало похож на человеческий. Нечто среднее между кошкой и обезьяной, с явными человеческими атавизмами «гомо сапиенса». Судя по слою, в котором они лежали — кости были на пятьдесят миллионов лет старше любых человеческих останков. Да, и оба черепа имели следы повреждений.

— Пристикампус, — прошептал я как будто из другого мира.

Да, это он. Догнал нас обоих в том другом альтернативном мире. Счастье Хилари, что она не знала о Квантовой механике (а, может, и знала?) и об этой множественности миров, которая начинала сводить меня с ума. Итак, еще один виток

Истории, в которую не вмешался Гибсон.

Несмотря на яркое Солнце, мне стало холодно. Лед растекся по моей коже, обволакивая, отделяя от остального мира — и все же оставаясь безжалостно прозрачным — и сквозь него я видел беспощадный свет времени.

— Значит, по останкам и следам платтнерита вы отыскали нас, — продолжал я разговор через некоторое время, — И наверное, готовы были отбивать меня у орды воинственных пруссов? А вам не кажется, что в этом есть определенный парадокс?

И, так как она молчала, лишь вопросительно-недоуменно поглядев на меня, я продолжал:

— Вы ведь прихватили с собой бронетехнику на случай серьезного столкновения с противником, не так ли? Германцы могли явиться сюда тоже не с пустыми руками. Очень хорошо. Славный денек. Но вот представьте, что ситуация развивается симметрично: германцы, в свою очередь, зная, чего от вас можно ожидать, воспользуются правом первого удара. И вы, опять же… Ситуация будет прогрессировать, как и та затяжная и никчемная война.

— Все может быть, — вздохнула Бонд. — Но мы только солдаты. Наше дело остановить врага.

Вот мы одолели последние футы песка, и моих ног коснулась вода палеоцена. Я протянул руки по сторонам, ощущая ладонями воздух, и заговорил:

— Вы только представьте себе, капитан Бонд, — пятьдесят миллионов лет до Рождества Христова! Что значит эта война между Англией и Германией, если посмотреть на нее отсюда?

— Мы не должны расслабляться, — отчеканила она. — Следует быть начеку. Разве вы не понимаете? Мы должны их остановить, если потребуется — даже на заре Сотворения мира.

— И где же тогда остановится война? Вам что, нужна вся Вечность, чтобы разобраться друг с другом? Или — вперед, до победного КОНЦА, пока не останется два последних человека, всего двое, и тогда последний из оставшихся в живых раскроит своему соседу череп? Так, что ли?

Бонд отвернулась — и море волшебно осветило черты ее лица своим волшебным блеском — и не ответила ничего.

Этот период спокойствия, со времени нашей встречи с Гибсоном, тянулся всего пять дней.

10. Видение

Был полдень безоблачного великолепного дня, и все утро я посвятил, как обычно, медицине, помогая доктору-гхурка. Так что к полудню я охотно принял приглашение Хилари Бонд прогуляться по пляжу.

Знакомой тропой мы быстро прошли джунгли — теперь здесь было несколько удобных просек, сделанных солдатами — и, скинув башмаки, я устремился к морю, шлепая босиком по сырому песку. Хилари тоже сбросила свои несколько более изящные туфли и поставила рядом винтовку. Закатав штаны — я заметил следы ожога на ее левой ноге — она бросилась следом за мной в пенный прибой.

— Вижу, вам по душе эта дикая жизнь, — с улыбкой воскликнула Хилари.

— Еще бы. Я стараюсь, как могу, чтобы приносить хоть какую-то пользу экспедиции. Но к десяти утра моя голова так забита хлороформом и прочими антисептическими жидкостями, что я просто перестаю что-либо соображать.

— Понимаю, — рассмеялась она. — И, когда вы перестаете что-либо соображать, вы идете

со мной.

— Да, Хилари, с вами, с вами…

Она подняла руку, останавливая меня:

— Я все поняла.

Со смехом мы выбежали на берег, мокрые, разгоряченные. Я досуха растерся рубашкой. Хилари взяла винтовку, но ботинки оставила на песке. Пройдя несколько десятков ярдов, я заметил отпечатки, выдававшие присутствие «корбикула» — зарывающихся в песок двустворчатых моллюсков, населявших этот пляж несметным числом. Через несколько минут мы заполучили добычу: прямо перед нами, на нашем пути грелась на солнышке целая куча моллюсков.

С детским восторгом Хилари собрала полные ладони. Мы были совершенно одни на пляже. И я вдруг с новой силой почувствовал этот идиллический мир палеоцена, и каждую песчинку под ногой, и каждую каплю пота на уже начинающей лысеть голове — и животное тепло, исходившее от женщины рядом со мной. И вся стройная квантовая система Множественности Миров слилась для меня в два понятия — Здесь и Сейчас.

И мне тут же захотелось обсудить кое-что с Хилари.

— Ты знаешь…

Но она выпрямилась, оборачиваясь к морю.

— Послушай.

Я смущенно завертел головой, прислушиваясь к шуму леса, шелесту морских волн и величественной пустоте неба. Единственными звуками были тонкое шевеление бриза в лесу да шлепанье воды по прибрежной кромке.

— Что такое?

Но ее лицо уже изменилось: это было лицо солдата, проницательное и настороженное одновременно.

— Одномоторный, — проговорила она. — Это двенадцатицилиндровый «Даймлер-Бенц».

Вскочив на ноги, Хилари приложила ладони ко лбу, вглядываясь в небо. Тут и до моего слуха донеслись незнакомые звуки. Казалось, где-то гудит насекомое, приближаясь со стороны моря…

— Видите? — показала Хилари. — Вон там.

Я посмотрел в направлении ее руки, и тут же заметил странную рябь над поверхностью моря, к востоку от нас. Клубящаяся точка — размером с месяц, когда он появлялся на небосклоне, и к тому же с едва заметным зеленоватым свечением.

Но в центре этого воздушного колебания находилось нечто плотное, имевшее крестообразную форму — оно приближалось к нам с восточной,

германской стороны. Жужжание усилилось.

— Бог мой, — вырвалось у Хилари Бонд. — Это «Мессершмитт»! И похоже, «бэ-эф сто девять-эф»...

— Мессершмитт, немецкое слово, — повторил я, понимая, что выгляжу полным идиотом.

Она посмотрела на меня.

— Еще бы — конечно, немецкое. Вы что, не поняли?

— Что я должен понять?

— Это немецкий аэроплан. «Die Zeitmaschine» пришла охотиться на нас!

Наклонившись, как замершая в воздухе чайка, к поверхности вод, она пошла параллельно морю, к берегу. С нарастающим шумом, и так быстро, что нам пришлось вывернуть шеи, чтобы увидеть, как она проходит над нами на высоте в сотню футов.

Машина была тридцати футов в длину и немногим меньше в размахе крыльев — отчего издалека напоминала идеальный крест. На носу у нее вращался пропеллер — должно быть, он и вызывал ту самую рябь в воздухе. Иссиня-серое днище и крапчатые бока — не иначе, как для маскировки. Черные кресты на фюзеляже и крыльях недвусмысленно указывали страну происхождения,

и это были не единственные воинственно-милитаристские знаки на раскрашенном корпусе летательного аппарата: мелькнули орлиная голова, воздетый меч и тому подобное. Как татуировки у уголовников. Под брюхом висели покрашенные все той же небесно-синей краской шестифутовые бомбы каплевидной формы.

На секунды мы с Бонд замерли, завороженные зрелищем, словно религиозным видением.

Возбудимый молодой человек, похороненный во мне — тень бедного потерянного пропавшего Моисея, вздрогнул при виде этой элегантной машины. Что за приключение для пилота! Что за славный вид! И какое мужество нужно, чтобы бросить такую машину в почерневшее от дыма небо Германии 1944 года — подняв его так высоко, что Европа ляжет под крыло как расстеленная карта, покрытая настоящим песком и морем, и лесом и крошечными, кукольного вида людьми — а затем еще включить платтнеритовый контур и уйти во Время. Я представил себе, как мелькает перед этим кораблем поднебесным метеоритом Солнце и как визу виден изменяющийся пластичный ландшафт, словно вылепливаемый невидимой рукой, течет и деформируется…

Затем крылья снова сверкнули, наклоняясь,

и самолет пошел пропеллером на нас. Машина легла на крыло и ушла вверх, взмыла за лес, в направлении лагеря Экспедиционных сил.

Хилари побежала, прихрамывая по песку, оставляя левой ногой ассиметричные воронки в песке.

— Куда ты?

Схватив башмаки, она стала натягивать их, проигнорировав носки.

— Куда, куда… В лагерь, конечно!

— Но… — я бессмысленно уставился на маленькую трогательную горку моллюсков. — Ты же не сможешь перегнать мессершмитт? Тогда зачем? Что ты собираешься делать?

Схватив винтовку, она выпрямилась, вместо ответа удостоив меня равнодушным взором. После чего развернулась и бросилась по тропе, уводившей в джунгли, исчезнув через некоторое время под сенью диптерокарпусов.

Шум мессершмитта растаял в небе, заглушенный шелестом крон. Я остался на пляже в полном одиночестве, среди моллюсков и шелеста прибоя.

Все это казалось совершенно нереальным: война, вмешавшаяся в идиллию палеоцена? Я не ощущал страха — лишь странное чувство полной

потерянности.

Наконец я сбросил оцепенение и уже был готов последовать за Бонд, в чащу. Но не успел я потянуться за ботинками, как тонкий нечеловеческий голос донесся до меня через пляж:

— Нет! К ВОДЕ! Скорее, к воде!

Это был Нево: морлок ковылял ко мне по песку, спотыкаясь, часто тыча клюкой из коряги, при этом маска не его лице тряслась, отгибалась, ходила волнами.

— Что это? Ты видел, что происходит? Эта «Zeitmaschine»…

— В воду.

Он налег на свой костыль, точно марионетка на палке, тяжело и часто дыша. Слова выходили из него толчками:

— В во… ду. Мы должны… зайти…

— У меня нет времени купаться, дружище! — рявкнул я. — Ты что, не видишь..

— Не… понял, — выдохнул он. — Ты… Ты не… придешь…

В растерянности я обернулся к лесу. Над кронами выскользнула «Zeitmaschine», легкая, изящная и стремительная отсверкивая голубой и зеленой краской. Скорость у нее была потрясающая, а отдаленный шум напоминал сердитое жужжание

насекомого.

И тут я расслышал дробное покашливание орудий и свист снарядов.

— Они отстреливаются из зениток, — обернулся я к морлоку, уже охваченный азартом войны, свойственным представителям человеческой расы. — Понимаешь? Самолет вычислил лагерь, но они держат оборону…

— Море… — упрямо выдавил Нево. Он дергал меня за руку, точно ребенок — слабо и настойчиво — так что я был вынужден оторваться от картины воздушного сражения. Отлипшая от лица маска с щелястыми прорезями глаз и жалобно раскрытый рот были у меня перед глазами. — Сейчас море — единственное убежище. Последнее…

— Убежище? О чем ты говоришь? Сражение происходит в двух милях отсюда.

— У них бомбы. В этом варианте Истории у германцев очень опасные бомбы… Это каролиний.

— Но я…

— Ты все равно ничем не поможешь. Все, что ты сейчас можешь сделать — это спастись. Потому что если не будет тебя — это никогда нельзя будет исправить.

Так налегая на меня и дергая, он постепенно достиг своего, и я позволил завести себя, точно

ребенка, в воду.

Скоро мы достигли глубины четырех футов или больше. Морлок ушел в воду по самые плечи, в то же время не переставая заталкивать меня на глубину, пригибая, так что я предостаточно наглотался соленой воды.

Мне все еще неясен был его план, пока над лесом не показался мессершмитт и тут же развернулся на следующий заход, точно хищная птица, не из плоти и крови, а из металла и масла. Разрывы зенитных снарядов окружали ее облачками, плывущими в палеоценовом небе.

Это был первый воздушный бой, который мне довелось видеть — и он потряс меня. Я представил себе, сколько же подобных картин разворачивалось в небе Англии 1938-1944, я увидел этих людей, падавших с неба, точно мильтоновские ангелы. Это был апофеоз войны! Что такое гнить в траншеях в сравнении с перспективой взмыть над полем боя и потом разбиться об него в лепешку — или выйти победителем?

Теперь мессершмитт почти лениво уходил спиралями от разрывавшихся снарядов, постепенно набирая высоту. Достигнув пика подъема, он на миг словно застыл в нескольких сотнях футов над землей.

И тогда я увидел Бомбу — металлическую гондолу голубого цвета, которая, отделившись от аппарата, стала приближаться к земле.

В это время один снаряд продырявил крыло летательного аппарата. Вспышка — и охваченная пламенем «Die Zeitmaschine» стала кувыркаться в воздухе, окутанная дымом.

У меня вырвался вопль восторга.

— Меткий выстрел" Нево — ты видел?

Однако морлок вынырнул из моря только затем, чтобы схватить меня за шею и пригнуть к воде.

— Ниже, — прожурчал он. — Они не должны тебя увидеть…

Последнее, что я успел заметить — черная полоска дыма, перечеркнувшая небо в месте, где падал мессершмитт, и сияющая звезда бомбы под ним.

И голова моя ушла под воду.

11. Бомба

Мгновение — и мягкий свет палеоценового солнца померк.

Малиново-багрово-пурпурное сияние затопило воздух над поверхностью воды. Грандиозный раскат целой симфонии звуков хлынул на меня: это был шум взрыва, тут же перекрытый ревом, огнем, странным электрическим цокотом, треском разрываемых небо молний — и еще тысячей других звуков, в которых трудно было вычленить хоть один. Все это было заглушено несколькими дюймами воды надо мной, но все же при этом оказалось настолько громким, что я был вынужден зажать уши. Я заорал, обдавая лицо потоком подводных пузырей.

Первый взрыв смолк, но шум не прекращался. Вскоре у меня вышел весь воздух, и я инстинктивно высунул голову над поверхностью моря, захлебываясь и отряхивая воду с лица.

Шум был невообразимый. Над лесом стоял фонтан света, на который было больно глядеть. Воспаленными глазами я успел только уловить огненный шар, который не то вращался, не то клокотал посреди леса. Горящие деревья кувыр-

калились в воздухе как спички, из лесу выбегали уцелевшие звери, семейство диатрим сломя голову мчалось к воде, кургузо семенил по песку взрослый пристикампус.

Огненный шар тем временем буравил землю, точно пытаясь зарыться в нее. В небо вылетали столбы пара и целые каменные глыбы, очевидно, насыщенные каролинием. Каждый был центром бьющей из него энергии, так что можно было наблюдать рождение семейства целого метеоритов.

Плотный клуб огня стал вновь вставать над лесом, выплескивая языки пламени высотой в сотни футов, встающих сияющим конусом света над эпицентром взрыва. Туча дыма и пепла, вместе с обугленными головешками, углями и искрами, стала собираться над этим местом, как перед грозой. И, наконец, вверх выбился сияющий, подсвеченный огнем столб пара, видимо, подземный гейзер, выбитый взрывом на месте воронки. Он был зловеще-красным, будто бы из-под земли била кровь.

Нам с Нево не оставалось ничего другого как отсиживаться под водой, максимально задерживая дыхание, потому что жар над местом падения бомбы стоял невыносимый — воздух

рябило от зноя, и пронизывающий раскаленный самум дышал на несколько миль вокруг. Лишь на несколько секунд выныривали мы, чтобы перевести дыхание, закрывая голову руками от падающих сверху углей.

Наконец, по прошествии нескольких часов, Нево решил, что наступил относительно безопасный период, когда можно выбраться на берег.

Я намок за эти часы сидения под водой. Обожженные лицо и шея опухли, меня терзала страшная жажда, а тут еще пришлось тащить морлока — тот выдохся раньше, и последние силы оставили его.

Пляж было трудно узнать. Райский уголок, в котором я собирал раковины моллюсков с Хилари Бонд, всего за несколько часов превратился в ад, усеянный горящими углями диптерокарпусов, дымящимися останками флоры и фауны, ошметками плоти и мясистых сочных стеблей, пропахший гарью жженого волоса и шерсти, коры и горелой кокосовой скорлупы, запятнанный лужами тлеющей древесной смолы. Жар со стороны леса по-прежнему был непереносим — огонь еще с треском прогрызался сквозь чащи — и столб каролиния сиял, отсвечивая во взволнованных водах моря. Споткнувшись о какую-то обуглен-

ную тушу, — мне показалось, что это птенец диатрима, но разглядывать я не стал — я нашел относительно чистый пятачок песка, разгреб ногой толстый слой пепла и усадил морлока.

Отыскав ручей, теперь иссякший, я нацедил тонкую струйку в сложенные ладони — вода была грязной, с хлопьями сажи, растворенными в ней, но жажда была так непереносима, что, не думая, от чего и кого осталась эта сажа, я выпил эту воду большими жадными глотками.

— Хорошо. — услышал я собственный голос, хриплый от дыма и усталости. — Вот так оно и бывает. Стоило человеку меньше года прожить в палеоцене, как… вот она, цивилизация, уже здесь!

Нево зашевелился. Он пытался подняться, но с трудом отрывал голову от песка. Маску он потерял и теперь не мог разлепить громадное веко, — оно, как и все лицо, было в песке. Снова морлоку выпало испытание — увидеть воочию, что такое война среди людей — явление, незнакомое его роду.

Медленно, бережно, словно поднимая ребенка, я оторвал его от песка, и посадил. Ноги его дрожали от усталости и напряжения.

— Спокойно, старина, — сказал я, — выкараб-

каемся.

Единственный глаз морлока наполнился слезами. Он несколько раз всхлипнул.

— Что такое, — склонился я к нему. — Ты что-то сказал?

— Невык…

— Что?

— Не выкарабкаемся…

— Почему? Огонь ушел в сторону.

— Огонь тут не при чем. Радиация. Теперь она будет уничтожать все живое неделями, месяцами — и даже годами. Огонь ушел, радиация осталась. Это не безопасное место.

Я обнял его, и мы остались на песке. Ждать пока сомкнется тьма, осядут останки и радиоактивные осадки, и сомкнется Тьма. НО что-то не давало мне опустить руки.

— Тогда, — встрепенулся я. — Мы выйдем отсюда и посмотрим себе убежище.

И невзирая на боль от ожогов, я подхватил его на руки, и двинулся черной равниной.

Уже смеркалось — близился вечер, когда мы одолели милю, и небо над нами очистилось от сажи и копоти. И, тем не менее, раскаленный оплавленный кратер, где догорал каролиний, светился вдали, как лампы Олдиса, падавшие на

Лондонский Купол.

Прямо мне под ноги из уцелевшей окраины леса выбежал молодой пристикампус с широкой зубастой пастью и свешенным языком. Он волочил за собой ногу и беспокойно вертел головой по сторонам — оба глаза запеклись от пожара.

Я почувствовал под ногой чистый песок, и соленый морской рассол коснулся моих ноздрей. Океан масляно блестел в свете каролиния, и природа по-прежнему сохраняла красоту и величие, несмотря на глупость людей. Шум волн убаюкивал меня, и океан казался последним оставшимся другом.

И вдруг мечтания развеял отдаленный зов:

— Эге-гей!

Кто-то шел навстречу — и на расстоянии где-то четверти мили я разглядел фигуру, которая махала рукой и двигалась мне навстречу.

Некоторое время я не трогался с места — просто потому что не было сил. Да и кто это мог быть? У меня почти не оставалось сомнений, что после такого взрыва экспедиционные силы погибли в огне, и, кроме нас с Нево, в этом мире никого не осталось.

Это оказался солдат экспедиционных сил, удаливший далеко по какому-то поручению в

лес, — как он объяснил. На нем была обычная короткая тропическая униформа, темно-зеленая, традиционного цвета английских стрелков панама и пулемет с заряженной лентой. Это был высокий рыжеволосый ирландец худощавого сложения. Лицо его показалось мне знакомым. Как он вообще мог разглядеть меня в наступающей темноте, закопченного дымом и сажей, оставалось для меня загадкой. Трудно искать негра с черной кошкой в темной комнате — это про нас с морлоком.

Воин сдвинул шляпу на затылок.

— Вот это мы попали, не так ли, сэр? — у него был четкий, немного резковатый тевтонский северо-восточный акцент.

— Стаббинс? — я вспомнил его.

— Так точно, сэр. — Он обвел пляж рукой. — Я занимался картографированием местности. Отошел на шесть миль и вдруг вижу — Джерри [20] над морем. И тогда пошла писать губерния! Ну, да нам такие штуки известны.

И он как-то неуверенно посмотрел в сторону лагеря.

Пытаясь скрыть крайнюю усталость, я перенес

---

[20] Примечания: 20

Сокращенное «Germans» — «джерманз» — т. е. — германцы, немцы.

вес на другую ногу.

— Туда возвращаться нельзя.

— Это кто сказал?

— Он. — Я показал на морлока.

Стаббинс поскреб в затылке — короткие волосы издали звук платяной щетки.

— И мы уже ничем не можем им помочь.

Он вздохнул.

— В таком случае, что будем делать, сэр?

— Думаю, надо пройти дальше по пляжу и отыскать убежище на ночь.

— А как же дикие звери, сэр? — он беспокойно схватился за пулемет. — Патронов не так много. Я взял с собой самую малость, когда уходил из лагеря.

— Сегодня им не до нас. Звери палеоцена еще долго не придут в себя после сегодняшней атаки людей. А вот костер нам развести придется в любом случае. Спички есть?

— О, конечно, сэр! — он хлопнул по нагрудному карману, где с готовностью брякнули спички. — Можете не беспокоиться.

— Понятно.

Стаббинс заметил, что я уже шатаюсь, и дрожь в руках. Он перевесил пулемет за спину и принял у меня бессознательное тело морлока. Парень

он был сильный. Так что эта ноша его ничуть не тяготила.

И так мы двинулись вдаль по берегу с лучшими надеждами на будущее — отыскать укрытие и место для ночлега.

12. Мир после бомбы

Утренняя заря была свежей и чистой.

Я проснулся раньше Стаббинса. Нево оставался в беспамятстве. Я прошелся по пляжу у прибоя. Солнце успело обогнать меня, уже встав над океаном, и становилось не на шутку жарко. В уцелевшем лесу раздавались привычные шорохи и крики, обитатели джунглей были заняты своими делами. Преданы своим мелким заботами гладкая черная форма — наверное, скат — скользил на поверхности воды в сотнях футов от побережья.

В эти первые мгновения нового дня мир палеоцена показался мне все тем же нетронутым и полным сил, каким был до появления экспедиции Гибсона. Но пламенный столб все еще сиял сквозь лес, разрастаясь, пока не достиг тысячи футов в поперечнике. Сгустки пламени — крошки оплавленного камня и земли взлетали вверх вдоль столба, по сияющей параболической траектории. И над всем этим простиралось зонтом черное облако гари и паров, которое слабо колыхал ветер.

На завтрак у нас была вода и пальмовые орехи. Нево едва пришел в чувство, как сразу стал

заклинать нас со Стаббинсом ни в коем случае не возвращаться в лагерь — ни даже близко появляться от места, где он остался. Возможно, в палеоцене осталось всего трое людей, и нам предстоит думать, как выжить в будущем. Нево считал, что нам лучше убраться подальше отсюда, присмотреть себе новое место. Хотя бы в нескольких милях отсюда, куда не доберется радиоактивное излучение каролиния.

Но и по глазам Стаббинса, и по голосу совести, я знал, что мы примем иное решение. Такое неприемлемо для нас обоих.

— Я возвращаюсь, — сказал, наконец, Стаббинс, с прямотой, прорвавшейся сквозь учтивость. — Мне понятно все, что вы тут говорили, сэр, но там могут быть раненые, которым нужна помощь. Я не могу оставить их на произвол судьбы. — В его открытом честном лице отразилось сострадание. — Не так ли сэр?

— Да, Стаббинс, ты прав.

И мы отправились обратно по полоске песка, когда-то называемой пляжем. Вот она постепенно чернела, превращаясь в тропу войны, устланную головешками и горелыми тушами животных — волны еще не успели смыть это в океан. На шее у нас были связки кокосовых скорлуп, на-

полненных свежей водой — на случай, если там потребуется кого-то напоить.

Нево предупреждал — смертельно опасно приближаться к воронке больше чем на милю. К полудню, когда Солнце высоко стояло в небе, мы достигли этой роковой черты. Мы уже находились в тени черного пепельного зонта, распахнутого над головой. Свет, исходивший от воронки, был столь ярок, что наши тела отбрасывали вторую тень.

Мы ополоснули ноги в море. Под ногами привычно зарывались в песок раковины моллюсков, метались вспугнутые черепахи.

Наконец мы покинули пляж и углубились в лес. Точнее, в то, что от него осталось. Все вокруг было как в страшной сказке. Мы собирались обойти эту опасную воронку на расстоянии, в надежде обнаружить кого-то в живых. Школьного курса геометрии вполне хватало, чтобы определить, что при этом нам придется совершить шестимильную прогулку и снова выйти на пляж. Однако то, что просто на бумаге, иногда не осуществимо в жизни, и у нас не было такого циркуля, чтобы описать правильную и безопасную дугу или окружность у этого места. Поэтому, откровенно говоря, меня брали сомнения насчет нашего

похода. В лучшем случае, это займет все время до вечера, учитывая то, что идти нам придется по обугленным корягам и завалам пожарища.

Мы были близки к эпицентру взрыва — на что указывали обезглавленные, лишенные крон и разбитые в щепки деревья. То, что могло стоять веками, было разрушено в секунды.

Теперь уже дневной свет не проникал так робко и загадочно в лес — ему не мешала листва, и наши головы беспощадно пекло полуденное Солнце. Но и здесь, в этом разоренном выжженном лесу, была жизнь, что можно было определить по крикам, шорохам и прочим звукам джунглей. И кроны теперь заменяла крона из пепла, выросшая за одну ночь из воронки.

Это багровое сияние, казалось, выморило все в округе — все зверье убралось глубже в лес. Оттого лес казался сумрачным — не только птицы и крупные животные, но даже насекомые сбежали из раненого искалеченного леса, и зловещая тишина была нарушена только шорохом наших шагов, да горячим клокочущим дыханием из бомбовой воронки.

Кое-где еще дотлевали стволы и крошились угли, так что вскоре насколько раз обжег босые пятки. Я обвязал ноги пусками травы и вдруг

вспомнил — то же самое делал я, выбираясь из горящего леса 802701 года. Несколько раз мы набредали на обугленные трупы животных, которых врасплох застигла катастрофа — они даже понять ничего не успели. Несмотря на порядком погулявший здесь огонь, разложение не прекращалось — над лесом стоял смрад гнили и разложения. Раз я наступил на осклизлые останки какого-то зверька — по-моему, это был планететериум — и бедняге Стаббинсу пришлось ждать и выслушивать мои ругательства, пока я счищал останки с подошвы.

Примерно через час мы вышли на зловещий бугорок. Запах стоял такой, что пришлось прижать к лицу платок. Тело было настолько обезображено огнем, что сначала я принял его за труп животного — может быть, молодой диатримы. Но тут же услышал за спиной крик Стаббинса.

Я подошел поближе — из почернелой массы высовывалась женская рука. Она чудом уцелела: пальцы были сложены, как у спящей на безымянном пальце блестело маленькое золотое кольцо.

Бедняга Стаббинс отшатнулся в сторону, к деревьям, и я услышал, как его рвало. Я снова почувствовал себя по-дурацки, стоя среди выгоревшего леса, увешанный гирляндами орехов

с водой.

— Что, если все они — такие, сэр? — спросил Стаббинс, наконец.

— Какие?

— Ну, вы понимаете — такие, как она. Что, если мы так и не найдем никого в живых? Если их всех постигла та же участь?

Положив руку ему на плечо, я искал силы, которой не чувствовалось.

— В таком случае, вернемся на пляж. И будем пытаться выжить дальше. Но мы сделаем все, от нас зависящее, Стаббинс. Мы должны это пройти. Иначе потом не простим себе этого. Давай, это ведь только начало.

Белые белки глаз выкатились на его чумазом лице.

— Нет, — сказал он. Вы правы, сэр. Мы сделаем все — если есть еще смысл. Но…

— Что такое?

— Ах — ничего, махнул он рукой, распрямляясь по стойке «смирно», в полной готовности продолжить начатое.

Он не договорил. И в этом умолчании крылась страшная правда. Если из всей экспедиции спасся лишь он, да мы с морлоком, то мы обречены коротать здесь век до конца. И когда наши кости

покроются приливом, на этом все будет кончено. И хорошо, если наши окаменелости попадутся под лопату какому-нибудь садовнику в Хампстеде или Кью, через каких-нибудь пятьдесят миллионов лет.

Ничего не скажешь — суровая перспектива. И очень ненадежная. И что же Стаббинс имел в виду — что мы должны сделать лучшее, из того, что у нас осталось в нашем распоряжении.

В угрюмом молчании мы оставили обгоревшие останки, двинувшись навстречу тому, что готовила нам судьба.

Трудно сказать, сколько времени мы провели в лесу, потому что быстро утратили чувство времени в монотонно черном пейзаже. Даже Солнце как будто остановилось в небе над курящимися пнями. На самом же деле прошел всего час, когда мы услышали треск — словно к нам кто-то приближался со стороны чащи.

Глаза Стаббинса округлились как два шарика слоновой кости — от страха — и мы замерли, не дыша.

Что-то шло из обугленных теней, запинаясь и спотыкаясь о пни и коряги — и чем ближе, тем яснее становилось, что это человек.

С сердцем, подскочившим к гортани, я бросился

вперед, не разбирая дороги, ни того, что было под ногами. Стаббинс спешил рядом.

Это была женщина — она лежала на земле, опираясь спиной о дерево. Она тянула к нам руки и бормотала что-то неразборчивое. На ней были обгоревшие лохмотья униформы, а руки сожжены, особенно внутренняя сторона предплечий.

— Все… все будет в порядке, — лепетал ей присевший рядом Стаббинс. — Мы пришли за тобой, мы вытащим тебя отсюда, ты будешь жить, слышишь…

Лицо ее было обожжено, но губы и глаза странным образом уцелели: видимо, она как-то успела прикрыть их руками — или же на ней был противогаз, который сгорел — и на коже прилипли остатки горелой резины, отчего казалось, с лица слезали паленые струпья. Так она ценою рук спасла свое лицо.

Женщина открыла глаза — то, что это женщина, мы сначала смогли понять только по тонкому стону. Рот ее открылся и оттуда раздался слабый шепот, который мог заглушить стрекот кузнечика.

Я склонился ниже над ее лицом, стараясь не смотреть на сгоревшие уши и почерневший пенек носа:

— Воды… Ради Бога, воды…
Это была Хилари Бонд.

13. Что рассказала Бонд

Мы со Стаббинсом просидели возле Хилари несколько часов, отпаивая ее маленькими глоточками водой из наших скорлупок. Стаббинс периодически отправлялся в обход по лесу, кружил там и звал, в надежде, что кто-нибудь еще откликнется. Мы пытались обработать раны Хилари при помощи полевой аптечки, которая имелась у Стаббинса, как у каждого солдата. Но ее содержимое было рассчитано лишь на мелкие порезы и ссадины и тому подобное — и совершенно не годились для Хилари. В данном случае были попросту бесполезны.

Хилари была слаба, но в сознании, так что смогла рассказать мне все, что случилось.

После того как она оставила меня на пляже, Хилари бросилась по лесу в сторону лагеря, но не успела приблизиться и на милю, когда над ним завис мессершмитт.

— Я увидела бомбу в воздухе, — прошептала она. Я поняла, что это каролиний — только он горит так — ни с чем другим не спутаешь. Правда, мне еще не приходилось такого видеть, но рассказывали на лекциях по гражданской обороне.

Я знала, что надо делать в таких случаях — но тут оцепенела, словно кролик на забойке! К тому времени, когда я пришла в себя, времени прятаться уже не было, я только успела закрыть лицо.

Вспышка была невыносимо яркая. Свет прожигал кожу насквозь. Казалось, передо мной распахнулись двери ада. Я чувствовала, как плавится плоть, как она тает — у меня на глазах горел кончик носа, как маленькая свеча — потрясающее зрелище…

Тут она закашлялась.

Затем затряслась земля под ногами — «точно сильный ветер пронесся по лесу» — это была взрывная волна — и ее понесло, покатило, пока не ударило о ствол — и она потеряла сознание.

Когда она пришла в чувство, пламенный столб сиял из воронки, точно демон, выбирающийся из Преисподней, изрыгая пар и расплавленную магму. Вокруг нее не уцелело ни единого дерева, но ей повезло — Хилари оказалась достаточно далеко от эпицентра взрыва, иначе бы ей не выжить. К тому же ее не завалило пеплом и горящими головнями.

Она пыталась ощупать нос — и в ее руке остался отколовшийся огарок. Она непонимающе рассматривала его.

— Но боли никакой не чувствовала, — это было так странно, — рассказывала она. — Боль пришла потом, отплатив за все с лихвой.

Слушая все это в мрачном отчаянье, я не мог выгнать из воспоминаний хрупкую девушку со шрамом на ноге, с восторгом собирающую раковины на берегу моря. Всего считанные часы отделяли нас от этой картины, которая уже, увы — казалась невероятной. Но еще невероятнее была реальность.

Затем Хилари овладел сон. Ей так показалось. Когда она пришла в чувство, лес погружался во тьму — пожар понемногу унялся и боль, по непонятным причинам, отпустила. Возможно, это было вызвано нарушениями в нервной системе.

С превеликими усилиями, истощенная болью и жаждой, она поднялась и стала ползти к эпицентру взрыва. Что было равносильно самоубийству.

— Я помню эту неземную красоту сияния каролиния. Она манила меня, как пламя свечи — мотылька. Никогда не думала, что смерть может быть так притягательна.

Но, в конце концов, сработали доводы рассудка и инстинкт самосохранения, который у женщин развит лучше.

К тому времени она успела дойти до стоянки джаггернаутов.

— Я почти ничего не видела перед собой, из-за яркого сияния воронки. Оттуда шел такой шум — как от закипающей воды. Или бушующей реки. Как будто там бушевала река. Странно. Германец оказался снайпером — бомба угодила прямо в середину лагеря, и там образовался как будто вулкан, из которого хлестали дым и огонь.

От лагеря почти ничего не осталось. Даже джаггернауты разбиты на кусочки. Из четырех можно узнать только один — что это вообще было? остальные же — просто куча железа. Я не видела ни одного человека, — тут она замялась, — я была готова ко всему внутренне — к любым ужасам, но… — там не было ничего. Ни-че-го. Абсолютно. Ах, да — за исключением одной вещи — очень странно. Да, странно.

Она положила обожженную ладонь мне на руку. — На уцелевшем джаггернауте от жары полопалась и облупилась вся краска — и только в одном месте остался отпечаток — как будто тень от согнувшейся фигуры.

Она подняла на меня глаза, сверкавшие из черноты ожога. — Понимаешь? Я видела тень — это все, что осталось от неизвестного солдата — его

плоть испарилась, а кости раскрошило и разметало взрывом. Осталась только тень на броне, как пятно маскировки. — Голос ее был внешне бесстрастным, но глаза полны слез. — Разве это не странно?

Хилари пробиралась по периметру лагеря, обходя воронку. Убедившись, что живых здесь искать бесполезно, ей пришло в голову, что могут уцелеть какие-то припасы. С чего она взяла — непонятно. Видимо, рассудок ее был настолько потрясен взрывом, что в некоторых вещах она просто не давала себе отчета. Сейчас ею овладела одна мысль — как выжить. Она пыталась отыскать воду там, где только что бушевал огонь, испаривший ее даже из земли и деревьев. Надеяться она могла только на милосердный ливень с небес. Так она бессмысленно ходила по лагерю — и, наконец, отправилась обратно — туда, где по ее представлениям находилось море. Видимо, вспомнив про родник.

После этого она смутно помнила, что случилось с нею потом, и как она вышла на нас. Она шла всю ночь, ни разу не сомкнув глаз, и силе этой женщины можно было только поражаться — но, судя по всему, она ходила кругами, полностью потеряв ориентацию, пока мы со Стаббинсом не

вышли на нее.

14. Выжившие

Мы со Стаббинсом решили, что лучше всего вытащить Хилари из лесу сначала, подальше от вредоносного излучения, на пляж, к пересохшему ручью и Нево с его мазями и притираниями. Но явно было, что у девушки нет сил двигаться дальше. Нужны были носилки. Мы связали их из ветвей, перепеленав моими штанами и гимнастеркой Стаббинса. Стараясь не причинить ей лишней боли, осторожно подняли ее и поместили на эту конструкцию. Она кричала и плакала, но как только оказалась на носилках, ей стало заметно легче. Удобнее.

Мы вышли из лесу, бережно неся носилки. Стаббинс двигался впереди — и я видел перед собой стриженый затылок. Покрытый потом и пеплом. Пеплом и потом. Корни путались под ногами, Лианы хлестали в лицо, но он не дрогнув, лишь крепче сжимал рукояти носилок. Я шел в одних трусах — силы мои быстро иссякли, и мышцы тряслись мелкой противной дрожью. Временами мне казалось, что сейчас я упаду, еще несколько шагов, — надо только успеть крикнуть об этом Стаббинсу, чтобы успеть поставить но-

силки и не причинить боли раненой Хилари. Но что-то заставляло меня преодолеть чувство крайней усталости и двигаться дальше. Наверное, это решительность Стаббинса. Хилари была без сознания, лишь временами дергалась, издавая бессвязные звуки — возможно, это были болевые конвульсии.

Добравшись до берега, мы разместили носилки в тени, падавшей от леса, а Стаббинс приподнял ей голову и напоил из кокосовой «чашки». Удивительно было видеть такую трогательную нежность в простом грубом солдате. Наверное, это было чувство сострадания к ближнему — или внутренняя симпатия, или же нечто больше. Все-таки это была последняя женщина, которую нам, возможно, доведется увидеть на своем веку. Поймав себя на этой мысли, я устыдился. Возможно, ему, как и мне, было стыдно, как уцелевшему и чудом не разделившему судьбу остальных товарищей-однополчан.

Подняв носилки, мы двинулись дальше по пляжу. Полуголые, покрытые пеплом и золой сожженного леса, с носилками, сейчас мы походили на дикарей, возвращающихся с охоты. Мы шлепали по кромке побережья, вода освежала босые ступни — остальной пляж представлял

собой черную пустыню сажи в несколько миль.

Как только мы добрались до нашего небольшого лагеря, инициативу взял в свои руки Нево. Стаббинс пытался помочь, но вскоре выяснилось, что он только мешает Нево. Поймав сердитый взгляд морлока, я взял его под локоть и отвел в сторону.

— Слушай дружище, — стал втолковывать я ему. — Морлок выглядит странно, но он отнюдь не зверушка, и в медицине смыслит больше нашего. Пусть он позаботится о капитане.

Большие руки Стаббинса покорно опустились.

Тут мне в голову пришла мысль.

— Если нам надо найти остальных — если вдруг в лесу кто-то остался, то рано или поздно он выберется на пляж. А если мы развеем большой костер — такой, чтобы его было видно по всей длине побережья — а это несколько десятков миль? Да еще подбросить мокрых веток, чтобы дыма было побольше!

Стаббинс живо подхватил эту идею, тут же направившись в лес за валежником. Вскоре в чаще раздался такой треск, как будто там продирался медведь. Я почувствовал несказанное облегчение оттого, что нашел, наконец, применение недюжинным силам военнослужащего.

Нево тем временем приготовил несколько кокосовых «чашек», воткнув их в песке, и наполнив какой-то молочно-мутноватой смесью собственного изготовления. Он попросил штык Стаббинса и, заточив его как следует на камне, стал осторожно срезать остатки одежды с обгоревшего тела. Затем полил сверху этим лосьоном из скорлупы и стал растирать мягкими длинными пальцами по телу Хилари.

С начала Хилари, в бессознательном бреду, отзывалась криком на эти манипуляции, но вскоре состояние изменилось — очевидно, боль унялась и она уснула глубоким мирным сном.

— Что это за мазь, Нево?

— Успокаивающая, — ответил он, не отрываясь от дела, — в ее состав входят кокосовое масло, слизь моллюсков и экстракты некоторых лесных растений. — Поправив маску с прорезями на лице, он вылил остатки лосьона на пораженное место. — Эта мазь облегчит страдания и залечит быстрее ожоги.

— Ты предусмотрителен, — заметил я.

— Отчего же? — буркнул морлок, не переставая растирать мазь.

— Заранее приготовил все для ожогов. Как будто бы знал наперед.

— Ничего удивительного. Рядом с человеком надо быть готовым ко всему.

Получалось, меня упрекают. Я, что ли звал сюда германцев с каролиниевой бомбой? Они вообще не появлялись здесь до прибытия экспедиционных сил!

— Да я просто хотел поблагодарить тебя за девушку, а ты…

Морлок определенно лез в бутылку. Временами он становился совершенно непереносим.

Мы со Стаббинсом развели такой костер, что небесам стало жарко, набросав туда побольше зеленых ветвей для создания более густого облака дыма. Увидев результат, солдат отказался от мысли бесплодно рыскать по лесам, в надежде встретить кого-нибудь из заблудившихся товарищей. Тем более, я пообещал ему, что если на костер никто не выйдет, через несколько дней мы непременно сделаем вылазку — быть может, даже с ночевкой.

На четвертый день после бомбового удара к нашему костру стали подтягиваться выжившие. Они приходили поодиночке, по двое, обгоревшие, в лохмотьях униформы растерзанной в джунглях, где им пришлось долго плутать. Вскоре Нево устроил целый полевой госпиталь — с кроватями

из пальмовых листьев, растянувшихся рядами. Подстилки растянулись рядами под сенью диптерокарпусов. Все здоровые и те, кто более-менее держался на ногах, исполняли роль нянек и сиделок, самые здоровые уходили охотиться и доставать провиант.

Мы надеялись, что наш лагерь — не единственный, и не самый лучший. Кто знает, может быть, Гай Гибсон выжил — и возьмет ситуацию под контроль.

Этот же легкая эйфория оптимизма не оставляла нас, когда мы заметили на прибрежной полосе приближающийся к нам легкий армейский броневичок. В нем были два солдата, две молодые женщины. Но вскоре мы испытали разочарование. Эти девушки были из авангарда экспедиционных сил, высланного на разведку местности: они объезжали береговую полосу в западном направлении, выискивая пути вглубь острова.

Вскоре мы стали расставлять патрули и часовых. Часть стояла на пляже — впередсмотрящими за горизонтом, часть охраняла подходы из леса. Патрули время от времени обнаруживали останки несчастных жертв бомбардировки. Некоторые пережили взрыв, но были настолько слабы, что,

видимо, не смогли даже подать зов о помощи, — оттого их никто не нашел — и какая же страшная судьба ждала этих уцелевших! То и дел из лесу приносили аптечки — по их числу можно было понять, сколько жертв уже найдено. Нево был рад любому кусочку металла, он считал, что без него колония не проживет, не обойтись, а разрабатывать руду еще неизвестно когда мы сможем, заниматься плавкой руды… Но живых больше не объявлялось. Эти две девушки были последними — удалившимися дальше всех.

Мы продолжали, тем не менее, поддерживать сигнальный костер, хотя день за днем и ночь за ночью, надежды таяли.

Итак, из более ста членов экспедиции осталось всего два десятка выживших: 11 женщин, восемь мужчин и я. И мы с морлоком. О Гибсоне никто ничего не слыхал. И следов его в лесу найдено не было. Так же как и немецкого бомбардировщика. К сожалению, бесследно исчез и доктор-гуркху — нам его сейчас особенно не хватало.

Мы отдали все наши заботы и внимание раненым, собирая понемногу припасы и решая, как строить будущую жизнь, поскольку после уничтожения джаггернаутов мы были отрезаны от своего века, и земле палеоцена, очевидно, было

суждено донести наши кости до потомков.

15. Новая колония

Четверо умерло от ожогов и ран вскоре после того как их доставили в лагерь. Во всяком случае, их страдания были недолгими и смягченными препаратами Нево.

В таких размышлениях я пребывал некоторое время.

Каждая такая потеря погружала нашу колонию ненадолго во мрак. Я смотрел на этих молодых, во цвете лет людей в окровавленных остатках униформы, которые уходили навсегда от нас, от своего века и от собственной жизни. Их судьба была геройски коротка.

Дальше дела пошли еще хуже, новая болезнь через несколько недель начала косить наши ряды. В первую очередь она выбирала самых немощных, но затем принялась и за тех, кто не получил никаких ран и увечий — внешне. Во всяком случае. Симптомы болезни были следующие: тошнота, рвота, кровотечения, выпадение волос и ногтей, а затем и зубов.

Нево как-то отвел меня в сторону и сказал:

— То, о чем я говорил: следствие радиации, полученное вблизи каролиния.

— Всех остальных ждет то же?

Нево посмотрел на меня очень серьезно.

— Мы не можем бороться с лучевой болезнью. Только облегчать страдания. И для безопасности…

— Да-да?

Морлок засунул пальцы под маску, чтобы почесать лицо.

— Безопасного уровня радиоактивности не существует. Есть только степени риска. Таким образом, все могут выжить, но так же точно все могут оказаться поражены.

— Как — поражены?

— Последствия вплоть до самых крайних. — И он мотнул головой в сторону, куда мы относили уходивших от нас героев. Эта тропа вела к вырубке, где было расположено последнее место успокоения колонистов.

— Знаешь, — сказал я морлоку, — когда-то и мне казалось, что война — лишь способ борьбы со старым и косным порядком вещей, и что с помощью ее в мир приходит новое, вливается так сказать свежая кровь. Но теперь…

Нево почесал шерсть на лице:

— Игра с понятиями? Спекуляция общественным сознанием?

— Наверное, это кому-то нужно, — признался я, — приводить мир к таким заблуждениям, которые всякий раз усваивает каждое новое поколение. Лично я не имел опыта войны. Поэтому для меня до сих пор остается загадкой, отчего люди, долгое время живущие в соседстве и содружестве, вдруг…

С другой стороны, я рассказал Нево, что меня поразило, как ведут себя люди на войне — на примере нашей маленькой горстки уцелевших солдат я увидел, что такое солидарность, помощь и забота друг о друге, какие не проявляются и у близких родственников в мирное время. Исчезают расовые, классовые предрассудки, проблемы пола — все становится несущественным, даже армейская субординация, когда дело идет о самом насущном — спасении жизни. Да и до бомбардировки наблюдая жизнь Экспедиции, могу сказать — такой сплоченности коллектива я нигде не наблюдал.

Таим образом, приняв бесстрастную точку зрения морлока, могу согласиться, что глубокое противоречие силы и слабости лежит в душе каждого человека! Гуманоиды были некогда брутальными, и в то же время ангельски милосердны.

— Несколько запоздалые уроки от существа, с которыми проживал на планете четыре десятка с лишним лет.

Но морлок уже не слушал меня, вернувшись к своим делам. Слова милосердие и взаимопомощь, видимо, слишком мало значили в его языке.

Еще троих унесла от нас радиация. И у других были опасные симптомы — Хилари Бонд теряла волосы, — но выжила, а у одного солдата, оказавшегося ближе остальных к эпицентру, вообще ничего не проявлялось. Видимо, радиация действовала не избирательно, просто у каждого была свой уровень сопротивляемости организма, который как объяснил Нево, складывается из многих факторов. К тому же рак или какая-нибудь другая болезнь, как следствие облучения, могли проявиться гораздо позднее, в течение жизни.

Хилари Бонд оказалась старшим из уцелевших офицеров. И как только она смогла подниматься с кровати, она спокойно и властно стала распоряжаться порядком жизни в лагере. У нас установилась настоящая воинская дисциплина — хотя многое упростилось, ведь среди оставшихся тринадцати человек… думаю, солдатам было легче вернуться в привычные казарменные рамки — как в свой мир. Мир приказов, распо-

ряжений, докладов, рапортов, привычный и четкий. Интересно, подумалось мне, если нашу колонию ждет будущее — то есть, появятся дети, новые поколения — то власть начнет переходить по наследственному принципу, как в племенном союзе, или же каким-то другим образом — например, на демократических выборах у костра? И не превратится такой вот родоплеменной союз в армейский. Представляю, какое будущее было бы у этого воинственного племени с легендами о том, что их предки пришли из будущего!

У большинства здесь остались дети, родители, друзья — «там», за горизонтом времени в двадцатом столетии. Теперь им предстояло свыкнуться с мыслью, что никому не суждено вернуться домой, а также, что инструментов, взятых с собой из будущего, хватит ненадолго, и придется целиком полагаться на плоды собственного труда и изобретательности, а также на взаимопомощь.

Нево, не перестававший хлопотать о последствиях радиации, настаивал, чтобы мы перенесли лагерь дальше. Мы выслали по берегу разведывательный отряд, найдя лучшее применение остаткам бензина в машине. Наконец, решено было поселиться в дельте широкого устья реки, в пяти милях к юго-западу. Почва там была плодо-

родной, так что нас ждало большое будущее, если мы собирались заняться сельским хозяйством. Пахать и сеять.

Мы мигрировали в несколько приемов, поскольку раненых требовалось перенести на носилках. Бензин скоро закончился, и нам оставалось рассчитывать лишь на собственные ноги. Нево так приглянулась машина, что он хотел забрать ее с собой, как источник резины, стекла, металла и прочих материалов: так что в последний переход мы толкали по песку колымагу, в которую были загружены раненые и припасы.

Так, волочась по песку, четырнадцать выживших, в остатках одежд и ожогах, мы вершили свое дело. Какое у нас могло быть дело, спросите вы, у никому не нужных детях своего века, попавших в чужие времена? Выжить — вот все, что должно было волновать нас сегодня. Наверное, стороннему наблюдателю за этой жалкой горсткой людей, трудно было бы поверить, что когда-то эти существа завоюют весь мир.

На новом месте леса были нетронутыми ни пожаром, ни топором колониста. Правда, ночью даже отсюда зловеще посвечивало на Востоке, что говорило вовсе не о появлении светила. Нево утверждал, что оно останется еще несколько лет

на долгие годы. Измаявшись, после дневных трудов, я частенько посиживал на границе лагеря. Подальше от света и общества, и наблюдал звезды, встающие над этим рукотворным вулканом.

Вначале наш лагерь представлял собой лишь грубый частокол да плетеную изгородь. Но в скором времени появилось сооружение для общественных сборищ — нечто среднее между церковью и Палатой лордов. Дома строились по моему проекту — на сваях, возвышаясь не менее метра над песком.

Прямо за рекой было чистое поле, которое неугомонный Нево уже распланировал под посадки местной тропической растительности — в первую очередь злаков и лекарственных трав. Мы обзавелись даже собственным каноэ, вырубленным из древесного ствола — и тем самым получили доступ к неограниченной рыбной ловле.

Затем мы пошли еще дальше, устроив загон для небольшого семейства диатрим. Хотя эти птицезвери несколько раз вырывались на волю, вызывая переполох в колонии, мы терпели их присутствие ради мяса и яиц. Были смелые эксперименты запрягания диатрим в плуги и прочие сельскохозяйственные орудия для обработки

земли.

День за днем я все больше чувствовал повышенное внимание окружающих к своему возрасту — отсюда уважение, вызванное старшинством и опытом жизни в палеоцене. Возможно, мне предстояло стать старейшиной племени. Поначалу мне льстило, но вскоре я трезво понял, что молодые давно опережают меня во многом — и этот почет — уважение к сединам. Тем не менее, я продолжал активный образ жизни, стараясь принести больше пользы, пока не настало время, когда я буду хлопотать о том, чтобы не мешаться под ногами.

Что же до Нево, он стал совершенным отшельником в этом обществе молодых.

Как только неотложные медицинские проблемы были решены, и у него появилось свободное время, Нево стал все реже появляться в колонии, проводя все больше времени за ее пределами. Он посещал нашу старую хижину, оставшуюся в нескольких милях к северо-востоку на пляже, и там стал внедряться в лес. Я вспомнил о проекте возрождения машины времени, которой он занимался до прибытия Экспедиционных сил, Видимо, он вернулся к своей застарелой идее. Но что бы он там не искал в лесу, весь платтнерит

погиб во время взрыва бомбы вместе с джаггернаутами. Но я не стал его отговаривать, в конце концов, каждый сходит с ума по-своему. Тем более, из всех нас надо помнить он оказался самым одиноким.

16. Основание первого Лондона

Несмотря на все передряги, сквозь которые им пришлось пройти и тяготы жизни, полной лишений, колонисты были молоды и, главное, оказались крепки духом. Постепенно — как только прекратились летальные исходы, вызванные лучевой болезнью, и нам не грозила перспектива голода или быть смытыми в океан — в лагере воцарилось благое настроение, местами переходящее в праздничное.

Однажды вечером, когда тени диптерокарпусов вытянулись к океану, Стаббинс застал меня как обычно, на окраине лагеря, лицом к тлеющей на Востоке воронке. Жутко стесняясь, он предложил мне — ни много ни мало — поиграть с ними в футбол! Мое возражение, что я никогда в жизни этим не занимался, в расчет было не принято. Вскоре я следовал за ним по пляжу к площадке, размеченной на песке, с двумя воротами: столбами с перекладиной по обе стороны поля. Я заметил, что балки ля ворот были изъяты из конструкции Храма. Мячом служил кокосовый орех, из которого сцедили молоко. Восемь человек, частично женщины, частью мужчины, готовились к игре.

Вряд ли это упорное сражение останется в анналах истории спорта. Тем более, что я внес в него самый скромный вклад, стоя на воротах. Самым искусным футболистом из нас оказался Стаббинс. Нас было четверо в его команде — и не знаю, как остальные, но я выдохся через десять минут. Зато смех над полем не смолкал долгое время. Мне показалось, отползая в кусты, что это смеются дети — израненные, обожженные войной дети. Что же за существо, в самом деле, человек, способное в столь краткие сроки забыться и сбросить с себя груз несчастий и скорбной памяти, чтобы снова и снова, невзирая ни на что, радоваться жизни?

Когда игра закончилась, и все со смехом расходились, Стаббинс пришел поблагодарить меня.

— Да не за что, — откликнулся я. Вот вы действительно достойный игрок, Стаббинс. Могли бы играть в команде профессионалов.

— Да я там и играл, — вздохнул он. — Я подписал контракт в «Ньюкасл Юнайтед», в группе юниоров… но тут началась война. Скоро все забыли про футбол. Нет, соревнования были, конечно — региональные местные Лиги, И даже Армейский Кубок, но последние пять-шесть лет исчезло и это.

— Какая досада, — сказал я. — В вас пропадает

талант, Стаббинс.

Он пожал плечами, все такой же простодушный и не привыкший жаловаться на жизнь.

— Могло и этого не быть.

— Зато теперь, — поспешил я его утешить, — вы стали участником первого футбольного матча на земле — и выиграли три матча подряд. — Я похлопал его по спине. — Так-то, Альберт!

Со временем становилось все яснее, уже не на уровне понимания интеллектом, а где-то отложилось откладываясь в подсознании, что мы НЕ ВЕРНЕМСЯ. Никогда. Все дальше становился двадцатый век, несмотря на что, что мы с каждым днем приближались к нему — правда, настолько черепашьей поступью, что никакого черепашьего века не хватит. Все отдаленнее и несущественнее становились связи с ним, двадцатым веком, мало-помалу колонисты разбредались в пары. Здесь не было никакой субординации, никаких классовых или расовых различий: сипаи, гуркху и англичане объединялись по своему разумению, взаимной склонности и симпатии. Только Хилари Бонд оставалась одинока. Может быть, это было вызвано ее положением в отряде — точнее, уже в общине, а может, иными причинами.

Я напомнил ей, что в своем ранге она могла

скреплять брачные узы — как капитан обладает правом соединять пары пассажиров в открытом море. Она вежливо поблагодарила за это напоминание, но не спешила воспользоваться советом.

Вскоре стали строиться отдельные хижины, подальше от места нашей коммуны. Хилари смотрела на это сквозь пальцы, единственным ее требованием было — не уходить из поля зрения. Так что никто не селился дальше мили нашего «замка».

Хилари мудро предусмотрела матримониальные проблемы, и вскоре я понял свою глупость и недогадливость — однажды Стаббинс был замечен мною на пляже в обнимку с двумя молодыми разведчицами, которые приехали в лагерь последними. Я приветливо поздоровался, но стоило им удалиться, как я задался вопросом — которая же из них — жена Стаббинса?

— Как же так? — рассказывал я потом Хилари, — Стаббинс танцует с Сарой, а утром выходит из своей хижины с другой.

Она только рассмеялась, положив свои обожженные руки мне в ладони.

— Мой дорогой друг, — сказала она — Вы путешествовали сквозь пространство и Время на такие расстояния, как никто из людей, вы много

раз меняли историю, и несомненно, такого человека еще не знала Земля, — но все же как вы мало знаете людей!

Я был озадачен:

— Что это значит? Что вы имеете в виде, дорогая Хилари?

— Подумайте только вот о чем. — Она провела рукой по своим заметно поредевшим и поседевшим волосам. — Нас всего тринадцать — не считая вашего приятеля Нево. Из них восемь женщин и пятеро мужчин. — Она пристально посмотрела на меня. — И это все, что от нас осталось — рассчитывать больше не на что. Я что-то не вижу ни одного острова на горизонте, с которого могут приплыть молодые люди за нашими девушками.

И если бы мы заключили стабильные браки, перешли бы к моногамии, как вы предлагали, наша маленькая коммуна вскоре распалась бы. Разделилась на части. Ведь пять никак не делится на восемь, а восемь — на пять. А сейчас нам никак нельзя терять друг друга — наша колония сильна единством. К тому же генная инженерия, о которой рассказывал ваш друг Нево, как раз одобряет подобные перекрестные браки, особенно в узком социуме.

Я был шокирован (мягко сказано) Не моральными(надеюсь) трудностями, но расчетом — который стоял за всем этим!

В таких мыслях я вынужден был покинуть ее — когда вдруг одна мысль остановила меня.

— Но, Хилари — ведь я тоже вхожу в число этих пяти мужчин.

— Само собой, — отвечала она, как мне показалось, с иронией.

— Но я же не… то есть, я имею в виду, никогда бы не…

Она откровенно усмехнулась.

— Сослагательные времена прошли. То, что вы не могли раньше, вы должны успеть теперь. Пока еще есть время!

Я ушел в глубоком смущении. Как изменилось общество в период между 1891 и 1944 годами! — видимо, я стал старомоден.

Тем временем возводился наш Храм в центре коммуны и крепости. Не прошло и нескольких месяцев «после бомбы», как мы стали называть наш календарь, и стены уже были возведены.

Решено было открыть наш Храм службой по всем погибшим, о чем объявила Хилари Бонд. Сначала Нево пытался воспротивиться — аналитичному складу ума казалось это чуждым

и нецелесообразным, но я убедил его, что это политический ход, содействующий сплочению коллектива и Общества (к этому слову он относился с уважением) — и от данной встречи зависит, как сложатся отношения колонистов в дальнейшем.

Я помылся и побрился, и выглядел парадно, как только мог, надев последнюю пару брюк. Нево причесался и слегка постриг свою гриву. Многие из колонистов уже давно расхаживали голышом, прикрываясь узкой полоской ткани или шкуры. Но сегодня они надели остатки своих униформ, вычищенные и выглаженные, насколько это было возможно, и хотя такой строй вряд ли мог принять участие в смотре. Мы представляли собой если не строй, то уж во всяком случае, общество цивилизованных и хорошо построенных людей.

По узким неровным ступенькам мы поднялись в неосвещенный Храм. Пол — тоже неровный — чуть раскачивался под ногами, а из «окон» проникали редкие скупые лучи света. Я был поражен — в этот момент — несмотря на все свои недостатки, здание стояло. Более того — в нем смогли стоять люди! Что вообще удивительно.

Хилари Бонд поднялась на возвышение, со-

оруженное из бензиновой бочки, заменявшее кафедру и трибуну оратора одновременно, опершись на широкое плечо Стаббинса. Ее лицо торжественно сияло.

Она объявила об официальном обосновании новой колонии, которую собиралась назвать «Первый Лондон». Затем попросила нас присоединиться к молитве. Я свесил голову вслед за остальными и сложил перед собой руки. Мне казалось, что я, в самом деле, перенесся в храм во время церковной службы, и слова Хилари звучали ностальгически, перенося меня туда, в простую и надежную жизнь.

Но, вслушиваясь в ее слова, я отбросил все сомнения и воспоминания и постарался влиться собственной волей в общий поток единой мысли и славословия.

17. Дети и потомки

Первые плоды новых союзов стали появляться примерно год спустя, под присмотром Нево.

Морлок внимательно проверил наших первых новичков" — я слышал, как одна из матерей не решалась доверить ему ребенка, но Хилари развеяла ее страхи — и Нево объявил, что родилась отличная девочка, после чего вернул ее родителям.

Тут же без промедления — так мне, во всяком случае, показалось, появилось еще несколько детей — точно ими выстрелили из пулеметной обоймы. Забавное зрелище представлял собой Симмонс, которому приходилось обнимать и удерживать на руках сразу несколько детей, ибо основную часть обязанностей по опеке женщин-колонисток бывший футболист взял на себя. Сам еще недавно казавшийся большим ребенком, гигант стал папой нескольких малышей.

Дети вообще были источником постоянной радости для колонистов. Сразу прошли периоды депрессии, упадка, ощущения одиночества. Если так можно выразиться, дети были сильнейшим лекарственным средством — правда, не

из арсеналов Нево. Теперь не надо было думать о проблемах — вот они, дети, рядом. Это были первые люди, для которых Новый Лондон стал настоящим домом и родиной — первые люди палеоценового периода.

Я смотрел на их пухлые ручки и ножки, и мне казалось, что, наконец, с лиц их родителей впервые спадает пелена, наброшенная войной.

С тех пор стало негласным правилом: каждый новорожденный проходил обследование у Нево.

И вот пришел день, когда он не вернул ребенка родильнице. Это стало предметом частной драмы, в которую посторонние не вмешивались. Нево на несколько дней пропал в лесу, занимаясь таинственными делами и никому ничего не объясняя.

Нево придумал так называемое «групповое обучение», где все, в первую очередь он, делились секретами выживания. Там объяснялось производство свечей или одежды из местных ингредиент материалов, из подножного материала, он даже разработал собственный рецепт мыла, больше правда похожего на полузасохшую глину: из соды и сала животных. Помимо этого, он разрабатывал немало других широких тем: медицина, физика, математика, химия, биология

и принципы перемещения во времени…

Доводилось и мне сиживать на этих лекциях. Несмотря на странный неземной голос морлока, к которому никак нельзя было привыкнуть, и его манеры, читал он превосходно, и по ходу дела даже успевал задавать вопросы, чтобы проверить, поняла ли его аудитория. Он мог бы вполне вести пару дисциплин в любом из английских университетов, несмотря на то, что сравнительно недавно (50 миллионов лет назад!) освоил грамоту.

Нево постоянно вникал в речь своих слушателей, запоминая новые слова и по ходу отметая жаргон и окказиональную лексику. Часто он проводил пока демонстрационные занятия с деталями из дерева и металла или вычерчивал на песке диаграммы палочкой.

Как-то ночью мы беседовали с ним о том да о сем. Нево толок пестом в ступе пальмовые семена для какого-то снадобья.

— Бумага, — вдруг сказал он.

— Что — бумага? — опешил я.

— Нам нужна бумага. Хотя бы кусочек. Еще лучше — большой кусочек. Совсем хорошо — много больших кусочков.

— Перестань говорить, как туземец. Чего ты

хочешь?

— Нам — ткнул он пестиком себе в грудь. — Нужна бумага. Вам, людям, не хватает памяти — вы все храните на бумаге. Моим ученикам нужна бумага, иначе у них не будет хорошей памяти.

— Но они же прекрасно помнят, ты же прове…

— Они забудут все через несколько лет, — категорически ответил он, коротко звякнув ступкой. — У них не работает долговременная память, как у моего народа.

Вот те на… Теперь я понял, что он имел в виду. Нево говорил о знаниях, которые передаются из поколения в поколение, в перспективе — о книгах. Или каких-нибудь других хранилищах информации, о которых мы пока не знали. Значит, он считал нас уже проходящими, завещающими поколениями.

Подсев к нему поближе, я взял ступку и пестик из его рук.

— Но смысл, Нево? Ведь ты рассказываешь им о квантовой механике, о единой теории наук! Зачем им хранить такой материал? Им еще столько миллионов лет суждено жить дикарями, пока не разовьется человечество.

— Отнюдь, — сказал он. — Все это понадобится уже их детям — если они выживут. По принятой

теории, достаточно популяции в несколько сотен членов любых крупных млекопитающих для генетического разнообразия, чтобы обеспечить выживаемость вида.

Я тут же вспомнил, что сказала Хилари Бонд.

— Сейчас членов колонии еще слишком мало, чтобы она была обеспечена высоким уровнем выживаемости, но как только число достигнет определенного порога… единственный способ выживания — это надежная передача знаний. Они могут впоследствии стать генными инженерами, калибровать материал и просто на худой конец, избавиться от последствий лучевой болезни в генах, вызванной каролиниевой радиоактивностью. Вот тут-то им и понадобится все, включая квантовую механику.

Я ткнул пестиком в ступку.

— Ну, хорошо. Пускай. Но вот вопрос: суждено ли выжить человеческой расе в палеоцене? Не забывай про ледниковые периоды.

Он внимательно посмотрел на меня. Может быть, даже непонимающе.

— Что же, в таком случае? Ты хочешь сказать, что они вымрут?

Да, когда-то я принял решение остановить машину времени навсегда, чтобы прервать бес-

конечный поток бесконечных альтернативных историй. Теперь, когда эти люди оказались в далеком историческом прошлом (благодаря мне, в первую очередь) процесс окончательно выходил из-под контроля. Теперь мне предстояло думать не над тем, как я выберусь из этого, а как с этим будут жить мои потомки.

И тут мне припомнилось выражение лица Стаббинса, когда он взял в руки своего первенца.

Я же всего лишь человек! И повинуюсь человеческим инстинктам. Я не способен сознательно направлять эволюцию истории — это доступно лишь богам и тем, кто себя таковыми воображает. И, тем не менее, мы не должны позволить довлеть над нами этой распахнувшейся панорамой множественности событий, судеб, результатов. Мы не должны позволить Множественности Историй возобладать над нами. Каждый должен жить в стойкости духа, как если бы от нас одних, а не от Множественности зависели судьбы мира. В этом и есть, наверное, благородство человеческой души. Вынести все и твердо верить, что ты способен влиять на события, до самого последнего мига. И каждый должен стойко идти по жизни, помня об этом — пройти к самому Финалу, где Множественность уже не будет значить ничего.

— Вот так, — подвел итог Нево, забирая у меня ступку с пестиком и снова ударяя в дно. По моим глазам он выяснил, что я все понял.

— Нет, конечно, мы должны помочь колонистам и их потомкам выжить.

— И поэтому…

— Да-да?

— Нам нужна бумага, — сказал Нево, мудрый как китаец и принялся далее растирать что-то в своей ступке.

18. Праздник и после него

И вот пришел день, когда Хилари Бонд объявила, что до годовщины основания колонии осталась всего неделя. Решено было устроить небольшой праздник.

Колонисты охотно откликнулись на эту идею, и вскоре началась подготовка. Храм был обвешан лианами и гирляндами из огромных цветов. Повара готовили на своих кострах целый выводок свежезабитых диатрим.

Я тем временем лазил по скату крыши, прочищая трубы и интригуя колонистов, Чтобы не привлекать лишнего внимания, я притворился, что сплю там — и не выдать секрет моего последнего изобретения: аппарата и получаемого из него препарата. Настало время и мне продемонстрировать свои способности!

И вот праздник на заре. Мы собрались перед Храмом светлым утром, все были в возбуждении радостном. Снова на всех было все лучшее, что можно надеть — то есть обноски и огарки, которые уже хранились как выходные костюмы. Дети все были выряжены в новые мундирчики, сшитые из ткани, секрет которой производства

разработал Нево. Это был тип местного хлопка, разукрашенного растительными красителями в красный и фиолетовый цвета. Я прошел через тесную кучку людей, столпившихся на церковном дворе, отыскивая знакомые лица…

Да-да, не смейтесь. Здесь у каждого были свои симпатии и предпочтения, даже в таком небольшом коллективе.

И тут захрустели прутья, и раздалось утробное рычание.

Толпа зашевелилась:

— Пристикампус! Смотрите!

И в самом деле, словно в подтверждение этих слов вынырнула откуда ни возьмись, огромная крокодилья голова. Люди бросились врассыпную, я инстинктивно схватился за оружие, которого конечно, как всегда, не оказалось под рукой.

И тут же совсем рядом знакомый голос донесся до нас:

— Эй! Не бойтесь. Смотрите!

Панику немедленно сменил взрыв смеха.

Пристикампус — здоровый самец — вышел характерной неуклюжей походкой на площадку перед Храмом. Мы тут же расступились по сторонами он поставил левый отпечаток глубоко в песке, опуская голову… а на его спине, широко

ухмыляясь, с костром огненной гривы, шевелящейся на Солнце и ветре, сидел Стаббинс!

Я приблизился к крокодилу. Он него разило разлагающимся мясом, и один его холодный глаз так и уставился на меня, следя за мной по пути. Босоногий Стаббинс ухмылялся, также наблюдая за мной с высоты своего положения, натягивая вожжи из лиан в жилистых руках, которыми была обвязана голова пристикампуса.

— Стаббинс, — вымолвил я. — Ну, ты и даешь.

— Да, — отвечал он охотно, — конечно, это не диатрима, которую мы уже пытались запрягать — а существо более злобное. Зато на нем можно ездить на целые мили — причем не хуже чем на лошади.

— И все равно, будь осторожен с этой тварью, — предостерег я. — И потом, Стаббинс, если бы ты появись ты чуть позже…

— И что? -

— Я бы тебе тоже устроил сюрприз.

Стаббинс натянул поводья, вздымая крокодилью голову. Это было не просто и требовало известного напряжения: мышцы на его руках при этом взбугрились. Он разворачивал животное. Гигантская туша затопала по направлению к лесу, ноги двигались как поршни мощного

двигателя.

Рядом появился, откуда ни возьмись, Нево, похожий на гигантский гриб-недомерок под широченной шляпой.

— Вот это достижение. — заметил я. — Надо же — приручить целого дракона. Правда, он едва с ним справляется…

— Справится, — хмуро буркнул (как мне показалось), Нево, — Люди — существа более упрямые чем пристикампусы. — Он подошел поближе, его белая шкура блеснула в лучах рассвета. — Послушай.

Меня удивил несказанно это неожиданный шепот.

— А в чем дело?

— Я только что закончил свою конструкцию, — трагическим шепотом вещал Нево.

— Какую еще конструкцию?

— Завтра, — коротко сказал он. — Если захочешь присоединиться, всегда пожалуйста.

После чего развернулся и бесшумно убрался в лес. Миг — и белая шкурка растворилась в тени деревьев. Я смотрел ему вслед, и Солнце скребло мне затылок. Я пришел в полное замешательство, казалось, день летит вверх тормашками, а с ним и обычный порядок размеренной колониальной

жизни. Поскольку то, что должно было произойти, вдруг стало предельно ясно. Я понял, что он имеет в виду!

И тут тяжелая рука похлопала меня по спине:

— Ну, так что, — подал голос Стаббинс, — какой секрет хотел ты мне поведать?

Повернувшись к нему, я не сразу сфокусировался на его лице.

— Пошли со мной, — сказал я, наконец, со всей энергией и радушием, на которые был в этот момент способен.

Через несколько минут Стаббинс и остальные колонисты поднимали кубки — кокосовые скорлупки, полные до краев орехово-молочным ликером моего изготовления.

Остаток дня прошел в хаосе веселья. Подробности помню смутно. Мой ликер имел необыкновенную популярность — хотя сейчас я бы предпочел трубку, набитую табаком! Были танцы под неровный распев тех, кто уже танцевать не мог и ритм, выбиваемый в ладоши, исполнялись шлягеры 1944 года, которые Стаббинс называл «свингом» — так же как и телодвижения, которые под них выкомаривались. По моей просьбе они завели «Землю верных» или «Райскую сторону», а я сдержанно станцевал им свой танец, вызвав

бурю эмоций. Диатриму жарили на вертеле до самого вечера, срезая частями и непрерывно подавая к столу, и вскоре на истоптанный песок легла заря, окрашивая красным блюда с сочным жареным мясом.

Как только Солнце опустилось за деревья, компания стала быстро расходиться: большинство привыкло к куриному образу жизни, и засыпало вместе с закатом. Я распрощался с остатками компании, пожелав всем спокойной ночи, и отправился под свой навес. Сев у входа и попивая остатки ликера, я смотрел на черную тень леса, расплескавшуюся вдоль моря палеоцена. В воде ходили серебристые тени: то ли блики Луны, то ли спины акул.

Я вспомнил загадочный разговор с Нево и тут же услышал шаги по песку.

Я обернулся. Это была Хилари Бонд — я узнал ее скорее по походке — лица уже было не различить во тьме. Отчего-то я не удивился столь неожиданному появлению.

— Можно присоединиться? — с улыбкой спросила она. — У вас еще не осталось самогончика?

Я гостеприимно махнул рукой, указывая место рядом и вручая свою скорлупку. Она кокетливо отпила.

— Славный выдался денек, — сказала она.

— Да уж. Гуляли от рассвета до заката. И все благодаря вам.

— Нет, благодаря всем нам. — Она порывисто пожала мою руку — и это прикосновение было как удар электрического тока, пробивающий насквозь. — Я хочу, — заговорила она, — поблагодарить вас за все, что вы сделали для нас. Вы с Нево.

— Да ничего такого особенного мы не…

— Без вас мы вряд ли бы выжили. — Голос ее был странным до неузнаваемости. Я привык слышать в нем командные нотки, трезвое рассуждение, озабоченность, еще что-то — но тут не было ни того, ни другого, ни третьего… было совсем другое.

— А теперь, после всего, что вы нам показали, и чему нас научил Нево, думаю, у нас есть все шансы построить здесь новый мир…

Ее длинные чуткие пальцы скользили по моей ладони. И все же я чувствовал рубцы, оставшиеся от ожогов.

— Спасибо. Прямо целый панегирик. Но вы так говорите, словно бы мы куда-то уходим…

— Но вы ведь, в самом деле… уходите. Разве не так?

— Вы что, знаете о планах Нево?

Она неуверенно пожала плечами:

— В принципе. В общих чертах.

— Значит, вам известно больше, чем мне. Я должно быть пропустил несколько последних лекций и не в курсе, чем он там занят — а то можно было бы наверное, догадаться. Если он снова построил машину времени, то где же он мог раздобыть платтнерит? Джаггернауты разбиты наголову.

— Я знаю, откуда, — усмехнулась она. — Из обломков «Zeitmaschine». Странно, что вы об этом не догадались. — Судя по голосу, она, в самом деле, была озадачена такой моей рассеянностью.

Стареть начинаю, — подумал я. Или наоборот. В детство впадаю.

— Так разве вы не отправляете с Нево?

Я потряс головой. Даже не покачал? именно потряс — категорично, чтобы при этом не возникало никаких сомнений.

— Не знаю. Иногда чувствуешь себя таким старым, таким уставшим… достаточно повидавшим на своем веку.

Она сочувственно хмыкнула.

— Какой вздор! Посудите сами: вы же все это начали. — Она обвела рукой по сторонам, как будто

была обязана, в самом деле, всем этим мне. — Все это. Ваше путешествие во времени изменило это и привело вот к чему.

Она вперилась взглядом в спокойное море.

— А теперь пришло новое оружие. — Она покачала головой. — Знаете, по мощности джаггернауты времени приравниваются к атомным подводным лодкам, и поверьте мне, их командиры кое-что знают о планах генерального штаба. Так вот, сейчас, за пятьдесят миллионов лет до появления человечества, планы английского командования все равно не имеют значения. Меня всегда удивляла ограниченность штабистов. Устроить вооруженное столкновение, устранить видную фигуру… Если в ваших руках такой совершенный механизм как транспорт хроно-перемещений, да еще с комплектом вооружения на броне — то зачем тянуть, десятилетиями воздерживаться от решительных действий, рыться в биографиях Бисмарка или Кайзера, когда можно сделать бросок в прошлое на миллионы лет? Зато теперь у наших детей есть время подготовиться. Ведь мы собираемся перестроить человеческие отношения — и само человечество — разве не так? — она обернулась ко мне. — Но вы еще не достигли конца. Что есть Последнее Изменение,

как вы думаете? Вы можете вернуться к самому моменту Создания, и снова начать все оттуда?

Я вспомнил Геделя и его мечты об окончательном Финальном Мире.

— Не знаю, не знаю, как далеко это может зайти, — задумчиво произнес я. — Даже не представляю.

Ее лицо было так близко, что казалось огромным, ее глаза зияли колодцами тьмы в сгущавшихся сумерках.

— Значит, — сказала она, — вы должны отправиться туда, к истокам. Чтобы все исправить. Разве не так?

Она придвинулась ближе (хотя ближе было уже некуда) и я почувствовал тепло ее руки и дыхания.

В ней было некоторое напряжение — или сдержанность, которую она не могла или не хотела преодолеть. Я погладил ее зарубцевавшиеся шрамы, и она вздрогнула, словно мои пальцы были из льда. Но Хилари уже схватила мою руку крепко, не выпуская ее:

— Прости. Мне это не просто дается.

— Отчего? Боишься потерять авторитет, командир?

— Нет, — отвечала она, и я тут же почувствовал

себя глупо и неловко. — Из-за войны. Не время. Разве сам не видишь? Понимаешь? Из-за всех тех, кто ушел… Иногда не заснуть. Ты страдаешь сейчас, не «тогда» а «сейчас», ничто не прошло, — вот в чем заключается трагедия тех, кто выжил. Ты чувствуешь, что не можешь забыть — и чувствуешь несправедливость во совсем. Даже в том, что ты продолжаешь жить, не разделив участи остальных.

Если ты порвешь с нами, теми, кто умер,
Мы не спим, хоть маки растут
В поле Фландерса…

Я прижал ее ближе, и она растаяла на моей груди, эта хрупкая, раненая птичка.

В последний момент я прошептал:

— Но зачем, Хилари? Зачем сейчас?

— Перекрестное опыление, — пробормотала она, задыхаясь. — Богатый обмен генами.

И мы пустились в путешествие — не на край времен, но к границам нашего Человечества, находившимся здесь, на пустынном берегу первобытного моря.

Когда я проснулся, было еще темно, а Хилари уже ушла.

В лагерь я вернулся, когда уже день был в разгаре. Нево мельком глянул в мою сторону в щелястую маску. Очевидно, он, в отличие от Хилари, не был удивлен моим решением.

Итак, его машина времени была завершена. Это была коробка пяти футовая общей площадью, в которой с трудом могли разместиться двое. В некоторых деталях узнавались части мессершмитта — в первую очередь по окраске. На меня смотрел тот же орел, кусок черной свастики высовывался сбоку и главное — помятый пропеллер был водружен впереди, видимо, это была какая-то дизайнерская идея. Внутри была скамья и небольшая контрольная панель и главное — синий рычаг. Едва ли не единственная уцелевшая деталь от нашего прежнего времямобиля.

— Вот тут одежда для тебя, — без предисловий заговорил Нево. — Ботинки, гимнастерка и брюки.

Он стопкой сложил все это передо мной.

— Спасибо, — растерянно произнеся — на мне оставались только грубо скроенные трусы из звериной кожи.

Поблагодарив его, я быстро оделся. Размер меня не страшил — в палеоцене от жары и подвижного образа жизни я быстро похудел и мышцы мои

налились силой.

— И куда ты собрался? — спросил морлок.

А я, застегнув пуговицы, уверенно отвечал.

— Как куда. Домой, в 1891-й.

Он нахмурился.

— Такого года уже нет.

— Как это?

— Он затерян во Множественности миров. Туда нет обратного хода.

Я вздохнул, понятливо кивнув, и стал забираться в аппарат.

— Давай тогда вперед, а там посмотрим.

Последний раз я бросил взгляд на море палеоцена. Подумал о Стаббинсе, ручной диатриме, и о том, как красиво море на заре. Я понимал, что здесь был так близок к счастью, как нигде ни разу в своей жизни. Но Хилари была права: этого недостаточно для счастья.

Во мне все еще жило горячее желание попасть домой. Это было как зов над рекой времен, как инстинкт, который заставляет лосося перепрыгивать пороги против течения, чтобы вернуться к месту икрометания — туда, где он родился. Но я знал, как сказал Нево, что мой Но Нево был прав — мой уютный Ричмонд Хилл 1891 года утрачен. Он затерян в бесконечном множестве вероят-

ностных миров.

Что ж, решил я. Проследую дорогой перемен до самого конца и там, как знать, куда меня выведет она!

Нево вопросительно посмотрел на меня.

— Готов?

— Давно, — соврал я.

И морлок залез в коробку, протискиваясь рядом. Без дальнейших слов он потянулся к панели и выжал на себя синий рычаг.

19. Огни небесные

Я успел заметить обнаженные фигуры двух людей — женщины и мужчины, идущих по песку — и еще тень, возможно, от какого-то ящера, легла на машину времени — и нас понесло в бесцветный тоннель.

Яркое солнце палеоцена запрыгало над морем, обозначая вращение Земли, замелькала Луна, сменяя фазы и вырастая из объедка в круглый сыр. Вскоре Солнце слилось в серебряную полоску, нырявшую между равноденствиями, и день с ночью растворились в серо-голубой дымке, о которой я уже говорил.

Диптерокарпусы, плотной стеной вставшие напротив моря, задрожали зыбкой пеленой, знаменующей время от рождения до исчезновения, оттесняемые буйным ростом свежей молодой поросли, но все остальное вокруг — лес, море, превратившееся в синий туман между штормами и штилями, и я вспомнил о всех, остающихся здесь (уже «там») в палеоцене.

И тогда — без всякого предупреждения — лес вдруг облысел и сравнялся с землей. Словно сдернули зеленый покров с суши, будто скатерть

со стола — и тут же стали вырастать и исчезать все новые и новые постройки — Новый Лондон ширился и рос, вытесняя природу, протянулись мосты и дороги, высунулись в море набережные и верфи, суда заплясали у порта, и скоро все стало трудно различимо — как будто перелистываемый альбом карандашных набросков. В воздух постепенно влился лондонский смог конца девятнадцатого века, испускавший смутное сияние огней, и заметно потеплело.

Поразительно: сквозь пролетающие века, независимо от судеб отдельных зданий, основные очертания города оставались перед ними — все те же просеки стали проспектами, берега уходили в порт и набережные. Вот уже ребро центральной реки — предшественницы Темзы наметилось вместе с трассами главных дорог, остающихся в своих границах и направлениях — удивительный пример геоморфологии, как форма ландшафта управляет человеческой географией.

— Они выжили, — заявил я Нево. — Наши колонисты стали расой Новых Людей, разумных, правящих миром. И меняют свой мир.

— Да, — кивнул Нево, поправляя маску на лице. — Но помни, что мы летим со скоростью несколько столетий в секунду, и сейчас мы

в самом сердце города, уже существующего несколько тысяч лет. Сомневаюсь, что хоть что-то осталось от того, Первого Лондона, основание которого мы только что отмечали.

Я озирался по сторонам с возрастающим любопытством. Кучка колонистов теперь удалилась на расстояние древней шумерской цивилизации, какой она бы казалась, скажем, из 1891 года. Хранила ли эта широкая и занятая цивилизация хоть какие-нибудь хрупкие воспоминания о людях из той древней эры?

Меня не на шутку обеспокоили изменения в небесах: странное зеленоватое помаргивание света. Вскоре стало понятно, что это Луна, все еще пляшущая над Землей мелькающая, расплываясь — но покрытая зелеными и синими пятнами жизни.

Невероятно — населенная, обитаемая Луна! Очевидно, это новое человечество использовало космические аппараты, колонизуя спутник. Может быть, там уже возникла раса лунного человечества — вроде тех длинноногих морлоков, приспособленных к низкой гравитации, которые повстречались мне в 657 208-м! Жаль, что у меня не оказалось под рукой телескопа, ни замечательных очков морлока, чтобы рассмот-

реть подробности. И как же протекает жизнь на планете, оторваться от которой можно одним решительным толчком ноги, взлетая над пыльными каменистыми долинами и кратерами? Какие же растения-великаны могли произрастать там, не ограничиваясь в росте колоссальным притяжением Земли?

Но мне этого все равно не увидеть, Я заставил себя оторваться от праздных мыслей о Луне и переключился на земные.

Что-то зашевелилось в небе на Западе, у горизонта. Черкануло огнями по небу и замерло на тысячелетия, чтобы потом растаять. Скоро собралась целая цепочка таких искр, образуя нечто вроде моста, простершегося в небе от горизонта к горизонту. На самом верху я насчитал несколько десятков огней в этом поднебесном городе.

Я обратил внимание Нево на эту странность.

— Это что — звезды?

— Нет, — спокойно ответил он. — Земля по-прежнему вращается и звезды сейчас увидеть почти невозможно. А эти огни висят статично над головой…

— Так что же это? — озадачился я. — Искусственные спутники Земли?

— Возможно. Но в любом случае, несомненно

— они искусственного происхождения. Видимо, запущены ракетами с Земли, или с Луны, а может быть, захваченные притяжением земли астероиды или кометы.

Я смотрел на это зрелище, как пещерный человек на хвост кометы, пролетающей над его косматой невежественной головой!

— И с какой целью созданы эти станции в космосе?

— Такой спутник заменяет антенну в двадцать тысяч миль высотой.

Я скривился:

— Ну и вид! Знать, оттуда можно следить за погодой над всем полушарием.

— Такая станция может передавать телеграфные сообщения с континента на континент. А может быть там размещены фабрики.

— Фабрики?

— Ну да. Вредное производство — подальше от земной экологии. Там, на высокой орбите, можно заниматься чем угодно — хоть переработкой ядерного топлива.

Нево всплеснул руками:

— Нет, вы только посмотрите на то, что происходит с планетой.

— Да, я тоже восхищен…

— Да при чем здесь восхищение! Как, разве вы не видите: загрязнение воздуха и воды повсюду, в то время как Земля обладает ограниченными способностями впитывать и фильтровать поглощать отходы человеческой промышленности — так что со временем планета может оказаться просто необитаемой. Так что видите — Сфера неизбежна. Здесь она уже начинает проявлять себя и в этом альтернативном будущем.

Тем временем температура продолжала расти, а в воздухе не хватало кислорода — он стал душным смогом. Машину Нево дергало — видимо, при сборке он не позаботился о рессорах, и поэтому мы чувствовали под собой все кочки меняющегося рельефа. Я вцепился в скамью, одновременно атакуемый удушьем, невыносимой жарой и качкой, вызывающими головокружение и жуткую тошноту.

20. Город на орбите

Огней тем временем становилось все большее, светили они все ярче и располагались все более упорядоченно. Штук восемь выступали ярким созвездием, опоясывая небо, а остальные, очевидно, прятались за горизонтом.

Тонкие лучи ощупывали пространство, протягиваясь к земле точно длинные чуткие пальцы. Их движения были ровными, так что за ними можно было проследить — и тут я понял, что становлюсь свидетелем грандиозного инженерного проекта.

Через несколько секунд (пока я размышлял) они исчезли в мутном тумане на горизонте, словно свечи, задутые ветром. Я смотрел в небеса и гадал, что там могло случиться — может быть, катастрофа на борту станции? Но не успел я подумать об этом, как новая станция заняла это место, вспыхнув ровным свечением.

— Глазам своим не верю, — сказал я морлоку. — Неужели они протянули кабели с самой поверхности Земли до Космоса?

— Похоже, — отвечал морлок. — Если перед нами не способ беспроводной передачи энергии

на расстояние. Помнится, такими опытами занимался Тесла. Видимо, перед нами конструкция космического лифта, связывающего Землю со станциями на орбите.

При мысли об этом я усмехнулся:

— Космический лифт! Представляю себе зрелище: подниматься сквозь облака, а потом среди звезд, созерцая молчаливое великолепие Космоса. Думаю, там все устроено так, что голова не закружится.

— Да уж, наверное.

Тут я стал замечать, что и между станциями пересекаются какие-то лучи. Вскоре они соединились прямо у меня на глазах с кольцо, опоясывающее земной шар по орбите. К сожалению, пролетая сквозь время, мы не могли увидеть подробностей этого увлекательного зрелища.

Тем временем на земле, в отличие от небес, не происходило каких-либо заметных или впечатляющих изменений. Первый Лондон словно бы застыл, закоснел, приняв свою окончательную форму. Отдельные здания замерли, очевидно, становясь многовековыми и фундаментальными, в то время как другие исчезали бесследно или ежесекундно перестраивались. Воздух стал плотным, море — серым, и Земля, похоже, окончательно

опустела, ибо небеса стали более удобным и надежным приютом человеку.

Я обсудил такую возможность с морлоком.

— А что, — пожал он плечами, — вполне может быть. Не забывайте, что прошло более миллиона лет со времени основания колонии Хилари Бонд и ее людей. Народа. За такое время могли произойти глобальные изменения — причем не только в социуме, но и в анатомии существ. Называющих себя людьми. — Хм, проговорил я. — Вообще-то, конечно, да, но…

— Что — «но»?

— "И все же Солнце по-прежнему светит" — ручаюсь, он не сразу понял. Откуда цитата. — Все же не надо так сближать человека с морлоком. Пусть у них и есть аппараты для космических путешествий, но солнца они не прятали под колпаком.

— Конечно, — и он воздел бледную ладонь к небесам. — Они устроили кое-то почище того.

Я повернулся, чтобы посмотреть, на что он показывал. Это был тот же орбитальный горд, но уже за время, пока мы перебрасывались словами, он успел увеличиться в несколько раз, более того, он разрастался прямо на глазах. Гигантские скорлупы — вразброс, по тысяче миль в поперечнике отросли от линейного города, точно плоды

на ветке. Потом они эти скорлупы стрельнули в землю огнем и исчезли, свет этот продолжался несколько тысяч лет, по моим представлениям.

А скорлупки, само собой, были большими космическими кораблями.

— И куда же они собрались? На Марс, Юпитер или… Для таких путешествий не нужно столько энергии. Думаю, амбиции у Нового Человечества значительно шире. С такими двигателями, наверное, для них не только земля, но и Солнечная система оказались уже пройденным этапом.

Я посмотрел вслед удалявшейся цепочке кораблей и космических станций, которыми теперь был, наверное, наводнен весь космос.

— Что скажешь, старина? — едко я спросил морлока. — Они заткнули вас за пояс?

— Думаю, просто наши амбиции ограничивались Сферой. Мы раса библиотекарей, каталогизаторов, хранителей знания. У каждой расы свое предназначение. И, потом, ограниченные ресурсы Солнечной системы. У нас столько ушло вещества и энергии на построение кокона…

Останки Нового Лондона между тем на глазах становились дотлевающим музеем, в котором уже никто не жил. К тому же было нестерпимо жарко, расстегнул рубашку на груди.

Нево заерзал:

— Мне кажется, — промямлил он, — только что-то уж слишком быстро…

— Что такое?

Он не ответил. Нас вдруг обдало горячей волной, как из раскрытой духовки — такого нестерпимого зноя не бывало даже в палеоцене. Руины покинутого Лондона задрожали, становясь нереальными…

И затем, ярко, затмевая солнечный свет, город плеснул огнем в небеса!

21. Состояния нестабильности колебания

Пожирающий огонь поглотил нас на долю секунды — и снова жара — невыносимая жара запульсировала над Машиной Времени, и я закричал. Но к счастью — все это длилось мгновения — город лежал вокруг тонким слоем пепла. Разнесенный ветром.

Он исчез за миг в пожаре — древний, античный город с многовековой — и даже многотысячелетней историей. Первый Лондон оказался стерт с лица Земли. Тут же на арену борьбы за существование выступили новые формы жизни — какая-то зеленая слизь выступила из-под развалин — и вскоре я понял, что это зелень начинает завоевывать окрестности. Затем на берегу моря, поближе к воде и подальше от пепла, выступили карликовые деревья с кратким циклом существования. Новая жизнь пробивалась медленно, словно не спеша выбраться из небытия и первобытности. Вскоре все обволокло перламутровым туманом, заслонив Город на орбите вместе с его смутным сиянием.

— Вот оно как, — удивленно я пробормотал. — Короткая же судьба оказалась у колонии. Как думаешь, это не война? Огонь, через который мы пролетели, бушевал здесь несколько десятилетий, пока не испепелил все дотла.

— Это была не война, — буркнул Нево. — Но катастрофа, к которой человек, несомненно, приложил руку.

Странно. Деревья, появлявшиеся рядом, быстро отмирали, буквально на глазах. Они вспыхивали и сгорали как гигантские спички и в мгновение ока исчезали. И все вокруг земля покрывалась дымом, а потом под дымом перестал пробиваться зеленый ковер из трав и цветов.

Тем временем дымные облака становились все гуще и плотнее, понемногу заслонив им Луну и Солнце.

— Что это?

— Крах экосистемы, — отвечал морлок. — Перед тем как покинуть планету, твои друзья разрушили ее окончательно.

Меня сотрясал пронизывающий холод: словно все тепло из этого мира ушло через какую-то трещину. Сначала, после такой жары, это даже освежало, но когда мороз доходит до костей, это уже не радует.

— Мы проходим фазу избыточного насыщения кислородом, — сообщил Нево, — Дома, растения, трава, даже сырая древесина в таком состоянии легко воспламенимы. Но это не надолго. Этот тлишь переход к новому равновесию среды. Пока не совершится переход от нестабильности к равновесию экосистемы.

Температура повысилась — и окружающий воздух задышал прохладой ноября. Я застегнул рубашку и запахнул куртку. У меня в глазах зарябило — это мелькали хлопья снега покрывшего землю. Вскоре вся земная поверхность исчезла под коркой инея и льда, не сменяясь сезонами — мир стал незыблемой зимней пустыней.

Земля менялась на глазах. На западе, севере и юге лежал снег. Лишь на востоке палеоценовое море заметно отступило от берегов — на несколько миль. На берегу лежал тоже лед и выброшенные на берег айсберги. Солнце и бледно-зеленая Луна по-прежнему кружились на небосклоне, а в море посверкивали приближающиеся к берегам айсберги.

Нево съежился в комок, запустив длинные пальцы под мышки, чтобы отогреться. Ноги он тоже поджал под себя, став похожим на пассажира в зале ожидания на занесенном снегом

вокзале. Я тронул его плечо — оно было ледяное. Шерсть у него встала дыбом, и сам он нахохлился как птица.

— Ничего, Нево, — пытался я приободрить морлока. — Мы ведь уже проходили через ледниковые периоды и длиннее этого — и выжили. Сейчас за пару секунд мы проносимся через тысячелетие. Так что скоро мы неизбежно перенесемся в лето.

— Ты не понял, — простучал зубами морлок.

— Что?

— Это не ледниковый период. Этот уже другое будущее. Оледенение земли вызвано нарушением экосистемы и механизма ее регуляции. — он закрыл глаза.

— Эй, не спи на морозе! Что такое? Сколько это может продлиться?

Но он не отвечал.

Я уселся в такой же позе снегиря, пытаясь сохранить остатки тепла. Когти холода все глубже проникали, впивались в кожу Землю, и лед нарастал на ней слоями, век за веком, прибывая прямо на глазах, как вода. Небо над головой очистилось, и Солнце снова стало ярким, но уже не согревало — видимо это было связано с какими-то изменениями в атмосфере, которая уже не сохраняла

тепло. Земля уже была не приспособлена для проживания человека. Небесный город висел на орбите, по-прежнему сияющий и недостижимый. В небе была жизнь, но на земле ее не было.

Через миллион лет я стал подозревать страшную правду.

— Нево, — обратился я к морлоку, — Но этот же никогда не кончится — этот ледниковый период.

Он отвернулся и что-то пробормотал.

— Что? — склонился я к нему. — Что ты сказал?

Глаза его были закрыты, и он не подавал признаков жизни. То есть, был в полностью бесчувственном состоянии. Видимо, это было нечто спячки — если морлоки к ней способны. Или же просто замерзал.

Тогда я ухватил его и оторвал от скамьи. Я положил его на деревянный настил Машины времени, лег рядом и прижался, пытаясь сохранить тепло. Это было все равно, что лежать с замороженной тушей в лавке мясника, и у меня снова стали всплывать нехорошие мысли о морлоках. Однако я снес и это, преодолел первое чувство отвращения к холоду, надеясь вдохнуть в него жизнь на еще неизвестно какое время — поскольку будущее пока вырисовывалось бесперспективное. Я

растирал его, разговаривал с ним, дышал в лицо, отогревая — и наконец-таки он очнулся.

— Расскажи-ка мне подробнее о климатическом дисбалансе, — попросил я, стуча зубами.

— А смысл? — пробормотал он. — Твои друзья из нового человечества погубили нас. Мы обогнали их во времени — но что толку — земля непригодна для жизни.

— Смысл в том, что я должен хотя бы знать, из-за чего погибну.

После настоятельных уговоров морлок наконец сдался. Он рассказал, что земная атмосфера — подвижна. По своей сути. У нее есть всего два стабильных состояния. И ни одно из них не может поддерживать жизнь на Земле. Как только атмосфера перестает колебаться между этими двумя гранями, она становится непригодной для жизни.

— И все же не понимаю. Если атмосфера непригодна для жизни, откуда воздух, которым мы дышим вот уже несколько миллионов лет?

Он поведал мине, что атмосфера эволюционирует под воздействием самой жизни.

— Есть баланс — атмосферных газов, температуры и давления — который идеален для жизни. Так работает жизнь — громадными бессознатель-

ными циклами, каждый задействует биллионы слепо работающих организмов по производству тех или иных газов — чтобы поддерживать этот баланс.

Но этот баланс нестабилен. Видишь? Это как карандаш, поставленный на острие — падает от малейшего прикосновения. — Он покрутил головой. Мы, морлоки, выяснили, что вы опасно вмешались в циклы жизнедеятельности, что вы испортили важнейшие механизмы баланса в природе, и что ваше новое поколение Новых людей — этаких космических героев — не восприняло ни одного урока из истории.

— Расскажи мне об этих двух стабильностях, морлок, — похоже, скоро нас ждет одна из них!

В первом из этих летально-стабильных состояний, как поведал Нево, сжигается земная поверхность, атмосфера мутнеет от дыма и испарений и наступает парниковый эффект — нечто подобное произошло на Венере. Солнечная энергия аккумулируется и получается сверхвысокая температура. Поверхность земли обнажается и раскаляется докрасна. И в небе из-за непроницаемого слоя облаков уже не видно ни солнца, ни звезд, ни планет.

— Ну, с этим все понятно, — откликнулся я,

пытаясь подавить ледяной холод в крови, в сравнении с этим чертовым морозом это еще удачная перспектива отправиться на тот свет, ну а что же второе состояние стабильности?

Это «Белая Земля».

И, закрыв глаза, уже больше со мной не разговаривал.

22. Убытие и прибытие

Не знаю, сколько мы так лежали, скорчившись на полу в Машине времени, пытаясь сберечь последние градусы тепла. Наверное, мы были последними осколками жизни на этой оледеневшей планете, — не считая, естественно скудного лишайника, цеплявшегося за спины замерзших камней.

Я толкнул Нево, пытаясь вызвать его на разговор.

— Дай мне заснуть, — пробормотал он.

— Еще чего, — отозвался я. — Морлоки не спят.

— А я сплю. Слишком долго находился среди людей.

Заснешь — замерзнешь. Нево. Мне кажется, мы должны остановить машину.

Он не сразу ответил.

— Зачем?

— Мы должны вернуться в палеоцен. Земля мертва — захвачена в клещи беспощадной зимы — так что мы вернемся в прошлое, и, может, что-то исправим.

— Прекрасная идея, — он закашлялся. — За исключением одной детали — это невозможно.

— Почему.

— Я не все успел доделать в этой машине.

О чем ты?

— Это баллистическая машина времени.

— Что значит — баллистическая?

— Она, как снаряд, запускается только в одну сторону. Можно нацелиться в будущее или в прошлое. По идее, мы должны были завершить полет в твоем 1891-м году, но после запуска я не рассчитал траекторию, и честно говоря, утратил контроль над управлением.

Ты понимаешь, о чем речь? Машина летит, запущенная с помощью пороха германского платтнерита — летит сквозь Вечность и неизвестно где остановится. Мы остановимся в 1891-м году, как я рассчитал, только в ледяном 1891-м.

Я почувствовал, как мурашки начинают прокрадываться в самое сердце.

— Подожди, а как же люди? Вдруг на этой планете еще остался какой-нибудь оазис, где есть жизнь.

Он хмыкнул, и посмотрел на меня прищуренным полуоткрытым глазом.

— Какие еще люди, какое человечество? Ты же видел — все отсюда улетели миллионы лет назад.

— Как это улетели? — запротестовал я. — Но не навсегда же. Они еще вернутся — это же их…

— Ха-ха.

— …Колыбель человечества. Это же Земля. Она их родила, память поколений и все такое. Я этого не понимаю — оставить Землю. Даже вы, морлоки, со своей Сферой, не заходили так далеко.

Откатившись от него, я перелег на локти, пытаясь выглянуть в южном направлении. Именно оттуда, со стороны орбитального города, могла прийти какая-нибудь добрая весть. Надежда.

Но то, что я увидел, вызвало чувство смертельного страха. Не только не принесло надежды, но и напротив…

Гирлянда спутников осталась на месте, и связующие лучи теплились между станциями, но теперь я увидел, что тросы, пуповины космических лифтов исчезли. Последние связи с землей. Теперь человечество сделало полный Прощай! Своей колыбели. И пока я возился с морлоком, обитатели орбиты подняли свои лифты.

На моих глазах свет станций, отражавшийся в скорлупе льда, охватившей землю, постепенно сдвигался. Небесный город как будто поворачивался, словно огненное колесо фейерверка, пока не стал двигаться так быстро, что совершенно

слился в огненный круг и вскоре рассеялся в небесах.

Это потрясло меня окончательно. Так все произошло тихо и спокойно — это великое предательство, свершившееся у меня на глазах.

Сразу же стало холодно как никогда — от полного тупика и безнадежности, в отсутствии небесных огней.

— Это правда, — растолкал я Нево.

— В чем дело, — недовольно спросил он, переворачиваясь на другой бок.

— Землю покинули, все до единого, даже орбитальный город стартовал за ними. Изменники! Дезертиры! История этой планеты исчерпала себя, — а с ней, боюсь, и наша!

Нево впал снова в бессознательное состояние, несмотря на все мои попытки поднять его и привести в чувство. Силы мои тем более были уже на исходе. Боюсь, дальнейшие мои попытки согреть это маленькое замерзающее тело не имели успеха. Наше путешествие тянулось уже тридцать часов. Нас ждала смерть мушки в янтаре, навечно быть вмороженными в лед, который уже никогда не растает над этой планетой. Разве что какой-нибудь метеорит…

Наверное, я заснул — или тоже лишился чувств. Впал во временное забытье.

Мне кажется, я увидел Наблюдателя — громадное широкое лицо снова возникло передо мной, и повис рядом, сквозь его лик просвечивали звезды, говорившие о том, что он не из этого времени, и вообще не отсюда. Я потянулся к этим звездам, к их свету и теплу, как к последним угольками в камине. — но я не мог шелохнуть ни рукой ни ногой — потому что все это был только сон, и тогда Наблюдатель исчез. Машина заскрежетала, ресурс платтнерита исчерпался, и мы снова очутились в Настоящем. История опять овладела нами.

Перламутровое свечение небес сияние небес померкло и бледный солнечный свет исчез, словно где-то переключили тумблер : мы мир погрузился во тьму. А последний остаток тепла палеоцена, которое мы принесли с собой, мигом растворился в воздухе, ушел в холодные небеса. Лед сковал мою плоть — обжигающий холод, от которого невозможно было дышать — к тому же грудную клетку сдавило, как будто мы находились глубоко под водой.

Я понимал, что продержусь лишь несколько секунд — вот все, что мне осталось. И все, что мне суждено понять — что 1891 год необратимо

изменился. Из последних сил я попытался хотя бы привстать напоследок, чтобы оглядеться. Увидеть место своего последнего упокоения.

Земля была залита каким-то серебряным светом, словно в полнолуние. Машина времени, словно брошенная игрушка, валялась посреди этого великолепия, посреди бескрайних льдов. Была ночь — и при этом на небе ни одной звезды, — и дело тут не в погоде, на небе не было ни облачка. И полнолуния тоже не было — узкий серебряный серп висел низко над горизонтом, . Что это? Неужели холод каким-то странным образом повлиял на зрение? Почему я не различал ни единой звезды? На Луне проглядывали зеленоватые пятна, и это была единственная отрада — что хотя бы в сестринском (если считать Землю и Луну сестрами) мире все в порядке. Наверное, там остались люди, которые когда-нибудь спустятся сюда, хотя бы из любопытства и наткнутся на мой хладный труп. Представляю, как теперь выглядела Земля из Космоса — и тут мне на память пришло слово, оброненное Нево. «Белая земля»! Вот она, должно быть, какая!

Уголком тающего сознания я еще улавливал этот великолепный искрящийся ледяной ландшафт — иней моментально покрыл панель

управления и корпус машины времени. Ее обволокло снежными кристаллами — особенно густыми и пушистыми там, куда попадало мое последнее дыхание. И если Луна была по-прежнему процветающим вертоградом, то не она же была источником этого странного серебристого свечения. Тогда что же?

Из последних сил я повернул голову, оглядываясь. Вот он — высоко в беззвездном небе, у меня за головой, мерцающий, как сквозь густую паутину диск, в десять раз больше полной Луны.

И там, позади, стояло посреди ледяной долины нечто. В существование чего я просто не мог поверить собственным глазам. Оно было пирамидальной формы, высотой с человека, но со смазанными очертаниями, словно находясь в безостановочном движении. Этот был как муравейник, с кишащими на нем термитами.

— Так ты живой? — спросил я у этого призрака. И горло мое тут же намертво сковал лед — больше я не мог ни произнести ни слова, ни даже вздохнуть. Следующие вопросы отпали сами собой.

И тьма объяла меня, и вечный холод сковал своими невидимыми цепями.

Книга пятая. БЕЛАЯ ЗЕМЛЯ

1. Заключение

Я открыл глаза — или, скорее, ощутил, как открылись веки — у меня было такое чувство, будто веки мои срезаны медицинским скальпелем. Зрение помутилось, я не видел ни одного предмета отчетливо, словно зрачок покрылся инеем. Я посмотрел куда-то наугад, неопределенно, в какую-то неопределенную точку в темном беззвездном небе, и боковым зрением заметил нечто зеленое, зеленеющее, — может быть, это Луна? — пронеслось в голове, но я не мог даже пошевелиться, чтобы посмотреть.

Я не дышал. Легко сказать — непередаваемое чувство! Словно меня вынули из собственного тела. Все мое существо, вся личность, было заключено в этом открытом, остановившемся, зафиксированном взоре.

Но не было никакого испуга, хотя — как же так? — без дыхания, мне хотелось сделать судорожный вдох, как утопающему. Но вместо этого наступило странное сонное состояние — словно я вдохнул из-под маски с эфиром. Голова закружилась, мысли и чувства стали вялыми, ватными…

Именно это отсутствие страха убеждало, что

я мертв.

Теперь форма двинулась на меня, встав на пути, заслоняя от меня пустое небо. Пирамидальное, с неотчетливыми краями, зыбкое, точно гора, наклонилось надо мной.

Конечно, я узнал его — то, что стояло передо мной, когда мы очутились во льдах после остановки машины времени. Теперь этот аппарат — а чем же еще могло оно быть? — раскачивался надо мной. Странными плавучими движениями — как наклоненные песочные часы, замедляют струю времени. Уголком глаза я заметил, как нижняя часть машины приблизилась к моей груди и животу прикоснулась, и я ощутил тут же отчетливые покалывания в этой области.

Затем чувство вернулись — причем с внезапностью ружейного выстрела! Я почувствовал, как что-то скребет по коже живота, словно разрезая и тут же сшивая ткани. Покалывания стали глубже — и уже отчетливо неприятнее, словно тысячи крохотных жал забирались в желудок.

Вместе с чувствами вернулся и страх — страх остаться без тела, страх смерти. В мои вены хлынул поток химикалий, лекарств. В голове зашумело. — Конус продолжал, склонившись, следовать вдоль моего тела. Крик утонул во мне

— потому что я еще не чувствовал, ни языка, ни гортани, ни губ.

Еще никогда я не оказывался в столь беспомощном положении. Меня растянули как лягушку на лабораторной дощечке.

В последний момент руку вдруг ошпарило диким холодом — прикосновение шерсти! Это была рука Нево: державшая мою руку. Неужели его уложили рядом — я представил два операционных стола, соединенных сосудами, пробирками, системами, дожидаясь начала вивисекции. Я попытался разомкнуть эти вцепившиеся пальцы, но не мог двинуть ни мускулом.

И вот тень пирамиды достигла моего лица, заслонив последнее утешение — пятно неба. Теперь иголки плясали в области шеи, лба и лица. Заметам те же невидимые покалывания распространились на глаза. Он был открыты, как будто без век — так что я не мог даже зажмуриться — выставленные напоказ и уязвимые. Невиданное мучение — такого я еще не испытывал!

И когда глаза обдало огнем, проникая в зрачки жидким пламенем, пришел, наконец, спасительный обморок.

Когда я очнулся в следующий раз, никаких кошмаров уже не было. Я все еще плавал на по-

верхности сновидений: передо мной мелькали лес, песок пляжа и океан, я чувствовал вкус упругих солоноватых моллюсков и лежал с Хилари Бонд, в теплой ночи.

И затем медленно мир со всей ясностью прорезался вокруг.

Я лежал на какой-то твердой поверхности. Стоило пошевелиться, как спину начало щипать покалывать теперь я чувствовал все тело. Руки, ноги и даже пальцы были вытянуты, из ноздрей со свистом паровозного гудка вырывался воздух, в ушах отчетливо бился пульс. Я лежал в кромешной темноте — но теперь этот уже отнюдь не пугало. Главное — я был жив, окруженный знакомыми механическими шумами собственного тела: поскрипыванием кожи, подрагиванием мускулов, похрустыванием суставов. Я испытывал невиданное облегчение, настолько чистое и интенсивное, что не смог сдержать радостного вопля!

Я сел. Подо мной была зернистая поверхность, напоминавшая плотно сбитый и укатанный песок. Было тепло — хотя на мне оставались только рубашка брюки и ботинки. Кругом царила непроглядная тьма, но эхо моего глупого крика еще возвращалось ко мне издалека, так

что можно было догадываться о величине помещения, в котором я находился — точнее, даже о «пространстве».

Да, я находился в каком-то большом, но замкнутом пространстве.

Я повернул голову туда, в поисках окна или двери, но никакого выхода не было. Однако тяжесть в голове стала тревожить меня — к тому же нос был прищемлен чем — то острым — и вскоре я нащупал на лице пару тяжелых линз в металлической раме.

Видимо, я что-то задел в этом устройстве — и комната тут же заполнилась ярким ослепительным светом.

Я зажмурился, оглушенный этим потоком света. Но как только сорвал очки, свет исчез, словно его и не было. Я оставался в полной темноте. Но стоило надеть очки — и все вновь было залито светом.

Ясное дело, темнота была реальностью, а свет — иллюзией, созданной очками, невольно вызванною мной. Это было оптическое устройство вроде того, с которым я встречался в Сфере, и которое носили все морлоки поголовно.

Когда глаза привыкли к этому освещению, я и осмотрел себя. Все было в порядке, лучше не

бывает. Ни следа хирургического вмешательства в мой сложный и чуткий организм. Никаких шрамов, швов — хотя я до сих пор не мог забыть ощущения распарывания и сшивания живота и грудной клетки. Правда, на куртке и штанах сохранились чуть заметные на ощупь утолщения, словно в этих местах продольные разрезы были заново стянуты нитью. Словно кто-то наспех сшил их.

Я находился к комнате, напоминавшей двадцатифутовый куб. Более обычной обыкновенной комнаты мне не приходилось посещать за время моих путешествий. Представьте себе обыкновенный гостиничный номер девятнадцатого столетия. Только углы в этой комнате были несколько странной архитектурной конструкции — не как в моем веке. Они были не прямыми, а закругленными, так что комната сама изнутри несколько напоминала палатку, натянутую палатку. Дверей никаких не было, стало быть, и выхода тоже, а мебели и подавно. Пол был покрыт ровным слоем плотного слежавшегося песка, о котором я говорил уже раньше. В нем остался оттиск в том месте, где я спал.

На стенах были какие-то аляповатые обои — к тому же ворсистые, словно звериная шкура, и

рамы, завешанные тяжелыми шторами. Однако стекол за этими шторами не было — а лишь те же панели стены, заклеенные пушистыми шкурами обоев.

Никаких светильников, ламп и прочих источников света. Только мутное, непонятно откуда исходящее сияние распространялось в воздухе, точно флуоресцирующий туман. Видимо, секрет этого света все же содержался в очках, а не в чем-нибудь другом. Источником света были очки.

На потолке сквозь них различался орнамент и причудливые фрески. В каскадах барокко кое-где угадывались человеческие формы, но настолько переплетенные и гротескные, что невозможно было разглядеть: на карикатуру непохоже, но, во всяком случае, автор не льстил человечеству. Словно у художника была рука Микеланджело, но при этом видение мира как у отставшего в умственном развитии подростка-олигофрена. Итак, представьте, в каком положении я оказался: банальная комната отеля, украшенная для какого-то оригинала или сумасшедшего. Сочетание строгой геометрии куба и невзыскательной планировки с гротесковой живописью. Каково!

Все это снова начинало походить на сон.

Я прошелся, огляделся по сторонам. Под мои-

ми подошвами скрипел песок, самый обычный пляжный песок. На стенах я не обнаружил ни единого шва, указывающего на то, что здесь может быть выход или замаскирована дверь. Часть комнаты была укрыта перегородкой из белого фарфора — фута три в квадрате. Как только я ступил на алебастрово-белый пол в этом месте, сверху немедленно хлынула вода с шипением. Я вытер лицо и продолжил осмотр.

В другом углу я обнаружил прямо на песке несколько бутылочек размером с судки для перца и уксуса. В одних была вода, в других неизвестная субстанция, олицетворявшая очевидно еду. Что-то смешанное с орехами, ягодами Питательная смесь из ягод орехов и тому подобного — точнее, отдаленно напоминавшая все вышеперечисленное. Испытывая жажду, я осушил пару склянок с водой. «Судки» оказались неудобными — их содержимое проливалось на подбородок, и они были еще меньше приспособлены для человека, чем собачьи и кошачьи кормушки.

После знакомства с пищей пальцы у меня оказались липкими, и я стал искать раковину. Таковой, естественно, не оказалось: так что пришлось удовольствоваться для этой цели содержимым одной из бутылочек. Песчаный пол превосходно

впитывал влагу, и мне пришло на ум, не является ли он и своеобразным кошачьим туалетом. Однако я не стал проверять это на практике.

Отерев руки краем рубашки, я безуспешно пробовал отковырять панели рам, но не преуспел. Поверхность была гладкой, как скорлупа яйца, и абсолютно непроницаемой. Тогда я принялся скрести пол, в надежде отрыть подкоп, и спустя некоторое время обнаружил, что пальцы мои ушли вглубь на целых девять дюймов. Однако радость была преждевременной: под песком оказалась каменная мозаика в римском стиле с такими же, как и фрески, малопонятными рисунками.

Я оказался в полном одиночестве, заключенный в глухие стены. Ни одного звука из внешней Вселенной. Только шум собственного дыхания и стук сердца — и они начинали донимать меня, эти звуки, которых я совсем недавно ожидал услышать с такой жаждой и рвением.

Вскоре неотложные нужды напомнили о себе, что у меня, помимо сердца и легких, есть мочевой пузырь. Я держался, сколько мог, но, в конечном счете воспользовался ямкой в песке и зарыл ее.

Справив нужду, я вдруг испытал небывалый стыд. Представляю, как могли сейчас веселиться

гости звездных миров, наблюдая за мной сквозь эти стены! Нечего сказать — прекрасное возвращение в родной 1891-й!

Устав наконец от всего этого, я опустился на песок, прислонясь спиной к стене. Через некоторое время очки были сняты из-за слишком яркого света, мешающего отдыхать. Надев их на запястье, я сложил руки на груди и предался сну.

Так началась моя жизнь в новой клетке. Когда первый испуг отступил, меня охватила страшная скука и беспокойство. Я не собирался повторять опыт заточения, полученный у морлоков. Даже жизнь в опасности несравненно лучше тупого существования в четырех стенах. Тем более, со времени высылки в палеоцен я не читал ни одной газеты. И мне просто не с кем было даже поговорить.

Тем временем судки и перечницы, как я стал их называть в повседневном обиходе, ежедневно пополнялись. Кто-то заменял их в то время, пока я спал, и мне ни разу так и не удалось застать этого «Санта Клауса». Вполне возможно, это делал какой-нибудь хитроумный механизм. Однажды в виде эксперимента, я оставил, засыпая судок под собой. К утру я проснулся от давящей боли — в ребро мне упирался тот же судок, полный воды!

Прямо фокусы какие-то!"

Видимо, секрет заключался в самих судках — возможно, они синтезировали материал — хотя бы из воздуха. Видимо, потому же принципу работали и все остальные предметы — песок поглощал отходы, стены пропускали и фильтровали воздух, и потолок отвлекал меня своими причудливыми узорами от невеселых дум.

2. Эксперименты и отражения

Дня через три-четыре такой жизни я ощутил настоятельную потребность в ванной. Размазывать грязь водой из бутылки меня уже не устраивало. Охотнее всего я сейчас бы совершил прыжок в море палеоцена.

Но я не сразу решился ступить на эту фарфорово-гладкую поверхность: стоило поставить ногу, как с потолка на голову немедленно низвергалась вода. Она была теплая, пресная на вкус, и, возможно, пригодная даже для питья.

Такие «души» встречались в современных мне лечебницах и пансионатах. Врачи там горячо доказывали пользу ополаскивания тела под упругими струями воды, но в обиходе это еще как-то не прижилось.

Наконец, сбросив башмаки и прочее, оставаясь в одних очках, я зашел в фаянсовую кабинку. Меня обдало струями, целительными и освежающими. Вода ревела вокруг, как будто я стоял в центре маленького водопада. Тело распарилось, очки запотели. Я опасался, что вода зальет комнату, превратив ее в турецкую парную с бассейном под ногами, однако этого не случилось. Однако

струи аккуратно стекали в фаянс под ногами — явно, не без помощи воздушного давления.

А кто сказал, что моя новая душевая должна быть похожа на прежнюю ванну, оставленную в 1891-м? Мой дом на Питершам-Роуд навсегда затерялся в Истории. Римляне, например никогда не пользовались мылом и мочалками, они просто распаривались и смывали грязь с потом, выступающим из пор. Хотя у меня не было под рукой замечательной римской скребницы, я превосходно заменил ее ногтями.

Только я вышел из сауны, как обнаружил отсутствие полотенца, которое мне бы сейчас очень пригодилось. Пришлось воспользоваться собственной одеждой, которую затем же и натянуть на себя. После парной я отдыхал на песке, казалось, что он подогревается снизу. Песок впитывал остатки влаги и быстро сушил одежду.

Сауна навеяла некоторые воспоминания. Я вспоминал турецкие мыльни, японские кадки с горячей водой, русские парные с зеленым веником — все, что довелось мне слышать и испытать на себе.

Внезапно взгляд мой снова остановился на потолке, покрытом странными фресками, . Затем помимо воли скользнул по стенам, рамам,

шторам, обоям и вернулся на песок. Вот как. Роспись под барокко, с элементами возможно даже античной живописи, обои, ультрасовременный душ — и песчаный пол, как в пещере. И под ним псевдоримские изразцы. Где же это я оказался, что за смешение эпох?

Внезапно меня начало осенять.

Итак, я нахожусь среди фрагментов различных культур и столетий. Но кто бы мог их собирать — кому это могло понадобиться? И кто они — дети колонистов Прото-Лондона? Наверняка я знал только одно — нас разделяет эволюционная пропасть в сотни раз большая, чем та, что разделяет нас с морлоком. Сколько же должно было втиснуться культурной жизни — а ведь они начинали далеко не с нуля, потомки детей XX века — в эти мириады лет? Возможно, все это смешение стилей было устроено специально для меня — так как они уже не знали, к какой эпохе меня определить, и на всякий случай снабдили по возможности всем необходимым.

Как ни крути, получалось, мне предстояло попасть в далекое — и, увы, уже недоступное настоящее — прошлое и одновременно будущее, которое теперь ушло в прошлое. То, что в настоящем не было настоящем. Мне предстояло

отыскать свободу и свой век. Мне, затерянному во множественности миров и историй!

Думается, провел я в этой клетке недели две. Свобода пришла внезапно.

Было это так.

Я проснулся во тьме. Без очков. Сел, протирая глаза. Сначала я никак не мог сообразить, что же меня разбудило, что потревожило мой сон посреди ночи — но тут же услышал звук, от которого сердце застыло на миг.

Это было чье-то дыхание. Не мое, мое замерло вместе с сердцем. Чувства мои обострились за время вынужденной изоляции от мира.

Бледный свет, похожий на лунный, падал в мою комнату. Дверь была открыта.

Да, в стене была дверь — как я мог не отыскать ее, ума не приложу. Или они сделали ее только сейчас. Мне казалось, что я запакован, запаян внутри этой комнаты, из которой потерял надежду найти выход.

Ромб света растянулся на серебристо-желтом песке.

Это уже не очки, это был настоящий свет. Свет ИЗВНЕ.

И тут я понял. Это не свет — это сама дверь имела форму ромба. Начиналась она шести дюймов

выше пола — то есть порога — и прорезалась как раз там, где находилась рама фальш-окна, которое я тщетно пытался открыть все это время. Дыхание стало слышней — а затем и голос. Схожий с журчанием ручья — голос, который я узнал мгновенно!

Дверной проем уводил в другую комнату по соседству, размером и формой в точности воспроизводящую мою. Но здесь уже не было этих лже-окон, никакого неуклюжего декора, ни песка на полу — стены были совершенно голыми, без обоев и несколько прикрытых экранами окон иллюминаторов, а также дверь, в которой одиноко торчала рукоятка. Мебели здесь не было никакой и комната была загромождена, по сути, единственным предметом, я бы даже сказал — артефактом — той самой пирамидой, что привиделась мне не то в страшном сне, не то в еще более ужасном «наяву», на операционном столе. Это она возилась над моим телом, что-то там разрезая и сшивая. При этой мысли ко мне подступила тошнота. Высотой машина была с человека, широкая в основании, и, как всякая пирамида, наверняка очень устойчивая. Это я отметил бессознательно — на случай, если понадобится свалить ее, «сбить с ног» — точнее, этого

трюка у меня уже не получится. Ну, посмотрим, что дальше. Вообразите шестифутовую пирамиду, покрытую металлическими муравьями, и вы поймете, о чем идет речь.

Но не это чудовище привлекло мое внимание — в углу, за пирамидой, в каком-то полушлеме-полуочках — стоял он, Нево.

Я бросился к нему, протягивая руки. Однако морлок довольно холодно отреагировал на мое появление.

— Нево, — заговорил я. — Не скажу, чтобы ты был рад нашей встрече. Совсем спятил в одиночке за две недели?

Тут я заметил, подойдя поближе, что выбитый глаз у него на голове заменяет оптическое устройство. А пирамида вовсе не теснила его в угол. Напротив — от его хитроумных очков отходил электрический шнур или трубка, исчезавшие внутри этой пирамиды. Муравьи на ее поверхности находились в безостановочном движении — вот отчего эта форма с самого начала показалась мне зыбкой, вибрирующей. От такого вида у меня и у самого пробежали по спине мурашки. Я поежился, затем перевел взгляд на Нево. И снова содрогнулся, представив, что мне в череп всадили подобное устройство.

Другой его глаз, живой и серо-багровый, с непониманием уставился на меня.

— О чем ты говоришь? — произнес он. — Наша встреча состоялась по моей просьбе. Вижу, ты здоров, невзирая на душевное состояние. Как прошло замораживание?

Этот вопрос застал меня врасплох.

— Какое еще замораживание? — я незаметно потер кожу, убеждаясь, что со мной все в порядке.

— Значит, все в порядке. Они свое дело знают.

— Да кто — они?

— Универсальные Конструкторы, — он кивнул на пирамиду:

— Вот он и его родственники.

Тут я заметил, как старательно вычесана и прилизана, переплетена его грива. Морлок попал в идеальные условия — никакого солнца и куча автоматов, которые обслуживают тебя: он был как король среди придворных, которые доставляли ему все, что заблагорассудится.

— Вижу, лунный свет пошел тебе на пользу, морлок, — сказал я с улыбкой. — Вот и очков тебе уже не надо.

— Конструкторы вылечили мои ноги, руки, исцелили все переломы — честно говоря, теперь

я так же здоров, как когда, когда мы отправились из моего времени на твоей машине.

— Но как же твой глаз — им восстановить не удалось?

— Глаз? — в замешательстве переспросил он. Трубка с глухим «чпоком» отсоединилась от пирамиды. — Нет, глаз они восстановили именно так, как захотел я. Правда, объяснить это конструкторам оказалось непросто.

Он повернулся ко мне.

Его глазница зияла пустой дырой — и лишь на самом дне ее поблескивало нечто металлическое, находясь в беспрестанном движении.

3. Универсальный конструктор

Оказывается, наши потомки еще как позаботились о гостях, которые могли появиться на опустевшей замерзшей планете… В отличие от моего уединенного заключения, Нево не отказывал себе в комфорте. У него было целых четыре комнаты, да к тому же с окнами — оказывается, наши новые хозяева просто не получили заказ от меня — поэтому я сидел как в кутузке) Но самое обидное, как я опозорил в своем лице человечество — автоматы посчитали морлока в отличие от меня разумным существом. А мне выделили кошачий закуток с песочницей!

В одной из комнат — таких же голых, без мебели, я заметил странный предмет. Двадцать на шесть футов, покрытый мягкой тканью. По краям у него были кармашки-сеточки. На столе был единственный шар.

Смысл этого устройства оставался мне загадочен и неясен. Почему только один шар?

В смятении отойдя от стола, я принялся обследовать двери и окна. Все как обычно — двери открывались от нажима на рукоять, но выводили они только в другие четыре комнаты, выхода на-

ружу не было. Оказывается, панели открывались искусно вмонтированными в стене кнопками — и за ними был виден мир нового 1891, мир Белой Земли.

Первое что поразило — земли никакой я сначала и не увидел — только небо! Земли как таковой и не было. Дело в том, что мы находились отнюдь не на первом этаже, как можно было себе представить — а, представьте себе! — в тысяче футов над поверхностью, на самой вершине исполинской цилиндрической башни. Все что я видел, усилило первое впечатление, которое я получил тогда, в последний миг, замерзая в машине времени и оглядывая этот мир, вмерзший в лед. Зрелище было потрясающее, если не сказать фантасмагорическое. Небо цвета ружейного металла, и лед как сахарная кость. Вот она, ужасающая стабильность, о которой говорил Нево. В этом мире не было голубого, зеленого, никакого другого цвета, кроме уныло серого и монотонно белого, которые сливались, образуя оттенки и полутона. Здесь на было ни мокрого, ни сухого, ни запахов, ни растений, ни животных, ни людей. Здесь не было даже пейзажа, ландшафта не было здесь, окружающей среды, вторника — ничего. Здесь были только голый лед и… голый лед. Он застыл в небе, он

заморозил землю, навечно спрятав себе под панцирь. Мир теперь стал одной огромной ледяной черепахой, которая никогда не высовывала голову из своей скорлупы. Дневной свет посверкивал на бескрайних полях этой ледяной пустыни, простиравшейся до горизонта. Полная климатическая стабильность, имя которой смерть.

Но было бы неправильно сказать, что у этой ледяной пустыни не было своих обитателей. Монументальные конусоиды двигались там и сям, то и дело попадаясь на глаза, словно туши императорских пингвинов. Они появлялись отовсюду. Были они совершенно одинаковы, как две капли воды похожи друг на друга. Может быть, «родственник» — не совсем правильное слово и уместнее сказать — двойник. Или же это был один и то же конструктор, появляющийся в разных местах? Дело в том, что передвигались эти странные призрачные существа всегда поодиночке. Зато эти металлические остовы было видно издалека, как обелиски, скользящие по мерзлому кладбищу. Мне ни разу не приходилось видеть, как они перемещаются. Они просто появлялись в одном месте и точно так же исчезали, чтобы появиться в другом. Как будто материализуясь из воздуха. (Впоследствии выяснилось, что я был

недалек от действительного положения вещей).

Земля казалась мертвой, однако не без следов присутствия разума. Там были и другие величественные сооружения, вроде нашей башни, украшавшие ландшафт. Все это были геометрические формы: цилиндры, конусы и кубы. С моей стороны из окна за панелью открывался вид на Юго-Восточную часть: Бэттерси, Фулем, Митчем и так далее — все, что было за ними. Разбросанные отстоящие на милю друг от друга, башни и прочие странные возвышения составляли собой мертвый пейзаж этого далекого безлюдного Лондона.

Я вернулся к Нево, который все еще не отходил от Конструктора. Его металлическая «шкура» довольно лоснилась, блистая, как рыба чешуей, а тут еще из корпуса высунулась трубка длиной в несколько дюймов, такая же серебристо сверкающая — и потянулась к лицу Нево.

Я узнал это устройство. Конечно же — тот же окулоскоп, что мне приходилось видеть. Секунда — и трубка защелкнулась в глазнице Нево. Я стал обходить корпус Конструктора, осматривая его со всех сторон. Как я уже говорил, походил он на глыбу оплавленного шлака, постоянно двигавшегося, пузырившегося, струящегося мурашами по броне металлического каркаса. Мне уже прихо-

дилось видеть такого «хирурга» склонившегося надо мной. Вблизи я обнаружил металлические волоски на броне чудовища. Я не рискнул прикоснуться — мне казалось, что металлическая ресничка такая вот может запросто заползти под кожу или под ноготь — до того они были тонки и подвижны. Если бы у меня под рукой был бы какой-нибудь инструмент, я бы возможно, не удержался от обследования.

В нижней трети пирамиды меня ждал еще один сюрприз. Склонившись к металлической «юбке»" конуса, я обнаружил реснички уже самостоятельно перебегающие по «телу» — то, что я первоначально принял за муравьев. Временами они падали на пол, рассыпаясь тут же в невидимую пыль, или продолжали двигаться самостоятельно: мой путь часто пересекали такие беспризорные части, направляясь куда-то по своим делам. Точно так же они могли вдруг вырастать из пола, вскарабкиваться на броню Конструктора и снова становиться неотъемлемой его частью.

Я обратил внимание Нево на этот предмет. На что был получен ответ.

— Удивительно, — завел я разговор, — Компоненты Конструктора ведут себя как вполне

самостоятельные существа, и в то же время они всегда вместе. Нечто вроде муравейника из тонких металлических ресничек. Это организм или все-таки аппарат?

— С одной оговоркой, — заметил Нево, — в муравейник никогда не примут чужого муравья, а эти «реснички» переползают по своему усмотрению куда угодно. Кажется, им все равно, где жить и функционировать.

— У меня такое впечатление, что планета покрыта слоем этих тончайших почти невидимых ресничек. Видимо, тела конструкторов недолговечны, они разрушаются, а потом снова вырастают из ресничек. Это аналоги волос зубов и глаз — они отвечают как за органы чувств, так и за конечности.

— Ничего удивительного — пожал плечами Нево. — В наших телах то же самое — клеточная структура. И клетки беспрерывно рождаются и умирают заменяя друг друга.

— Но можно ли считать, в таком случае, их отдельными существам — даже личностями? Сомнений в разумности у меня не возникает, но может, это всего лишь ходячие муравейники? И вообще, если у меня есть все щетинки, то зачем мне покупать рукоятку щетки? Улавливаете

вопрос?

— А нужна ли ему индивидуальность?

Серо-красный глаз морлока скользнул по пирамиде, и металлическая трубка с хлюпаньем всхлипом ушла вглубь его черепа.

— Конструктор не просто машина, если вы это имеете в виду. Этот конечности — сложнейший набор самодвижущихся конечностей, живущих миллионными колониями. У них своя иерархия, Они ответвляются от основного ствола. Самые короткие и маленькие живут на периферии, — он настолько малы, что их и не разглядеть. — и работают они на молекулярном или атомном уровне.

— Но что за польза? — спросил я, — в этих насекомоподобных конечностях? Можно управлять атомами, передвигать молекулы — но зачем? Что за странное непродуктивное бесполезное занятие?

— С другой стороны, — устало вымолвил Нево, которого, похоже, уже начала утомлять беседа, — Имея способность управлять материей на фундаментальном уровне и располагая достаточным временем а также терпением — можно достичь всего, что угодно. Это на деле — идеальные конструкторы, способные воспроизвести любую вещь.

— Да, так же как и материал вашей Сферы, откуда, помнится, вырастало все, вплоть до вас, новых морлоков. Воспроизводящая и поглощающая все что угодно. В том числе и свою движущую силу — разумных существ. Морлок посмотрел на меня — то ли с жалостью, то ли с нескрываемым презрением, как на безнадежного дикаря:

— Ну что ж, а как вы отнесетесь к тому, что без этой технократии мы бы погибли — просто замерзли здесь, на Белой Земле?

— О чем это вы?

— О том, что вас восстановили на клеточном уровне, — отчеканил Нево. Клонировали, если вам так больше нравится. При этом сохранив всю информацию, которая также содержится на клеточном уровне, в нейронах. Оттого вы сейчас себя помните.

— Я…

— Да, хотя вы уже не тот. Вы — новое тело, идеально воспроизводящее модель старого. Так что давайте снова знакомиться. — ехидно усмехнулся морлок. — Меня опять зовут Нево.

— Но, погодите.

— О, ничего страшного, — махнул он рукой, не давая договорить. — На протяжении жизни клеточный состав, как известно, меняется несколько

раз. Клетки обезвоживаются, отшелушиваются, мертвеют ткани, заменяются и вытесняются новыми — такова жизнь, ничего не поделаешь. Жить в ней значит ежедневно умирать какой-то своей частью.

От этой новости я не сразу пришел в себя. В самом деле, значит, я уже умер? — и мой организм был мертв, и я прекратил свое существование. Никакая наука моего века не обладала возможностью восстанавливать тело на клеточном уровне. Значит, благодаря новому 1981 году я погиб, и благодаря ему же был исцелен и поднят из небытия.

Теперь я понял, что это было. Эти мириады пронизывающих меня иголок — это микроскопические скальпели, зонды и шприцы путешествовали по моему телу, пробуждая его к жизни. Морлок говорил что-то о какой-то нанотехнологии — но я смутно понял это словно, уразумев лишь то, что оно олицетворяет собой хирургию и терапию будущего, слившиеся воедино. Больному достаточно будет проглотить таблетку, — в виде космического корабля с экипажем из главврачей, медсестер санитаров и нянечек, с операционной, лабораториями и отделением реанимации… А эта таблетка будет действовать внутри его тела до конца жизни — или до полного выздоровле-

ния. Примерно такой метафорой можно передать действие наномашин.

Таким образом, миллионы ресничек прошли сквозь меня и вернулись в тело конструктора, восстановив попутно замерзшие клетки. Таким образом, я был поднят на ноги армией металлических муравьев — мы с Нево.

При одной мысли об этом меня передернуло, и в первый раз стало механически ледяной холод охватил меня, какого я не чувствовал со времени своего бегства. Я невольно потер руки, не веря своим глазам. Мне казалось, что кожа вот-вот отделится, и обнаружит под собой гнилую плоть давно умершего человека. Но с кожей и с моим телом все было в порядке.

— Это ужасно, — пробормотал я. — Проникновение в тело. Получается, эти металлические черви жили в нем… я чувствую себя сейчас какой-то падалью, поднятой к жизни неведомыми червями.

Нево усмехнулся:

— Все зависит от того, какого образа мыслей придерживаться. Я например, так не считаю. Это маленькие невидимые хирурги. Они исцелили меня, а вы, между прочим, не смогли даже шину наложить, как следует, отчего я остался бы хро-

мым на всю жизнь…

— Но я же не доктор!

— Они тоже. В любом случае, если вам что-то не нравится, умереть никогда не поздно. Достаточно выйти на прогулку из дома, куда вы так рветесь.

— Слушайте! — я еще раз провел рукой по коже. — Нет, в самом деле. Совершенно необычное ощущение. Но, во всяком случае… успокойте меня — они же не живые…

Он оторвал голову от конструктора, как часовщик от механизма, и воззрился на меня с неподдельной серьезностью:

— А вот тут вы ошибаетесь. Они именно живые.

— Как? — ахнул я.

— В самом обычном смысле слова. Они размножаются, то есть способны к репродукции. Они способны управлять внешним миром, организуясь в своеобразный социум, со своими порядками и законами. Более того — у них есть даже конкретная закрепленная форма…

— Вот эта куча, вы имеете в виду? Способна управлять миром?

— Да. Не куча, а конус. Словом, налицо все проявления Жизни и Сознания. Они ничем не хуже чем мы с вами. И даже совершеннее.

Своими словами морлок поверг меня в окончательное смущение.

— Но… это же невозможно, — показал я на пирамиду. — Это же явно по всем внешним признакам, по своему виду, наконец, машина. Ее произвели руки человеческие.

— А она может воспроизвести вас, — парировал морлок. — Каково?

Я понял, что мы зашли слишком далеко. Обходя конструктора, я заметил:

— Вы еще, пожалуй, скажете, что он обладает душой.

Жерло трубки, торчавшей из черепа Нево, повернулось ко мне, как орудие крейсера.

— Вы спрашиваете о душе? — откликнулся морлок. — Но это же ваш потомок. Как и я — только на другой исторической тропе. А я, по-вашему, имею душу? А вы? И он отвернулся, полностью разглядыванием внутренностей Конструктора.

4. Бильярдная

Позже Нево зашел ко мне в комнату, опрометчиво названную бильярдной. В руках у него было блюдо с тем же знаменитым сыром, который мне приходилось отведать на Сфере. Я сидел на краю бильярдного стола, бездумно катая единственный шар между бортов. Шар странно вел себя. Иногда мне удавалось попасть в лузу, и тогда он возвращался ко мне по желобу. Но временами что-то влияло на траекторию его движения. Как будто раздавался рокот в центре стола, шар начинал подскакивать, а затем катился себе дальше как ни в чем не бывало. То есть эта вибрация ничуть не влияла на его движение, просто задерживая его на некоторое время. Правда, несколько раз он заметно отклонился при этом он пути, по которому его направила рука, а один раз даже вернулся ко мне, рикошетом остановленный в центре поля и посланный обратно, словно невидимой рукой!

— Смотри, Нево! Забавная вещь, — и я показал ему, что происходит с шаром. Зрелище произвело на него впечатление.

— На таком бильярде я бы не стал играть на

деньги, — заметил я, положив шар в центр стола. — Видимо, здесь выигрывают одни Конструкторы. У них особые правила.

Нево немедленно заинтересовался правилами игры, и я объяснил ему, чем отличается обычный бильярд от снукера, а также от карамболя.

— Снукер — средство от скуки, придуманное офицерами в Индии, и не имеет ничего общего с наукой бильярда…

И тут — прямо на моих глазах на столе появился другой шар. Он выскочил из лузы, покатился, срикошетил и встал рядом с моим шаром в центре стола. Я наклонился, рассматривая это невиданное явление. Впрочем, я ко всему здесь привык, но подобное жульничанье в игре…

— Какого дьявола здесь происходит?

Второй шар был в точности таким же, как мой. Совпадало все до последней царапины, которыми покрылся мой шар во время экспериментов. По идее, если это был второй шар из игрового комплекта, он должен был появиться новым, как первый, каким он был изначально. Пришелец звучно ударил по моему шару — щелчок — и мой шар покатился по столу.

— Странно, — сообщил я Нево. — Я мог бы поклясться, что этот шар — двойник первого. Вот

— и царапина на том же месте. Как такое может быть? Я его и ночью узнаю. Это или его брат-близнец, чего не может быть, или…

— Или, — спокойно закончил морлок, — тот же самый шар.

Тем временем мой шар отошел рикошетом от дальнего борта и благодаря несколько необычной геометрии стола, катился прямиком в лузу, из которой возник второй шар.

— Но как это может быть — Разве такое возможно? — вскричал я.

— Вспомни о Моисее, — лаконично напомнил морлок.

— Хорошо, понимаю — Моисей мой двойник — но здесь же нет машины времени? В чем смысл этого бильярдного стола? Зачем это? Шар исчез в лузе без пояснений. Странный стол, не соблюдающий ни законов геометрии, ни вообще никаких законов, начинал выводить из себя, как любое загадочное явления, которому не подобрать объяснений.

Итак, перед нами осталась копия первого шара, непостижимо выскочившая из лузы. Я взял шар, чтобы рассмотреть его. Луза, куда укатился шар, была пуста. Из желоба тоже ничего не появилось.

— Ничего себе, — поделился я возмущением с Нево. — Этот стол еще коварнее, чем я думал.

Мы оглядели стол, но не обнаружили никаких хитроумных устройств, ни даже закрытого пространства, в которых могли бы появляться и исчезать шары. — Понятно. Это наверное, аппарат какого-нибудь иллюзиониста, для демонстрации фокусов.

И тут я обратил внимание на сетки. Сетки в лузах светились знакомым зеленоватым огнем. Нево рассказал мне, что он узнал от Конструкторов. Наш молчаливый друг, обитавший в комнате Нево, был, по-видимому, одной из широко распространенных особей. Конструкторы обитали на Земле, осваивали планеты — и даже звезды.

— Ты должен отбросить предрассудки, — говорил мне Нево, — и смотреть на них непредвзято. Они не такие, как люди, хотя тоже разумные существа.

— Это я уже понял.

— Нет, — настаивал он. — Мне кажется, еще не до конца. Во-первых, не надо видеть в них личности, такие как у нас с тобой. И они не груды бездушного металла в то же время. Это не люди в плащах из металла! Они совершенно другое. Принципиально отличное от того, что мы знаем

о людях и роботах.

— Но почему? Только потому, что они произведены из винтиков на клеточном уровне?

— Ты можешь рассуждать о них как угодно. Но два Конструктора могут перетекать друг в друга, как жидкость. Это звучит невероятно — однако они перетекающие существа, способные обеспечить временное существование любого из соплеменников, если так можно выразиться.

Слушая весь этот бред, я начинал понимать, почему ни разу не видел движения Конструкторов за окнами. Им не было нужды перемещать тяжесть собственного веса. Достаточно было разложиться намомолекулярные компоненты и легким вихрем лететь над землей, как рассказывал Нево. Эти нити, реснички или черви из металла могли также свободно и невидимо скользить по льду и под ним. Нево, тем временем, продолжал:

— Но это еще не все, что указывает на разумность Конструкторов. Они живут в мире, какой мы с трудом можем себе представить.

— Что же тут странного — обычная вымерзшая пустыня, — на сей раз пришел мой черед пожимать плечами.

— Они живут не в пустыне, — твердо произнес

Нево.

— Не в пустыне, — усмехнулся я. — Так где же?

— В море.

— В море?

— В море информации. Они купаются в нем точно дельфины.

И Нево поведал мне, откуда у него такие сведения. Оказывается, Конструкторы поддерживают постоянную связь друг с другом, сцепленные невидимыми нитями коммуникаций. Таким образом, каждый из них в курсе происходящего вокруг, по всей планете, и даже более того, — с самых далеких звезд. Причем обмен информацией настолько скор, что не идет и в сравнение с человеческой речью.

— Но ты же как-то умудряешься с ними общаться? — спросил я его.

— Способ только один, — спокойно отвечал Нево. — Подражать. То же, что я делал, пытаясь установить контакт с тобой. — Он потер трубку, выпиравшую из глазницы. — Пришлось пойти на эту жертву.

— Ты пожертвовал глазом?

Его уцелевший глаз ответно блеснул. Просиял.

С помощью этого такого нехитрого приспособления ему удалось проникнуть в Информацион-

ное море Конструкторов, минуя необходимость речи.

Мысленно представив себе, как мне в мозг всаживают холодную металлическую трубку, я поежился и спросил:

— Думаешь, этот стоит того? Такая жертва…

— Как учит мудрость Конструкторов — знания приобретаются с опытом. А опыт требует жертвы. Ты хоть представляешь себе, что такое — Информационное море. Я пораскинул мозгами. Сразу на память пришли семинары в Королевском обществе — насыщенные дискуссии, с «мозговым штурмом», когда над предложенной к обсуждению темой бьются сразу несколько зрелых умов, трансформируя и оттачивая идею. Или взять хотя бы мои ричмондские Четверги, после ужина, за бокалом вина. Стоило замолкнуть одному, как немедленно подхватывал другой. Но тут меня оборвал Нево.

— Да, — сказал он. — Вот это самое. Дорогого стоит, не правда ли? И представьте, что такие же задушевные разговоры проходят постоянно, причем со скоростью света. Когда без всяких препятствий и посредников идея передается из одного ума в другие.

— Но это же белиберда какая-то получает-

ся, — возмутился я. — К чему такое общение? Где заканчивается одна мысль, в таком случае, и начинается другая? Где она формируется, если ей просто нет конца? И как отличить — чья она, идея, у кого появилась: у меня, у вас, или у кого-нибудь другого?

Оказывается, здесь, на Земле, базировался Центральный Мозг, представляя собой скопление миллионов Конструкторов, составивших собой эдакое полубожество, надзиравшее над расой сих разумных.

И снова от объяснений Нево потянуло метафизическим сквознячком.

— Все это замечательно, — кивнул я. — Но к нам-то это какое имеет отношение?

При этом я обернулся к нашему бесстрастному конструктору, который все это время сидел себе как ни в чем не бывало посреди комнаты. — Что вы скажете насчет этого парня, дорогой коллега? С его сознанием, разумностью и так далее все в порядке. Но вот вопрос — чего он хочет? Ему нужно чего-нибудь? Зачем он здесь? Для чего спас нас? И — что собирается делать снами теперь? Или это просто одна из пчел улья, присматривающая за нами? Нево задумчиво почесал шерсть на лице. Затем подошел не спеша к Конструктору,

уставив на него торчащий из глаза патрубок и через несколько минут такого гипнотического взора был вознагражден тарелкой с сыром, выставленной из тела Конструктора. Я без аппетита смотрел на продолжение трапезы морлока. То, что творилось передо мной, было еще более омерзительным, чем извлечение подножного корма и детей из разумной почвы Сферы, чему я был свидетелем. Во всем этом была отвратительная смесь машинного и человеческого.

— Это не просто пчелы, — заговорил, прожевав, морлок. — У них связь не та, что в улье. У них нет общей цели — сбора меда, закупорки сот. У них нет общей царицы. Это идеи в чистом виде. Они не связаны — а лишь соединены. В определенном смысле, это различные компоненты вашей личности. — Но почему нет? Это определенно в высшей степени имеет смысл. С идеальной, продолжительной коммуникацией, что не нуждается быть понятой — никакого конфликта… — Но это не похоже на Тотальность, Целостность ментальной вселенной Конструкторов слишком велика.

Он снова заговорил про Информационное море, и описал, как структуры мысли и размышления предположений — комплексные возникающие

и растворяющиеся беспрерывно, точно волны, прибывают, восстают из сырого материала океана мыслеобразов. — Эти структуры, — продолжал Нево, являются аналогами научных теорий вашей современности. То же самое, постоянное дискутирование, оспаривание, ниспровержение, все новыми и новыми учеными. Только что там растягивалось на века и научные школы, здесь решается моментально, на ходу, Мир мысли никогда не закоснеет, никогда не замерзает этот океан фантазии. — И потом, вспомните вашего друга Курта Геделя, учившего, что никакое знание по сути не является совершенным или фиксированным. Истина живет лишь некоторое время, пока не устаревает и не отбрасывается, или видоизменяется. Море Информации нестабильно. Гипотезы и понятия, встающие из него, многогранны и постоянно обращаются к нам разными гранями. Поэтому среди Конструкторов редко возникает единодушие. В этом смысле они еще более индивидуалы, чем мы с вами. Ведь наши расы некогда веками находились при общих идеалах. Конструкторы же редко приходят к общему мнению в каком-либо вопросе. Это напоминает бесконечно продолжающиеся дебаты. Можно сказать, что Конструкторы соединены

— но только для спора и обмена информацией, а отнюдь не для существования на общей точке зрения. Они и не ставят себе такой задачи. И чем сложнее диспут, тем сложнее и необъятнее окружающий мир… предстает…

— И, таким образом, раса прогрессирует.

Я вспомнил, что Бернес Уоллис рассказывал мне о новом порядке парламентских дебатов в 1938 году, когда любая оппозиция рассматривалась как преступная группировка, действующая против государства. Когда дивергенция или Отклонение энергии от одного, самоочевидно исправляло приближение к вещам! — Но если справедливо было сказанное Нево, если Нево был прав, то и не могло, оказывается быть универсально верного ответа на любой поставленный вопрос. Оставалось только не ставить вопросов — вот какой вопрос встает? В таком случае Конструкторы как будто жили в квантовой вселенной, видя мир, развивающимся по бесконечному множеству параллельных и альтернативных историй — но может ли в принципе существовать подобный мир? Однако именно в таком мире мы и оказались. И с этим уже не поспоришь. Я был в 1891 году — и в то же время ничем не похожем на мой 1891 год.

Нево так же тщательно разжевал мне все это, как и свой сырок. Когда с едой было наконец покончено, он вставил тарелку обратно в Конструктора. Так же привычно и обыденно, как у себя в Сфере. Я понял, что морлок чувствует себя здесь как дома.

5. Белая земля

Долгие часы я проводил в одиночестве, или вместе с Нево, у одного из окон. Я не видел никаких следов присутствия жизни, растительной или животной, на поверхности Белой Земли. Насколько я мог судить, мы были изолированы в нашем небольшом пузыре света и тепла, на вершине этой высокой башни и ни разу его не покидали за все время, проведенное здесь.

Ночью небо было чистым и прозрачным, лишь легкой ажурной сеткой светились в нем перистые облака, возможно, видимые из стратосферы. Но, несмотря на прозрачность неба, в нем не было звезд. Те редкие светила, что угадывались за очертаниями облаков, ни в какое сравнение не шли со звездным небом, каким оно было раньше — в прежние, параллельные времена. Поначалу я правда, списал это на плохое самочувствие. Просто будто бы у меня потемнело в глазах. Луна все еще светилась на небосклоне, меняя фазы все с той же незапамятной регулярностью. Однако издревле желтые и ли белые поляны Луны были теперь залиты зеленым свечением. Теперь не было ни знаменитого лунного серебра, Луна не

походила ни на круг сыра. Ни на серебряную тарелку, похищенную на небо из фамильного буфета. Ночная Земля была освещена волшебно-изумрудным свечением, словно планете возвращался призрак того чудесного ковра, скрытого сейчас под беспощадными оковами льда. И вот что-то блеснуло. Сначала я в самом деле принял это за отблеск какого-нибудь лунного озера — или рефлектора, поймавшего луч солнечного света, Но вскоре я сообразил, что отблеск этот отнюдь не случаен. Видимо, это было специально сконструированное зеркало — воздвигнутое на каком-нибудь высоком лунном кратере или горном хребте. Видимо, это был своеобразный ночной прожектор, освещавший землю. Я представил себе, какими должны быть эти люди, вот уже многие поколения живущие на Луне. Боксеры-легковесы, прирожденные баскетболисты и прыгуны в высоту и длину, и совершенно никудышные толкатели ядра и метатели молота. Селениты следили с орбитой за кончиной планеты-прародительницы, взирали на то, как исчезают с нее последние земляне. Возможно, на какой-то стадии человечество разделилось на поднебесных селенитов и дичающих землян, как в свое время на элоев и морлоков.

Воображение работало дальше. Селениты хотели помочь собратьям, но не знали как. Даже самые умудренные демагоги не знали, как протянуть руку помощи собратьям — как дотянуть эту дружескую граблю до Земли. Ведь лифты оборваны, связи никакой не оставалось… И тогда они придумали зеркало. Громадное, достойное телескопа зеркало, которое видно было бы с самой Земли. И которое могло бы посылать на планету солнечный зайчик — величиной с… нет, не со слона, тут пахнет Левиафаном. Но этого селенитам могло показаться недостаточно. И вот они решили разработать специальную азбуку сигналов — типа морзянки, заставляя свое зеркало вспыхивать и гаснуть. Таким образом передавая варварам одичавшей земли сведения о посевах, сборка паровых машин, инженерии и прочем — ну и также поздравления с Новым Годом или еще что-нибудь такое.

Но потом все это стало бесполезным. Упразднилось за неимением адресата. И адресаток. И вот гигантский ледник сомкнул свои глыбы над последним участком суши. Люди вымерли окончательно. Исчезли как вид. Остались селениты.

Вот в таком разрезе я рассуждал, представляя себе будущее своей планеты, разглядывая уны-

лый пейзаж, залитый лунным светом, из своего небоскреба. Я никак не мог проверить эту гипотезу — да оно может, и к лучшему, Вряд ли Нево мог бы столь детально постичь историю альтернативного человечества в неисчерпаемом океана сознания информации Конструкторов.

Однако более всего в этом ночном небе поражала не Луна и даже не отсутствие звезд, а гигантский, словно затянутый паутиной, в десять раз шире привычной Луны. Эта конструкция постоянно и безостановочно шевелилась в небе. Словно тысячи крошечных светящихся пауков трудились на его поверхности, созидая сеть — медленными, но отчетливо видными движениями с земли. Потрясающее, доложу я вам, зрелище! Этот паутинчатый диск лучше всего наблюдался по утрам — ранним утром около трех, именно тогда лучше всего различалось свечение, проникающее сквозь всю атмосферу.

Естественно, я обсудил этот предмет с Нево. — Похоже, эти паутинки каким-то образом привязывают диск к Земле, но как? — А может они образуют ткань паруса, который таким образом несет землю в пространстве на спектральных ветрах?

— Красочно описываете, — заметил Нево. — Но

кое в чем вы в самом деле не промахнулись.

— В чем же?

— Это действительно парус. Но не он тащит за собой Землю, а напротив.

Нево описал мне эту космическую яхту. — Она сконструирована в вакууме, — рассказывал он как о чем-то совершенно обычном. — Лучи, кажущиеся отсюда нитями, соединяют планету с парусом. Давление света невелико, но неуклонно и постоянно. Такая конструкция слишком хрупка, чтобы нести на себе непомерную тяжесть Земли. Это всего лишь зеркальный парус, «и ветер», наполнявший его, всего лишь свет. Свет падал на него с многочисленных зеркальных тарелок, расставленных по земле.

— Но смысл такой «космической яхты»? Для чего же она, — чтобы переносить к Луне, другим планетам или..

И в наступившей паузе морлок покачал головой:

— Нет. К звездам.

6. Генератор множественности

Нево тем временем продолжал свои эксперименты с бильярдным столом. И шар всякий раз отзывался той же странной вибрацией. Копии шаров появлялись, откуда ни возьмись из лузы, пересекая траекторию пущенного шара. Время от времени происходила в точности та же картина: статичный шар выбивался с места без всякого со стороны меня и Нево вмешательства. Платтнерит загадочно светился в лузах, а шар двигался так быстро, что я не успевал ничего заметить. Однако морлок преуспел больше моего. Он окунался в инфоморе Конструкторов и постоянно выныривал оттуда с новыми материалами. Он бормотал себе что-то под нос на своем жидком текучем диалекте, нечто невнятное — и немедленно спешил к бильярду, чтобы применить на практике новые знания.

Наконец, он, казалось, созрел для того, чтобы поделиться со мной своей гипотезой. Для этого он вызвал меня из парной-душевой, где я наслаждался струями воды и пара. Вытершись рубашкой, я немедленно поспешил за ним в бильярдную. — Что с вами, друг мой? Никогда еще

не видел вас таким возбужденным.

— По-моему, я понял, для чего служит этот стол, — пробормотал морлок.

— Да ну?

— Это… ну, как бы объяснить… только демонстрация, почти что игрушка — но в то же время самый настоящий Генератор Множественности. Вы понимаете, что это значит?

Я поднял руки:

— Сдаюсь.

— Но вы же прекрасно знакомы с идеей Множественности Историй, не так ли…

— Ну, без этого просто никак не объяснить, от чего мы всякий раз оказываемся в новом месте.

При всяком событий истории раздваивались: одна шла по пути совершения события, другая — по пути его несовершения. Тень бабочки могла лечь и здесь и там, в двух местах одновременно, пуля убийцы могла ранить, пролететь мимо или угодить в сердце короля… Каждый возможный исход события рождал собой новую версию Истории.

— И все эти истории реальны, — продолжал я, — и, если я верно понял, они лежат бок о бок в каком-то ином Измерении, словно страницы книги, и ни одна буква уже не может перепрыг-

нуть с одной страницы на другую.

— Вы прекрасно усвоили. А теперь представьте, что действие машины времени — в том числе и вашей первой модели становится причиной дальнейших, все более широких раздвоений или бифуркаций, производя новые истории. И некоторые из них просто невозможны без вмешательства машины времени — как, например, наша! — И он развел руками по сторонам. — Без вашей машины породившей за собой причинно-следственную связь событий, люди никогда не появились бы в палеоцене. И мы теперь не сидели бы на Земле, которую люди оставили миллионы лет назад, устремившись к звездам.

— Все понятно, — перебил я, поскольку терпение мое истощалось. — Но что прикажете делать с этим столом? Как это проясняет каверзы, которые он тут устраивает у нас на глазах?

— Демонстрирую. — Он покатил шар по столу. — Вот наш шар. Теперь представим множество историй — их пучок, в котором одна, естественно, будет иметь классическую траекторию — вот она катится через стол. Но другие истории по соседству, в том числе и с большими отклонениями от классического курса — существуют параллельно. И, вполне возможно, хотя и невероятно, что в

одной из этих историй движение шара скомбинируется даже так, что он подпрыгнет в воздух и ударит вам в глаз.

— Очень хорошо. То есть, ничего хорошего, но продолжайте.

— Теперь, — он длинным пальцем обвел ближайшую лузу. — Вы обратили внимание на этот цвет?

— Платтнерит.

— Совершенно верно. Карманы представляют собой миниатюрные машины времени — ограниченные по размерам и зоне действия, но вполне функциональные. Как мы убедились на опыте, в процессе перемещений во времени объекты могут встречаться со своими двойниками. Причинно-следственные связи разрываются и истории буйно разрастаются, подобно сорнякам. Итак, шар стоит в середине стола — «наш» шар, как мы называем его. Затем копия нашего шара возникает из лузы и вышибает его со сцены. Шар доходит до борта, рикошетирует и попадает в лузу, оставляя своего двойника на столе, в позиции, точно соответствующей первоначальной позиции оригинала…

Его наукообразный язык начинал утомлять, если не сказать больше.

— Затем, — неспешно продолжал Нево, как мне казалось, даже растягивая слова от удовольствия быть таким наглядно умным, — наш шар идет сквозь время обратно — видите? И возникает из лузы в прошлом…

— Но поверхность стола — это же одно время, настоящее. Мы-то, наблюдатели, не смещаемся с ним, — горячо запротестовал я.

— И следует, — как ни в чем ни бывало, продолжал он, — вышибает себя со своего места и снова заменяет его… Я с отвращением посмотрел на этот коварный стол, сперва казавшийся столь невинным бильярдом.

— Вы хотите сказать, этот стол — моя жизнь? Да? Только вы не учли. Нево, что я все тот же шар, каким и был с самого начала.

— Еще раз повторяю — отбросьте застарелые понятия причинности, раз уж вы изобрели машину времени. Все переменилось! Столкновение шаров — это лишь одна из возможностей происходящего настоящего! Вам понятно? При условии существования машины времени причинность столь уязвима, что каждый неподвижный исходный шар окружен бесконечным числом таких непостижимых вероятностей. И ваш вопрос о том, «как такое началось?» отныне не имеет смыс-

ла — потому что вчерашнее и завтрашнее уже перепутались местами и стали принципиально неразличимы — при применении, как я уже упоминал, машины времени. Стоит вам потянуть рычаг — и разрушается причинно-следственная связь событий, прошлое смешивается с будущим. Итак, мы находимся в петле времени, в которой нет такой вещи как первопричина — или исходная позиция. Поэтому вы не можете говорить о «настоящем». Или, наоборот, вы только о нем и можете говорить, потому что ни прошлого ни будущего у вас уже нет.

— Может, оно и так, — откликнулся я, — но посмотрите: куда же исчезает шар, если их было два. Ведь материи присутствовало в два раза больше?

— Вас беспокоит нарушение закона о сохранении энергии? Исчезновение массы?

— Вот именно!

— Что-то я не заметил такого беспокойства с вашей стороны, когда вы, очертя голову, бросились в прошлое за своим двойником, — съехидничал он. — А там было, между прочим, нечто большее, чем нарушение такого закона!

— И, тем не менее, не слышу ответа. Внятного, простого, как и подобает в научных спорах. Разве

я не прав?

— Правы, но узколобо, в единственном историческом пути. Вы были бы правы, если бы история существовала одна. Универсальные Конструкторы занимаются парадоксами путешествий во времени уже веками, — продолжил он. — Точнее сказать, очевидными парадоксами. Именно они сформулировали принципы закона о сохранении энергии в новых условиях. Этот закон работает в высшем измерении Множественности Историй. Взять хоть вас.

Я пытался переварить сказанное.

— Парадокс исчезает, если размышлять в категориях Множественности. Таким образом, и проблема причинности разрешается в рамках Множественности. Этот стол призван продемонстрировать нам это. Машина Времени доказывает существование расходящихся историй на макроскопическом уровне.

И он поведал мне об остальных Законах сохранения во Множественности.

— Представьте себе ситуации, — рассказывал Нево, — в которых Множественность приближается к нулю или бесконечности. Если множественность равна нулю, то история в принципе невозможна. Множественность с потенциалом

единицы — это ситуация, которая предсказывалась ранними философами — поколением Ньютона. В ней единственный путь развертывания цепи событий разворачивается в каждой точке времени, постоянной и неподвижной.

Тут я понял, что он описывает мой собственный первоначальный и наивный взгляд на Историю: нечто вроде огромной комнаты, с более или менее определенными размерами, через которую моя Машина Времени может слоняться по собственной воли взад и вперед, и в каждой точке которой я могу остановиться и застать все неизменным.

— Что ж, пожалуй, все ясно, — Очевидно, дивергенция произошла в тот раз когда я впервые потянул рычаг машины времени. История разделилась на правую, левую сторону и центр.

— Да. И как наследники человечества все глубже роются в прошлом, так и Генератор Множественности тяготеет к бесконечности и дивергенция происходит все шире.

— Но, — сказал я несколько в замешательстве. — Вернемся к нашему вопросу — для чего придуман стол? Зачем Конструкторы его нам подсунули? Что они пытаются сообщить?

— Не знаю. Пока трудно сказать. Но у них вызревает проект.

— Проект?

— Грандиозный проект, — подтвердил морлок. — Назначение, цель и смысл которого мне до сих пор неясны. Но это дело времени, полагаю.

— И в чем его суть?

Нево стал объяснять:

— Ну, вот, представьте, могут ли взаимодействовать, так сказать сообщаться между собой две параллельные истории?

— Нет, — признал я. — Две версии не могут взаимодействовать.

— Прекрасно. Итак, Истории-двойники, сразу после их раскола перестают влиять друг на друга. Употребляя техническую терминологию, можно сказать, что квантум-механические операторы линеарны, но… — в голосе Нево снова появилось возбуждение, — на фундаментальном уровне они могут оставаться связанными. Если же мы добьемся хоть небольшого количества нелинеарности в квантовых операторах, даже настолько малого, что не поддается обнаружению, то…

— Тогда такая коммуникация возможна?

— Пока даже у Конструкторов все находится в стадии эксперимента, в дозачаточной стадии развития.

И Нево описал мне то, что он сам называл «фо-

нографом Эверетта» — прибора, названного так в честь ученого двадцатого века:

— Ему первому пришла в голову эта идея. Само собой, у Конструкторов есть свое название — но его едва ли можно адекватно передать на вашем языке. Нелинеарности, о которых говорил Нево, работали на самых тонких уровнях.

— Представьте себе, что вы собираетесь провести измерение — ну хотя бы периода вращения атома. — Он описал взаимодействие «нелинеара» между вращением атома и магнитным полем. — Раскол вселенной надвое также зависит от исхода эксперимента. Значит, после эксперимента вы позволяете атому пройти через ваше поле нелинеарности. Это и есть аномальный квантум-оператор, о котором я вел речь. Тогда вы можете устроить все так, что ваше действие в одной истории зависит от решения, принятого в другой…

И принялся рассуждать, используя термины вроде «прибор Штерна-Герлаха»… [21] но я пропустил все это мимо ушей: для меня было важнее

---

[21] Примечания: 21

Опыт, экспериментально подтвердивший, что атомы обладают магнитным моментом, проекция которого на направление внешнего магнитного поля принимает лишь определенные значения (пространственно квантована). Осуществлен в 1922 году.

всего уловить нить разговора, и к чему он клонит.

— Так значит, — перебил я, наконец, — это возможно? Значит, ваши Конструкторы изобретают подобное коммуникационное устройство для общения между Историями? И этот стол — нечто вроде первой модели?

При одной мысли об этом я испытал небывалое возбуждение. В голове у меня стучали кости бильярдных шаров, представлявшиеся мне чем-то вроде атомов, и какими-то устройствами, фонографами Эверетта, нужно было измерить период вращения.

— Значит, с помощью такого вот устройства — я смогу вернуться в изначальный 1891-й год?

Однако Нево поспешил меня разочаровать.

— Нет, — сказал он. — Еще нет, пока. Стол использует эффект Нелинеарности, но эффект пока невелик. Нелинеарности подавляются эволюцией времени.

— Да, — пробрюзжал я. — Но что ваше мнение? Разве Конструктор не для того поставил здесь этот стол, чтобы поведать нам об этой… — Нелинеарности — что это и только это важнее всего сейчас для нас?

— Возможно, — откликнулся Нево. — Но в

первую очередь это важно для него.

7. Механические наследники человека

Нево рассказал мне о новой истории Человечества, какой она сложилась за эти 50 миллионов лет. Большая часть картины была почерпнута из Информативного Океана.

Было несколько волн звездной колонизации человеком и его потомками, рассказывал Нево. Во время нашего путешествия во времени мы видели, как из города на орбите стартовала одна из экспедиций колонистов.

— Нетрудно построить аппарат для межзвездных перемещений, — поведал мне морлок, — были бы упорство и терпение. Представляю ваших друзей из 1944 в палеоцене могли соорудить подобное уже спустя век-другой после того как мы их оставили — учитывая уровень цивилизованности на котором мы их покинули. И нужно для этого немного: блок запуска в виде химической, ионовой или же лазерной ракеты, или, на худой конец, солнечный парус вроде того, который мы видели в небе. И есть стратегии использовать ресурсы Солнечной системы для того, чтобы сбежать оторваться от солнечного притяжения.

Можно, например, залететь за Юпитер, а там использовать массу планеты для разгона и броска в сторону Солнца. С разгоном за перигелий можно без труда достичь скорости, позволяющей покинуть пределы Солнечной системы — то есть третьей космической скорости…

— И что дальше?

— Дальше?

— После того как мы покидаем Солнечную систему…

— Далее используются гравитационные колодцы звезд и планет при переходе из одной системы в другую. Такое путешествие может занять от десятка до сотни тысяч лет — настолько велики пропасти и бездны между звездами…

— Тысяча веков… Но кто сможет выжить так долго? Да и хватит ли ресурсов, топлива для корабля, пищи для экипажа…? Что говорить о топливе — пропитания не хватит…

— Не забывайте, туда совсем не обязательно отправлять людей. Корабль может быть автоматом. Машиной, умением и интеллектом не уступающей человеку. Задачей ее будет разрабатывать ресурсы дальних звездных систем — планет, комет астероидов, звездной пыли и всего другого, что может попасться под руку — для того, чтобы

создавать колонии.

— Ваши «автоматы» — заметил я, что-то уж больно напоминают Универсальных Конструкторов.

Он не ответил.

— Я еще понимаю посылать машину для сбора информации. Но насчет всего остального — сомневаюсь. Какой смысл в колонии без людей?

— Но такая машина может сконструировать все, что угодно…

— Включая людей?

— Да, конечно, — клеточный синтез, искусственная матка…

— Ах, как мне это знакомо. Вот мы, кажется, опять опустились в Сферу.

— Да нет, скорее поднялись до нее. А топливом можно разжиться по пути, при разработках.

— Ах как, интересно. Где-то мы уже все это слышали. Ничего нового не скажете?

— Вот так, медленно, но верно и будет продвигаться освоение Галактики.

— Однако, — запротестовал я, — что пользы в том? Десятки тысяч лет на достижение ближайшей звезды, на расстоянии нескольких световых лет.

— Четырех, — поправил он.

— И сама Галактика…

— Сто тысяч световых лет в поперечнике… Миграция через Галактику будет подобна освоению молекул газа в вакууме. Сначала, во всяком случае. А затем колонии наладят связь друг с другом и между собой.

— Друг с другом и между собой?

— Именно так. Постепенно сформируется целая межзвездная империя. Да не одна. У них появятся свои конкуренты. В общем, если все пойдет, как я описывал, уйдут десятки миллионов лет — на полное освоение галактики. Однако колонизация будет неотвратима уже после запуска первых автоматов с заложенной в них программой. Теперь, спустя 50 миллионов лет после основания Прото-Лондона это уже, наверное, достигнуто.

Я призадумался, а он тем временем продолжал:

— Видимо, первые Конструкторы были сделаны на службу людям. Но не просто как механические устройства — это были слуги: наделенные сознанием механизмы. И когда их впустили в Галактику, на самостоятельное освоение, они вскоре настолько оторвались от Человечества, в том числе и ментально, что порвали цепи, связывавшие их с создателями. Порвали с соб-

ственными творцами. Роботы отказались от своих богов и сами стали богами.

— Бог мой, — пробормотал я. — Представляю, к каким последствиям это могло привести.

— Совершенно верно. Наступила эпоха войн. Данные фрагментированы. В любом случае победитель в таком в конфликте может быть только один.

— А как же люди? Как они довели до этого? Как отнеслись к этому?

— Одни хорошо, другие плохо. — Нево слегка скривился и скосил глаза. Гуманоиды существа совсем иного склада, со своими понятиями, даже в ваше время. А представьте, во что это превратилось. Когда умами овладел совсем иные масштабы, измеряемые сотнями и тысячами звездных систем. Конструкторы также быстро фрагментировались. Они были более приспособлены к существованию в новых условиях. И цели у них, благодаря общему информационному пространству, были совсем иные. И более многоплановые.

Тем не менее, несмотря на конфликт, завоевание звездных полей шло своим чередом.

Запуск первых звездолетов, как рассказывал Нево, послужил великим отклонением от моей

оригинальной нетронутой истории.

— Люди — ваше, новое человечество, изменили в этом мире все, что только поддается изменению, включая геологию земного шара. Причем в космическом масштабе. Вряд ли вы в состоянии понять…

— Что?

— Эти темпоральные границы: миллионы, десятки миллионов лет.

— Ну, допустим, ведь нам уже пришлось махнуть туда-сюда на полсотни миллионов лет. Слетать в палеоцен и обратно.

— Но тогда другое дело. Тогда мы путешествовали сквозь историю, в которой еще не появилась разумная жизнь.

— Представляю, какие пертурбации творились с Землей!

— Если бы только с ней! Это было нашествие термитов разума на само вещество Вселенной — жадное, всепожирающее. — трагически прошептал он. — Даже мы, морлоки.

— Ну-ну, даже вы.

Он вдруг стал похож на ученого муравья, наделенного разумом, что смешило меня небывало.

— Вы только посмотрите на это небо, — говорил он. — Где вы видите звезды? А ведь это лишь

1891 год. И никаких космогонических причин для вымирания и затухания звезд нет. Но своими привыкшими к тьме глазами я вижу немного больше чем вы. И скажу вам — там, в небесах есть то, чего вы не видите. Это красные точки инфракрасного спектра излучения. Они говорят о присутствии тепла. Их много: бесконечное множество.

Я вздрогнул:

— Значит, этот правда… Ваша гипотеза о развитии Галактики победила. Доказательства налицо, в самом небе! Звезды опять покрыты искусственными колпаками. Упрятаны в металлическую скорлупу. — Я с тоской поглядел в пустоте небо. — Боже мой, как же это! Нево, значит люди пошли по пути морлоков!

— Все неизбежно пришло бы к этому, после запуска первого Конструктора.

— Да, и вследствие моего необдуманного запуска первой машины времени. Теперь мне понятно, куда подевались люди.

— Нет, — отрезал морлок, — там — он показал в небеса, — людей нет и быть не может.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю все. Через Конструкторов. Там нет и следа существ, подобных вам. Временами, конеч-

но, встречаются особи, имеющие биологическую близость к вашему роду. И даже, быть может, человеческое происхождение — но и только. Ну, как, — я, по вашему, — достойный потомок человека?

Я удрученно покачал головой.

— То-то. Эти создания не ближе к вашему роду, чем киты или слоны вашей родной планеты.

Тут мне на ум память пришла цитата из Дарвина:

— "Судя по прошлому, можно с полной уверенностью заключить, что ни один из ныне живущих видов не сохранится в отдаленном будущем..."

— Дарвин был прав, — заключил Нево, беспощадный, как сама идея, что никого не осталось в Галактике, имея в виду представителей собственного вида и окружавших его видов, четвероногих, хвостатых, пернатых побратимов — никто не устоял перед наступающими силами эволюции. Я снова один во Вселенной! Но сколько их там? Трудно себе представить, что в том мире будущего не осталось не одного из известных мне видов в том мире, где даже на звезды натянули колпаки, укрывшие свет и тепло от бесчисленного множества планет. Кто там: рыболюди? Птицезвери? Люди, состоящие целиком из огня, или

кристаллов? Представляю, какие истории мог бы принести из этих миров Гулливер.

— Человек умер, — заключил Нево. — Как и все остальные близкородственные существа. Бессмертны лишь Конструкторы. С их появлением отпала необходимость в эволюции видов. Теперь исчезло понятие расы и наследственного материала — сохраняется только информация. — И он победоносно посмотрел на меня. — Улавливаете суть?

— Конечно, — горько промямлил я. — Все снова свелось к вашей морлочьей идее.

— Да! Это живые компьютеры!

— ?

— Аппараты для обработки информации. Они бессмертны.

Я удрученно посмотрел на голый ландшафт за окном. Белая Земля, огромная пустыня из льда, раскинулась перед моими глазами. Эти новые механические аргонавты превратили мир в звездное подземелье, где все укрыто монументальными сводами, где все разумные особи выращиваются точно овощи с единой целью сохранения знаний — и где жизни как таковой — или того, что мы, люди, наивно привыкли считать «жизнью» — в человеческом понимании

— нет! Старый Адам был окончательно заменен механизмами, а человек примкнул к череде выцветших остовов рептилий и мастодонтов, выстроившихся в музее естественной истории.

И все это вышло из маленькой колонии, оставленной мной на берегу палеоценового моря. Из маленькой горстки людей числом двенадцать человек, из горстки семени, брошенного в почву пятьдесят миллионов лет назад.

8. Предложение

Время тянулось медленно в этом странном, изолированном мире. Нево, казалось, был вполне удовлетворен средой обитания, в которую мы попали. Днями напролет он торчал возле Универсального конструктора, купаясь в информационном море. На меня у него не оставалось даже часа. Видимо, рядом с этим кладезем механической мудрости я стал для него опять банальным дикарем, и он уклонялся от встреч.

Я, в свою очередь, бродил по замкнутым апартаментам, развлекался душем, пытался получить удовольствие хотя бы от еды, которой нас здесь пичкали (те же суррогаты!) и поигрывал с шаром на столе генератора множественности, понемногу погружаясь в пучину депрессии.

Мне совершенно нечего было делать! Кроме как влачить жалкую растительную жизнь. Живи я среди таких же себе подобных бездельников, моя жизнь имела хотя бы какой-то смысл, а здесь я был лишен всего, даже компании.

И вот, когда я уже тонул в болоте ничегонеделания, ко мне явился Нево с так называемым «предложением».

В комнате, где сидел закадычный друг морлока — Конструктор, вперив механический глаз в его внутренности, морлок говорил:

— Вы должны понять подоплеку всего этого.

— Я уже многое понял, — откликнулся я, зевая.

— Дело в том, что цель у Конструкторов несколько иная, чем у вас, или у меня.

— Ну, если дело только в том… то я не понимаю, в чем где ваше пресловутое «предложение».

— …Дело не только в физических отличиях наших тел.

Мы опять вступали в бесполезные дебаты…

Когда я брал на себя роль Невежды, а Нево — ученого дельфина, ныряющего перед ним в Информационном море.

На сей раз ему было что сказать.

Мне стало вдруг не по себе. Что он задумал? В чем хотел меня сейчас убедить?

— Трудно выжить в этом мире, придерживаясь устаревших убеждений.

— Никто и не придерживается, — сухо перебил я.

— Видите ли, у Конструкторов есть такая пословица о людях. В общем, ее можно перевести: «атомная бомба изменила в мире все, кроме человеческого мышления».

— Не буду спорить с этим утверждением, — заявил я. — Тем более, уже ясно, куда отправили Адама — в музей. Ну, и чего же хочет ваш металлический супермен?

Он медлил, словно не решаясь высказать то, что, видно, давно томило его.

— Видите ли… в некотором смысле они не имеют целей вовсе… в нашем понимании. Таких, как пища, размножение…

— Понятно, — хмыкнул я, — то есть целей, в которых мы солидарны с бациллами.

— Цели, однако, всегда зависят от двух вещей…

— Каких же, — продолжал забавляться я.

— Нужд, в зависимости от состояния, в котором находятся представители известного вида — и…

— И…

— И ресурсов, требуемых на осуществление этих целей.

Пред-Индустриальная цивилизация, рассказывал далее Нево, видимо, нечто вроде Англии в средние века, нуждалась, таким образом, в сырье: для пропитания, обеспечения одеждой, кровом, теплом и так далее.

Но в условиях развитой индустрии любой материал может быть заменен другим или же попросту синтезирован (это они, наверное, о

своей синтетической пище в первую очередь). Ключевыми требованиями становятся капитал и обеспечение работой. Такое состояние уже ближе к моему столетию, и можно рассматривать в родовом смысле деятельность человечества в этом благословенном веке, как соревнование двух основных ресурсов: труда и капитала. Назовем его Индустриальным состоянием цивилизации.

— Однако есть и следующее состояние — Пост-Индустриальное, — рассказывал далее Нево. Мой род вступил в него почти полмиллиона лет до вашего прибытия. — Однако это состояние не закончилось.

— Почему?

— Потому что у него нет конца.

— Подробнее, пожалуйста. Итак, если труд и капитал уже не определяют социальную эволюцию…

— Уже нет, ибо их отсутствие заменила и вытеснила Информация. Она компенсировала их. Понимаете?

— А-а, пол Сферы…

— Вот именно. Он способен возместить все ресурсы, необходимые роду и цивилизации. Ибо в нем заключена энергия целой Солнечной системы. …

— Но это же не бесконечно. Любая энергия исчерпаема. Разве не так?

— Погодите… Итак, все силы Констрикторов…

— Конструкторов, — поправил Нево, морщась.

— направлены на сбор нового вещества и энергетической энергоносной Информации, которая всегда может предоставить сведения о сублимации, подмене, суррогатах и всем прочем необходимом и насущном. Вот мне нужен алмаз. Но нет кимберлитовой трубки под рукой — а информация предоставляет мне способ добычи искусственного алмаза? Так?

— В общих чертах. Но не будем отвлекаться на мелочи… Рассмотрим, что есть Информация. В общих чертах это явление делится на три свойственных ей ипостаси. Точнее, признака — или классификации. Это:

1) сбор

2) интерпретация или разъяснение и

3) хранение.

Без какой либо из составляющих она не может существовать как таковая. Согласны?

— Ну, положим, — без воодушевления сказал я, но стараясь поддержать беседу и надеясь что въедливым дотошным морлоком будет сказано что-то новенькое.

— Итак сохранение информации — конечная цель всякой разумной жизни.

«Ага», — подумал я про себя. «Китайская бумага. Вот она, всплывает опять. Без бумаги нет знаний и т.п. Как мы выжили без нее в палеоцене — до сих пор понять не могу».

Взгляд морлока был строг и суров. Даже сосредоточен. — Следует понять это и уяснить. Как говорится у вас, намотать на ус.

А ведь у него, в самом деле, были усы, только их трудно было отличить от прочей шерсти на лице.

— Мы должны употребить ресурсы Солнечной системы на достижение именно этой цели — а вы, люди девятнадцатого века, еще не созрели до этого.

— Прекрасно, — поспешил вставить я. — Позвольте только спросить, что же ограничивает сбор информации? — Я посмотрел на потухшие под колпаками звезды. — Ведь эти Универсальные Конструкторы уже упрятали от нас почти всю Галактику — она просто перестала существовать, даже зрительно.

— Наша Галактика — не единственная. Миллионы и миллионы звездных систем окружают ее — по размерам ничуть не уступая.

— Может, Конструкторы и могут путешествовать, точно семена одуванчика на своих солнечных парусах, за пределы Галактики… Возможно, в конце концов, они приберут к рукам всю материальную вселенную и начнут заниматься обработкой и сохранением информации, о которой тут говорилось. Вселенная станет громадной библиотекой.

— Это грандиозный проект — и большая часть энергии Конструкторов посвящена этой цели: выяснить, чем будет жить разум в далеком будущем. Когда, может быть, потухнут все звезды и планеты сойдут с орбит… и материя начнет разлагаться.

— Но вы ошибаетесь — вселенная вовсе не бесконечна. И как таковая, *недостаточна.* Некоторые Конструкторы открыто утверждают это. Вам понятен смысл сказанного? Эта вселенная связана пространством и временем — она начинает фиксированный период в прошлом и должна закончиться окончательным распадом материи, на краю времен.

Так вот, некоторые из Конструкторов — скажем, целая группировка, фракция, — еще не готовы принять эту конечность. Они не согласны ни с какими ограничениями для знаний. Конечная

вселенная их не устраивает — и они собираются кое-что сделать в этом направлении.

— Звучит загадочно.

Тут у меня затылок точно обдало холодом. Бессмертные. Они покорили Галактику, положат к ногам вселенную — и куда же устремятся их амбиции дальше?

И главное — как это коснется нас?

Нево, не отрываясь от своего окуляра, спрятанного в теле Конструктора, кошачьим жестом смел крошки с усов.

— Я еще не совсем уяснил схему, по которой они собираются действовать, — пробормотал он. — Но это имеет отношение к путешествиям во времени — платтнериту и концепции множественности историй. Этому еще не придумано слово — это как если бы на шахматной доске появилась принципиально новая фигура, и правила игры еще не до конца разработаны…

Тут в первый раз я подумал о напряжении, которое приходится испытывать морлоку всякий раз, проникая в океан глобальной информации растущих как на дрожжах идей.

Наконец сглотнув ком, он продолжил:

— Это флот кораблей — теперь я вижу машин времени, но гигантских далеко превосходящих

технологии вашего и даже моего веков. С их помощью Конструкторы проникнут в прошлое. В глубокое прошлое.

— Насколько далеко? За палеоцен?

Он взглянул на меня.

— Намного дальше.

— Ну, хорошо. И какое же это имеет отношение к нам, Нево?

— Наш патрон — опекающий нас Конструктор как раз их этой группировки. Я не могу посвятить вас в детали — но им удалось проследить наше движение по времени — они даже рассчитали наше появление на неуклюжей самоделке из палеоцена. Поэтому они уже заранее были готовы к встрече.

Наш Конструктор был способен следовать наш прогресс перемещение. Они словно бы ждали на берегу с удочкой, пока мы подплывем и сглотнем их наживку и крючок — 1891 год! Ничего себе! Они как бы удили глубоководную рыбу, которую не видно за толщей слоистых вод, но крючок уже ждет ее.

— И только поэтому мы сейчас живы, а не вморожены навечно в эти льды.

Я посмотрел на морлока.

— В самом деле.

— В самом деле.

И что дальше?

Он отлип, наконец, от Конструктора.

— Думаю, — медленно проговорил Нево, — они занимаются этим именно потому, что понимают важность вашего появления здесь — и ваше значение в истории.

— Что вы хотите сказать? Я не Наполеон.

— Они знают, кто вы такой. И поэтому хотят взять нас с собой. На их гигантские корабли времени — к Пределам Времен.

9. Размышления перед выбором

Путешествие к Началу Времен… Душа содрогалась перед такой перспективой..

Вы можете упрекнуть меня в робости и малодушии. Возможно, это и так. Справедливо. Но не забывайте, что я уже был свидетелем конца мира — в самом первом из своих путешествий. Когда я увидел умирающее Солнце над пустынным пляжем. Помню охватившие меня тогда чувства: я еле смог забраться на машину времени, которая отправила меня назад, в прошлое, к истокам этого Апокалипсиса.

Я знаю, что картина, которую я найду на рассвете мира, будет совсем иной, возможно, даже полной более оптимистической, но что-то удерживало мен от столкновения с такими крайностями как начало и конец Света.

Я человек — и горжусь этим! Но мои эксперименты мой экстраординарный опыт привел меня к тому, что я понял ограниченность человеческой души — во всяком случае, моей души. Я мог иметь дело с наследниками людей, вроде морлоков, и тут не спасовал, мог ввязаться в схватку с каким-нибудь доисторическим пристикампусом

— в простоте и удобстве системы Линнея я мог вести долгие дебаты о Конечности Времени или о взглядах фон Хельмгольца о неизбежности тепловой смерти вселенной.

Но как я убедился на собственно опыте, реальность оказывается намного ужаснее того, что ожидаешь в ней встретить.

Как я уже говорил, я всегда считал себя человеком дела — но я был в руках металлических созданий — которые могли разговаривать со мной вести беседу как я с флягой, наполненной бактериями. Пробиркой, в которой плавают бактерии! Мне вообще нечего было делать на Белой Земле — Универсальный конструктор все уже сделал!

Сколько раз я кусал локти, вспоминая, как поддался уговорам Нево и не остался в палеоцене! Там я был бы хотя бы среди своих, частью развивающегося общества и мои способности, мой интеллект — да и физическая сила, в конце концов — могли бы найти достойное применение. Я мог бы остаться в этом идиллически-гостеприимном веке и там коротать свои дни, убеленный сединами, в окружении уважающих меня сограждан, и кто знает, быть может, и домочадцев. Я вспоминал о покинутой Уине в мире 802701 го-

да, с которой меня связала судьба в моем первом походе хронавигатора. Где ты, девочка-подросток, к которой я не терял надежды вернуться — и вернулся бы, когда б на проклятые бифуркации истории! И кто знает, может, мне бы удалось вытащить ее из огня, пусть ценой собственной жизни. А кто знает, если бы я уцелел, может, я смог бы навести порядок в той первоначальной истории, нетронутой разложением, которое вносит в мир нарушение причинно-следственных связей.

И вот достойный конец — сидеть в четырехпяти комнатах с механическим синтезатором и видеть из окна лишь краешек оледеневшей земли и беззвездного опустевшего неба. И в такой обстановке мне суждено покончить дни. Благодаря природному здоровью и крепости организма запасу энергии мне еще хватит на несколько десятков лет — а может и больше. К тому же эти друзья — Конструкторы умеют замещать молекулы и клетки, так тот поди, еще и приостановят процесс старения!

Великолепная перспектива!

И что дальше? Жизнь, растянутая на века, у коробки с песком и кормушки, как у старого коту, отправленного за выслугу лет на покой.

Навсегда лишенному человеческого общества, в компании с Морлоком, которому ничего не надо, кроме информации, которую он вампирически высасывает из Конструктора. И который скоро окончательно уплывет в свое информационное море.

Словом, передо мной распахнулась перспектива продолжительной и комфортной жизни в клетке. Жизни, лишенной тревог, но зато и достижений. Страшная, нелепая картина будущего. Так что неизвестно чего я боялся больше, если как следует поразмыслить.

Но, с другой стороны, путешествие в бездну, куда меня зазывали Конструкторы, могло окончательно лишить меня разума.

Я поделился своими сомнениями с Нево.

— Понимаю ваши опасения. Да, сейчас вы заметно выросли в моих глазах со времени нашей первой встречи.

— Избавьте меня от ваших комплиментов, Нево!

— Но вас никто не торопит с решением.

— То есть?

Нево принялся описывать проект Конструкторов в подробностях. Он был действительно грандиозен. На то, чтобы закачать емкости платт-

неритом, требовалось время.

— Для них время движется по-другому, — пояснил Нево. — Это существа, медлительные как слоны и трудолюбивые как муравьи. Они не привыкли решать и строить с кондачка. Пройдет еще миллион лет, прежде чем корабли сойдут со стапелей.

— Миллион лет?

— Нам не придется ждать столько времени. У нас сохранились старые обломки машины, достаточно попросить у них немного платтнерита…

— И мы перепрыгнем туда, где корабли уже готовы!

— А как же. Иначе нам их никогда не дождаться. Ресурсов наших организмов просто не хватит, даже при стопроцентном клонировании клеток — мы устанем не физически, но духовно и уже не будем способны ни на какое путешествие.

— Еще бы! Миллионолетние старики! Да еще прибавить к этому миллиону мои законно прожитые во времени годы…

Мы переглянулись.

— Вообще-то с платтнеритом вы сможете вернуться и туда, где вам так понравилось…

— ?

— В палеоцен. — Морлок многозначительно

посмотрел на меня единственным глазом. — Если вы пожелаете.

— Слушайте, Нево, а вы не боитесь, что ваш друг Конструктор может нас подслушать?

— И что с того? Мы же здесь не заключенные. Они просто находят нас занимательными в плане исследования — и все. Так что Конструкторы надеются на ваше добровольное согласие.

— А если его не будет? Не наступит ли тогда «добровольное принуждение»?

— Успокойтесь. Никто вас не насилует. Вы сами запутались во времени и запутали других. Неужели вы им — и себе не поможете?

— А как же вы, Нево? — осторожно поинтересовался я.

— Я еще не принял решения. Моя дорога в будущее пока не определена. Мой главный интерес — открыть как можно больше вариантов будущего.

Это был чрезвычайно важный совет — и я, после размышлений, согласился с Нево. Мы немедленно приступили к обсуждению, что понадобится для машины времени.

10. Сборы в дорогу

Машина была доставлена Конструктором. Она была вморожена в куб льда, выпиленный из Земли. Затем Конструктор разделился на четыре одинаковых пирамидки, которые встали по углам куба. На наших глазах, мерцающая в ледяной глыбе машина, собранная из останков проколотого деревом времямобиля образца 1938 года, а также разбомбленных джаггернаутов и Zeitmaschine, стала возникать из мерцающей глуби, обнажая примитивизм и несовершенство. Не знаю, как морлоку, но мне лично в этот момент стало стыдно за такую несовершенную технику перед лицом Конструкторов. Становилось ясно, что, помимо заправки платтнеритом, потребуется ремонт. Мы запросили у всемогущего Конструктора газовую горелку, ключи, набор молотков по металлу и массу прочих инструментов. Конструктор также изготавливал по нашему требованию детали нужного размера и диаметра.

В результат трудно было поверить. Я много видел цехов и мастерских. Я видел жидкий чугун, текущий в бессемеровские конвертерные печи, где он продувался кислородом, насыщаясь

зеркальным чугуном и углеродом, превращаясь в высококачественную сталь… И многое другое. Но такого… казалось, передо мной доменная печь в миниатюре, производящая любые отливки, причем уже обработанные на станке! Только теперь я по достоинству оценил этот металлический муравейник.

— Субатомная трансмутация намного более тонкий процесс, чем переплавка.

Я взял гаечный ключ. Подобно другим инструментам, он был вылит Конструктором мгновенно, по первому требованию Нево. Совершенно гладкая, без заусенцев и шероховатостей рукоять, цепкий зев и контурные выступы. Рычажный, торцовый и раздвижной. Универсальный. И ни единого шва или трещинки, скола или малейшего металлического или конструктивного дефекта. Он был просто совершенен, этот ключ.

— Знаешь, когда берешь в руки такое… — я покачал инструментом перед лицом Нево. — просто мурашки по коже.

Нево покачал головой:

— Вот так сказал бы и пещерный человек, которому с неба свалилась отвертка.

Путешествие в миллион лет должно было отнять у нас тридцать минут. Если мы при этом

заглянем в палеоцен — то тридцать часов. Поэтому на всякий случай я запасся водой и провизией, а также теплой одежонкой, взамен истрепавшейся армейской куртки Конструктор изготовил для меня какое-то серебристое одеяние: не то плащ не то пальто, увесистое как бронежилет.

— Я не стану, — заупрямился я.

— Что ты не станешь? — поинтересовался Нево.

— Носить это. Оно же… вылезло из него. Это противоестественно — носить продукты выделения организма.

Морлок похлопал меня по плечу длиннопалой рукой.

— Еще как станешь, — сказал он. — Ты же не знаешь, что ждет нас ТАМ.

— Да что бы ни…

— Помнишь, — мягко перебил он. — Как ты не хотел кушать наш… — и тут он произнес жидкое слово, от которого у меня подступил ком к горлу. Так назывался их «сыр» тошнотворного вида, которым мне приходилось питаться в Сфере.

— Думаю, — сказал я, — что о некоторых вещах лучше не упоминать, — и затопал в соседнюю комнату.

Машина времени получилась что надо: проч-

ная, но формами похожая на шедевр кубиста-абстракциониста: угловатый металлический короб, совершенно голый и без крышки. О краске и речи не было. Зато рычаги намного совершеннее тех, что были сконструированы (а, точнее, заимствованы) Нево (со свалок запчастей палеоцена!). Тут тебе и хронометры с циферблатами (пусть написанными от руки) и хромированные рычаги, и никелированные переключатели. Причем допускалось лавирование во времени: мы могли шастать и вперед и назад — как я в своей первой конструкции. К сожалению, работа этого художника не дошла до нашего времени, с грустью подумал я о своей первой модели.

Все было готово к путешествию. Нево уселся на сидение водителя (не какая-то там тебе деревянная лавка!). На нем был тот же сверкающий серебряный комбинезон, изготовленный внутри Конструктора, и новые очки на довольном и, как мне показалось, несколько нахальном лице. Он был горд как ребенок, которому дали прокатиться на велосипеде-пауке.

Я уселся рядом, и последний раз осмотрел багаж.

Как только мы оказались внутри аппарата, стены мгновенно стали прозрачными (что за

металл, о Гефест!) За прозрачными стенами нашей гостиной мы увидели белые пустоши Белой земли: простершиеся в бесконечность, залитые кроваво-золотистым рассветом.

Несмотря на то, что температура не изменилась, я почувствовал холод и поплотнее запахнул мой новый «халат» из того же серебристого материала.

— Похоже, все в порядке. — Заметил Нево. — Пора.

— Так как же, — высунул я нос из халата. Мы так и не решили, куда сначала — в будущее или…

— Решение за тобой, — сказал морлок. Но в его глазах промелькнуло лукавое участие.

Плохо же он меня знал!

— Думаю, у нас нет выбора, — спокойно ответил я. — Мы уже не можем здесь оставаться.

— Совершенно верно. Мы изгнанники.

— Значит, не остается ничего другого, как идти тем же путем. Вперед…

— И до конца, — подхватил морлок.

Я кивнул.

— Да, — веско сказал я. — К истоку Времен. Или к Исходу. Дуй, Нево! Да будет так!

— Да свершится начатое! — сказал он и выжал рычаг.

Кровь застучала в висках, и мы стали падать в серую бездонную пропасть тоннеля времени.

11. Время, вперед!

И снова Солнце замоталось по небу, и Луна, по-прежнему зеленая, как сыр, раскручивала свои фазы — совершая полный оборот месяца быстрее, чем успевало ударить сердце. Вскоре скорость светила и спутника слились в сплошную неразрывную полоску света, уже описанную мной, и небо приобрело стальной оттенок. За прозрачными стенками машины времени, с небольшого возвышения, открывался вид на бескрайние просторы ледяных полей Белой Земли, до самого горизонта. Они оставались совершенно незыблемы, несмотря мелькание и мельтешение годов, столетий и тысячелетий.

Мне хотелось полюбоваться дорогой, как витает в небе межзвездный парус, но вращение Земли сделало это невозможными, и вскоре он стал невидим.

Через несколько секунд после старта наши апартаменты испарились как роса, оставив прозрачный пузырь на плоской крыше нашей башни. Я подумал о тех странных комнатах в которых мы жили — тем не менее вполне комфортабельных, с душевой кабиной, замечательными

ворсистыми обоями, незабываемым бильярдным столом и всем остальным — все это растворилось в прошлом, потеряв навсегда очертания, и наш апартамент, больше ненужный, развеяло как сон: как идея Платона в металлическом воображении универсального Конструктора!

Однако этот металлический пастырь не оставил заботу над нами, но остался с нами незыблемой мутной пирамидой, временами исчезая на считанные секунды, чтобы затем появиться вновь — очевидно, отлучаясь по своим делам. Поскольку эти секунды для нас означали века, проходящие за стенками машины времени, можно было рассчитать, что Конструктор оставался с нами в неподвижном состоянии не меньше миленниума.

Обратив внимание Нево на этот факт, я получил следующий ответ:

— Он бессмертен, ему это время — что пылинки. Все проблемы Конструкторов в том, что они бессмертны. Других проблем у них нет. Проблема человечества была в том, что они были смертны. Проблема морлоков в том, что они не смертны и не бессмертны.

— Нет, ты только посмотри! Он как одинокий рыцарь, охраняющий свой Грааль сквозь эпохи.

Высотные башни, сестры-близнецы той, где мы жили, стояли по всей долине Темзы. За те несколько недель наблюдения над ними я не ни разу не видел, чтобы там даже открылась дверь. Теперь я созерцал медленную эволюцию процессов жизнедеятельности башен. Одна цилиндрическая болванка, поставленная «на попа» в Хаммерсмите, разбухла своими зеркальными стенами как будто у нее вспучило живот, расползаясь причудливыми формами. Другая, в окрестностях Фулема, и вовсе исчезла. Не оставив даже тени фундамента на поверхности, словно стартовала в Космос.

Нево в ответ только пожал плечами.

— Возможно, это перестройка, а, возможно, разложение. Часто реконструирование влечет за собой гибель и наоборот — смотря с какой стороны на это посмотреть. А может, здесь просто свалился метеорит.

— Неужели Конструкторы не предусмотрели бы такого события как падение метеорита, не вычислили бы его в телескопы и не расстреляли на подходе к земле?

— Солнечная система — слишком непредсказуемое место, — заметил Нево. Возразил Нево — чтобы в ней можно было что-то надолго рас-

считать. Никогда нельзя быть застрахованным от всех неожиданностей — в этом, кстати, состояла ошибка вашей цивилизации.

Он что-то темнил, видимо, намеренно скрывая от меня судьбу человеческого рода — какой она могла быть, по-видимому, в его варианте Истории.

— Даже Конструкторам, — продолжал морлок, — приходится перестраиваться.

— Что значит «перестраиваться»?

— Забудь, — откликнулся Нево. — Тепло? Удобно?

Я кивнул:

— Вполне.

— Вот именно. И поскольку мы в пути около четверти часа — значит, машина стоит на вершине башни вот уже полмиллиона лет. И Конструкторы продолжают нас обслуживать.

— Однако, — заметил я, — Эта башня, на вершине которой мы находимся сейчас, столь же подвержена разрушительным силам времени как любая другая… и видимо, наш Конструктор постоянно ремонтирует ее.

— Само собой. Иначе этот небоскреб давно бы развалился.

Нево был прав, безусловно — но все равно я

не чувствовал уверенности, находясь на такой высоте за прозрачными стенами. Что, если и эта башня окажется столь же хрупким строением, как и остальные, многие из которых успели исчезнуть? Я потопал ногой в пол — он был тверд и надежен как термитный холмик, без устали поддерживаемый и восстанавливаемый Универсальными Конструкторами, и от этой мысли у меня закружилась голова!

Теперь меня обеспокоила перемена в освещении. Сверкающий льдом ландшафт распростерся кругом, оставался, судя по всему, неизменным; но лед заметно потемнел.

Полосы солнца и луны размылись, став неотчетливыми.

— Похоже, — обронил я, — наше светило мигает…

— Мигает?

— Ну, то есть, изменяется в яркости, где-то так через век-другой.

— Думаю, ты прав. — ответил морлок.

В этом неверном свете ледяной ландшафт производил странное, необычное впечатление. Словно стоишь у окна и водишь у глаз расставленными пальцами. Рябило в глазах.

Солнце волшебно изменилось. Это оно теперь

вместо Луны стало зеленым.

Изумрудным сиянием окрасились замерзшие горы холмы и остовы зданий Лондона. Словно острое мучительно острое напоминание о жизни, которая некогда существовала на этих холмах.

Нево подал голос:

— Полагаю, мелькание и зеленый свет как-то связаны.

И он принялся объяснять: Солнце, гигантский, самый величайший источник энергии и материи в Солнечной системе. Морлоки недаром использовали его для построения Сферы.

— Теперь же, — заключил он, как мне кажется, — Универсальные Конструкторы проникли в Солнце.

— Они разрабатывают Солнце? Как залежи полезных ископаемых?

— Вот именно. Иначе откуда бы взялись эти зеленые вспышки.

— Я понял! Они извлекают…

— Да, да…

— Платтнерит! В самом деле, откуда же еще, если не из самого энергетичегоного источника системы! Но это же настоящая алхимия! Каким образом этот им удается?

— Путем превращения энергии в вещество,

по-видимому.

Судя по этому яркому сиянию платтнерита, разливавшемуся по земле, Конструкторы строили небывало огромный платтнеритовый контур — состоявший из десятков и сотен оболочек. Это была целая флотилия кораблей времени — пока еще только начинающих закладываться корпусов. Скоро они должны будут выстроиться в Солнечной системе, видимо, заняв ее целиком, как некогда Сфера заняла половину пространства Солнечной системы. И видимое нам мерцание сейчас можно было сравнить со сверканием сварки со стапелей.

— Потрясающе, — вырвалось у меня. — Они извлекают из Солнца энергию, вырывают кусками, сравнимыми с массой самой большой из планет! Нет, Нево, положительно, ваша Сфера осталась далеко позади!

— Мы в курсе, — несколько обидчиво произнес он, — что Конструкторы — существа не без амбиций.

Вскоре яркие вспышки пошли на убыль: работа явно близилась к концу. Огромные пятна платтнерита закрывали небо — но они были уже отдельны от солнца, которое пробивалось сквозь них своими лучами. Они больше напоминали

искусственные спутники Земли — громадные, заслонившие собой небо.

Все это время зеленые блики отражались на броне нашего Конструктора, который с завидным упорством сидел рядом с нами, пережидая века и тысячелетия.

Нево взглянул на хронометры.

— Прошло восемьсот тысяч лет… Полагаю, достаточный отрезок времени.

С этими словами он выжал рычаг тормоза, и Машина Времени вздрогнула как старый потрепанный автомобиль, лишний раз напоминая, что путешествие во времени — это никак не увеселительная прогулка и связано с минимумом комфорта и максимумом риска. Меня чуть не стошнило на приборную доску. О страхе и головной боли, которые испытал при соприкосновении с этой деталью, я уже не говорю.

Я поднял голову: Конструктор, все это время терпеливо сидевший рядом с нами, исчез. С криком я ухватился за сидение. Мы снова оказались одни, без опекуна, в пустоте необъятного будущего!

Солнце замедлило ход, и вскоре перед нашими глазами отчетливо замельтешили дни и ночи, как в сверкании стробоскопа, все с большим

замедлением, и вскоре небо утратило свой серостальной цвет.

Теперь все было залито зеленым светом платтнерита, казалось, пронизывающим весь мир насквозь. Передо мной опять мелькнули проступающие на небе звезды и просвечивающие насквозь пара призрачных большеголовых существ с огромными широко распахнутыми глазами. Затем Нево выжал рычаги до предела, и машина остановилась, выбросив нас в Историю — Наблюдатели немедленно исчезли, и мы оказались посреди потока зеленого света.

Мы были внутри корабля из платтнерита!

12. Корабль

Все мы — я, морлок и внутренности нашей машины времени были залиты изумрудно-зеленым светом платтнерита. Словно мы оказались внутри изумрудного кристалла — платтнерит был повсюду, он окружал, он поглощал нас. Я даже не представлял себе истинных размеров корабля — можно было лишь догадываться о том, насколько он громаден. Трудно было даже сориентироваться, где мы находимся, где верх, а где низ, и в какую часть света ты двигаешься. В отличие от прежде попадавшихся мне кораблей или машин, этот корабль из платтнерита, творение Конструкторов, не имел ни определенной формы, отсеков, трюмов и прочего. Это был скорее клубок, сеть: тысячи и тысячи витков платтнеритовых нитей, словно кабели, были везде, они опутывали нас, и мы были заключены в этом изумрудном коконе, совершенно отделенные от мира. Это была словно сеть, наброшенная на нас неким невидимым рыбаком, и мы совершенно запутались в ней, в узелках пересечений нитей-лучей.

Конструкторы видимо предусмотрели наше появление именно в этой точке пространства:

сеть колыхалась на некотором расстоянии от прибывшей машины. Теперь я окончательно понял, с какой целью была воздвигнута башня — она была вечным ориентиром, именно вокруг нее и строился корабль времени. Стало быть, высота корабля, по всем предположениям, могла в два раза превышать размер башни — ведь мы находились в середине. Впрочем, сейчас это не имело значения — хотя, судя по всему корабль-клубок, должен был представлять собой шар, диаметром с башню. Ну, шар он или не шар, лететь и катиться ему предстоит отнюдь не по земле, что успокаивало.

Холода по-прежнему не чувствовалось — значит, извне к нам ничего не проникало из земной атмосферы. Мы были в полной изоляции, как в коконе.

И все же было непонятно, куда двигаться. Где пол, а где купол этого сооружения? Всюду, куда ни посмотри — бесконечные нити и нити. Снова закружилась голова, Я попытался взять себя в руки, вразумляя: «Главное — мы в безопасности!» Но мне все равно приходилось сдерживать в себе насмерть перепуганного зверя, не хотевшего верить ни в какие технологии и считавшего, что вот-вот провалится сквозь этот ненадежный

дырчатый пол.

Я внимательно осмотрел нити. Толщиной с палец, они сияли так, что казались просто лучами света, и, тем не менее, протянув руку, можно было убедиться в их материальности. Ячейки в этой сети были примерно фут площадью шириной, причем, разных реконфигураций — где ромб, где треугольник, четырехугольник или квадрат, а то и трапеция. Насколько я мог видеть, эти формы нигде не повторялись (было ли это сделано по принципиальным соображениям, сказать затрудняюсь) Между этими толстыми в палец нитями пролегали меньшие, более тонкие, таким образом, формируя сплошную сеть. И в каждой ячейке можно было увидеть еще более тонки нити, уходящие в бесконечность. При одном взгляде на эту рябившую в глазах бесконечность, сразу становилось ясно, что это произведение Конструкторов, с их вездесущими юркими и бесконечно тонкими проволочками, способными проникать в материю на молекулярном уровне. Словом, это были те же самые реснички, что словно мехом покрывали внешний корпус Конструкторов. Было видно, что зеленые реснички платтнерита скользят по этой сети в безостановочном движении, словно кровь. Отсюда этот переливчатый

свет, заливающий нас со всех сторон.

Я ощутил себя мошкой, запеленутой в кокон зеленого паука. К тому же эти нити, очевидно, самовосстанавливались, как и все, произведенное Конструкторами.

Отсюда и ощущение: этот корабль не стоял на земле или какой-либо твердой поверхности — и даже не парил над чем-то — он казался чем-то совершенно иллюзорным, явлением нездешнего мира. Словом, корабль Конструкторов был чем-то временным и невещественным.

За сплетением нитей смутно угадывался окружающий мир. Холмы и безымянные здания, воздвигнутые Конструкторами — словом, то, что теперь представляло собой Лондон 1891 года. Вечный лед невозмутимо отсвечивал в холодной ночи серебряным блеском полумесяца, в небе лишенном звезд.

И там вверху, в беззвездном небе скользили, плыли точно зеленые призрачные облака, неестественно близко над землей, другие такие же корабли из платтнерита. Они были линзообразными, двояковыпуклыми по форме, громадными, точь-в-точь тот кокон, в котором оказались мы с Нево.

Нево пытливо смотрел на меня с нескрываемой

заботой: пего шерсть искрилась тем же зеленоватым свечением.

— С тобой все в порядке? Сдается мне, ты несколько взволнован.

Я рассмеялся этому как шутке.

— Ты просто понимаешь с полувзгляда, морлок. Взволнован? Вот уж действительно подходящее слово! Я сказал бы… — тут я развернулся на сиденье, доставая из-за спины из уложенных в задней части машины припасов коробку с непонятными «фрутс-энд-натс», то бишь фруктами-орехами непонятного происхождения и неизвестного мне вида. Нервно запустив туда пальцы, я стал горстями выуживать пищу и запихивать в рот: надо было как-то успокоиться и отвлечься. Как знать — не последняя ли это моя земная трапеза.!

— Что-то не вижу, — пробормотал я, — нашего Конструктора, который торжественно встречал бы новоприбывших. Для которых, собственно, и сделаны эти корабли, я так полагаю.

— Нет, — покачал головой морлок совершенно серьезно. — Он здесь. — И обвел длинными пальцами исходящие отовсюду и закручивающиеся спиралями лучи.

— Этот корабль сооружен по тем же архитектурным принципам, что и сами Конструкторы.

Так что, можно сказать, «наши» Конструкторы по-прежнему с нами. Ибо весь корабль — и все корабли до единого — тесно связаны общим информационным пространством.

— Иными словами, этот корабль…

— Живое существо, — закончил за меня Нево. — И, поскольку это существо состоит из платтнерита, — Нево посмотрел на меня сквозь очки с зияющей пустотой глаза. — то оно способно на большее. Оно может гораздо больше, чем любое из живых существ — Оно способно путешествовать во времени. Если это — жизнь, то совершенно новая ее разновидность. — Есть кремниевые виды жизни, есть силиконовые, есть углеродные, а это — платтнеритовая форма. Это результат миллионолетней эволюции Конструкторов. Это существо — не является винтиком Истории, как все мы, оно неподвластно зубцам механизма времени. И синтезирована даже эта форма жизни здесь именно для нас специально для нас — для того, чтобы исполнить миссию, о которой говорил Конструктор. И он здесь, убедись в этом сам — посмотри и увидишь.

Нево был прав; корабли, в самом деле, висели между небом и землей точно гигантские животные, словно бы в ожидании нашего приказа.

И тут я заметил такое, что заставило меня воскликнуть: отчего у меня помимо воли вырвался возглас:

— Нево! Луна!

Он повернулся в сторону, куда я показывал. Зеленая шерсть моментально окрасилась серебристым цветом. Луна поблекла и высохла — на ней больше не было зеленого, она стала все той же бесплодной пустошью, с пыльными кратерами и вершинами, так также так называемыми «лунными морями». Это была все та же Старая Луна, лелеемая в руках Молодой новой Луны — имея в виду обратную ее сторону, более яркую ее. И блеск этот усиливался ледяной поверхностью земли, точно огромным зеркалом. Земли, светившейся в этих бездыханных лунных небесах подобно второму солнцу.

— Это может быть усиленная вариация солнца, — размышлял Нево. — Платтнеритовый проект Конструкторов. — Возможно, это окончательно разрушило жизненное равновесие.

— Знаешь, — с горечью поведал я ему, думаю, даже после всего того, что мы видели и слышали, было приятно видеть хотя бы зеленую Луну хотя бы то, что жизнь сохранилась хоть на Луне. А теперь только потомок человека может оставить

в этой бездушной пыли отпечатки своего скафандра сапог.

И вот, пока я пребывал в таком сентиментальном настроении, над нами раздался треск — точно выстрел — и наш защитный купол разошелся пополам, точно скорлупа!

Перед глазами побежали трещины — точно молнии рассекали они купол. Куски отлетали и рассыпались по сторонам, точно хлопья снега — правда, величиной с ладонь. Зеленые снежинки вели с ладонь.

Но паутина платтнерита уже потянулась к нам, готовая защитить.

— Что случилось, Нево? — закричал я. Нам крышка?

— Рано, — лаконично изрек Нево, — подводить итоги, — успокаивая меня точно ребенка, длиннопалой лапой. На секунду меня посетило щемящее чувство, которое некогда испытал в палеоцене, 11 миллионов лет назад.

Легкий дождь забарабанил по крыше машины времени.

Нево сказал:

— Мужайся, другого выхода нет. Они перенесут нас вместе с Конструкторами — новыми существами из платтнерита к началу времен.

Только тут я начал понимать то ужасное, что должно было сейчас произойти с нами… нет, в первую очередь со мной. Зеленые реснички, усики, ложноножки, черви — не знаю, как этот еще назвать — тянулись со всех сторон, к нам, к моей плоти! ДРУГОГО ВЫХОДА НЕТ! А можно ли это вообще называть выходом?

— Иначе нам не выжить, ни минуты…Ты видишь?

Но что я видел? Что я должен был видеть? Как эти составные элементы Конструкторов проникают в мое тело?

Я зажмурился.

И все равно почувствовал знакомое холодное покалывание. Точно мое тело пронзали миллионы крошечных сверхтонких иголок. Платтнерит проникал в меня, становясь моей кровью — я чувствовал, как он приливает к лицу, растекается по конечностям, бьет в голову, точно старое вино — и от сладкого захватывающего ужаса не мог не только кричать, но даже пошевелить рукой или ногой. Я сидел, замерев, откинувшись в сиденье.

Я погружался в изумрудное сияние, равного которому не сыскать в целом мире… Понемногу оно заслоняло от меня все остальное — земной и лунный свет, ледяную пустыню и холодный се-

ребряный блеск вечного спутника Земли. Банка с фруктами выпала из моих онемевших пальцев и покатилась по полу: но даже звук падения был от меня уже бесконечно далек.

Купол разошелся окончательно по швам, осыпая меня градом осколков. Моего чела коснулось холодное дыхание зимы, я почувствовал рядом прикосновение таких же ледяных пальцев Нево — и все, только шумел в ушах как кровь, платтнерит, все остальное исчезло! Я уже не мог шелохнуть и пальцем, я был прикован к креслу и чувствовал, как растворяется на кончике языка, словно последнее не вырвавшееся слово он — Платтнерит.

И окончательно растворился в изумрудном свете.

Книга
шестая. КОРАБЛИ ВРЕМЕНИ

1. Отплытие

Я был вне Времени и Пространства.

Это было совсем не похоже на сон — потому что даже во сне мозг продолжает действовать, работа, сортировать информацию, мысли, воспоминания, и таким образом даже во сне присутствует сознание того, что ты существуешь и представляешь собой островок разума.

Но это было совсем по-другому. Я был словно разорван на части тонкой паутиной платтнерита, разбросавшей меня повсюду. Я был просто *не здесь* , и фрагменты моей личности, осколки памяти были разбросаны в громадном невидимом Информационном море, столь обожаемом Нево.

...И затем — еще более загадочным образом и непостижимо словно зажглась электрическая лампочка, по мановению переключателя — я снова оказался *здесь* . Миг — ничего, другой — полное, потрясающее пробуждение.

Я снова мог видеть. Я совершенно ясно видел мир — зеленое свечение корпуса корабля времени, окружавшее мен со всех сторон, над голым сиянием земли.

Я снова существовал! — и паника охватила

меня — даже ужас того, что интервал Отсутствия прошел сквозь всю мою нервную систему. Вовсе не Небытие страшило меня — я уже давно понял, что мне уготовано место там, где страдает Люцифер с прочими неверующими интеллектуалами. Но сейчас у меня было чувство, будто из меня вытаскивают душу чудовищной силы магнитом. Я почувствовал, как каждый атом моего тела от напряжения — и затем тело, словно туго натянутая резинка, было спущено. И я полетел, чувствуя себя маленьким ребенком как в детстве, подхваченный руками отца, качавшего меня в больших и сильных ладонях. Та же легкость и острое ощущение полета. Вещество корабля времени вставало, поднималось вокруг вместе со мной, отрывая меня от земли и всего прочего, словно кокон дирижабля.

Я бросил взгляд вниз (условный взгляд — я не чувствовал ни головы ни шеи), однако оказалось что я, в довершение ко всему, обладаю панорамным зрением. Представьте только, что корабль вокруг меня приобрел форму парохода. Его выпуклая оболочка растянулась теперь на мили — и все же он плыл над ландшафтом с легкостью облака. Сквозь легкую паутину корпуса корабля мне было видно плывущую внизу Зем-

лю и оставшийся как раз под нами призрачный аппарат — машину времени. Сквозь сверкание пересекающихся зеленых лучей я разглядел два тела, оставшиеся там, в машине человека и хилую хлипкую фигурку, которые едва двигались, коченея от холода на глазах.

Странное свойство приобрело мое зрение. У него не было фокуса: — точнее, центральной точки обзора. Когда вы смотрите на что-либо, скажем, на чашку, вы видите ее, как раз в центре вашего мира, с расходящейся вокруг перспективой остальных окружающих предметов. Но теперь оказалось, что в моем мире нет ни центра, ни периферии. Я видел все разом: лед, корабли, машину времени — и все одновременно посередине моего мира! Зрелище, что и говорить, совершенно дикое и обескураживающее. Голова, живот — все онемело. Я мог видеть, но не чувствовал вовсе что у меня есть лицо шея, какое-то положение тела — словом, совсем ничего, кроме призрачного прикосновения пальцев Нево, державшего мою руку. Это успокаивало — мой неразлучный спутник рядом!

Мне подумалось, что я уже мертв — но и тут я вспомнил, что думал об этом прежде, когда был пропущен сквозь Универсальный Конструктор.

Что стало со мной теперь, я не могу сказать.

Корабль стал вновь набирать высоту, и теперь уже гораздо быстрее. Машина времени вместе с башней, на которой она стояла, стала ускользать из-под ног. Я был поднят на милю, на две, десять миль над поверхностью, и вот уже карта Лондона, потерянного в ледяной пустыне, расстелилась предо мной, а затем и очертания далекой старушки Великобритании, растелились подо мной, вмерзшие в ледяное море…

А мы все поднимались — быстрее, чем снаряд из пушки — пушечное ядро — при этом воздух не только не шумел в ушах, но и вообще не было никакого звука. Ни ветерка на лице. Я был словно в колыбели, уносимый аистом — чувство из глубокого детства, уже мною описанное. Земля подо мной становилась все больше и необъятнее, а детали ландшафта все менее различимыми, пока не растворились в тумане, когда мы проходили более разреженные слои атмосферы. И вот уже из серого стального тумана мы вошли в черный космос. У меня не было ни рук, ни ног, ни рта. Все, что я мог — только созерцать, как удаляется подо мной безжизненный шар Земли. Сотни кораблей времени выстроились почетным караулом: молчаливая армада, готовая двигаться к пределам

времен и пространств, их изумрудный свет играл на ледяной корке планеты.

Я услышал, как кто-то позвал меня по имени: точнее сказать, не *услышал* , а просто неким неведомо-странным образом ощутил. Я попытался оглянуться, забыв, что для того, чтобы посмотреть за спину, мне совсем не нужно оглядываться — весь мир отныне был предо мной как на ладони.

Нево? Это ты?

Да. Я здесь. Ты в порядке?

Нево… Я тебя не вижу.

И я тебя. Но это не имеет значения. Ты чувствуешь мою руку?

Да.

Тут Земля тронулась в сторону, и наш корабль двинулся общей шеренгой, примыкая к остальным. Вскоре кораблей стало так много, что они заполнили межпланетное пространство на многие мили, словно стая китов. Ослепительный свет платтнерита резал глаза в ночном пространстве космоса, и это создавало странное чувство нереальности происходящего: как будто бы мы вместе с кораблями уже не никак не относились к этому миру. Точнее, мы были единственной реальностью в этом мире — одном из вариантов возможных миров. Мы были

реальнее Множественных Историй, в одной из которых находились совсем недавно и строили свои корабли.

Нево, что с нами происходит? Куда мы движемся?

В мозгу у меня прозвучал незнакомый голос морлока:

Сам знаешь, куда. Обратно — назад, сквозь время… на самый его край.

И скоро мы стартуем?

Мы уже стартовали… — пришел ответ. — *Посмотри на звезды.*

И тогда я увидел, оторвав глаза от Белой Земли:

На черном небе одна за другой вспыхивали звезды.

2. Разгадка Земли

Как только мы пустились в обратный путь сквозь время, наш старт в прошлое снова разрушил причинно-следственную связь, и все поколения, оставшиеся за бортом вечности, были отменены. Скачок в прошлое отменял это прошлое. Парадокс. Колпаки цивилизации были мгновенно сняты со звезд, и я любовался дивными созвездиями, точно расставленными во тьме канделябрами, угадывая среди них Сириус, Орион. Как когда-то в зимней ночи, я различал Полярную звезду над головой, знакомые кастрюльные очертания Большой Медведицы. А вдалеке, из-за Земли показались какие-то новые созвездия, никогда не виданные в Англии. Я не настолько хорошо знал звездную карту антиподов, но угадал клинок Южного Креста, нежно сияющие пятна Магеллановых Облаков и этих сверкающих близнецов, Альфу и Бету Центавра.

И теперь, когда мы все глубже и глубже уходили в океан прошлого, звезды стали распределяться по небу. Вот миг — и погасло знакомое созвездие — прошло время, непостижимое для мотылькового человечьего существования…

Да, - откликнулся Нево, — *А теперь посмотри на Землю.*

Ледяная маска спала с лица планеты. Белый лед ушел к полюсам, и мир медленно возвращал себе знакомый облик. Правда, Земля по-прежнему была задернута облаками, причем с какими-то неестественного цвета завихрениями: коричневыми, фиолетовыми, оранжевыми. В центре континентов засияли великие города. Появились плавучие башни посреди океанов, но всюду парил такой чудовищный смог, что вряд ли там была возможна жизнь без противогазов.

Очевидно, мы присутствуем при последних днях обустройства земли новым человечеством. - заметил я. — *Проходя с каждой минутой по миллиону лет…*

Да.

Тогда почему Земля не вращается, как ей положено, вокруг оси — и солнца?

Это не так просто…

Что не просто?

Объяснить. Видишь ли — корабли — вовсе не тот тип машины времени, которую ты создал. Это несколько иное явление, хотя так же, как и машина времени или ядерная бомба, связанное с платтнеритом. Все что мы видим вокруг — это

реконструкция, — продолжал Нево, — *Это нечто вроде проекции…*

Проекции?

Ну, да, проекции, основанной на информации, непрерывно поступающей из информационного поля. В сущности, сейчас мы плывем в волнах Информационного моря, среди его потоков, течений и приливов. Так что нет необходимости в таком феномене, как землевращение.

Нево, а кто я? Я все еще человек? Или…

Ты по-прежнему являешься тем, кто ты есть, - уверенно сказал он.*Единственная разница в том, что теперь твое существование поддерживает иной механизм, создание Информоря, а не продукт плоти и крови.*

Голос его как будто плыл в космосе где-то возле меня. Успокаивающее чувство руки морлока, сжимающей мою, исчезло, но все равно я ощущал его близкое присутствие. Да и о какой «близости» можно говорить, когда я и сам понятия не имел, где, в какой точке пространства нахожусь.

Земная атмосфера между тем прояснилась. Сквозь облака неожиданно проглянули огни городов — вспыхнули и погасли — и вскоре на земле не осталось ни следа человеческого присутствия.

Началась бурная вулканическая деятельность, вспышки следовали одна за другой, тяжелые серные облака поднимались над горными массивами, их понемногу относило в сторону, и, как мне показалось, континенты стали расползаться, оставляя известные со школьной парты позиции. По бескрайним долинам северного полушария развернулась борьба между двумя классами растений — затянувшаяся лет эдак на миленниум. С одной стороны выступали бледные зеленовато-бурые сорняки и лиственные леса, обрамлявшие континенты до самых снежных шапок, с другой неукротимая поросль тропических джунглей. В какой-то момент джунгли взяли верх, и триумфально двинулись от экватора к Северу, пересекли Европу и Северную Америку. Даже в Гренландии зацвели лианы. Затем с такой же скоростью, с какой покоряли земли обетованные, джунгли попятились на свои позиции, а бледная буро-зеленая луговая трава разлеглась по всей северной части континентов.

Расползание и сползание, и даже повороты континентов вокруг оси становились все заметнее. Менялся местный климат на каждом из них, и в соответствии с этим — цвет. Этот континентальный вальс сопровождался бурным

вулканическим фейерверком.

Затем континенты сдвинулись навстречу друг другу — словно складывающаяся головоломка, совпадая друг с другом краями разрывов — образуя единый гигантский островок суши, занявший половину земного шара. При этом он стал моментально безводной пустыней.

Мы прошли уже триста миллионов лет, — раздался голос Нево, — *Здесь нет ни млекопитающих, ни птиц, и даже рептилии еще не успели родиться.*

Потрясающий каменный балет , — отозвался я, — *представляю, сколько отдали бы современные геологи, чтобы на него посмотреть.*

Опомнись! Уже нет никакой «современности».

Все равно. Наблюдать за планетой, как за живым существом…

Сейчас еще и не такое увидишь… - пообещал морлок.

Один гигантский континент разделился на три почти одинаковых куска. Привычные формы глобуса исчезли — и земля стала совершенно неузнаваемой. Континенты передвигались с места на место, как сервировочные тарелки на скатерти. Глобальная пустыня вдруг взорвалась пышной растительностью, и на сушу вторглись

моря.

Сейчас амфибии полезут обратно в мировой океан, - прокомментировал Нево, — *и утратят прототипы конечностей. Но еще останутся насекомые и прочие беспозвоночные: стоножки, клещи, пауки и скорпионы…*

М-да, негостеприимное местечко.

И еще эти гигантские стрекозы и прочие чудеса — словом, мир не без красот.

Земля снова стала терять зеленый цвет — видимо, мы переступили границу появления первых лиственных растений. Вскоре земной шар стал двуцветным — коричневое и грязно-голубое. Жизнь еще бурлила в морях, но и там она упростилась до того, что целый филюм [22] как канула в Лету. Сначала рыбы, потом моллюски, до единственной рыбы, потом до моллюска, до губки, медузы и червей… Наконец, остались лишь тонкие зеленые водоросли, перерабатывающие солнечный свет в кислород. Земля стала каменистой пустошью, атмосфера оскудела и заполнилась ядовитыми газами. Из-под земли вырывались фонтаны огня. Плотные облака окутали планету и моря превратились в лужи. Но

---

[22] Примечания: 22

Единица ботанико-геологической систематики.

и облаков хватило ненадолго: атмосфера становилась все более разреженной, пока не исчезла вдруг совсем. Земная кора засияла каким-то новым, однообразным и совсем неземным красным цветом, больше напоминавшим Марс. При этом постоянно открывались и закрывались оранжевые трещины-швы, похожие на прожорливые рты. О морях уже не было и речи, и разница между сушей и океаном исчезла — осталась только пропеченная корка, над которой точно струйки дыма парили корабли времени.

Затем эта корка раскалилась, став невыносимо яркой — и взорвалась осколками. Молодая земля завертелась на оси, разлетаясь на части!

Несколько из этих осколков пролетели сквозь меня. Пылающий камень безвредно прошел сквозь мою грудь и исчез, кувыркаясь, в космосе.

Вот оно! Мы близились к финишу: теперь осталось только Солнце и бесформенный вихрь газа, вращавшийся вокруг звезды.

Словно рябь прошла по стройным рядам кораблей — они будто бы содрогнулись, провожая родную планету в последний путь.

Странный век, странная эпоха. Нево.

Смотри, смотри…

И я посмотрел, и увидел, что на небе остался

всего с десяток звезд, причем непривычно ярких, таких, какими они были в доисторический период до-земного существования. Они стали сдвигаться, выстраиваться, газовые вихри собирались в облако, размывшееся по небу среди этих звезд.

Это изначальные соседи солнца, - заговорил Нево, *— Его братья и сестры, родившиеся из одного облака. Когда-то они составляли кластер, такой же яркий и близкий, как Плеяды… но гравитация не смогла сдержать этот союз — и прежде зарождения жизни на Земле они разлетелись по сторонам.*

Одна из молодых звезд, висевшая прямо у меня над головой, вспыхнула и просияла. Вскоре она разгорелась до размеров диска, наливаясь красным… Но это было как прощальный салют — спустя некоторое время звезда угасла, а с ней и часть межзвездной туманности.

Теперь и другая звезда, почти диаметрально противоположная первой, прошла то же цикл: вспышка, превращение в яркий темно-красный шар и последующее угасание.

Вся эта величественная драма, вообразите себе, разыгрывалась в глубокой тишине.

Мы присутствуем при рождении звезд , сказал

я, только в обратном порядке.

Да. Эмбрионы звезд зарождаются в газовом облаке — такая туманность фантастически красива — но после того как звезда загорается, более легкие газы распыляются, остаются лишь самые тяжелые, которые потом конденсируются в миры.

Да.

И тут — так скоро! — наступила очередь Солнца. Неверное изжелта-белое свечение, игравшее на корпусах кораблей, раздулось в гигантский шар потрясающих размеров, затопивший армаду облаком темно-красного света, . Которое, в конечном счете, обернулось пустотой, зияющей черной дырой космоса.

Корабли повисли в кромешной тьме. Последний из сотоварищей Солнца сверкнул, раздулся и погас, и мы остались в облаке инертного водорода, в котором играл изумрудный блеск платтнерита.

Лишь самые дальние звезды можно было заметить в небе, но и они гасли одна за другой на глазах. Тьма окончательно смыкалась над нами.

И тут внезапно совершенно внезапно в небе вспыхнуло и засияло новое поколение звезд. Десятки из них были настолько близки, что

смотрелись не точкой, а целым диском. И света этих новых звезд было вполне достаточно чтобы читать газету!

Ты только подумай, Нево — что за зрелище! Вот бы сюда попасть астрономам — как думаешь. Сколько бы они за это дали?

Им бы пришлось переучиваться заново. В совершенно иной карте неба. Это совершенно новое иное поколение звезд. Каждое из этих светил в сотни тысяч раз превышает массу солнца. Но они расточительно сжигают энергию, так что жизни им отпущено всего несколько миллионов лет.

И в самом деле, не успел он это сказать, как эти звезды постигла та же участь — они разбухли, покраснели, наливаясь кровью, и разлетелись пылью. Вскоре все было покончено — осталась только вечная тьма — и нам теперь предстояло узнать, где кончается эта вечность. В полной темноте зеленели корабли времени, решительно и бесповоротно направляясь в прошлое.

3. Границы пространства и времени

И новый ровный свет стал заполнять пространство. Сначала я принял его за новое поколение звезд этой древнейшей эпохи, но вскоре понял, что это не так: свет не исходил из определенной точки, а из самого космоса. Сначала густого темно-красного оттенка, напоминая заходящее за облака Солнце, он вскоре стал обретать привычные цвета спектра: оранжевый, желтый, синий — и вплоть до фиолетового.

На моих глазах армада кораблей времени сдвинулась, собралась теснее, борт к борту — скелеты из зеленой проволоки, сквозь которых просвечивала бездонная космическая жуть — вечность без предметов. Между кораблями пролегли точно канаты, платтнеритовые трубы-лучи, соединяя их в целое. Вскоре все они сконцентрировались вокруг меня.

Даже в эти ранние эпохи, на заре событий, - стал говорить Нево, — *вселенная имела структуру. Зарождающиеся галактики облаками холодного газа собирались в гравитационных колодцах…*

Но структура схлопывается, концентрируется и сжимается, когда мы идем назад, к истокам.

Это взрыв наоборот — абсолютное поглощение вещества , — сказал я Нево, — *И все вещество вселенной собирается в одной точке — словно громадное Солнце рождается посреди бесконечного и пустого космоса.*

Нет. Все намного сложнее…

И он напомнил мне о сгибании осей пространства и времени — искажение, лежавшее в основе путешествия во времени.

Сейчас то же самое происходит вокруг. Когда мы идем назад сквозь движемся назад сквозь время, материя и энергия не собираются, подобно мушиному рою посреди комнаты, в каком-то фиксированном объеме… Скорее, само пространство сворачивается — сжимается, подобно проткнутому шару, или листу бумаги, скомканному в руке .

Я попытался представить себе это — и содрогнулся. Что ждет меня там? Как может сознание, даже лишенное тела, пережить такое?

Тем временем вездесущий свет становился все интенсивнее, переливаясь всеми цветами спектра вплоть до фиолетового. Водородное море вокруг нас забушевало, и яркие силуэты кораблей уже терялись в этом взбаламученном сиянии. Наконец небо стало таким ярким, что казалось

сплошным белым цветом, словно смотришь на Солнце.

Затем беззвучный толчок — от которого в голове прозвенело как от сдвинутых тарелок оркестра — и свет обрушился на меня сплошным потоком, ослепив окончательно. Теперь я перестал различать все остальное, в том числе и облака, и корабли — и даже самого себя — которого давно не существовало!

Я сообщил об этом Нево.

Этот свет… я ничего не вижу.

Его умиротворяющий голос был как островок спокойствия в этом океане иллюминации:

Мы достигли эпохи Распыления Вещества. Теперь пространство повсюду такое же жаркое, как солнечная поверхность, и заполнено электрически заряженной материей. Вселенная перестала быть прозрачной, более того — она как бы повсюду заполнена Солнцем — но не его светом, а именно поверхностью.

Свет возрастал, но этого уже нельзя было увидеть — интенсивность его стала намного сильнее той, что может воспринимать нормальный человеческий глаз. С каждой секундой, по шкале секунд и эпох, я наблюдал цикл разложения материи от звезд до атомов. В этом бульоне миро-

здания я потерял чувство верха и низа, дальнего и близкого. Мир вокруг был точно гигантская комната, посреди которой я повис. Но теперь, в этой эпохе Распыления, все отпало от меня. Я был пылинкой, болтыхающейся на поверхности великой реки, текущей обратно к своим истокам, отданный во власть этому потоку.

Между тем радиоактивный бульон разогревался все больше — до невыносимого — и я увидел, что вещество вселенной, материя, которой предстояло когда-нибудь составить звезды, планеты, а также мое отсутствующее ныне тело, было лишь тонким слоем пыли в этом вихре звездного света. Наконец — мне казалось, что я вижу это — ядра атомов распались под невыносимым давлением света Пространство заполнилось бульоном элементарных частиц, бушевавших вокруг и клокотавших точно в горниле печи.

Мы подошли к границам , — раздался шепот Нево. *К началу самого Времени… И все же представь себе, что мы не одиноки, что наша История — эта молодая, еще только вылезающая из пеленок Вселенная — всего лишь одна из бессчетных Историй, появляющихся из устья за этой границей. И все они — Множественные истории собрались здесь, слетелись сюда точно птицы в стаю.*

Но все же температура и давление возрастали, а с ними плотность материи и энергии росла, и, наконец, даже эти последние фрагменты и материи были поглощены составом Пространства и Времени, и их энергии были сжаты этим последним Скручиванием, Сжатием.

Пока, в самом конце…

Последние искры не отлетели от меня, и сияние радиации дошло до пределов различимости.

Теперь остался только ровный серовато-белесый свет. Впрочем, это всего лишь образ, поскольку я знал, что имею дело со светом, о котором говорил Платон — светом, по сравнению с которым материя, события и даже сознание — всего лишь тени.

Мы достигли эпохи образования ядра, прошептал Нево. *Пространство и время свернулись настолько, что стали неразличимы. Здесь уже не действуют никакие физические законы. Здесь нет структуры. Отныне никто не может сказать: «это вот здесь, а то там, на таком расстоянии, а я здесь». Нет 0измерений, нет ничего. Все Едино.*

В этой точке сходятся все Истории. Отсюда начинаются бесконечные Множественности.

Здесь в самом деле не было ничего: ни времени, ни пространства, ни света ни вещества. Кроме

одного — яркого, почти ослепительного — сияния платтнерита.

4. Нелинеарные двигатели

Множественность содрогалась. Она конвульсировала. Мы были посреди великого потока Случайности и Энтропии, враждебно вращавшегося вокруг.

Нево?

Он с подъемом откликнулся:

Это Конструкторы! Конструкторы…

Понемногу давление спало. Зеленый свет расточился, отступил, оставив меня в серо-белом веществе Творения. Но этот продолжалось недолго: ровный световой оттенок (скорее, нечто среднее между светом и тьмой, что точно не назовешь) существовал считанные мгновения, после чего на нем выступила роса нового Пространства и Времени.

Я еще продолжал свое путешествие во Времени, уже перешагнув Границу. Новая История началась с той же вспышки Образования Ядра. Все тот же свет, на несколько порядков интенсивнее солнечного.

Корабли времени уже не сопровождали меня, оставшись за Пределом Времен. Возможно потому, что они были достоянием иной истории

и не могли перешагнуть этой границы, как я, источник разветвления причинностей. Платтнеритовая сеть, в которую я был заключен все это путешествие, исчезла. Но я был не одинок: вокруг меня, точно снежинки в луче прожектора, кружились изумрудные частицы. Это было элементарное сознание Конструкторов, и, возможно, там даже находился призрак Нево.

Интересно, мое путешествие сквозь время шло теперь обратным ходом? И теперь я снова пустился по стремнине Истории, очередной, к моей эре, где я так безуспешно пытался разыскать свой 1891 год?

…Нево? Ты слышишь меня?

Я здесь.

Что происходит? Мы снова идем сквозь время?

Нет , — ответил он. И все же в этом лишенном тела голосе было странное — какой-то подъем.

Тогда в чем дело? Что с нами происходит?

Разве не видишь? Мы прошли сквозь Образование Ядра. Мы достигли Границы.

Да ну?

А теперь…

Ну-ну?

Пойми — Множественность — это поверхность. Это гладкий, лишенный шероховатостей,

зазубрин, заусенцев, замкнутый Шар. *Поскольку Множественности бесконечны так же, как и его форма. Таким образом, Истории идут вдоль его меридианов, от полюса к полюсу.*

И мы достигли одного из полюсов.

Да. Той самой точки, где сходятся все остальные меридианы. И в этой точке Конструкторы запустили Нелинеарные двигатели.

Повтори — что ты сейчас сказал.

Я сказал, что Конструкторы путешествовали сквозь Истории , — ответил он. *Они, как и мы — следовали по тропам Воображаемого Времени, пока не достигли этой новой Истории…*

Теперь облако Конструкторов — там их кишели миллионы — расплывалось, разлеталось светящимися искрами, как запущенная детьми шутиха. Казалось, они стремятся заполнить молодой вакуум светом и информацией, которые мы принесли из другого космоса. И пока выяснялась новая вселенная, послесвет Творения меркнул в слепой тьме.

Это был финал — логическое заключение. Искажение границ Пространства и Времени, которым было положено начало в первом путешествии сквозь время. Коллапс вселенной и все, что было за ним, все происходящее, неизбежно выросли из

моих опытов, из первой медно-кварцевой машины времени…

И вот к чему это привело: к тому, что Сознание переместилось сквозь между вселенными.

Но куда мы движемся? Что это за История? Такая же, как наши?

Нет, отвечал Нево. *Совсем непохожа.*

Сможем мы здесь выжить?

Не знаю… выбора у нас все равно нет. Не забывай, что искали Конструкторы. Они искали Вселенную из бесконечного листа возможностей, которые представляет собой Множественность — оптимальную для них, а не для нас вселенную.

Но что такое «оптимальность» для Конструкторов — откуда нам знать?

Я вызывал в воображении пустые и тщетные образы Небес — мира, безопасности, красоты, света — понимая, что все это безнадежно антропоморфично, и устраивает лишь человека моего времени.

Теперь передо мной вставал новый свет. Он появлялся из тьмы, окружавшей нас. Сначала я решил, что это возвращается сияние огненного шара, как тогда, в начале Времен — но свет был другой. Он чем-то напоминал звездный…

Конструкторы не люди, - говорил морлок. *Од-*

нако они наследники Человечества. И дерзость их потрясает.

Нево продолжал*:*

— Среди мириада возможностей Конструкторы отыскали эту вселенную — единственную, которая бесконечна в протяженности и вечна: где Граница Начала Времен сдвинута в бесконечное прошлое.

Мы прошли стадию Образования Ядра. К границе Времени и Пространства. И обезьянопалые достигли Сингулярности — Единственности, которая лежит там — и вырвали ее у природы! Теперь звездный свет, вырывающийся из тьмы, окружал меня со всех сторон; звезды зажигались повсюду, и вскоре небо засияло ярким светом, какой можно встретить лишь на поверхности Солнца.

5. Последнее видение

Бесконечная вселенная!

Вы можете сколько угодно выглядывать за дымные облака Лондона на звезды, которые осыпали кафедральный купол неба. Эта незыблемая вечная картина, столь великая, столь вечная картина, что легко предположить, будто космос представляет собой бесконечную ночь и что он существует всегда.

…Но *этого не может быть.* Достаточно задаться простым вопросом:*отчего ночное небо черное?* Если бы вселенная была безгранична, со звездами и с целыми галактиками звезд, расплескавших по бескрайнему полю, то всюду, куда ни глянь, взгляд наталкивался бы на луч света, исходящий от поверхности звезды. И ночное небо повсюду сияло бы так же ярко, как Солнце…

Конструкторы бросили вызов этому мраку, наполнявшему небо.

Здесь не было ни звездных завихрений, ни светящегося газа, а лишь бесконечное бриллиантовое сияние мириадов точек и пятнышек света. Местами в них выделялись созвездия, в сочетаниях более ярких звезд, в сравнении с которыми

меркли остальные — короче, картина совершенно неповторимая..

Сопровождавшие меня зеленые искры платтнерита — Конструкторы и среди них Нево — окружали меня сказочной светящейся дымкой. Я плыл в этом облаке, не ощущая ни страха, ни дискомфорта. Толчок в момент затухания нелинеарных двигателей лишил меня чувства времени и места…

Но затем, после неизмеримого интервала времени, я вдруг почувствовал, что вовсе не одинок.

Прямо передо мной на фоне звезд вырисовалась фигура. Это было нечто шарообразное, плывущее мне навстречу. Оно находилось буквально футах в шести-восьми, болтая конечностями, издавая тихие булькающие звуки. Кожаная поверхность этого мяча сдвинулась, открывая два громадных глаза, занимавших большую часть его поверхности. Эти человеческие глаза были прикованы ко мне.

Конечно же, я узнал его — это был Наблюдатель. Одно из таинственных существ, являвшихся мне во время моих скитаний во времени.

Существо подплыло ближе, протягивая щупальца — они собрались пучками как пальцы, образуя пару узловатых конечностей. Пальцы

оказались на удивление твердыми.

Так получилось, что он охватил меня этими руками. Как — не могу сказать, поскольку я вполне был уверен, что лишен телесной оболочки — и, тем не менее, я целиком был в его руках.

Он прижимал меня к себе, точно кормилица. Его мягкая плоть, покрытая мехом, согревала меня, его огромные глаза небесно-голубого цвета глядели на меня, от него исходил мягкий, забытый с детства запах — молока и мускусно-животный запах шерсти любимой игрушки, какого-то мохнатого зверька: собаки или медвежонка. Может показаться странным — но эти человеческие черты на близком расстоянии затмевали все остальные, заставляя забыть, что передо мной загадочное существо из чужого странного мира, где я, в общем-то, чужак и пришелец. Вскоре Наблюдатель выпустил меня, и я почувствовал, как отплываю в сторону.

Глаза его моргнули: я слышал мягкий шорох век. Он скользнул взглядом по небу, словно бы что-то выискивая. Так же тихо он отчалил куда-то в сторону, развевая за собой «пальцами», точно кометным хвостом.

На миг меня охватила паника — точно брошенного ребенка, блуждающего в Оптимальности

— но тут же я ощутил, что плыву за ним следом. Меня несло точно осенний листок, задетый колесом экипажа.

Я уже упоминал об этих выделявшихся созвездиях. И вот тут как раз мне показалось, что одна группа звезд, как раз перед нами, стала раздвигаться по сторонам, точно птичья стая. В то время как другая, находившаяся за мной, напротив, сдвигалась.

Разве такое может быть? Разве возможно движение с такой сумасшедшей скоростью, что даже звезды кажутся огнями, мелькающими вдоль поезда.

Внезапно меня ослепил вихрь каменных осколков, сверкающих пылью в солнечном луче. Закрутившись вокруг меня, они немедленно исчезли в необъятной дали. Я не встречал ни планет, ни прочих каменных объектов в моей Оптимальной Истории, за исключением этой пыли. Видимо, интенсивная радиация не позволяла собраться ей в планеты и крупные небесные тела.

И вот вселенная все быстрее рассыпалась передо мной звездами и песчинками. Звезды становились все ярче, и мелькали передо мной как придорожные фонари.

Мы летели, рассекая галактику. Перед нами

крутился великолепный фейерверк звезд, закрученных колесом, как в парке аттракционов. Вскоре одна галактическая система отодвинулась от меня, превратившись в огромный мутный диск.

Все это время передо мной было тело Наблюдателя, спешившее впереди.

Я задумался. Они всегда возникали из ниоткуда, эти загадочные существа, появлявшиеся, как рыбы перед глубоководным ныряльщиком. Они наблюдали за мной, следили за мной, и, в конце концов, наверное, изучали меня.

Видимо, это были какие-то обитатели Воображаемого Времени, пересекавшие Множественные истории как рыбы — океан. И, видимо, для этого они располагали какими-то своими Нелинеарными двигателями, возможно, также изобретенными Конструкторами.

Теперь мы направлялись в бездонную пропасть — космическую дыру, стены которой составляли сползающие в нее свет и облака пылевых туманностей. Все и здесь вокруг меня было усыпано вездесущим светом. Меня всасывала вместе с ним, как пену в слив ванны.

Вскоре в этой пене стала обрисовываться определенная упорядоченность. Это была новая

галактика — или даже метагалактика, еще более яркая и обширная.

Я стал присматриваться. И различил прямолинейный световой стержень, пронзавший пространство насквозь — и снова пропасть, на этот раз цилиндрической формы, которая также была обрисована стекающей в нее световой пылью.

Между тем Наблюдатель летел впереди как ни в чем ни бывало, его длинные щупальца омывал космический свет, а широко раскрытые глаза прикованы ко мне.

Искусственность. Вот что это было такое. Вот что странное выделялось во всем этом мире. Этот мир был слишком сложен, преходящ из одного в другое, запутан в лабиринтах, поистине чудовищных размеров!

Эта Оптимальная История на поверку оказывалась сконструированной — и видимо, Наблюдатель влачил меня за собой, чтобы наглядно доказать это.

Я вспомнил старое предсказание, что бесконечная вселенная подвержена разрушительному гравитационному коллапсу — и это была еще одна причина, по которой наш космос логически не мог представлять собой бесконечную структу-

ру. Как Земля и прочие планеты закручиваются в первобытное облако осколков вокруг солнца, находящегося в инфантильном состоянии, так и грандиозные космические вихри и водовороты, в этом гигантском облаке Оптимальной Истории — водовороты, в которых закручены звезды и галактики.

Но Наблюдатели, очевидно, использовали эволюцию своего космоса, чтобы избежать подобных катастроф. Пространство и Время, в чем я убедился на собственном примере — сами по себе динамические, подвижные и регулируемые сущности. И Наблюдатели научились управлять скручиванием, искривлением и искажением пространства и Времени, чтобы достичь состояния стабильного космоса.

Само собой, подобное конструирование бесконечно — стало быть, такая вселенная практически безначальна. И здесь состоит парадокс каузального, причинно-следственного круга. Требуется появление Жизни. Которая бы обеспечила вечное существование такой вселенной — и самой жизни.

Но вскоре я расстался с подобными сомнениями. Ведь я был слишком ограничен, не свыкнувшись еще с Бесконечностью вещей. И поскольку

данная вселенная была бесконечно древней, и жизнь существовала здесь бесконечно долгое время, здесь тои здесь не было начальной точки, с которой можно было бы определять первичность Жизни или Материи, которой она управляла. Жизнь существовала здесь, потому что вселенная была жизнеспособна — и наоборот. Так что никакого парадокса, по сути, не было!

И так вальяжно плыл я в звездной колеснице, запряженной Наблюдателем, понемногу привыкая к тому, что называется Вечностью и Бесконечностью.

6. Торжество разума

Мой наблюдатель остановился, вращаясь в космосе, точно шар. Громадные глаза обращались ко мне, отражая звездный свет.

И тут он стал удаляться из моего мира. Рассыпанная картина звездного неба, далекая пена млечных путей — даже сияние неба — все это были теперь для меня аспекты реальности, но лишь на поверхности. Вообразите перед собой стеклянную поверхность и затем попытайтесь расслабить глазные мышцы и не видеть ее — приставших пылинок, разводов — тогда вы получите представление, каким было мое зрение.

Но конечно, это изменение восприятия было вызвано не физическими явлениями выгибания зрачка или другого изменения внутри органа зрения. Изменения в перспективе были намного глубже, чем это возможно в фокусировке человеческого зрения.

Я видел — точнее, мыслил — структуру Природы.

Я видел атомы — мельчайшие световые пятнышки, подобные маленьким звездам, веером заполнившие небо, которые казались на первый

взгляд беспорядочным и хаотичным скоплением. Я видел их так же отчетливо, как доктор вслепую нащупывает ребра пациента. Атомы трепетали, вращаясь вокруг своих крошечных осей, соединенные друг с другом сложной световой системой. Видимо, это были электрические, магнитные и гравитационные силы. Вся вселенная была заполнена этим атомарным механизмом, состоящим их мельчайших колесиков, винтиков и прочих приспособлений. Этот механизм находился в беспрестанной работе: в нем все время что-то двигалось, кружилось, видоизменялось.

Тот же самый порядок проглядывал теперь и в небесной механике. Теперь каждое созвездие, каждое облачко туманности осмысленно участвовало в структуре. Вселенная теперь представляла собой Библиотеку, хранившую мудрость этих древних предков Человечества — существ, научившихся управлять Бесконечностью. Получалось как раз то, что Нево предсказывал мне как финальную цель Разума.

Но этот порядок был не просто Библиотекой, не просто скучным скоплением полок, пропыленных межзвездными туманностями. Глядя на нее в целом, я постигал смысл жизни. Разум заполнял эту вселенную, проникая всюду в ее

ткань! Морлоки создали Сферу, Конструкторы покорили Галактику, а здесь было исполнено нечто большее и непостижимое.

Здесь Ум воистину стал Бесконечным, утратив определенные очертания. Теперь я понимал — и видел собственными глазами, назначение и смысл бесконечной и вечной Жизни.

Вселенная была бесконечно стара, бесконечно велика, и Разум также был безгранично стар. Он был реликтен. Ум был всезнающ, всемогущ и вездесущ. Конструкторы, бросив вызов времени, достигли своего идеала. Они переступили границы и колонизировали бесконечность.

Атомы и связующие их силы отступили, и мое зрение заполнил бесконечный свет звезд. Мой попутчик-Наблюдатель исчез, и я висел среди этого великолепия в полном одиночестве, словно лишенный телесной оболочки предмет, способный лишь наблюдать, медленно вращаясь в космосе. А может быть, это космос вращался вокруг меня. Здесь не было Центра, Начала и Конца. Каждая точка была идентична другой. Никогда не увлекался всякой поэтической галиматьей, но тут мне на память пришло стихотворение и: как «Жизнь, словно купол многоцветный, в

стекле сияя золотом», чего-то там «белым излучением Вечности…» ну и так далее. Что ж, теперь с жизнью было покончено — я утратил телесные покровы, и сама иллюзия материи была сдернута передо мной, видная насквозь. И теперь эта белая радиация-излучение, о которой сообщал Шелли, навсегда досталась мне в наследство.

На время душой моей овладело умиротворение. Впервые я понял, что моя машина времени не была порождением зла, приводящего мир к разрушению и искажению его Историй. Оказывается, напротив, она создавала новые и новые Истории, существующие в Множественности, в бесконечном каталоге библиотеки Возможностей. И всякая из этих возможных историй, неся в себе Разум, Любовь и Надежду, занимала свое место на полке.

Но не настолько реальность Множественности, а то, что она значила для судьбы человека, трогала меня теперь.

Человек — как всегда казалось мне после знакомства с Дарвином — находился в постоянном конфликте между своими непомерными духовными устремлениями и ограниченностью своей физической природы, всегда представлявшей для него потолок. Теперь я видел в элоях тупи-

ковую ветвь эволюции. Признание животного начала привело, в конечном счете, к разрушению грез человечества, и ни к чему другому, кроме короткой вспышки интеллекта в век строений. Этот конфликт, выраженный в человеческой оболочке, чем-то напоминал мне происходящее в моем сознании. Если Нево был прав, и я, в самом деле, был так прочно привязан к телу и удовлетворению его потребностей, — что ж, видимо, тому виной мое подсознание, в котором остались следы миллионолетнего конфликта! И я метался между отчаянным желанием удовлетворить скотские потребности собственного тела и глупым утопическим желанием, что однажды наши головы очистятся от этого массового помешательства, и мы станем обществом, основанным на принципах логики, справедливости и науки. Три черепахи, на которых зиждется мир. Такой вот утопизм овладел мной.

Но сейчас человек в последнем своем перерождении, окуклившись и выпорхнув бабочкой из самое себя, перейдя через небытие живых автоматов типа Конструкторов и деградации естественного отбора, стал, наконец, самим собой. В этом первородном бессознательном море, из которого мы все возникли, где будущее стало

бесконечно, воспаряя ввысь по бесконечным Историям.

Я почувствовал, как поднимаюсь тоже, наконец, из Тьмы эволюционарного отчаяния к свету бесконечной мудрости.

7. Выход

Впрочем, вы, может, удивитесь, прочитав это элегическое отступление, но, раз уж оно не пришлось вам по вкусу, не следовало его и читать.

Итак, я стал озираться. Обратив весь слух к деталям, к тому, что происходило вокруг меня в этом сплошном свечении россыпи. Впрочем, тщетно.

Итак, очевидно, я стал бессмертной пылинкой космоса, а значит, и бесконечного Разума. Это было столь же чудесно, как и бесчеловечно. Неужели я стал чем-то средним между бытием и небытием? Ну, даже если и так, то оказывалось — я все же не имел этого вечного покоя, не ощущал его в душе с такой силой, чтобы согласиться висеть так вечно. Я по-прежнему обладал человеческой душой, с неистребимой жаждой к действиям и знаниям, которая всегда составляла часть исторической натуры. К тому же, как человек западного толка, так что вскоре я вполне насладился миросозерцанием Вездесущего!..

И тут, по истечении не знаю какого уж времени я понял, что небо вовсе не непроницаемо звездное. Было там некое пятнышко тьмы — как раз

напротив меня. Я наблюдал за этим несколько геологических эпох — и на моих глазах пятно расширялось, становясь все более отчетливым. Какой-то круг перед глазами, словно я вглядывался в черный зев пещеры. И там, далеко внутри, я различил смутное облачко, какие-то стержни и диски, сперва размером с пылинки, словно фантомы среди звезд. И был там цилиндр — что поразительно — совершенно зеленого цвета. Мной овладело страстное нетерпение. Что это еще за посторонние тени посреди вечного Дня Оптимальной Истории?

Тем временем устье пещеры росло, наползая. Уж не подсознание ли палеоцена выплывало на меня из темноты? Но что-то потрясающе знакомое угадывалось в них, в этом облаке непонятных космических осколков.

И тут меня осенило: ну, конечно же! Это были части моей машины времени! Медные стержни, кварцевые оси, пробирки с платтнеритом. Мой самый первый аппарат, эти диски были циферблатами-счетчиками, крутящимися среди галактик. Мое первое изобретение (не считая демонстрационной модели, запущенной в небытие перед пораженными друзьями), та самая, погибшая во время атаки германцев на Лондон

1938 года!

Картина разворачивалась и вставала предо мной, так подробна, что я даже различал пыль на счетчиках тысячелетий, по которым вращались стрелки, и тут еще пара цилиндров потолще, покрупнее, всплыли у меня перед глазами — это были мои ноги в пятнистой униформе! Бледные руки, покрытые волосами, появились в обзоре, и в них были рычаги.

Теперь до меня стал доходить смысл этого сидения. Эти пещерные устья были моими глазницами, из которых смутно угадывались очертания носа и части лица, доступных с такого угла зрения. Когда-то я выглядывал из этих темных пещер собственного черепа.

Я чувствовал себя так, словно меня погружают обратно в тело. Пальцы и конечности присоединялись к моему сознанию. Я уже чувствовал рычаги машины времени, холодные и твердые, и легкий пот выступил на лбу. Это было все равно, что пробуждение после хлороформа; медленно, слабея, я приходил в себя. И снова голова моя закрутилась в вихре, снова меня посетило знакомое чувство, говорившее о том, что я путешествую во времени.

А с машины времени была видна только тьма,

и в мире не различалось ни зги. Но по возраставшему крену и ныркам можно было догадаться, что машина тормозит. Обернувшись, я снова почувствовал вес головы: после моего бестелесного состояния казалось, будто поворачивается артиллерийская башня. Но лишь слабые неотчетливые следы Оптимальной Истории открывались теперь моему взору: здесь завиток галактической туманности, там кусочек звездного света. В последнее мгновение, прежде чем эта нематериальная связь окончательно прервалась, передо мной возник одинокий круглый корпус Наблюдателя с огромными задумчивыми глазами.

Затем все разом развеялось, и я оказался полностью в собственном теле, причем испытывая приступ необыкновенной, какой-то примитивной радости!

Машина времени вздрогнула последний раз и замерла, как вкопанная. Вот она опрокинулась — и я кувырком полетел через рычаги. Во тьму кромешную.

В ушах раздался грохот. Жестокий ливень забарабанил по черепу и маскировочной куртке. Я мгновенно вымок до костей: замечательное возвращение в телесную оболочку!

Я сидел в каком-то мокром болоте. Рядом шеле-

стела листва под струями дождя. Брызги повисли облачком над моим аппаратом. Где-то рядом переливисто журчала вода.

Встав, я оглянулся по сторонам. На пепельно-сером небе вставали контуры здания. Из-под перевернутой машины исходило бледно зеленое свечение: от стеклянной колбы шести дюймов длиной. Обычная медицинская мензурка на восемь унций. Очевидно, вывалилась из корпуса машины — и валялась теперь на траве. При более близком рассмотрении в ней обнаружился зеленый порошок платтнерита.

И тут за спиной прозвучало мое имя. Обернувшись, от неожиданности чуть не выронив мензурку, я сперва ничего не увидел — голос прозвучал из высокой травы или кустов. Оттуда вышла фигура — до нее не было и десятка футов — с телосложением ребенка, покрытая мокрой слипшейся шерстью, сквозь которую просвечивала бледная кожа. На меня смотрели огромные глаза ребенка.

— Нево?

И тогда будто цепь замкнулась в моем потрясенном сознании…

Я снова оглянулся на дом, и узнал чугунный балкон, с неплотно прикрытым оконцем кухни-

гостиной, а затем и знакомые угловатые формы лаборатории.

Это был мой дом, и машина бухнулась как раз на склоне между домом и Темзой. Я вернулся — наконец! — в Ричмонд.

8. Круг замкнулся

И вновь — через столько циклов Историй — мы с Нево побрели по Питершам-Роуд к дому. По булыжнику стучала вода. Вокруг было так темно, что свет платтнерита, который несли двое путешественников во времени, был, наверное, виден издалека. Пузырек светился как слабая электрическая лампочка, однако нас никто не заметил и не остановил.

Я взялся за решетку ограды, с ностальгией всматриваясь в знакомые до боли очертания фасада. Я обернулся к морлоку.

— Да у тебя снова оба глаза, — вполголоса пробормотал я.

Тот пожал плечами:

— А зачем мне теперь протез? Я же воссоздан заново — как и ты.

Я невольно тронул рукой себя — и ощутил прочные ребра и довольно упругие мышцы своего возобновленного тела. И все же это был я. Ведь даже самые мальчишеские воспоминания у меня сохранились, так же, как и все о наших приключениях. И все же я был уже не тем человеком — разобранным в Оптимальной истории,

на грани миров и по-новому собранным здесь.

— Нево, — вздрогнул я. — Ты помнишь?.. Это необыкновенное звездное небо и…

— Такого не забудешь. А ты, что — не уверен в своих воспоминаниях?

— Знаешь, — замялся я, — Это как-то неестественно, после такого великолепия, оказаться в столь банальной, пусть и родной, обстановке. Тем более, под нудным английским дождем.

— Оптимальная История, — пробормотал он, разводя руками по сторонам, — более реальна, чем все эти миражи.

Я встряхнул мензуркой: она была плотно закупорена резиновой аптечной пробкой. Странно: я совершенно не мог понять, откуда она взялась, среди деталей машины — и как туда попала.

— Но это, — показал я ему бутылочку — реально?

И, не дожидаясь ответа, стал подниматься на крыльцо.

Почувствовав, как морлок замялся за спиной, я оглянулся.

— Может, я лучше подожду на улице? — раздался голос из темноты.

Я кивнул, вспомнив, как все это, буквально до детали произошло в прошлый раз. И дернул

дверной звонок.

Нево ждал меня у машины.

— Все, — махнул я рукой. — Дело сделано.

Первые лучи зари уже просочились сквозь хмурое небо.

— И что теперь? — посмотрел я на тщедушную фигурку морлока.

— И что теперь? — повторил он вопрос — впервые за все время нашего общения.

Вместо ответа я стал переворачивать машину. По-моему, мы и так поняли друг друга.

Машина была совершенно цела. Даже погнутый полоз был как новый.

Позади донеслось пыхтение помогавшего мне морлока. — Вообще-то теперь вы можете вернуться к себе, в свой 1891-й, — сказал он, переходя на «вы». — Ведь мы снова вернулись в первоначальную Историю, незатронутую перемещениями. Ваше будущее уже не затронет прошлого. И вам осталось для полного счастья…

— Что? — сказал я, оглядываясь на него. — Что мне нужно для полного счастья — откуда ты знаешь, морлок?

Машина чуть не выпала из наших рук — он попятился.

— Что знаешь, ты, морлок, о «полном счастье»?

О цели жизни? Об исполнении желаний?

Там, в 1891-м у меня остался единственный друг. С которым я обещал встретиться немедленно по возвращении. Но теперь я понимаю, что никогда этого не сделаю. Тем более что ему ничего не нужно рассказывать — он знает все и так о первом моем путешествии. Так что все обратилось на круги своя кроме одного. Я не вернулся к себе. И никогда не вернусь.

— Но почему?

— Потому что нахожу это бесполезным. В моей жизни уже нет места для меня. Тем более, после всего, что произошло. — Я понял, — кивнул морлок. — Ты стал странником в собственном времени.

Я усмехнулся:

— Странником? А ты?

— Мое время уже никогда не вернется, — грустно покачал он головой.

— Да, — вздохнул я, сразу прощая ему все. — Каково это — знать, что за бортом твоей жизни остались тысячи вселенных. Наверное, я становлюсь чудовищем. Друзьям уже никогда меня не понять. Да и я для них навсегда пропал во времени. А между тем, сколько еще будущностей остались не закрыты. Сколько миров остались за

бортом, со своими незавершенными историями, страдающими и сражающими в них людях…

Морлок пробормотал что-то неотчетливое.

Я вскарабкался в седло и посмотрел на него оттуда.

— Не желаешь со мной?

— Спасибо, — покачал он головой.

«Решил остаться здесь ручной ученой обезьянкой?» — подумал я, но воздержался от этих жестоких слов.

— И куда же ты?

Он посмотрел на меня. Дождь затихал, и от него уже не надо было прятать лицо. Лишь легкий туман сочился с неба, наполняя его глаза почти невесомой влагой.

В этот момент передо мной пронеслось все, что случилось там, на пороге.

— …Иду, иду, — послышалось из-за дверей. Ключ завозился в замочной скважине, и дверь со скрипом отворилась.

Прямо на меня высунулась свеча в медном шандале, а за ней показалось заспанное лицо. Лицу было лет двадцать пять, его украшал ночной колпак и помятая ночная сорочка, а также всклокоченные волосы над широким лбом.

— Вообще-то, — промямлил он, — уже три

ночи, да будет вам известно…

«Мне все известно», — хотел сказать я, но, как и тогда, в первую встречу с самим собой. Но слова, которые должны были слететь с языка, вылетели из памяти. Я снова перед ним: к таким встречам, наверное, невозможно привыкнуть. Передо мной стоял еще один двойник, скажем даже так — временной предок Моисея. Этот был моложе.

Он подозрительно изучал меня.

— Какого черта вам надо? Вы что не читали на дверях надпись: «Вход агентам воспрещен в любое время дня и ночи».

— Кгм, — осторожно сказал я. — Дело не в том…

— А в чем тогда? — повысил он голос. И грозно взмахнув подсвечником, собрался захлопнуть дверь перед моим носом, но тут что-то промелькнуло в его лице — как будто он узнал меня, или мое лицо показалось ему странно знакомым.

— Так в чем дело? — сказал он облокачиваясь на косяк и упирая руку в бок.

Я неловко извлек и протянул ему мензурку с платтнеритом, которую прятал за спиной.

— Вот.

— Что это? — недоуменно уставился он.

— Это... вам.

— Зачем оно мне?

— Ну-у... как бы это объяснить...

— Да уж, объясните, будьте так любезны. Нам своего мусора хватает. Лоб его, собравшийся в складки, был освещен бледно-зеленым сиянием, исходившим из пузырька.

— Сажем, так, это проба.

— Проба чего?

«Вот тупица», — пронеслось у меня в голове. «Упрямый, как сто ослов». Неужели я был таким когда-то?"

Однако, сдержавшись, я ответил, в очередной раз спокойно, не дав себе воли двинуть ему чем-нибудь по лицу — тем более, у него был тяжелый подсвечник, а зная проворство молодого Моисея, от него можно было ожидать любых сюрпризов.

— Скажем так — я этого не знаю сам, — солгал я. — Думаю, вам удастся выяснить.

— Хм... — Он озадаченно (и с некоторым любопытством) посмотрел на странно светящуюся массу. Но он все еще колебался. Пребывал в нерешительности, которая однако, уже взяла верх над раздражением.

— И что я должен выяснить?

Меня опять стали выводить из себя эти глупые вопросы.

— Да берите же, вам говорят... Проведете эксперименты...

— Какие эксперименты?

— Любые!!!

Он смотрел на меня с нескрываемой враждебностью.

— Что-то мне не нравится ваш тон. Что за гадость вы мне подсовываете?

Я почесал взмокшие волосы. Мне они уже казались мокрыми от пота, а не от дождя.

«Этот молодой гений выведет меня из себя», — подумал я. «Надо кончать с ним как можно скорее».

— Вот что я вам скажу: это новый минерал, свойства которого еще не изучены. И вы сами сможете в этом убедиться.

Он насупился еще больше. Очевидно, его подозрения удвоились. Тогда я нагнулся и поставил пузырек перед ним на пороге. Точнее, на ступеньке, потому что на порог меня даже не пустили.

— Пусть останется здесь. Дальше — дело ваше. Займетесь этим, когда появится время, — кои чтобы не тратить его понапрасну. Я удаляюсь.

С этими словами я стал спускаться в дождь.

Уже внизу, направляясь к калитке, я оглянулся и увидел, как он схватился за пузырек — зеленый свет упал ему на лицо. Он воскликнул:

— Но кто вы… как ваше имя?

Повинуясь безотчетному импульсу, я ответил:

— Платтнер.

Сам не знаю, кто сказал это за меня!

— Платтнер? Мы с вами знакомы?

— Платтнер, — повторил я с некоторым отчаянием, и уже не повинуясь себе, а затем добавил еще одно слово, которое никак не могло возродиться у меня в голове:

— Готфрид Платтнер.

Словно кто-то другой сказал это имя за меня — но как только я услышал эти слова, то понял, что они были неизбежными.

Свершилось! — круг замкнулся.

И, не отвечая на его дальнейшие призывы, я решительно двинулся за калитку, вниз по склону Ричмонд Хилл.

— Так чего же ты собираешься ждать, Нево?

— Мне тоже приходится замыкать круги, — ответил он, наконец. — Только мой круг находится в далеком будущем, которого тебе уже не достигнуть.

— Но как же ты туда попадешь?

— Дело в том, — говорил он, как бы и не отвечая на мой вопрос, словно для этого требовались бы более продолжительные предварительные объяснения, — что мы, морлоки…

Ну, и так далее.

Как обычно. Я снова, в очередной раз узнал о том, какие морлоки высоко продвинутая раса и т.п. О том, что высшая их цель — сбор и хранение информации… И вот наконец он дошел до себя.

— А я… — произнес Нево.

— Что — ты? — Он почти никогда не произносил этого местоимения. Все время говорил «мы-морлоки». А тут вдруг такое изъявление индивидуальности! Положительно, он сильно изменился за время общения со мной и остальными представителями рода человеческого!

— Меня всегда интересовало то, что лежит за кругами…

— Что это ты имеешь в виду?

— Если бы ты вернулся сюда и застрелил самого себя в молодости — в этом не было бы никакого случайного противоречия. Даже напротив, ты бы создал Новую Историю, свежий вариант Множественности, в котором ты погиб молодым от руки незнакомца.

— Теперь мне все ясно. Парадоксов в Истории нет, потому что они всегда связаны с Множественностью. Ничего не случится с деревом, если с него сорвать лист.

— Однако, — продолжал морлок, будто не слыша меня, — Наблюдатели доставили тебя сюда, так, чтобы ты сам смог вручить себе платтнерит — и замкнуть цепь событий, которые привели к изобретению первой машины времени — а также к созданию Множественности. Таким образом, сама Множественность замкнулась на себе.

Я понял, к чему он ведет.

— Ты говоришь о замкнутой петле причинно-следственных связей. Змея, кусающая собственный хвост. Получается, и самой Множественности не могло возникнуть, если бы ее не существовало изначально! Получается, все было…

— Предопределено.

Нево рассказал мне, что Наблюдатели, как и Конструкторы, ищут. У них своя цель. Для разрешения Финального Парадокс требуется существование еще больших Множественностей: то есть Множественностей Множественностей.! Все это указывало на переход к иным категориям и цифрам в «энной» степени, от которых дух захватывало. К цифрам, с которыми не шли ни в

какое сравнение ни возраст вселенной, измеренный в секундах, ни число атомов в материи.

— Более высокий порядок необходим, чтобы решить эту петлю случайностей, продолжал Нево. Точно так же, как для существования нашей Множественности требуется решить парадокс одной-единственной Истории.

— Слушай, Нево, остановись — у меня съезжает крыша! Ты говоришь уже о параллельных вселенных — разве такое возможно?

— Более чем возможно, — отвечал он. — Как раз туда и направляются Наблюдатели.

Он тревожно оглянулся в небо, предчувствуя наступающий рассвет.

— Мне больше нельзя оставаться здесь. Они заберут меня с собой.

— Когда?

— Этот должно произойти очень скоро. Тебе лучше уйти… Мог ли я мечтать о чем-нибудь лучшем? Приключение, длиною в вечность. А ты?

Я оглянулся напоследок с высоты велосипедного седла на это промокшее, прокисающее в грязи девятнадцатое столетие. На дома, полные спящих людей, выстроившиеся вдоль Питершам-Роуд, вдохнул влажный запах травы, услышал, как где-то хлопнула дверь, извещая о том, что первый

молочник или почтальон приступил к своему рабочему дню.

Но я уже никогда не пойду этой дорогой.

— Нево, — и как только ты достигнешь этой великой Множественности — что тогда?

— Существует много порядков Бесконечности. Свет уже тронул его лицо и он поморщился. Голос его вновь стал водянистым, морлочьим, обрел чужеродные интонации:

— Конструкторы смогли завладеть вселенной — но им этого показалось мало. Они бросили вызов Ограниченности и Конечности, коснулись границы Времени, прошли ее и колонизировали Множественные вселенные. Но для Наблюдателей Оптимальной Истории даже этого уже мало. Они ищут новых путей открытий, они жаждут шагнуть за новые барьеры, за сам Порядок Вещей.

— Они что, совсем с ума сошли? Когда они успокоятся?

— Покоя нет. Нет пределов и ограничений. Нет конца тому, что лежит За Пределом — никаких границ, которые Жизнь и Разум не могут переступить, бросив им вызов.

Моя рука сама налегла на рычаг — машина вздрогнула, как трость, колеблемая ветром.

— Нево, я…

Он поднял руку на прощание:

— Вперед, — сказал он, словно бы закончив фразу за меня.

И у меня захватило дух, когда я сорвался с места в вечность.

Книга седьмая. ДЕНЬ 292495940-Й

1. Долина Темзы

Стрелки моих циферблатов-хронометров закрутились. Солнце стало полосой огня, затем изогнувшись блистающей дугой по небосклону с мерцающей под ней бледной радугой Луны. Деревья стали неотчетливой рябью, успевая в считанные мгновения сбросить листву, и вновь обрасти ею. Небо приобрело чудесно синий оттенок, какой можно увидеть в летние сумерки, когда на небе ни облачка.

А призрачные очертания моего дома вскоре растворились совсем. Ландшафт очистился, и снова на склон Ричмонд Хилл стала наступать приливом чудо-архитектура Века Строений, омывая склон, точно волны прилива, сменяясь одно за другим. Ничего похожего на особенности Истории Нево здесь не было — значит, путь мой был верен, и моя История вернулась на круги своя. Земля не переставала вращаться, Солнце не заслоняли никакие колпаки-Сферы и вообще ничего близкого веку Нево не происходило. Вот уже склоны тронул вечнозеленый пух растительности, не исчезающий зимой, и я понял, что близок век тотального потепления, так похожий

на палеоценовый период. У меня защемило на сердце от воспоминаний о райском уголке, оставленном в прошлом.

Наблюдатели не появлялись. Сколько я ни вертел головой по сторонам. Эти шарообразные кожисто-мясистые осьминоги, обитатели вод Оптимальной Истории оставили меня в покое, и я снова был совершенно одинок, предоставлен собственной воле. Мрачное удовлетворение охватило меня при этой мысли, и, когда счетчики отсчитали двести пятьдесят тысяч, я осторожно взялся за тормозной рычаг.

Последний раз сверкнула Луна, проходя последние фазы, к затмению. Я точно помнил, что все произошло именно тогда, во время последней прогулки к Зеленому Фарфоровому Дворцу — как раз когда наступило время, которое элои называли Черные Ночи. Время затмения Луны, когда вылезали из своих подземных тоннелей морлоки. Как же глуп я был и неосмотрителен, решив идти вместе с Уиной в эту опасную вылазку!

Ничего, думал я, теперь этого не повторится, я твердо решил исправить ошибки прошлого, пусть даже ценой жизни.

Машина вздрогнула и начала тормозить. Меня тут же захлестнул солнечный свет. Стрелки

хронометров остановились, отсчитав роковую дату: 292495940-й день Истории. Год 802701-й, в который я потерял Уину.

Я сидел на все том же знакомом склоне холма, заслонясь от яркого солнца козырьком ладони. Но так как стартовал я в этот раз из сада, а не из лаборатории, машина оказалась ярдов на двадцать дальше от поляны с рододендронами. За моей спиной высился знакомый профиль Белого Сфинкса, с жестокой усмешкой взиравшего на этот мир. Бронзовые двери пьедестала были покрыты толстым слоем патины, со следами вмятин, — это я пытался прорваться к украденной морлоками Машине. На траве оставались следы полозьев, которые вели к пьедесталу.

Интересно — получалось — она сейчас там. Вторая машина времени. Из другого витка Истории.

Свинтив рычаги, я отправил их в карман и спешился. Положение солнца указывало на то, что сейчас примерно три часа пополудни, воздух был влажным и теплым, почти как в тропиках.

Осматриваясь, я прошелся на пол мили в юго-восточном направлении, к самому краю того, что называлось Ричмонд Хилл. Во время оно здесь была Терраса, откуда открывался великолепный вид на реку и поля за ней. На долину Темзы.

Последние остатки фасадов строений изгрызли корни, трава и мох, но вид открывался отсюда по-прежнему великолепный.

Та же скамейка из желтого металла отыскалась здесь, тронутая рыжей ржавчиной, подлокотники изображали каких-то неведомых химер из давно забытых мифов. И крапива с громадными листьями удивительного золотисто-коричневого цвета, уже заняла место, так что мне пришлось согнать ее — она не жалилась.

Сидя на скамье, и поглядывая на солнце, медленно и неуклонно стремящееся к Западу, бросая лучи сквозь развалины и росистую зелень. Парило. Угадывалась сонная красота «несравненной долины Темзы», как сказал о ней поэт. Серебряная тесьма реки несколько отодвинулась вдаль, кое-где изменились излучины, и река стала более прямой, вытянувшись от Хэмптона до Кью. Долины от этого стали шире. Таким образом, Ричмонд словно бы стал выше, отодвинувшись примерно на милю от воды. Мне показалось, я узнаю очертания острова Гловера — бугорок деревьев в центре старого русла. Питершамские луга почти не изменились, разве что спустились еще ближе к реке, и наверное. Уже не были такими топкими.

Развалины великого века строений присут-

ствовали повсеместно остатками парапетов и высоких колонн, элегантных и заброшенных. Они точно кости торчали из кладбища густой растительности. Повсюду высились громадные скульптуры, столь же прекрасные и столь же загадочные, как Сфинкс, гордо устремив взор над растительностью, как бы непричастные к этому миру. Повсюду виднелись остатки вентиляционных шахт — следы пребывания морлоков. И громадные чаши цветов со сверкающими белыми лепестками и сияющими листьями. Не в первый раз сей ландшафт, с его необычными и прекрасными бутонами в его цветении, в цвету и его пагоды и куполами рассеянными среди буйной живописной растительности напомнили мне Королевские Ботанические Сады в Кью, запущенные и дикие, наступающие на Англию, точно иноземный захватчик.

На горизонте я заприметил здание, на которое не обратил внимания прежде. Оно почти терялось в тумане на северо-западе, в направлении Виндзора. Деталей отсюда, конечно, было не разглядеть.

А к Бэнстиду простирались заросли, рощицы и холмы да леса, среди которых нет-нет, да проблескивала гладь озера или пруда — такие

знакомые мне пейзажи! Именно в том направлении — милях в двадцати отсюда находился Зеленый Фарфоровый Дворец. Вот они, знакомые башенки. Впрочем, людям в моем возрасте уже не стоит полагаться на глаза, когда речь идет о таких расстояниях. Именно туда направились мы с Уиной. Я точно помнил — тот, ранний "я"!

Милях в десяти на моем пути встал широкий лес, который никак нельзя было обойти — ни справа, ни слева. Он был таким темным, что даже днем производил мрачное впечатление. Взяв Уину на руки, я двинулся сквозь него, надеясь, что вскоре солнечный свет пробьется сквозь кроны. Но по возвращении из фарфорового дворца нас обступили тени.

Тогда я сам чудом спасся, что же касается бедняжки Уины…

Хватит, напомнил я себе, ведь я пришел все исправить.

Еще было рано пускаться в ту сторону — сумерки не опустились на землю. Я был безоружен, но пришел сюда вовсе не для того, чтобы сражаться с морлоками — а лишь для того, чтобы спасти Уину. Рассчитывая при этом лишь на собственные кулаки и интеллект.

2. Прогулка

Машина времени бросалась в глаза, здесь, посреди склона, блистая своими медно-никелевыми частями. И, хотя она мне больше была не нужна, я все же решил спрятать ее напоследок, чтобы какой-нибудь морлок не отправился на ней в прошлое. Для этого пришлось оттащить аппарат в сторону, к густым кустами, на всякий случай прикрыв ветками и листьями. Этот было не так-то легко, и я несколько взмок, выполняя задачу, — полозья глубоко врезались в сырую землю.

Передохнув немного, я стал подниматься по холму в направлении Бэнстида.

Уже через сотню ярдов до меня донеслись голоса. Я замер — но вскоре расслабился, это были не морлоки. Певучие, такие человеческие голоса — милая болтовня элоев. Они резвились на лужайке маленькие, как дети, и такие похожие друг на друга, что нельзя было сразу понять, какого они пола.

В тот раз они подбегали ко мне без страха. Скорее с любопытством, как пасущиеся на лугу козочки, смеялись и что-то лопотали на своем

птичьем языке.

На этот раз в их поведении была некоторая осторожность, даже подозрительность. Я улыбнулся, протягивая им руки, желая показать, что совершенно безобиден, как и они. Однако тут же вспомнил причину такого отношения — ведь этот была не первая наша встреча, и они уже успели познакомиться с моим нравом. Я проявил его после пропажи машины времени.

Я не стал им навязываться, и элои обежали меня, точно овечки, устремляясь к кустам рододендрона — вскоре их лопотание стало отдаленным и неразборчивым.

И я устремился к лесу. Всюду я натыкался на те же колодцы, ведущие в подземный мир морлоков. Из них доносился настойчиво-зловещий рокот «тук-тук-тук» — их машин.

Я понемногу остывал к этому миру, первоначальное восхищение проходило, как и тогда. Единственное, пусть ограниченное существо, питавшее ко мне симпатию, была Уина, которой я случайно спас жизнь. Но я не стал тогда сентиментальничать у камина, рассказывая историю своим приятелям. Уина так и оставалась призраком, воспоминанием — и ничем больше. Но теперь воспоминания о ней прибавляли мне сил

с каждым шагом.

В пути мной овладел зверский голод — ведь последний раз я завтракал вместе с Нево перед отправлением с Белой Земли. И, несмотря на реконструкции, мое тело так и не потеряло здорового аппетита.

Поэтому я с таким облегчение увидел перед собой павильон и резво вбежал под каменную арку. Громадная зала, пол, покрытый плитами тяжелого белого металла, стертыми многочисленными поколениями элоев. Полированные каменные столы, на которых громоздились горы фруктов. Вокруг них собрался небольшой выводок элоев, которые, весело щебеча, уплетали эти яства, своими красочными туниками и гомоном напоминая сидящих в большой клетке птиц.

Я в своей пятнистой куртке — наследии палеоцена — был здесь совсем ни к месту, (неужели Наблюдатели не могли нарядить меня во что-нибудь получше!). Элои сразу же обступили меня. Они дергали меня за одежду. Всюду я видел те же маленькие лица, крошечные уши и рты, но эти элои отличались от встречавшихся мне у Сфинкса, потому что не боялись меня. То ли оттого, что не видели меня в гневе, то ли потому что память у них была короткая.

Ведь здесь я был один из них, кто пришел так же, как они поесть и отдохнуть — и они приняли меня радушно.

Я стал обходить стол за столом, угощаясь и тем и другим, всюду сопровождаемый веселым гомоном. Обнаружив блюдо с чем-то похожим на клубнику величиной с кулак, я стал насыщаться, перехватив перед этим еще несколько знакомых по прошлым встречам фруктов. Затем я забился в дальний темный угол и стал обедать там, окруженный удивленными любопытными элоями.

Я выудил из памяти несколько слов на их языке, чтобы выразить свое миролюбие. Стоило им услышать знакомую речь, как они облепили меня со всех сторон точно дети, дождавшиеся возвращения отца. Что поделать — от людей они были так же далеки, как и морлоки.

На миг мне показалось, что глаза мои смыкаются и тело начинает наливаться дремотой. Я заставил себя встать. Уже смеркалось! Несколько элоев увязались за мной, заглядывая в глаза, точно просились на руки. Переступая через спящих на полу элоев, я вышел наружу. За порогом я почувствовал, что остался один. Никто не хотел пускаться в наступающую ночь.

Отыскав знакомую тропу, я пустился прямиком

к лес, над которым сгущалась тьма. Ничего себе проспал! Ведь я собирался вступить под своды леса когда только завечереет! Уже вокруг плясали призраки теней. Надвигающейся ночи и затмения Я резко вздрагивал, оглядываясь всякий раз. Когда казалось, что ко мне кто-то приближается, но они тут же разбегались, оставаясь вне пределов досягаемости.

Эти тени были, конечно же, морлоками — коварными и жестокими морлоками этой Истории они молчаливо следили за каждым моим движением, потому что для них я был только хищник или добыча. В первый раз я пожалел о том, что снова не захватил с собой оружия, но тут же успокоился, подумав, что на окраине леса непременно найдется палка или сук, а лучше две.

3. Во тьме

Несколько раз я оступался и спотыкался в темноте, чуть не вывихнув лодыжку: меня спасли высокие солдатские ботинки.

К тому времени, как я добрался до леса, кругом уже наступила ночь. И только здесь в лесу, я понял всю безрассудность своей затеи. Как искать наугад эту волчью стаю, прекрасно ориентирующихся в темноте злобных существ, которые унесли мою Уину?

Я шел наугад, слабо веря, что иду той же дорогой и непременно должен выйти на знакомое место (которое, быть может, не нашел бы и днем). Теперь первый шаг был за ними — эти хищники могли наброситься с любой стороны. Я прошел с четверть мили, пока не добрался до кочки, с которой просматривался лес.

Тьма обступала меня, звезды злорадно посверкивали над головой. Их света не хватало, чтобы заметить приближающихся охотников. Я снова, как и тогда пробовал определиться по картине неба, но созвездия уже сдвинулись со своих мест и стали чужими. Лишь одна знакомая планета попалась мне, светившая, как верный спутник.

Последний раз окидывая взором враждебное небо, я вспомнил вдруг, как укладывал Уину рядом с собой, набросив на нее сюртук. И живо нахлынули те же чувства — когда я нес сквозь звезды эту маленькую земную жизнь, быть может, последнюю, доставшуюся мне, единственную и дорогую.

Теперь, же, когда я прошел сквозь Бесконечность и Вечность, попутно успев побывать не человеком, а каким-то другим, новым существом, я вдруг понял, что самое большое, что я могу сделать на этом свете — это выполнить простую, в общем-то, но сейчас почти невозможную задачу — спасти Уину.

И тогда я оторвался от звезд и вдруг увидел другой далекий свет, прыгавший меж стволов.

Пожар! Лесной пожар! Я все сделал верно — нашел столетие и выбрал день, тот самый день — и так опоздал! Пожар был уже в самом разгаре. Пожар, причиной которого был я сам.

Я силился восстановить цепь событий, вспомнить, что же было дальше.

Красные языки костра, которые принялись лизать груду хвороста, были для Уины чем-то новым и поразительным. Она хотела подбежать и поиграть с пламенем. Вероятно, она даже

бросилась бы в огонь, не удержи я ее. Я схватил ее и, несмотря на сопротивление, смело увлек за собой в лес. Некоторое время костер освещал нам дорогу. Потом, оглянувшись назад, я увидел сквозь частые стволы деревьев, как занялись ближайшие кустарники и пламя, змеясь, поползло вверх на холм. Я засмеялся и снова повернулся к темным деревьям. Там царил полнейший мрак; Уина судорожно прижалась ко мне, но глаза мои быстро освоились с темнотой, и я достаточно хорошо видел, чтобы не натыкаться на стволы. Над головой было черным-черно, и только кое-где сиял клочок неба. Я не зажигал спичек, потому что руки мои были заняты. На левой руке сидела малышка Уина, а в правой я держал свой лом. Некоторое время я не слышал ничего, корме треска веток под ногами, легкого шелеста ветра, своего дыхания и стука крови в ушах. Затем я услышал позади топот, но упорно продолжал идти вперед. Топот становился все громче, а с ним долетали странные звуки и голоса, которые я уже слышал в Подземном мире. Очевидно, за нами гнались морлоки: они настигали нас. Действительно, в следующее же мгновение я почувствовал, как кто-то дергает меня за одежду, а потом за руку.

Уина задрожала и притихла.[23]

Я встал на цыпочки, вглядываясь вдаль. Но что можно увидеть в такую непроглядную темень, при безлунном небе?

И тут впереди на фоне огня показался крошечный силуэт. Именно там стоянку делал я. Это было недалеко — и ринулся вперед.

Сначала только ветки хрустели под ногами и приближавшийся рев огня — были единственными звуками, сопровождавшими меня. Затем послышался легкий топот, как будто барабанит по листве дождь, вот кто-то схватил меня за рукав, я почувствовал прикосновение к шее и услышал знакомые булькающие голоса морлоков.

Я стал размахивать руками как ветряная мельница. На некоторое время они отступили, но вскоре я почувствовал, что ночные твари снова подбираются ко мне. Их маленькие красные глазки злобно пылали в темноте.

Это было возвращение моих самых потаенных кошмаров, ужасной тьмы, которая преследовала меня всю жизнь. Я настойчиво отмахивался, и они не атаковали меня — во всяком случае, открыто. Но и не отставали — свет меж тем ста-

---

[23] Примечания: 23
Перевод К. Морозовой.

новился все ближе.

И вот внезапный новый запах в воздухе: пробивающийся сквозь дым.

Камфора.

Всего несколько ярдов до места, где морлоки напали на нас спящих. — то самое место, где я дрался с ними и где пропала Уина!

Вот из-за деревьев выскочил новый отряд морлоков. В таком скоплении они еще не встречались. Я увидел, человека, борющегося средь них, пытаясь встать. На него насела целая куча морлоков, они хватали его за шею, за волосы. Но затем я увидел в руке его, возникшей из гущи сражения, железный лом — рычаг от железнодорожной стрелки в Зеленом Дворце. Скоро он прижал их к деревьям. Он был в, одних окровавленных носках. Морлоки отскакивали и наступали как свора, и я слышал, как трещат их кости.

Я уже думал примкнуть ему, но тут же понял, что в этом нет нужды — ведь тогда я отбился без посторонней помощи. Ему уже суждено выбраться из леса, одному, без Уины, преследуемому угрызениями совести, и отобрать свою машину у морлоков. Я оставался в тени деревьев и могу поклясться, что он так и не заметил меня…

Но Уины здесь уже нет , осенило меня вдруг.

Ведь к тому времени как я отбился от морлоков, я уже потерял ее…

Я отчаянно озирался. Снова позволил себе отвлечься. Неужели уже поздно?

К этому времени среди морлоков при виде приближающегося огня возникла паника, и они ударились в бегство. Их сутулые мохнатые спины были освещены пожаром. И тут я заприметил четырех из них, воровато бежавших в ином направлении. Они что-то уносили с собой. Мне показалось, что там блеснули золотые волосы Уины.

С ужасным криком я бросился наперехват. Сражение было коротким. Морлоки бросились врассыпную, побросав драгоценную ношу. Лишь один сверкнул напоследок зубами, вонзившись мне в руку — но участи его никто бы из оставшихся в живых не позавидовал. Хрустнули кости — и он обмяк на горящей траве. Я выхватил Уину из надвигающегося пламени — крошка была легка как детская кукла. У меня чуть не разовралось сердце, когда я увидел, что они сделали с бедняжкой. Ее платьице было разорвано и покрыто пятнами, золотые волосы спутаны и перепачканы копотью, на щеке свежая ссадина. И главное — следы укуса на шее и обнаженном плече.

Она была совершенно без чувств, я даже не мог сказать, дышит ли она. В этот миг мне показалось, что она уже бездыханна.

Не выпуская Уину из рук, я стал выбираться из леса.

В дымящейся тьме, не видя ничего вокруг. Всюду были только блики желтые и красные блики, лес превратился в царство теней. Все было переменчиво и обманывало глаз. Несколько раз я натыкался на стволы деревьев, увязал в каких-то зарослях, чуть не разбил голову о холмик под ногами, но больше всего меня беспокоило, не поранилась ли при этом бедняжка.

И все это время мы находились в гуще морлоков, которые обступали нас со всех сторон — здесь было целое стадо. Они так же как и я пытались убежать от огня. На их спинах плясали рыжие языки пламени, округлившиеся глаза отражали боль и ужас. Я пинал и отшвыривал их со своего пути. Они падали, стонали и хрустели у меня под ногами, как сухой валежник, занимавшийся за нами огнем. Теперь они уже не представляли угрозы, теперь я был для них таким же стихийным бедствием, как и костер, бегущий следом.

И вот мы внезапно оказались на краю леса, где я чуть было не упал, зацепившись за корягу, и,

стараясь сохранить равновесие, выбежал на поляну, свободную от деревьев. Пожар нам больше не грозил.

Жадно хватая воздух ртом, я обернулся на пылающий лес. Над ним вставал дым до самого неба, затмевая звезды. И посреди леса стоял столб пламени высотой в сотню футов. Морлоки продолжали выбегать оттуда, но число их стремительно таяло, оттуда выбирались уже обожженные или попросту горящие как свечки фигуры.

Я отвернулся от этого зрелища и побрел, путаясь ногами в высокой остистой траве. Вначале мне пекло в спину, однако вскоре пожар отдалился на милю, светясь издали почти безобидным красным пятном. Морлоков после этого мы больше не видели. Преодолев холм, я нашел знакомую долину, здесь были акации, несколько белокаменных спален-павильонов элоев и разбитая статуя, напоминавшая фавна. Спустившись по склону в долину, я нашел речку. В ее мутных водах отражался звездный свет. Я сел на берегу, опустив Уину рядом. Вода была быстрой и холодной. Оторвав лоскут от рубашки, я намочил его в воде. Омыв личико Уины, я оросил водой ее губы.

И так, убаюкивая ее, с Уиной на коленях я просидел на берегу остаток темной ночи.

Утром я увидел, как он выходит их сожженного леса. Вид его был жуткий. Бледный как привидение, в саже и ссадинах, с окровавленными ногами, обернутыми травой.

И снова я захотел встать ему навстречу, но удержался, понимая, что помощь уже не требуется: Он выспится днем и к вечеру отправится к белому Сфинксу, чтобы освободить машину времени.

Поэтому я остался у реки с Уиной, которая куда больше нуждалась в моей помощи.

ЭПИЛОГ

В первые дни мне было непросто, так как я не захватил с собой никаких инструментов.

Сначала пришлось жить с элоями. Я делил с ними трапезу из фруктов, приносимых морлоками, а также руины, которые они использовали для ночлега.

Но к наступлению следующей череды Темных ночей, по местному календарю, мое терпение было исчерпано. Больше я не мог мириться с тем, что морлоки ежемесячно приходят за своей кровавой данью. Поэтому я встал у входа в «спальный» зал, вооружившись камнем и железом, готовый к отпору. Однако разве удержишь их всех! И потом, я мог оборонять лишь один спальный холл из сотен разбросанных только по аллее Темзы. Так что погоды это не делало.

В мрачные часы страха и отчаяния, жалости к беззащитным элоям, я пришел к выводам, которые осуществил в последующей своей жизни. Стоило прийти рассвету, как эти эльфы, как ни в чем ни бывало, выпорхнули на лужайку, чтобы дальше веселиться и наслаждаться жизнью, как

будто морлоков не существовало на свете.

С тех пор я решил — тем более после спасения Уины — во что бы то ни стало изменить этот порядок. Иной цели в своем существовании я не видел.

Я стал осваивать окрестности. Представляю, какой у меня был вид: старик, шагающий по холмам, с дико торчащей бородой, обожженной Солнцем плешью, одетый в детское тряпье элоев. Здесь не было ни транспорта, ни вьючного скота, само собой разумеется, лишь остатки солдатских башмаков 1944 года служили мне верой и правдой как средство передвижения в этом веке. Но я добирался до Хаунслоу и Стейнс на западе, до Барнета на севере, Эпсома и Лизерхеда к югу, а на востоке по вдоль русла Темзы до самого Вулвича.

И всюду меня встречала одна и та же картина: зеленый цветущий ландшафт с рассеянными по нему руинами, разрушенные замки и павильоны, в которых селились — а, точнее, ночевали элои — и вездесущие колодцы морлоков. Может, конечно, на территории Франции или Шотландии картина была иной — но я в это не верил. Похоже, все в этой стране, как и за ее пределами, находилось во власти морлоков.

Так я вынужден был отвергнуть свой первона-

чальный план, состоявший в том, чтобы изолировать хоть часть элоев от пагубного воздействия морлоков: — поскольку пришел к выводу, что это невозможно.

И тогда я стал искать другого смысла существования.

Я поселился в Зеленом Фарфоровом Дворце. Он был надежен как крепость — в сравнении с остальными руинами. К тому же здесь сохранилась масса артефактов и реликтов, которые могли послужить мне в будущем.

Так я и жил, обследуя коридоры и залы дворца. В одном из них я обосновался в зале минералов, который застал в первый визит, с хорошо сохранившимися, но бесполезными сокровищами земли, многим из которых я не мог подобрать названия. Зал с минералами был самым маленьким, и поэтому его легче было оборонять. Когда я вымел отсюда пыль и развел костер, здесь стало совсем уютно. Отладив две задвижки на дверях и заткнув щели в стенах, я стал пробираться в остальные примыкающие залы. Исследуя Галерею палеонтологии, полную костей бронтозавра, я обнаружил еще одну кучу костей поменьше, очевидно, разбросанных играющими элоями. При некотором размышлении и осмотре я мне

удалось обнаружить среди них лошадь, собаку, быка и, вероятно, лису. Последние реликты моей исчезнувшей Англии.

В другой скудно освещенной галерее хранились останки машинерии прошлых веков. Здесь мне удалось опознать в груде механики даже динамо-машину, которой можно было отпугивать морлоков — но, не имея ни смазки, ни топлива, к тому же корпус был безнадежно испорчен ржавчиной, я вынужден был отказаться от этого проекта.

Во время блужданий по дворцу я наткнулся на макет города размером с целую комнату, которую он, собственно, и занимал. Смахнув пыль со стеклянной пирамиды, я понял, что передо мной макет Лондона, но до чего же неузнаваемо изменился он! — лишь по стеклянной полоске Темзы из стекла можно было опознать его. Особо выделялись громадные стеклянные дворцы числом семь или восемь. Между ними были раскинуты стеклянные перекрытия. Ничего похожего на слепой купол 1983. Прозрачная крыша не только пропускала солнечный свет, но даже использовала его энергию. По городу были расставлены полоски ламп электрического света. Лес ветряных мельниц, расставленных по крыше,

очевидно питал электростанцию энергией ветра. Там же, на крыше, я обнаружил летательные аппараты, напоминавшие стрекоз, и гондолы, в которых сидели рядами крошечные модели людей.

И эти мужчины и женщины вовсе не походили на меня. Очевидно, модель была построена в то время, когда рука эволюции уже коснулась человека, необратимо изменив его. Кто знает — в лучшую ли сторону.

По дорогам макета были расставлены моноциклы: одноколесные экипажи, большие самодвижущиеся повозки с продуктами без водителя, и так далее. Причем в этом городе не оставалось места для парков или полей — всюду ровная серая безжизненная поверхность.

По моим расчетам (судя по громадности макета) в таком городе могли проживать до двадцати-тридцати миллионов человек. Впечатляющая картина в сравнении с четырьмя миллионами жителей современного мне Лондона. Многие стены и перекрытия макета были сняты, и под ними за ними можно было увидеть все те же крошечные фигурки населения на многочисленных этажах мегаполиса. Было заметно, что на верхних уровнях жили «ряженые». Одетые в цветастые

тряпки и колпаки — видимо, по последней моде, ни в чем себе не отказывая, эти люди купались в роскоши. Видимо, здесь жил высший свет, напоминавший лондонский Уэст-Энд.

Иное дело внизу — там, на последнем уровне, с заходом на подземные обустроились, в основном, машины и обслуживающие их существа. Там пролегали трубы и кабели, сечением до двадцати футов они змеились по потолку. Здесь тоже располагались миниатюрные манекены, однако одеты они были в бледно-голубые робы. Местные обитатели едва ли видели луч света — потому что их столовые и спальни располагались тут же.

Один угол модели и пирамиды отвалился, да и сама модель разваливалась на глазах — но все же этот кукольный город произвел на меня впечатление и я часами просиживал возле него, разглядывая подробности той далекой, ушедшей жизни.

Эта была модель самой колоссальной из глупостей человеческих!

Рядом с Зеленым Дворцом располагались луга. Разобрав машину времени на части, я соорудил плуг, вспахал и засеял окрестные земли.

Вскоре ко мне присоединились некоторые из элоев. Сначала они прибежали сюда, решив, что

это какая-то новая игра, Однако вскоре они утратили энтузиазм, увидев, что это многочасовые труды. И тогда наши обязанности разделились: я работал, а они просто паслись. Развлекая меня своими играми и плясками. Все это походило на какой-то райский уголок — или хотя бы на его карикатуру.

Урожай непредсказуем в веке, где все времена года сменило одно вечное влажное лето, так что не прошло и нескольких месяцев, как я принес элоям плоды своих трудов. Мой восторг вызвал недоумение на их маленьких личиках, поскольку мои первые бледные попытки садовода не шли в сравнение с тем, что выращивалось морлоками — плоды набивали оскомину, им недоставало ни вкуса, ни аромата, ни сочности. И все же я доказал им, что они вовсе не так уж зависимы от морлоков.

Элои были не одиноки на этой земле далекого будущего.

И все же, несмотря на симпатии к элоям, ни они, ни морлоки не принадлежали к человеческой расе.

Поэтому я обратился к Тьме. Я должен вступить в переговоры с подземной расой, в качестве дипломата элоев. И воспитать из них новых Нево!

Еще не все потеряно для этого мира.

Надеюсь, за отпущенные мне дни жизни я еще успею развести костер мудрости и доброжелательства.

Я нашел эту пачку бумаги под фундаментом Зеленого Фарфорового Дворца. Страницы сохранились благодаря плотной упаковке, в которую они были упакованы упаковщиком. Из металлической части машины времени я отковал стержень, приготовил растительные чернила и, сев на любимой желтой скамье с видом на Темзу, приступил к работе.

Я описал все свои приключения во времени. Отныне все ушло в прошлое — от машины у меня остались лишь два свинченных рычага — они и сейчас рядом со мной на скамейке.

Потом, когда я завершу эти записи, исполнив, таким образом, свой долг перед современниками, я запакую их в тот же пакет, сооружу микромодель, использовав остатки платтнерита, и отправлю свой отчет в путешествие по времени. Я не совсем уверен, куда попадут мои записки — в будущее или прошлое, или же в одну из бесконечно альтернативных историй — главное, чтобы их кто-нибудь прочитал. В любом случае, буду считать свой долг перед человечеством

выполненным.

Это необходимо знать, потому что я не знаю, чем все закончится: вернусь ли я из экспедиции к морлокам? Это произойдет на днях. Медлить нельзя, наступающая старость торопит меня к подвигам, на которые я в будущем окажусь неспособен! Ведь скоро я уже не смогу лазить по скобам колодцев.

К данной рукописи я приложу сообщение о своих подземных похождениях.

Уже поздно. Пора и в путь.

Как это сказал поэт — «Если чувства чисты, вечность даст о себе знать» — что-то вроде, у меня здесь нет полки с книгами, чтобы навести точную цитату, так что не обессудьте… Я видел Вечность и никогда не забуду ее света.

Но ни одно из тех далеких грандиозных видений и рядом не поставлю с тем, что удалось мне пережить здесь, в этом мире. Верность и терпение Нево, дружбу Моисея, теплоту и человечность Хилари Бонд. И ни одно из приключений во времени не взволновало мое сердце так, как тот первый день у ручья, омывая брильянтовое личико Уины, я услышал ее первый вздох, когда она закашлялась, открыла глаза, и, узнав меня, ответила благодарной улыбкой.

ПРИМЕЧАНИЕ ИЗДАТЕЛЯ

На этом рукопись кончается, никаких приложений к ней обнаружено не было.